

ЛЕНИН . У РУЛЯ СТРАНЫ СОВЕТОВ

1

ЛЕНИН
В СМОЛЬНОМ
ФЛАГ
НАД КРЕМЛЕМ

В ОГНЕННОМ
КОЛЬЦЕ
В НЕЗАБЫВАЕМОМ
1919-м

ЛЕНИН.

У РУЛЯ СТРАНЫ СОВЕТОВ

1917 1918 1919

*По воспоминаниям современников
и документам*

Том 1

Москва
Издательство
политической литературы
1980

13.55

Л45

Составители:

*Нина Сергеевна Червинская,
Надежда Сергеевна Червинская*

Под редакцией

доктора исторических наук В. И. Старцева

Л $\frac{10103-146}{079(02)-80}$ 88—79 0103020000

© ПОЛИТИЗДАТ, 1980 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книги о жизни и революционной деятельности Владимира Ильича Ленина выходят в нашей стране ежегодно. Удивительно их жанровое многообразие: научные монографии и рассказы, статьи и очерки, романы и поэмы. И в этом ряду свое место занял жанр документального повествования.

Усилиями большого коллектива сотрудников Института марксизма-ленинизма издается биографическая хроника жизни и деятельности Владимира Ильича Ленина. Скрупулезно, день за днем и час за часом воссоздаются на страницах томов хроники рабочий день Ленина, встречи, беседы, поручения, приводятся тексты написанных им записок и подписанных Лениным документов. Это очень нужная и важная работа. И все-таки сам характер ее вынуждает к определенной краткости изложения и лаконичности. Мемуары, отрывки из которых приведены в книге «Ленин. У руля Страны Советов», — совсем иной источник. Прежде всего они эмоционально окрашены. В своей совокупности они рисуют яркую, цельную и многоплановую картину, которая никого не может оставить равнодушным.

Книга начинается описанием обстановки, в которой принимались первые ленинские декреты о мире и о земле на II Всероссийском съезде Советов. «Проницательный, полный энергии и мысли взгляд Ленина, — вспоминала А. М. Коллонтай, — был устремлен вперед — он видел то, что мы еще не видели: провозглашаемые декреты в их живом воплощении, будущее, которое предстояло завоевать. Удивительна, незабываема была эта сосредоточенная и вдохновенная задумчивость Владимира Ильича за столом президиума, первого советского законодательного собрания, когда большевики в первые же часы власти начинали социалистическое строительство, строительство нового мира».

Твердо встав у руля Советского государства, Ленин уве-

ренно вел его через неслыханные в истории человечества трудности и испытания. Задача построения социалистического общества, первого в мире государства трудящихся, в практическом отношении была абсолютно новой. Многие века лучшие умы человечества строили планы создания общества равных, общества без угнетения и эксплуатации. Планы и прогнозы социалистов-утопистов были ненаучными, они не выдержали проверки временем. Экономические и политические основы перехода от капитализма к социализму разработали Карл Маркс и Фридрих Энгельс — основоположники научного коммунизма. Однако в то время, когда они жили, их теоретические положения еще не могли быть подкреплены историческим опытом миллионов людей и целых народов, партий и государственных институтов. Ленину, большевикам пришлось идти новыми, неизведанными путями. Но эти пути были детально разработаны теоретически. Коммунисты были уверены в правоте, в победе своего дела.

За месяц до Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде в брошюре «Удержат ли большевики государственную власть?» В. И. Ленин писал: «Пролетариат не сможет, говорят нам, привести в движение государственный аппарат.

Россией управляли после революции 1905 года 130 000 помещиков, управляли посредством бесконечных насилий над 150 миллионами людей, посредством безграничных издевательств над ними, принуждения огромного большинства к каторжному труду и полуголодному существованию.

И Россией, будто бы, не смогут управлять 240 000 членов партии большевиков, управлять в интересах бедных и против богатых.

Эти 240 000 человек имеют за себя уже теперь не менее одного миллиона голосов взрослого населения, ибо именно такое соотношение числа членов партии к числу подаваемых за нее голосов установлено опытом Европы и опытом России, хотя бы, например, августовскими выборами в Питерскую думу. Вот у нас уже «государственный аппарат» в *один миллион* людей, преданных социалистическому государству идейно, а не ради получения 20-го числа ежемесячно крупного куша».

Главы документального повествования «Ленин. У руля Страны Советов» ведут нас по основным этапам строительства нового, социалистического государства.

Начало его — «смольнинский период», как называл его сам Владимир Ильич, когда весь советский аппарат размещался в нескольких комнатах бывшего Смольного института для благородных девиц. 11 января 1918 г. Ленин с гордостью докладывал, что Советская власть просуществовала уже 2 месяца и 15 дней, на целых пять дней больше, чем Парижская коммуна 1871 г. во Франции! А ведь вся буржуазная печать России, крупнейших капиталистических стран Европы и Америки предсказывала падение Советов через две недели.

В марте 1918 г. Советское правительство переезжает в Москву, а в июле 1918 г., с момента принятия первой Советской Конституции, она становится столицей Советской республики. Осенью 1918 г. проходит первая перепись работников советских учреждений, правительства, народных комиссариатов, местных органов власти. Согласно переписи, численность работников нового советского аппарата — почти 240 тыс. человек! — число, указанное Лениным еще накануне Октября. Правда, среди этих 240 тыс. работников не все коммунисты, среди них еще остались десятки тысяч тех, кого Ленин считал «рыцарями 20-го числа», есть и вчерашние саботажники, пришедшие служить к большевикам ради пайка и зарплаты, чтобы выжить в обстановке невероятной разрухи и голода. Наш аппарат плох, постоянно говорил Ленин, его нужно улучшать, бороться с бюрократизмом, наследием трехсотлетней романовской монархии, но он создан, он действует, он защищает интересы рабочих и крестьян.

Началась гражданская война. Представители свергнутых господствующих классов, значительная часть военных, деревенские богатеи и просто сбитые с толку крестьяне составили батальоны белых армий, а бывшие союзники России по первой мировой войне посылали белогвардейцам вооружение и обмундирование, поставляли инструкторов и новинки военной техники. Германия, беззастенчиво грабившая Россию, обессиленную трехлетней войной, также стремилась урвать свою долю добычи. Классовая борьба, когда-то носившая характер идеологической дискуссии, газетной полемики, затем забастовок, демонстраций и митингов, теперь вылилась в свою острейшую форму — в гражданскую войну. В этой войне не было тыла и фронта. Мирная поволжская губерния или затерянный в лесах и степях сибирский край могли внезапно стать ареной ожесточенных боев. Советская Россия оказалась в кольце

фронтов, а ее территория, как писал автор приводимых в книге воспоминаний И. И. Вацетис, сократилась до размеров Московского государства XVI века.

Большая часть первого тома книги посвящена государственной, партийной и военной деятельности Владимира Ильича в первые два года гражданской войны, 1918-й и 1919-й. Ленинская воля и упорство, энергия и настойчивость сплотили воедино партию и рабочий класс, подняли всех истинных патриотов своей Родины на защиту социалистического Отечества. Ленин никогда, в самые тревожные для судеб революции дни ни на одну минуту не впал в отчаяние, не предавался унынию. Ни в период германского наступления на Петроград в конце февраля 1918 г., ни во время безумной авантюры левых эсеров 6—7 июля. Вражеские выстрелы звучали не только на Восточном и Северном фронтах, они раздавались в Петрограде и Москве. В Петрограде были убиты любимые ораторы и организаторы питерских рабочих Володарский и Урицкий, в Москве эсерка Каплан совершила покушение на В. И. Ленина. Вся страна была потрясена и возмущена. Вся страна сплотилась в единый военный лагерь. Красная Армия стала одерживать первые победы. Ленин выздоравливал после ранения под победные сводки: освобожден его родной Симбирск, затем взяты Казань и другие приволжские города. В деревне созданные по предложению В. И. Ленина комитеты бедноты, опираясь на продовольственные отряды из городских рабочих, сумели изъять хлеб у кулака, выполнить продовольственную разверстку.

И все же положение оставалось тяжелым. Недостаток продовольствия и топлива делал простую работу у станка подвигом, таким же подвигом, как и на фронте, где красноармейцы давали отпор хорошо вооруженному и обмундированному, сытому врагу. В разгар зимы широко распространились спутники голода и войны — эпидемии. Сыпной тиф, испанка, которая зимой 1918/19 года унесла на всем земном шаре 20 млн. человеческих жизней.

В книге рассказ о Ленине ведут его соратники, современники, те, кто знал его по совместной работе, встречался с ним, видел и слышал Ильича. Это закаленные в битвах с царизмом большевики с подпольным стажем, молодые коммунисты, партийные работники, рабочие, солдаты, крестьяне. Приведены воспоминания более ста авторов. И тем не менее все материалы воспринимаются читателем как связное повествование, имеющее единый, стройный сюжет,

как волнующий рассказ о гениальном вожде трудящихся, поведшем их на революционное переустройство мира.

Сошлемся только на один пример, один месяц из жизни Ленина, а именно март 1919 г. Со 2 по 6 марта Владимир Ильич руководит работой I конгресса Коммунистического Интернационала. Несмотря на ряд расхождений с делегатами молодой Коммунистической партии Германии, удаётся конституировать создание III Интернационала, Коминтерна. Но уже 7 марта Ленин узнает о болезни Я. М. Свердлова. По всем признакам это испанка! Плохо чувствует себя и Марк Тимофеевич Елизаров, муж старшей сестры Владимира Ильича, Анны Ильиничны. Несмотря на уговоры родных, Елизаров уезжает в Петроград на празднование 100-летия Петербургского университета, питомцем которого он был. Марк Тимофеевич с успехом выступает на торжественном собрании в университете, но болезнь свалила его. В клинике инфекционных болезней Военно-медицинской академии определяют с несомненностью — сыпной тиф в острой форме. Несмотря на принятые меры, Елизаров умирает...

11 марта Ленин узнает об этом и немедленно в сопровождении Анны Ильиничны и воспитанника Елизаровых Горы Лозгачева едет в Петроград. 12 марта он лично организует похороны и 13 марта идет пешком за гробом от Нижегородской улицы до Волкова кладбища, где были похоронены его мать, Мария Александровна, и сестра Ольга. Тяжела утрата близкого человека. Но Ленин в тот же день выступает перед петроградскими рабочими в Таврическом дворце, на заседании Петроградского Совета. А на следующий день, сразу после похорон, — в Петроградском дворце труда и дважды в Народном доме. Такова хроника событий¹. Но вчитайтесь в воспоминания, в речи самого В. И. Ленина! Жизненная коллизия потрясает нас. Боль личной утраты и картина ликования народных масс, встречающих своего вождя. Тысячи рабочих, облепивших даже решетчатые железные колонны Народного дома, и три креста на дорогах могилах. Превозмогая все личное, пряча глубоко свое горе, Ленин снова на трибуне, зажигает массы своей уверенностью в победе коммунизма.

Едва вернувшись в Москву, Ленин узнает о тяжелом состоянии Председателя ВЦИК Якова Михайловича Свердлова. Отдавая последние распоряжения в связи с открыва-

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Июль 1918 — март 1919 гг. т. 6. М., 1975, с. 568—593.

ющимся VIII съездом партии, Свердлов просит, чтобы к нему пришел Ленин. Воспоминания сохранили нам то впечатление, которое произвело на самого Владимира Ильича это посещение. Надвинув кепку на самые глаза, никого не замечая, он вышел из комнаты, а всего через час ему доложили, что Яков Михайлович скончался. Вечером 18 марта, открывая исторический VIII съезд партии, Ленин просит его делегатов почтить память друга и соратника, выдающегося деятеля партии и государства. А через три дня телеграф принес известие о провозглашении Советской власти в Венгрии, о создании Венгерской советской республики! Снова победа, снова ликование. Рассказы очевидцев, их воспоминания, органически сливающиеся в книге в правдивую и волнующую повесть, дают возможность почувствовать аромат эпохи, ощутить неповторимость этого героического времени, когда нечеловеческие испытания шли рядом с гигантскими успехами социалистической революции.

Составители стремились показать В. И. Ленина не только как гениального теоретика партии, руководителя первого в мире Советского государства, вождя рабочих России и всего мира, но и как простого, обаятельного человека, заботливого товарища. Десятки людей рассказывают, как Владимир Ильич был внимателен к своим соратникам, вовремя замечая признаки утомления и болезни, убеждая, а то и приказывая отдохнуть, побереечь себя. Вот только самого себя он не умел так беречь. После ранения в 1918 г. Ленин уже через несколько недель снова приступил к работе, старался обойти запреты врачей. И все же временами Владимир Ильич чувствовал потребность в кратком отдыхе, в смене обстановки. Большой любитель охоты, Ленин выезжал в лес и на болота весной и осенью. Его привлекала возможность побыть наедине с природой, прикоснуться к чистой и неброской красоте русского пейзажа.

Вся деятельность В. И. Ленина, все его силы до последнего дыхания были отданы делу рабочего класса, делу социализма и его победы. Все события личной жизни были подчинены этой высшей цели. Многочисленные посетители кремлевской квартиры Ленина тех дней, так же как и смольнинской, говорят об исключительной скромности и непритязательности В. И. Ленина в быту. Приехав еще в 1918 г. на кратковременный отдых в бывшее имение московского градоначальника «Горки», В. И. Ленин поселился во флигеле и долго отказывался перейти в дом.

И позднее, уже в 1921—1923 гг., Владимир Ильич занял в Горках самую скромную комнату, не разрешал даже в период своей болезни что-либо менять или переставлять из мебели и всей обстановки, считая это имение государственной собственностью и подчеркивая временность своего пребывания там.

Важнейшим вопросом 1918—1919 гг. для Советского государства был вопрос военный. Владимир Ильич Ленин не был специалистом в области военного дела, он не имел военного образования. Однако теория пролетарской революции, практика вооруженной борьбы с царизмом в 1905—1907 гг., подготовка вооруженного восстания в 1917 г., изучение военных операций в ходе русско-японской и первой мировой войн с успехом заменяли Владимиру Ильичу специальную военную подготовку. По отзывам таких опытных военачальников, как генерал М. Д. Бонч-Бруевич, бывший полковник, главнокомандующий Красной Армией в 1919 г. С. С. Каменев, Ленин поражал их умением тонко разбираться во всех военно-оперативных вопросах. Он требовал от военных специалистов умения доложить обстановку на любых картах, от огромных десятиверсток до карманного атласа. В критические минуты, такие, как наступление войск Керенского — Краснова на Петроград, мятеж левых эсеров, наступление Деникина на Москву, Владимир Ильич лично контролировал действия военных властей и командования. Чутье политического деятеля, умение выделить главное звено в цепи событий успешно применялись Владимиром Ильичем и в военном деле. Старые военспецы, а также и новые красные командиры — С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов и другие рассказывают на страницах книги о Ленине как военном руководителе Советской страны.

Несмотря на колоссальную занятость военными и политическими вопросами, В. И. Ленин находил время, чтобы беседовать с сотнями людей. К нему приезжали делегации рабочих разных городов. Только из Петрограда они приходили десятками. Внимательно беседовал Ленин с делегатами крестьян различных районов страны. Эти «ходоки» нередко приносили Ленину жалобы на местные власти. Владимир Ильич давал указания расследовать каждый такой случай и требовал лично доложить ему об итогах расследования. Крестьяне веряли Ленину свои заботы и нужды. Известно, что такое важнейшее решение партии, как переход от продразверстки к продналогу, было подготовлено на основе бесед Ленина с крестьянами и изучения

их писем в газеты. Среди людей, прошедших через ленинскую приемную, были и ученые, и деятели культуры. Чрезвычайно мизерны были резервы и средства нашей страны в те дни. И все же Ленин настаивал на выделении средств для разработки и внедрения многих изобретений и усовершенствований, подлинное значение которых иногда выяснялось лишь десятилетия спустя. Об этом рассказывают на страницах книги академики Г. М. Кржижановский, И. М. Губкин, многие другие деятели науки. Свое крылатое выражение: «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны» — Владимир Ильич Ленин начал воплощать в жизнь уже в трудные 1919—1920 гг.

В. И. Ленин не считал себя теоретиком в области искусства. И все же его замечания и мысли, сохраненные современниками, имеют чрезвычайно важное значение. Особенно хочется подчеркнуть приверженность В. И. Ленина к русскому прогрессивному классическому искусству, лучшим образцам литературы XIX в., живописи и музыки. Поддерживая тягу рабочего класса к искусству, он в то же время не одобрял «новаторства» некоторых искусствоведов, пытавшихся выдумать и насадить некое чисто «пролетарское искусство» и «пролетарскую культуру». Его выступления перед творческой молодежью во время посещения мастерских и общежитий Вхутемаса, речи на комсомольских съездах показывают, что задачей рабочего класса и прежде всего рабочей молодежи он считал учебу, овладение сокровищами русской и мировой науки и искусства.

Несколько слов о структуре данной книги. Она состоит из двух томов, в каждом — по четыре главы. Семь из них построены по хронологическому принципу и последовательно раскрывают деятельность В. И. Ленина в годы Советской власти на посту главы правительства. Восьмая глава содержит высказывания видных деятелей нашей партии и государства, мирового коммунистического и рабочего движения о Ленине и ленинизме. Каждый том снабжен краткими биографическими сведениями об авторах воспоминаний, указателем использованных источников.

Доктор исторических наук
В. И. Старцев

Глава
первая

ЛЕНИН В СМОЛЬНОМ

Октябрьская
революция
свершилась
В борьбе с мятежом
Керенского
Первые дни
Совнаркома
Смольнинские будни
Конец
Учредительного
собрания
Хлеб — голодным!
Мир — народам!

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ СВЕРШИЛАСЬ

*«К гражданам России!» **

Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!

*Военно-революционный комитет
при Петроградском Совете рабочих и
солдатских депутатов*

25-го октября 1917 г., 10 ч. утра

*Из воззвания II Всероссийского съезда Советов
«Рабочим, солдатам и крестьянам!» ***

Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов открылся. На нем представлено громадное большинство Советов... Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки...

Съезд постановляет: вся власть на местах переходит

* Обращение написано В. И. Лениным.

** Воззвание написано В. И. Лениным.

к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые и должны обеспечить подлинный революционный порядок.

25 октября (7 ноября) 1917 г.

Ю. П. Сергеева:

Второе заседание съезда Советов открылось вечером 26 октября.

Залитый морем электрического света белоколонный зал Смольного был до отказа заполнен народом. Делегаты и многочисленные гости сидели на стульях, скамейках, подоконниках, а многие и на полу. Впереди — возвышение. На нем стол, покрытый кумачом. На стене — массивная золоченая рама, в которой раньше красовался портрет царя.

Делегаты съезда единодушно приняли решение об отмене смертной казни на фронте, о немедленном освобождении всех арестованных за революционную деятельность солдат и офицеров. В это время в зал, где заседал съезд Советов, вошел со своими соратниками Владимир Ильич Ленин. Делегаты встретили его громом аплодисментов. С мест раздавались возгласы: «Да здравствует Ленин!», «Да здравствует партия большевиков!» Все встали.

Джон Рид:

Было ровно 8 часов 40 минут, когда громовая волна приветственных криков и рукоплесканий возвестила появление членов президиума и Ленина — великого Ленина среди них. Невысокая коренастая фигура с большой лысой и выпуклой, крепко посаженной головой. Маленькие глаза, крупный нос, широкий благородный рот, массивный подбородок, бритый, но с уже проступавшей бородкой, столь известной в прошлом и будущем. Потертый костюм, несколько не по росту длинные брюки. Ничего, что напоминало бы кумира толпы. Простой, любимый и уважаемый так, как, быть может, любили и уважали лишь немногих вождей в истории. Необыкновенный народный вождь, вождь исключительно благодаря своему интеллекту, чуждый какой бы то ни было рисовки, не поддающийся настроениям, твердый, непреклонный, без эффектных пристрастий, но обладающий могучим умением раскрыть сложнейшие

идеи в самых простых словах и дать глубокий анализ конкретной обстановки при сочетании проникательной гибкости и дерзновенной смелости ума.

И. Х. Бодякин:

Слово по вопросу о мире предоставляется В. И. Ленину. Трудно описать, что делалось в те минуты в зале заседания съезда. Люди вскочили со своих мест, горячо и долго аплодировали вождю революции, невысокая фигура которого с большим открытым лбом и зоркими умными глазами возвышалась над трибуной.

Смущенный всем этим, Ленин вынул часы из жилетного кармана, показывая, что время дорого. Наконец овации стихли, и Владимир Ильич получил возможность говорить.

*Из доклада В. И. Ленина о мире
26 октября (8 ноября)*

Вопрос о мире есть жгучий вопрос, большой вопрос современности. О нем много говорено, написано, и вы все, вероятно, не мало обсуждали его. Поэтому позвольте мне перейти к чтению декларации, которую должно будет издать избранное вами правительство.

Из декрета о мире

Рабочее и крестьянское правительство, созданное революцией 24—25 октября и опирающееся на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире.

Справедливым или демократическим миром, которого жаждет подавляющее большинство истощенных, измученных и истерзанных войной рабочих и трудящихся классов всех воюющих стран,— миром, которого самым определенным и настойчивым образом требовали русские рабочие и крестьяне после свержения царской монархии,— таким миром правительство считает немедленный мир без аннексий (т. е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций.

Такой мир предлагает правительство России заключить всем воюющим народам немедленно, выражая готовность сделать без малейшей оттяжки тотчас же все решительные шаги, впредь до окончательного утверждения всех условий такого мира полномочными собраниями народных представителей всех стран и всех наций...

Правительство предлагает всем правительствам и народам всех воюющих стран немедленно заключить перемирие, причем со своей стороны считает желательным, чтобы это перемирие было заключено не меньше как на 3 месяца, т. е. на такой срок, в течение которого вполне возможно как завершение переговоров о мире с участием представителей всех без изъятия народностей или наций, втянутых в войну или вынужденных к участию в ней, так равно и созыв полномочных собраний народных представителей всех стран для окончательного утверждения условий мира...

Правительства и буржуазия употребят все усилия, чтобы объединиться и раздавить в крови рабочую и крестьянскую революцию. Но три года войны достаточно научили массы...

Рабочее движение возьмет верх и проложит дорогу к миру и социализму.

И. Х. Бодякин:

Каждое слово Ленина делегаты ловили буквально на лету. Простые, доходчивые слова этого документа отвечали сокровенным чаяниям и надеждам миллионов людей.

Зачитав обращение, Ленин предложил съезду ратифицировать его.

Начались прения. В. И. Ленин внимательно слушал выступавших. Все ораторы одобряли декларацию...

Было 20 минут одиннадцатого, когда президиум поставил декларацию о мире на голосование. Она была принята единогласно.

Ю. П. Сергеева:

Когда съезд принял декрет о мире, радость и ликование снова охватили весь зал, аплодисменты перешли в бурную овацию. Вверх полетели шанки, фуражки, бескозырки. Люди обнимались и целовали друг друга.

Джон Рид:

Неожиданный и стихийный порыв поднял нас на ноги, и наше единодушие вылилось в стройном, волнующем звучании «Интернационала». Какой-то старый, седеющий солдат плакал как ребенок. Александра Коллонтай потихоньку смахнула слезу. Могучий гимн заполнял зал, вырывался сквозь окна и двери и уносился в притихшее небо. «Конец войне! Конец войне!» — радостно улыбаясь, говорил мой сосед, молодой рабочий. А когда кончили петь «Интернационал» и мы стояли в каком-то неловком молчании, чей-то голос крикнул из задних рядов: «Товарищи, вспомним тех, кто погиб за свободу!» И мы запели похоронный марш, медленную и грустную, но победную песнь, глубоко русскую и бесконечно трогательную. Ведь «Интернационал» — это все-таки напев, созданный в другой стране. Похоронный марш обнажает всю душу тех забитых масс, делегаты которых заседали в этом зале, строя из свских смутных прозрений новую Россию, а может быть, и нечто большее...

Вы жертвою пали в борьбе роковой,
В любви беззаветной к народу.
Вы отдали все, что могли, за него,
За жизнь его, честь и свободу.
Настанет пора, и проснется народ,
Великий, могучий, свободный.
Прощайте же, братья, вы честно прошли
Свой доблестный путь благородный!

Во имя этого легли в свою холодную братскую могилу на Марсовом поле мученики Мартовской революции, во имя этого тысячи, десятки тысяч погибли в тюрьмах, в ссылке, в сибирских рудниках. Пусть все свершилось не так, как они представляли себе, не так, как ожидала интеллигенция. Но все-таки свершилось — буйно, властно, нетерпеливо, отбрасывая формулы, презирая всякую сентиментальность, истинно...

И. Х. Бодякин:

Затем съезд перешел к обсуждению декрета о земле. Аграрный вопрос был в России самым острым и злободневным. Ни в одной другой капиталистической стране крестьянство так не страдало от безземелья, не пережи-

вало такого разорения, таких унижений, как в России. Заветной мечтой крестьянина было получить землю.

В. И. Ленин, как никто, всесторонне изучил аграрный вопрос, создал стройную аграрную программу нашей партии.

*Из доклада В. И. Ленина о земле
26 октября (8 ноября)*

Мы полагаем, что революция доказала и показала, насколько важно, чтобы вопрос о земле был поставлен ясно. Возникновение вооруженного восстания, второй, Октябрьской революции ясно доказывает, что земля должна быть передана в руки крестьян. Преступление совершало то правительство, которое свергнуто, и соглашательские партии меньшевиков и с.-р., которые под разными предлогами оттягивали разрешение земельного вопроса и тем самым привели страну к разрухе и к крестьянскому восстанию. Фальшью и трусливым обманом звучат их слова о погромах и анархии в деревне. Где и когда погромы и анархия вызывались разумными мерами? Если бы правительство поступало разумно и если бы его меры шли навстречу нуждам крестьянской бедноты, то разве крестьянская масса стала бы волноваться? Но все меры правительства, одобряемые авксентьевским и дановским Советами, шли против крестьян и вынудили их на восстание.

Вызвав восстание, оно стало кричать о погромах и анархии, которые само же вызвало. Оно хотело задавить его железом и кровью, но само было сметено вооруженным восстанием революционных солдат, матросов и рабочих. Правительство рабоче-крестьянской революции в первую голову должно решить вопрос о земле, — вопрос, который может успокоить и удовлетворить огромные массы крестьянской бедноты. Я прочту вам те пункты декрета, который должно выпустить ваше Советское правительство. В одном из пунктов этого декрета помещен наказ земельным комитетам, составленный на основании 242 наказов местных Советов крестьянских депутатов.

Из декрета о земле

1) Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа.

2) Помещичьи имения, равно как все земли удель-

ные, монастырские, церковные, со всем их живым и мертвым инвентарем, усадьбами постройками и всеми принадлежностями переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов, впредь до Учредительного собрания.

3) Какая бы то ни была порча конфискуемого имущества, принадлежащего отныне всему народу, объявляется тяжким преступлением, караемым революционным судом. Уездные Советы крестьянских депутатов принимают все необходимые меры для соблюдения строжайшего порядка при конфискации помещичьих имений, для определения того, до какого размера участки и какие именно подлежат конфискации, для составления точной описи всего конфискуемого имущества и для строжайшей революционной охраны всего переходящего к народу хозяйства на земле со всеми постройками, орудиями, скотом, запасами продуктов и проч.

4) Для руководства по осуществлению великих земельных преобразований, впредь до окончательного их решения Учредительным собранием, должен повсюду служить... крестьянский наказ, составленный на основании 242 местных крестьянских наказов редакцией «Известий Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов» и опубликованный в номере 88 этих «Известий» (Петроград, № 88, 19 августа 1917 г.)...

Все содержащееся в этом наказе, как выражение безусловной воли огромного большинства сознательных крестьян всей России, объявляется временным законом, который впредь до Учредительного собрания проводится в жизнь по возможности немедленно, а в известных своих частях с той необходимой постепенностью, которая должна определяться уездными Советами крестьянских депутатов.

5) Земли рядовых крестьян и рядовых казаков не конфискуются.

Джон Рид:

Ленин говорил, широко открывая рот и как будто улыбаясь; голос его был с хрипотцой — не неприятной, а словно бы приобретенной многолетней привычкой к выступлениям — и звучал так ровно, что, казалось, он мог бы звучать без конца... Желая подчеркнуть свою мысль, Ленин слегка наклонился вперед. Никакой жестикуля-

ции. Тысячи простых лиц напряженно смотрели на него, исполненные обожания...

Н. К. Крупская:

Запомнилось, как делал доклад Ильич, обосновывая декрет о земле, говорил спокойно. Аудитория напряженно слушала. Во время чтения декрета о земле мне бросилось в глаза выражение лица одного из делегатов, сидевшего неподалеку от меня. Это был немолодой уже крестьянского вида человек. Его лицо от волнения стало каким-то прозрачным, точно восковым, глаза светились каким-то особенным блеском.

Из доклада В. И. Ленина о земле

Здесь раздаются голоса, что сам декрет и наказ составлен социалистами-революционерами. Пусть так. Не все ли равно, кем он составлен, но, как демократическое правительство, мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ним были несогласны. В огне жизни, применяя его на практике, проводя его на местах, крестьяне сами поймут, где правда. И если даже крестьяне пойдут и дальше за социалистами-революционерами и если они даже этой партии дадут на Учредительном собрании большинство, то и тут мы скажем: пусть так. Жизнь — лучший учитель, а она укажет, кто прав, и пусть крестьяне с одного конца, а мы с другого конца будем разрешать этот вопрос. Жизнь заставит нас сблизиться в общем потоке революционного творчества, в выработке новых государственных форм. Мы должны следовать за жизнью, мы должны предоставить полную свободу творчества народным массам. Старое правительство, свергнутое вооруженным восстанием, хотело разрешить земельный вопрос с помощью несменной старой царской бюрократии. Но вместо разрешения вопроса бюрократия только боролась против крестьян. Крестьяне кое-чему научились за время нашей восьмимесячной революции, они сами хотят решить все вопросы о земле. Поэтому мы высказываемся против всяких поправок в этом законопроекте, мы не хотим детализации, потому что мы пишем декрет, а не программу действий. Россия велика, и местные условия в ней различны; мы верим, что крестьянство само лучше нас сумеет правильно, так, как надо, разрешить

вопрос. В духе ли нашем, в духе ли эсеровской программы,— не в этом суть. Суть в том, чтобы крестьянство получило твердую уверенность в том, что помещиков в деревне больше нет, что пусть сами крестьяне решают все вопросы, пусть сами они устраивают свою жизнь.

Н. К. Крупская:

В этих словах все ильичевское: и отсутствие мелочного самолюбия — было бы сказано правильно, а кто сказал, неважно,— и учет мнения низов, и понимание силы революционного творчества, и глубокое понимание того, что массы убеждаются больше всего практикой, фактами, и глубокая уверенность в том, что факты, жизнь приведут массы к пониманию того, что правильна точка зрения большевиков.

И. Х. Бодякин:

После доклада Ленина выступили несколько ораторов. Большое впечатление произвела на всех речь крестьянина нашего Ржевского уезда К. Г. Жигунова. Он говорил, что привез низкий поклон Владимиру Ильичу Ленину и съезду Советов. От имени своих выборщиков-крестьян Жигунов требовал ареста этих краснобаев авксентьевых и черновых, которые предавали интересы крестьян. Он заявил, что в Исполнительном комитете крестьянского Совета засели не крестьянские представители, а кадеты, которые далеки от интересов народа и место им в тюрьме. В заключение Жигунов еще раз поблагодарил от имени крестьян В. И. Ленина как самого стойкого защитника крестьянской бедноты.

Ф. Н. Матвеев:

В беседе с рядом товарищей из Петербургского комитета и райкомов партии Петрограда я высказал свою озабоченность тем, не приведет ли уход со съезда делегатов нескольких социалистических партий к нежелательным последствиям для дальнейшего развития революции. Обменявшись мнениями, мы, несколько питерцев — участников съезда, решили обратиться по этому вопросу к Владимиру Ильичу Ленину. И вот на второй день, 26 октября

1917 года, на съезде, во время перерыва, я увидел Владимира Ильича, оживленно беседующего с группой участников съезда. Со своими товарищами я подошел к этой группе и, набравшись смелости, спросил:

— Товарищ Ленин, не сузит ли социальную базу нашей революции уход со съезда эсеров, меньшевиков и представителей прочих партий? Ведь крестьяне в массе своей еще идут за эсерами.

Владимир Ильич улыбнулся и сказал:

— Не смущайтесь этим. Это очень хорошо, что они, огласив свои декларации, покинули съезд. Тем самым они поставили себя по другую сторону баррикад и показали свое истинное лицо. После этого крестьянам, да и отсталым рабочим легче будет разобраться в политических партиях и отличить врагов от друзей. А это только на пользу революции. Задача большевиков сейчас состоит в том, чтобы еще раз разъяснить трудящимся, что из себя представляют эти мелкобуржуазные партии.

Н. К. Крупская:

После ухода со съезда правых эсеров и других Камков, один из вождей левых эсеров, заявил, что они за единое демократическое правительство, что левые эсеры будут делать все возможное, чтобы осуществить такое правительство... Сотрудничество с левыми эсерами Ильич считал возможным.

Ю. П. Сергеева:

На этом же заседании съезд избрал Совет Народных Комиссаров — рабоче-крестьянское правительство первого в мире социалистического государства. Председателем Совнаркома под гром аплодисментов был избран Владимир Ильич Ленин.

А. И. Ульянова-Елизарова:

Особенно ярко вспоминаю... заседание, когда был прочитан манифест о земле и о прекращении войны и об основании социалистической республики. Все это было так неожиданно и такое яркое и подъемное настроение было, что верилось и не верилось, казалось, что какую-то сказку переживаешь.

А. М. Коллонтай:

Если меня спросят: какой был самый великий, самый памятный час в моей жизни, я, не колеблясь, отвечу: час, в который была провозглашена власть Советов.

Никогда не забыть и ни с чем не сравнить нашей светлой и гордой радости, когда мы услышали с трибуны II съезда Советов в Смольном простые и величавые слова исторического решения:

«Вся власть переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!»

Не забыть Владимира Ильича Ленина в тот великий час! Он провозгласил знаменитые первые декреты Советской власти — о мире, о земле. Проницательный, полный энергии и мысли взгляд Ленина был устремлен вперед — он видел то, что мы еще не видели: провозглашаемые декреты в их живом воплощении, будущее, которое предстояло завоевать.

Удивительна, незабываема была эта сосредоточенная и вдохновенная задумчивость Владимира Ильича за столом президиума первого советского законодательного собрания, когда большевики в первые же часы власти начинали социалистическое строительство, строительство нового мира.

И. Х. Бодякин:

Было раннее утро 27 октября, когда мы, делегаты съезда, покидали Смольный. Каждый из нас получил газеты и листовки с декретами, принятыми съездом. Мы спешили на вокзал, чтобы быстрее попасть домой и, засучив рукава, взяться за укрепление только что родившейся Советской власти.

В БОРЬБЕ С МЯТЕЖОМ КЕРЕНСКОГО

Н. К. Крупская:

Прежде всего надо было защитить Советскую власть от попыток врага сбросить ее силой...

9—15 ноября были днями борьбы за существование самой Советской власти.

М. К. Тер-Арутюнянц:

Свержением Временного правительства, взятием Зимнего дворца и арестом министров правительства Керенского борьба не окончилась. Она лишь вступила в новую фазу...

Председатель Совета Народных Комиссаров В. И. Ленин не только повседневно контролировал всю военную деятельность Петроградского ВРК, но и лично вызывал к себе военных работников на совещания для выработки мероприятий по обороне Петрограда и направлял их на тот или другой участок для защиты завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции.

Н. И. Подвойский:

Банды Керенского стояли под Петроградом. Положение только что организовавшейся рабоче-крестьянской республики было критическое. Мы поставили под ружье, отправили на фронт все, что было способно стоять за дело республики...

...Смольный был буквально превращен в лагерь, где наспех формировались из присланных рабочих части. Тут же обмундировывались и вооружались, правильнее сказать, облачались в шинели, снабжались патронташами, сумками, патронами. Многие из рабочих впервые становились в строй и брали ружье...

Тов. Ленин, с исключительным напряжением следивший за наступлением Керенского и за ходом восстания белогвардейцев, очевидно, самым реальным образом учел наше критическое положение на позициях. Неожиданно для нас он явился в штаб округа... Он вызвал меня, Антонова и Мехоношина и потребовал, чтобы мы сделали ему подробный доклад о положении дел, чтобы мы познакомили его с находящимися в нашем распоряжении силами, с силами противника и нашими оперативными планами.

Радио Совета Народных Комиссаров 30 октября (12 ноября) 1917 г.

Всем. Всем

Всероссийский съезд Советов выделил новое Советское правительство. Правительство Керенского низвергнуто и

арестовано. Керенский сбежал. Все учреждения в руках Советского правительства. 29-го октября началось восстание юнкеров, освобожденных на честное слово 25 октября. Восстание в тот же день подавлено. Керенский и Савинков с юнкерами и частью казаков пробрались обманым путем до Царского Села. Советское правительство мобилизовало силы для подавления нового корниловского похода на Петроград. Вызван флот к столице с броненосцем «Республика» во главе... Советское правительство принимает все меры к тому, чтобы предупредить кровопролитие. Если избежать кровопролития не удастся, если отряды Керенского все же начнут стрелять, Советское правительство не остановится перед беспощадными мерами подавления нового керенско-корниловского похода.

Председатель Советского правительства
Владимир Ульянов (Ленин)

В. А. Антонов-Овсеенко:

Я подробно докладываю Ленину о положении на фронте. У Керенского сил немного. Казачья дивизия генерала Краснова. Пехоты не заметно. По слухам, ударники движутся через станцию Дно. С Юго-Западного фронта Керенским снята дивизия пехоты, но задержана в пути. На Северном фронте латыши и сибиряки разогнали соглашательские комитеты, обещают поддержку. Из Финляндии к нам прибыл сводный отряд моряков — тысячи полторы. Отборный народ. Выборжцы обещают отряд с артиллерией. Им удалось удержать на месте кубанскую казачью дивизию. Против Керенского уже действуют рабочая гвардия, моряки, у Пулкова — стрелки, остальные несут караулы, казаки-донцы 1, 4 и 14-го полков сидят в казармах под неусыпным наблюдением. Наш правый фланг вполне прочен. Центр укреплен. Керенский угрожает Царскому Селу, Павловску; Пулкову. Угроза серьезна, ибо у нас слабо с артиллерией. У казаков артиллерия превосходна. Действует с ними также сильный бронепоезд.

М. К. Тер-Арутюнянц:

Наступление войск Керенского и генерала Краснова на Петроград началось 27 октября. В этот день после боя они заняли Гатчину, а 28 октября — Царское Село. В ночь

с 28 на 29 октября юнкера Владимирского и Павловского военных училищ выступили с оружием в руках против Советской власти.

Из разговора В. И. Ленина с председателем исполкома Гельсингфорсского Совета депутатов армии, флота и рабочих Финляндии А. Л. Шейнманом 27 октября (9 ноября) 1917 г.

— Можете ли вы говорить от имени областного комитета армии и флота?

— Конечно, могу.

— Можете ли вы немедленно двинуть к Петрограду возможно большее число миноносцев и других вооруженных судов?

— Сейчас позовем председателя Центробалта, так как дело чисто морского характера.

— Что у вас нового в Петрограде?

— Есть известия, что войска Керенского подошли и взяли Гатчину, и так как часть петроградских войск утомлена, то действительно необходимо самое быстрое и сильное подкрепление.

— И еще что?

— Вместо вопроса «еще что» я ожидал заявления о готовности двинуться и сражаться.

— Да это, кажется, повторять не надо; мы заявили о своем решении, следовательно, все будет сделано на деле.

С. В. Косиор:

Фактической властью в Петрограде был наш Военно-революционный комитет, имевший свой военный штаб, который и руководил вооруженной борьбой...

Кажется, на третий день борьбы, вечером, звонит в район из Смольного секретарь Петербургского комитета Бокий и предлагает немедленно явиться к нему. Приезжаю. Встретил там уже товарищей из Выборгского, Василеостровского и еще из какого-то района (сам я был организатором Нарвско-Петергофского района, где находятся Путиловский завод и завод «Треугольник»). Секретарь

сообщает, что вызывает Владимир Ильич. Идем к нему. Ильич завел нас в какую-то пустую комнату, где сообщил: только что получены сведения, что Краснов прорвал наш фронт и приближается к Петрограду, к утру может занять Балтийский вокзал. Нужно немедленно (дело было темным вечером) поднять на ноги всех рабочих, собрать всю имеющуюся в районе на заводах и складах колючую проволоку, лопаты, кирки и рыть окопы, чтобы дать бой Краснову на окраинах города и спасти положение...

Разговор продолжался не больше 5 минут, а через полчаса или час несколько тысяч рабочих только у нас в районе уже рыли окопы. Работа продолжалась до самого утра.

Н. И. Подвойский:

Часов в двенадцать следующего дня тов. Ленин явился ко мне в штаб и потребовал, чтобы ему поставили в моем кабинете стол, и заявил, что он хочет все время быть в курсе событий.

Сев на организационного конька, тов. Ленин через каждые пять — десять минут присылал мне кого-нибудь на помощь: то по снабжению, то по мобилизации рабочих, то по подрядному делу, то летчика, то агитатора. Постепенно увлекаясь, он, сам того не замечая, выходил из моего кабинета, давал непосредственные распоряжения то одному, то другому товарищу.

Работа закипела. Но тов. Ленина это не удовлетворяло: ему казалось, что работа все еще идет медленно, нерешительно, неэнергично, и он принялся сам вызывать в свой кабинет представителей организаций заводов и информировался у них о состоянии вооружения рабочих, о технических средствах, о том, что можно вообще получить от них для обороны и чем их завод может быть для этого полезен. Тут появились приказы — путиловцам бронировать площадки паровозов, ставить имеющиеся на Путиловском заводе пушки, везти на позиции блиндажи. Нарвскому району приказывалось реквизировать у извозчиков лошадей для отправки имевшихся на заводе 40 готовых пушек. По различным заводам, организациям были посланы комиссары, чтобы взять от них все, что потребно для обороны.

В. А. Антонов-Овсеенко:

Путиловцы обещали изготовить бронеплощадку с зенитными орудиями, да что-то все их нет.

Ленин выражает нетерпение.

— А вы уверены, что выполнят?

— Они делают все, что могут, но не мешало бы подтолкнуть.

— Смотрите!

— Хотите лично убедиться,— предлагаю я,— можно съездить и подтолкнуть заодно.

Легко соглашается.

...Пронизывает до костей эта питерская предзимняя сырость. В открытом автомобиле Ильич почти совсем замерз, когда наконец мы подкатили к Путиловскому заводу. Завод освещен и гудит нутряным трудовым гулом. Пробираемся дворами в помещение фабрично-заводского комитета.

Взлохмаченные, вымаранные, усталые, но деловые фигуры. Как-то не удивились нашему появлению. Как-то мало задержались вниманием на личности глубокопочтимо-го рабочего вождя. «Товарищ Ленин...»

И опять в дело с головою. Некогда... Толково разъясняют, что делается и в чем задержка. Да, за пару дней наворочено столько, сколько за две недели раньше не выработывали.

Н. К. Крупская:

Ильич умел активизировать массу, умел всегда ставить перед массой конкретные цели.

Питерские рабочие поднялись на защиту Питера, и старики и молодежь двинулись на фронт, навстречу войскам Керенского. Казаки, части, вызванные из провинции, меньше всего хотели воевать, и питерские рабочие повели среди них агитацию, убеждали их, и казаки и солдаты, мобилизованные Керенским, просто уходили с фронта, увозя с собой пушки и ружья. Фронт Керенского разлагался. Наши побеждали. Много питерцев все же погибло при защите Питера.

М. К. Тер-Арутюнянц:

Одной из характернейших черт Владимира Ильича была его большая гуманность, проявлявшаяся, в частности, и в отношении поверженного врага. Дав указание быстро и решительно ликвидировать мятеж юнкеров, Владимир Ильич обратил наше внимание на то, что следует немедленно пресекать возможные попытки самосуда над побежденными мятежниками.

— Если юнкера прекратят сопротивление, — сказал он, — то сохраните им жизнь.

Юнкера-мятежники, сложившие оружие, были арестованы, и никаких эксцессов по отношению к ним не было допущено.

*Из доклада В. И. Ленина о текущем моменте
на совещании полковых представителей
Петроградского гарнизона
29 октября (11 ноября) 1917 г.*

Политический вопрос теперь вплотную подходит к военному... Мы не можем ждать и не можем ни одного дня терпеть восстания Керенского. Если корниловцы организуют новое наступление, им будет отвечено так, как сегодня ответили на восстание юнкеров. Пусть юнкера пеняют на себя.

Сотир Черкезов:

Керенский и генерал Краснов во главе белогвардейских полчищ и «дикой дивизии» быстро двигались к Петрограду. Ленин выступал на фабриках, заводах и горячо призывал трудящихся встать на защиту Советской власти. Фронт растянулся от Царского Села до Пулкова и Гатчины. Положение было критическим.

На одном из участков, близ Пулковских высот, враг создал превосходство в артиллерии, и моряки Балтийского флота, несмотря на их огромную храбрость, понесли большие потери. По приказу Ленина уже на следующий день в помощь морякам прибыли три батареи.

Несколько часов Пулковские высоты были похожи на извергающийся вулкан. Снаряды сравнивали с землей противотанковые проволочные заграждения и окопы врага. Оркестр заиграл «Марсельезу» и «Интернационал».

Серго Орджоникидзе во главе отряда первым бросился в атаку. А за ними, как лавина, поднялись тысячи других защитников Советской власти. Враг был разбит и отброшен на юг.

М. К. Тер-Арутюнянц:

29 октября, вечером, после ликвидации мятежа, я был вызван к В. И. Ленину в Смольный.

...Владимир Ильич сообщил, что операции против войск Керенского и генерала Краснова на Пулковских высотах и на других подступах к Петрограду замедлились. Я получил задание срочно выяснить причины этого замедления (в частности, замедления действий Пулковского отряда, который действовал на решающем участке фронта) и сообщить Ленину, какие срочные меры необходимо принять. Владимир Ильич отдал распоряжение Н. И. Подвойскому выдать мне мандат комиссара штаба Пулковского отряда.

Я выехал немедленно в Пулковский отряд (его составляли моряки, Красная гвардия и полки Петроградского гарнизона) и установил, что там недостаточно пулеметов, орудий и боеприпасов... Снабжение продовольствием не было налажено. Действовавшие на Пулковских высотах подразделения почти голодали.

Рано утром следующего дня, то есть 30 октября, на рассвете, я вернулся в Петроград и доложил Владимиру Ильичу, который еще бодрствовал, о том, что обнаружил на Пулковских высотах. Владимир Ильич дал распоряжение срочно направить туда артиллерийские батареи, дополнительные пулеметные команды, обеспечить орудия боеприпасами соответствующих калибров, послать большое количество патронов в обоймах для винтовок. Снабжение отряда продовольствием Владимир Ильич поручил, насколько мне помнится, Д. З. Мануильскому. При этом Владимир Ильич дал указание помимо сухих продуктов отправить на Пулковские высоты походные кухни, заложив в котлы мясо и другие продукты, с тем чтобы к моменту прибытия их на позиции для бойцов была готова горячая пища.

Все распоряжения Владимира Ильича были выполнены. В результате уже к полудню наши войска на Пулковских высотах были обеспечены в достаточной мере необходимым оружием и боеприпасами, а бойцы накорм-

лены. В два часа дня началась вражеская артиллерийская канонада, а вслед за нею противник перешел в наступление. Наши войска, отбив атаки войск Керенского и Краснова, перешли в контрнаступление и вскоре ликвидировали силы контрреволюции на подступах к Петрограду.

И. И. Вахрамеев:

В кабинете командующего происходило совещание под председательством товарища Ленина.

На большом столе лежала карта Петрограда и его окрестностей. Обсуждался план уничтожения банд Керенского. Владимир Ильич спросил меня, чем кроме отрядов мог бы флот помочь сухопутным частям.

Ознакомившись с расположением вражеских сил, я сказал, что флот может обстрелять банды Керенского, заседавшие в Царском Селе. Обстрел можно вести с двух сторон из дальнобойных морских орудий, для чего нужно поставить в Морском канале крейсер «Олег», который сможет обстреливать весь район Царского Села из 130-миллиметровых орудий с северо-запада; кроме того, можно провести вверх по Неве, в район села Рыбацкого, два-три миноносца типа «Новик» и обстрелять Царское Село из 100-миллиметровых орудий с восточной стороны. Под таким обстрелом не устоят никакие части.

Товарищ Ленин крайне заинтересовался этим предложением. Он подробно расспросил меня, проверил в деталях возможность выполнения предложенной операции и, убедившись в реальности и целесообразности ее, тут же дал мне предписание немедленно приступить к ее выполнению, регулярно докладывая о ходе работ...

Всю ночь на кораблях шла работа. Приняли пополнение боезапаса и продовольствия. Проверили боевую материальную часть. На следующий день, утром, миноносцы двинулись в путь. Всей работой руководили рядовые матросы.

В 11 часов вечера я проводил последний корабль, проходивший Финляндский мост. В тот же день крейсер «Олег» занял свою позицию в Морском канале. Все было готово.

Около часа ночи я приехал в Смольный и доложил товарищу Ленину, что его приказание выполнено: корабли заняли боевые позиции, наблюдательный пункт организован, с рассветом начнем громить белые банды Керен-

ского. Товарищ Ленин выслушал меня и сказал, что видел, как корабли шли по Неве, и что ему уже днем докладывали о том, что мы остановили почти все движение в городе, разведя мосты.

Я доложил, что ночью под мостами очень рискованно проводить корабли: там узко и можно их разбить. Товарищ Ленин сказал:

— Правильно, правильно, сегодня наша главная задача — уничтожить вооруженные банды Керенского.

Но он приказал обстрел Царского Села с рассветом следующего дня не начинать, так как получены донесения, что враг оттуда бежит.

Получив новое указание товарища Ленина, сажусь в автомобиль и по невероятно грязной, разбитой, совершенно незнакомой дороге ночью еду в Рыбацкое. На шлюпке переправляюсь на головной миноносец. Никто на корабле не спит, все готовы, ждут условной ракеты с Пулковских высот. Передаю приказание товарища Ленина и сообщение о том, что Керенский со своими бандами бежит.

Приказание товарища Ленина — закон. Оно принято к точному исполнению. Но весь личный состав кораблей крайне сожалел, что на этот раз не пришлось «дать жару» Керенскому.

Утром мы узнали, что Керенский удрал из Царского Села в «неизвестном направлении».

ПЕРВЫЕ ДНИ СОВНАРКОМА

*Из постановления об образовании рабочего и крестьянского правительства **

Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов постановляет:

Образовать для управления страной, впредь до созыва Учредительного собрания, временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров. Заведование отдельными отраслями государственной жизни поручается комиссиям, состав которых должен обеспечить проведение в жизнь провозглашенной съездом программы, в тесном единении с массовыми организациями рабочих, рабочих, матросов, сол-

* Написано В. И. Лениным.

дат, крестьян и служащих. Правительственная власть принадлежит коллегии председателей этих комиссий, т. е. Совету Народных Комиссаров.

Контроль над деятельностью народных комиссаров и право смещения их принадлежит Всероссийскому съезду Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и его Центральному Исполнительному Комитету.

Н. К. Крупская:

Владимир Ильич все время усиленно думал о новых формах управления. Он думал о том, как организовать такого рода аппарат, которому чужд был бы дух бюрократизма, который умел бы опираться на массы, организовывать их в помощь своей работе, умел растить на этой работе нового типа работников...

...Перед Советской властью, во главе которой встал теперь Ильич, стояла задача построить невиданный еще в мире тип государственного аппарата, опирающийся на самые широкие массы трудящихся, по-новому, по-социалистически перестраивающий всю общественную ткань, все человеческие отношения.

В. Д. Бонч-Бруевич:

Как сейчас помню, Владимир Ильич, заваленный крайне трудной и сложной работой первых дней революции, услышав разговоры об этом, переходя от телефона к телефону, мимоходом бросил:

— Надо устроить комиссии по управлению страной, которые и будут комиссариатами. Председателей этих комиссий назовем народными комиссарами. Коллегия председателей будет Советом Народных Комиссаров, которому и принадлежит полнота власти. Съезд Советов и Центральный Исполнительный Комитет контролируют его деятельность, им же принадлежит право смещения комиссаров.

Этот мимолетный разговор predetermined формы организации новой правительственной власти. Невольно обратило внимание всех, что Владимир Ильич, очевидно, за два десятка лет почти непрерывной революционной эмиграции имел время обдумать все до мелочей и быть готовым к тому дню, когда меч пролетарской революции отсечет голову буржуазной гидре и когда переход власти в

руки трудящихся будет уже не сладостной мечтой, а боевой действительностью.

Совет Народных Комиссаров в составе, определенном декретом II Всероссийского съезда Советов во главе с В. И. Лениным, тотчас же собрался целиком, кроме И. И. Скворцова-Степанова, который в то время был в Москве и так и не вступил в должность комиссара финансов, работая всецело в рядах московских товарищей.

Н. К. Крупская:

Тов. Эйно Рахья рассказывает: когда в большевистской фракции намечался список первых народных комиссаров, он в это время сидел в уголке и слушал. Кто-то из намечаемых в народные комиссары стал отказываться, говоря, что у него нет опыта в этой работе. Владимир Ильич расхохотался: «А вы думаете, у кого-нибудь из нас есть такой опыт?!» Опыта не было, конечно. Но перед глазами Владимира Ильича вырисовывался облик народного комиссара, нового типа министра, организатора и руководителя той или иной отрасли государственной работы, тесно связанного с массами,— типа, зародившегося в огне революции.

С. С. Пестковский:

Кабинет Ильича в Смольном представлял из себя небольшую комнату, разделенную надвое деревянной перегородкой. Здесь Ильич принимал посетителей, здесь вначале происходили заседания Совнаркома.

Очень часто Ильич выходил из своего кабинета, чтобы заглянуть в комнаты разных «наркомов». Во время прохождения по длинному смольнинскому коридору его часто останавливали разные товарищи, имевшие к нему разные дела. Ильич выслушивал их всегда с необычайным терпением. Но в это время по коридору толкалось также много разного народа, не знавшего даже Ильича в лицо. Последние, зачастую обыватели, попавшие в Смольный по своим личным делам, задавали ему разные вопросы в таком роде: «Скажите, где здесь выдают разрешения на выезд?» или: «Скажите, где принимают вещи для арестованных?» Во всех этих случаях Ильич старался давать самые точные ответы, между тем, когда с такими же распросами приставали к другим наркомам, те сердились...

Принимается Совнаркомом какой-нибудь декрет. Во время его редакции Ильич всегда весьма зорко следит за тем, чтобы декрет был ясен и недвусмыслен даже для малограмотного читателя. Мало того, когда декрет уже принят и окончательно проредактирован, Ильич всегда указывает, каким образом его распубликовать так, чтобы он быстро дошел до всех заинтересованных.

Ставится на обсуждение какой-нибудь проект. Зоркий глаз Ильича всегда замечает, отсутствует ли представитель какого-нибудь заинтересованного ведомства. Если кто-нибудь отсутствует, вопрос обязательно откладывается, а Ильич распоряжается вызвать по телефону заинтересованных людей.

В. Д. Бонч-Бруевич:

Первым декретом Совнаркома был декрет о печати, в котором молодое правительство определяло свою точку зрения на буржуазную печать и на те стеснения по отношению к печати, которые необходимо было произвести ввиду того, что это оружие гражданской войны в руках буржуазии наносило огромный вред пролетарской революции.

*Из проекта резолюции о свободе печати **

Буржуазия понимала под свободой печати свободу издания газет богатыми, захват прессы капиталистами, на деле приводивший повсюду во всех странах, не исключая и наиболее свободных, к продажности прессы.

Рабочее и крестьянское правительство под свободой печати понимает освобождение прессы из-под гнета капитала, переход в собственность государства бумажных фабрик и типографий, предоставление каждой группе граждан, достигающей известной численности (например, 10 000), равного права на пользование соответственной долей запасов бумаги и соответственным количеством типографского труда.

Как первый шаг к осуществлению этой цели, неразрывно связанной с освобождением трудящихся от гнета капитала, временное рабочее и крестьянское правительство назначает Следственную комиссию для расследования свя-

* Написано В. И. Лениным 4 (17) ноября 1917 г.

зей периодических изданий с капиталом, источника их средств и доходов, состава их жертвователей, покрытия их дефицитов и всего хозяйства газет вообще. Всякое сокрытие книг счетов или иных документов от Следственной комиссии, а равно всякое заведомо неправдивое показание будет караться революционным судом.

Н. П. Горбунов:

В эти дни наш «аппарат» выполнял самые различные задания Владимира Ильича. Например, как-то Владимир Ильич вручил мне декрет за собственноручной подписью (некоторые декреты подписывались Владимиром Ильичем в тот период по соглашению с одним или двумя народными комиссарами, без заседания Совета Народных Комиссаров, так как его невозможно было в эти дни боев созвать) с приказом Госбанку вне всяких правил и формальностей и в изъятие из этих правил выдать на руки секретарю Совета Народных Комиссаров 10 миллионов рублей в распоряжение правительства. Правительственным комиссаром банка был назначен В. В. Оболенский-Осинский. Передавая этот декрет мне в присутствии тов. Осинского, Владимир Ильич сказал: «Если денег не достанете — не возвращайтесь». Дело в том, что это был период полного саботажа служилой интеллигенции, и впереди всех саботажников были чиновники Государственного банка. Несмотря на декреты правительства и требования отпуска средств, Государственный банк нагло саботировал. Народный комиссар финансов тов. Менжинский никакими мероприятиями, вплоть до ареста директора Государственного банка Шипова, не мог заставить банк отпустить правительству нужные революции средства. Шипова привезли в Смольный и держали там некоторое время под арестом. Ночевал он в одной комнате с тов. Менжинским и мною. Днем эта комната превращалась в канцелярию какого-то учреждения (не Наркомфина ли?). Мне пришлось, к моей досаде, в виде особой вежливости (а вежливы и наивны были большевики вначале до того, что не расстреляли даже Краснова и из «вежливости», поверив его честному офицерскому слову, отпустили его на все четыре стороны) уступить ему свою койку и спать на стульях.

Получив задание от Ленина, мы вдвоем с тов. Осинским на автомобиле поехали в Государственный банк... Опираясь на низших служащих и курьеров, которые были

на нашей стороне, а также угрожая Красной гвардией, которая якобы окружила уже банк, нам удалось проникнуть в помещение кассы банка, несмотря на всякие кунштюки, которые выделявали высшие чины Государственного банка, вроде ложных тревог и т. п., и заставить кассира выдать требуемую сумму. Мы производили приемку денег на счетном столе под взведенными курками оружия солдат военной охраны банка. Был довольно рискованный момент, но все сошло благополучно. Затруднение вышло с мешками для денег. Мы ничего с собой не взяли. Кто-то из курьеров наконец одолжил пару каких-то старых больших мешков. Мы набили их деньгами доверху, взвалили на спину и потащили в автомобиль.

Ехали в Смольный, радостно улыбаясь. В Смольном также на себе дотащили их в кабинет Владимира Ильича. Владимира Ильича не было. В ожидании его я сел на мешки с револьвером в руках «для охраны». Сдал я их Владимиру Ильичу с особой торжественностью. Владимир Ильич принял их с таким видом, как будто иначе и быть не могло, но на самом деле остался очень доволен. В одной из соседних комнат отвели платяной шкаф под хранение первой советской казны, окружив этот шкаф полукругом из стульев и поставив часового. Особым декретом Совета Народных Комиссаров был установлен порядок хранения и пользования этими деньгами. Так было положено начало нашему первому советскому бюджету. Буржуазная печать по этому поводу потом всюду кричала об ограблении большевиками Государственного банка.

Н. К. Крупская:

Ильич стоял в центре всей... работы, организовывал ее. Это была не просто напряженная работа, это была работа, поглощавшая все силы, натягивавшая нервы до последней крайности; приходилось преодолевать чрезвычайные трудности, вести самую отчаянную борьбу, часто борьбу с близкими по работе товарищами. И не мудрено, что, придя поздно ночью за перегородку комнаты, в которой мы с ним жили в Смольном, Ильич все никак не мог заснуть, опять вставал и шел кому-то звонить, давать какие-то неотложные распоряжения, а заснув наконец, во сне продолжал говорить о делах... В Смольном работа шла не только днем, но и ночью. Вначале в Смольном было все — и партийные собрания, и Совнарком, тут же шла и работа наркоматов,

отсюда посылались телеграммы, приказы, в Смольный стекались люди отовсюду. А какой аппарат был у Совнаркома? Вначале четыре человека, совсем неопытные, работавшие без передыху, делавшие все, что требовалось по ходу дела; тогда и в голову не приходило точно определять и ограничивать их функции, так были они неопределенны и всеобъемлющи. Работали вовсю, но никаких сил не хватало, и Ильичу сплошь и рядом приходилось выполнять самому черновую работу, звонить по телефонам и т. д. и т. п. Использовали, конечно, партийный аппарат, аппарат ВЦИК и других организаций, но для того, чтобы их использовать, нужна была также немалая организационная работа. Все было первобытно до крайности. Надо было ломать старую государственную машину, звено за звеном. Бюрократический аппарат сопротивлялся, служащие старых министерств, всяких государственных учреждений решили всячески саботировать работу и этим мешать Советской власти наладить новый госаппарат.

Н. П. Горбунов:

Второе заседание Совета Народных Комиссаров произошло только 15 ноября в маленькой комнатухе в другом конце Смольного, в которую Владимир Ильич перебрался уже для постоянной работы, уступив первую комнату для Народного комиссариата иностранных дел. На этом заседании, происходившем в более спокойных условиях, было рассмотрено уже до 20 вопросов. Один из народных комиссаров, кажется, тов. Глебов-Авилов, научил меня вести протокол, так что я справлялся с этой работой в этот раз уже без особых затруднений. В числе рассмотренных вопросов были вынесены решения: «О роспуске городской думы в Петрограде», «О выпуске декрета с подробной мотивировкой о конфискации саботирующих заводов и фабрик», «О поручении т. Шляпникову, в согласии с тт. Оболенским, Бухариным и др., составить к 16 ноября проект организации Совета народного хозяйства», «О предоставлении солдатам права выбора своих депутатов в Учредительное собрание», «О предложении эсерам ультиматума — взять завтра Министерство земледелия или предоставить его большевикам и не тормозить работу», «О распубликовании проекта положения о страховании на случай безработицы, снабдив его пояснительной запиской, с тем чтобы народные комиссары в двухдневный срок с ним ознакоми-

лись, для внесения его в Центральный Исполнительный Комитет». Любопытно отметить, что целый ряд довольно серьезных дел был направлен Владимиром Ильичем на разрешение соответствующим ведомствам в порядке разгрузки, о которой и сейчас нам приходится еще думать. На этом же заседании Совета Народных Комиссаров было решено, что народные комиссары, которые до сего времени работали преимущественно в Смольном, должны перенести свою работу в соответствующие министерства и собираться в Смольном только к вечеру «для совещаний и для осуществления контакта с другими демократическими организациями».

Дальнейшие заседания Совета Народных Комиссаров происходили уже регулярно, почти каждый день, а то и по два раза в день. За первый месяц такой систематической работы было рассмотрено на 25 заседаниях Совета Народных Комиссаров свыше 200 вопросов. В следующем месяце на 20 заседаниях было рассмотрено столько же вопросов. На всех заседаниях, за самыми редкими исключениями, председательствовал Владимир Ильич. Разрешение многих вопросов осложнялось в связи с участием в составе Совета Народных Комиссаров левых эсеров, которые противопоставляли линии большевиков свою «принципиальную установку».

*Из ответа В. И. Ленина на запрос левых эсеров
на заседании ВЦИК
4 (17) ноября 1917 г.*

Преступное бездействие правительства Керенского привело страну и революцию на край гибели; промедление воистину смерти подобно, и, издавая законы, идущие навстречу чаяниям и надеждам широких народных масс, новая власть ставит вехи по пути развития новых форм жизни. Советы на местах, сообразно условиям места и времени, могут видоизменять, расширять и дополнять те основные положения, которые создаются правительством. Живое творчество масс — вот основной фактор новой общестственности. Пусть рабочие берутся за создание рабочего контроля на своих фабриках и заводах, пусть снабжают они фабрикатами деревню, обменивают их на хлеб. Ни одно изделие, ни один фунт хлеба не должен находиться вне учета, ибо социализм — это прежде всего учет. Социализм не создается по указам сверху. Его духу чужд казен-

но-бюрократический автоматизм; социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс.

Альберт Рис Вильямс:

Ленин принялся вводить революционный порядок. Он знал, что только решительными и крутыми мерами можно спасти революцию, которой угрожали голод, иностранная интервенция и реакция. Поэтому большевики проводили свои мероприятия без колебаний, а враги, изопряясь в эпитетах, осыпали большевиков бранью и клеветами на них. По отношению к буржуазии Ленин был суров и беспощаден.

Царивший в те недели хаос требовал от людей железной воли и железных нервов. Во всех государственных учреждениях наводили строгий революционный порядок и дисциплину. Было заметно, как росло чувство ответственности рабочих, как улучшали работу отдельные звенья советского аппарата.

Н. П. Богданов:

9 ноября 1917 года в Смольном было созвано расширенное заседание Петроградского совета профсоюзов, на котором выступил Ленин. Записи этого выступления не сохранились, но я хорошо помню, что оно было посвящено задачам профсоюзов в социалистической революции. Речь Владимира Ильича была полна непреклонной решимости укрепить власть Советов и отвергнуть всякие компромиссы с соглашателями...

Мы впервые познакомились тогда с ленинским планом перехода к социалистическому строительству.

Владимир Ильич отметил огромную роль профсоюзов, которые в дни Октябрьской революции шли за большевистской партией, и поставил перед ними новые задачи: профсоюзы должны обеспечить возвращение рабочих на фабрики и заводы, сохранность оборудования, организовать учет сырья, полуфабрикатов и изделий; предприятия должны начать изготовление предметов, необходимых для народа, — сельскохозяйственных машин, плугов, телег, гвоздей, лопат и т. п.

Ленин призвал рабочих сломить саботаж промышленников, заставить их работать под строгим контролем.

— Привлекайте на свою сторону добросовестных спецов, учитесь у них хозяйствованию,— говорил он.

Это были первые наброски ленинского плана организации социалистической промышленности. Не одного меня взволновало требование на деле осуществить рабочий контроль, а затем и рабочее управление промышленностью. Ленин называл это первыми шагами к социализму.

А. Ломов:

В первый период строительства Высшего совета народного хозяйства, питерский период, роль Владимира Ильича была необычайно велика. Ежедневно, часто по несколько раз или Осинский (первый председатель ВСНХ), или я, как его заместитель, бывали в Смольном у Владимира Ильича, советовались и обсуждали совместно все стороны хозяйственной жизни. Владимир Ильич подписывал бесконечное количество декретов о национализации различных заводов, причем он всегда подчеркивал, что национализировать гораздо легче, чем управлять национализированным. Однако, поскольку настроение широких рабочих кругов, ярко выражавшееся повсюду на местах, стояло за национализацию, постольку Владимир Ильич считал невозможным задерживать ее темп. Но уже в то время Владимир Ильич резко и решительно ставил вопрос о порядке управления национализированным.

Он впервые выдвинул вопрос о необходимости использовать в широких размерах специалистов. В то время, когда по инициативе тов. Антипова впервые обсуждалось создание первого кожевенного главка, Владимир Ильич принял конструкцию управления по третям: треть — рабочих, представителей профсоюзов, треть — представителей технического персонала и треть — представителей буржуазии.

Часам к одиннадцати вечера мы все съезжались на заседания Совета Народных Комиссаров в Смольный, и здесь под председательством Владимира Ильича, большей частью до 4—5, а иногда и 6 часов утра обсуждались основные вопросы хозяйственной жизни страны. Владимир Ильич неизменно председательствовал на этих собраниях — не формально, а беря на себя инициативу при разрешении всех вопросов. Все резолюции обычно либо писались, либо диктовались Владимиром Ильичем.

Из доклада В. И. Ленина

*об экономическом положении рабочих Петрограда
и задачах рабочего класса на заседании рабочей секции
Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов
4 (17) декабря 1917 г.*

Перед пролетариатом стоят задачи социалистического преобразования государственного строя, ибо всякие средние решения, как ни легко привести за них доводы, ничтожны, так как экономическое и хозяйственное положение страны дошло до такого пункта, где нельзя допустить средних решений. В нашей гигантской борьбе с империализмом и капитализмом полумерам не остается места.

Вопрос в том — победить или быть побежденным...

Пролетариат должен стать господствующим классом в смысле руководства всеми трудящимися и классом господствующим политически.

Нужно бороться с предрассудком, что управлять государством может только буржуазия. Управление государством должен взять на себя пролетариат.

Капиталисты делают решительно все, чтобы затруднить задачи рабочего класса. И каждой рабочей организации — профессиональным союзам, фабрично-заводским комитетам и др. — предстоит дать решительный бой в экономической плоскости. Буржуазия все портит, все саботирует, чтобы сорвать рабочую революцию. И задачи организации производства ложатся целиком на рабочий класс. Раз навсегда порвем с предрассудком, что государственные дела, управление банками, заводами — невозможная для рабочих задача. Но все это можно решить лишь громадной повседневной организационной работой.

Необходимо организовать обмен продуктов, учет, контроль ввести в систему — это задачи рабочего класса, а знания для осуществления их дала ему его фабрично-заводская жизнь.

Альберт Рис Вильямс:

Ленин знал, в каких случаях нельзя медлить, но знал и то, когда поспешность недопустима. Однажды его посетила делегация рабочих в связи с возникшим у них вопросом: не может ли он декретировать национализацию их предприятия.

— Конечно,— сказал Ленин и взял со стола чистый бланк,— если бы все зависело от меня, то все решалось бы очень просто. Достаточно было бы мне взять эти бланки и вот тут проставить название вашего предприятия, здесь подписаться, а в этом месте указать фамилию соответствующего комиссара.

Рабочие очень обрадовались и сказали:

— Ну, вот и хорошо.

— Но прежде чем подписать этот бланк,— продолжал Ленин,— я должен задать вам несколько вопросов. Прежде всего, знаете ли вы, где можно получить для вашего предприятия сырье?

Делегаты неохотно согласились, что не знают.

— Умеете ли вы вести бухгалтерию? — продолжал Ленин.— Разработали ли вы способы увеличения выпуска продукции?

Рабочие ответили отрицательно и признали, что они, считая это второстепенным делом, не придавали ему серьезного значения.

— Наконец, товарищи, позвольте узнать у вас, нашли ли вы рынок для сбыта своей продукции?

Опять они ответили «нет».

— Так вот, товарищи,— сказал Председатель Совнаркома,— не кажется ли вам, что вы не готовы еще взять сейчас завод в свои руки? Возвращайтесь домой и начинайте над всем этим работать. Это будет нелегко, вы будете иногда ошибаться, но приобретете знания и опыт. Через несколько месяцев приходите опять, и тогда мы сможем вернуться к вопросу о национализации вашего завода.

Н. К. Крупская:

Намечен был в наркомы земледелия т. Шлихтер, но он жил в Москве, и ему как-то не сразу передали то, что ему надо немедленно ехать в Питер, а между тем Ильича в Смольном осаждали крестьяне с запросами, что делать с землей.

В. И. Ленин А. Г. Шлихтеру

Дорогой товарищ!.. Вы нужны в министры земледелия и должны выехать сюда **тотчас...**

До скорого свиданья.

Ваш Ленин

А. Г. Шлихтер:

— Ну, вот мы вас давно уже ждем, товарищ Шлихтер,— встретил меня Ленин с тем обычным товарищеским радушием, которое было так свойственно ему не только в личных, но и в деловых отношениях.— Что вы так долго собирались?

Я поспешил рассказать Ленину, как было дело с его письмом, и вкратце передать ему о московских настроениях и работе.

Ленин — весь внимание. Правый глаз прищурен, левый сосредоточенно всматривается в меня.

— На ближайшем заседании Совнаркома будет оформлено ваше назначение комиссаром земледелия,— заканчивает наше деловое свидание Ленин.— Но было бы хорошо, если бы вы сейчас же занялись приемом крестьянских делегатов с мест. Нужны конкретные разъяснения и инструктирование мест о практических мероприятиях, связанных с декретом о конфискации земли. С этим нельзя медлить, а делать это некому...

...На второй или третий день моего наркомземства в мою приемную явилась делегация, состоявшая из трех хлеборобов Черниговской губернии. Среди них особенно выделялся представительный седобородый старик, настоящий крестьянин, только что, казалось, оторвавшийся от сохи. Он обратился ко мне с расспросами, касающимися индивидуальных конкретных нужд его деревни в земельном вопросе, получил от меня все разъяснения и указания, но, в то время как все другие делегации, получив ответ, обыкновенно сразу же уходили, я замечаю, что мой старик уходить не собирается. Жду, что будет дальше. Немного помявшись и побряхтев, как это обыкновенно делают крестьяне в затруднительных случаях, старик спрашивает меня:

— Товарищ, как бы повидать Ленина?

— А зачем,— говорю,— он вам нужен?

— Не могу уехать домой, не повидавши товарища Ленина. Я должен его повидать и должен сказать потом своим, что я его видел. С таким наказом послали меня сюда мои односельчане. Они мне сказали: «Непременно от самого Ленина узнай, что и как надо делать».

Желание старика меня весьма заинтересовало. Подобного рода общение самой «земли», самих масс, творящих революцию в глухих углях далекой провинции, с вырази-

телем интересов этой революции, с ее душой и мозгом — с Лениным показалось мне не лишенным тактического значения. Но я чувствовал себя в некотором смущении. Я знал, что когда приду к нему и скажу, что его хочет видеть делегат от Черниговской губернии, то он замашет руками и скажет мне:

— Уж вы, пожалуйста, сами там сделайте, что нужно.

Но Ленина надо было непременно показать крестьянскому делегату, и я этих крестьян к нему свел. И надо было видеть через две-три минуты это буквально — говорю без преувеличения — одухотворенное счастьем лицо седобородого старика, когда он вышел от Ленина.

— Спасибо, товарищ, — благодарил он меня, — теперь я все расскажу дома.

Лицо старика говорило об искреннем и глубоком доверии к Коммунистической партии, впервые и всерьез, по-настоящему осуществившей заветные думы крестьянства о земле.

Альберт Рис Вильямс:

Несмотря на исключительную перегруженность почти круглосуточной напряженной работой, Ленин часто выступал с речами, в которых в живой и выразительной форме делал анализ сложившейся обстановки, ставил диагноз, предписывал лечение и убеждал слушателей применить его. Наблюдатели поражаются энтузиазму, который вызывают речи Ленина у малообразованных людей, хотя говорит он быстро и гладко и приводит множество фактов.

Ленин — мастер диалектики и полемики, чему способствует его удивительное самообладание во время дебатов. И дебаты — его конек.

Карой Гернади:

Однажды вечером я и еще несколько венгерских солдат-военнопленных пошли в Смольный. Мы слышали, что там на собрании с докладом должен был выступить сам Ленин.

Послушать его собралось в большом зале Смольного множество народа. Мы, военнопленные, стояли особняком, довольно далеко от оратора. Ленин говорил немного охрипшим, но полным энергии голосом. Глаза его светились радостью и гордостью. В течение годичного пребывания в

плону я усердно изучал русский язык и поэтому довольно хорошо понимал речь Ленина. Власть, государство, отечество принадлежат вам, говорил он собравшимся солдатам, рабочим и крестьянам. Мы должны отстоять наши революционные завоевания. Вот основная мысль его выступления. Заметив нас, военнопленных, Ленин дружески, ободряюще помахал нам рукой.

В ту пору я еще не до конца понимал роль и величие Ленина, не изучил марксистского учения и имел весьма туманное представление о том, за что борются русские коммунисты. Я жил лишь одним сокровенным желанием — как можно скорее вернуться домой, на родину.

Но на этом собрании я почувствовал, что помочь в осуществлении моей заветной мечты может только Ленин, и никто другой. Ленин говорил о мире, а вопрос о мире был для меня самым важным, самым животрепещущим.

Люди на собрании смотрели на Ленина с таким вниманием, с таким безграничным доверием, что мне трудно это выразить словами. По профессии я был учителем и привык видеть внимательные и доверчивые лица своих учеников.

«В кого так верят люди, тому и я могу поверить», — подумал я.

После собрания мы, военнопленные, долго говорили о Ленине, о его речи, которая произвела на нас сильное впечатление. Мы решили послать к Ленину делегацию из трех человек и попросить его помочь нам вернуться на родину. В состав делегации выбрали и меня.

На следующий день мы втроем отправились к Ленину в Смольный...

Однако Владимира Ильича мы не застали. Нас приняла его жена, Надежда Константиновна Крупская, в скромно обставленной, но уютной маленькой комнатке. Надежда Константиновна была простой в обращении, приветливой женщиной. Она угостила нас чаем. Разговаривали мы по-немецки. Надежда Константиновна рассказала, что Владимир Ильич редко бывает дома, а когда и приходит, то очень мало отдыхает...

Потом речь зашла о военнопленных. Вопрос о цели посещения мы долго обходили и только под конец заговорили о нашей просьбе. Мы попросили Надежду Константиновну, чтобы она передала Владимиру Ильичу нашу просьбу — помочь нам поскорее вернуться на родину, в Венгрию. Она охотно согласилась.

Оставив свой адрес, мы попрощались и, ободренные, вернулись в госпиталь.

Прошло два дня. На третий день, утром, два русских товарища пришли к нам и по поручению Ленина сообщили, что к 9 часам следующего дня Владимир Ильич ждет нас.

С большим волнением мы готовились к этой встрече. В Смольном нас проводили в один из кабинетов. Вокруг большого письменного стола, разговаривая, стояло несколько человек. Мы остановились в дверях и в одном из повернувшихся к нам собеседников узнали Ленина.

Владимир Ильич подошел, приветливо поздоровался, дружески пожав каждому из нас руку. Мы в свою очередь представились ему. Ленин предложил нам сесть, сам сел рядом, и завязалась оживленная беседа.

Ленин подробно расспросил о нашей прежней жизни, о пребывании в плену, о теперешнем нашем житье-бытье, поинтересовался профессией каждого из нас. Очень обрадовался, когда услышал, что я учитель.

— Учитель? Венгерский учитель? Я очень уважаю венгров. И очень люблю учителей, которые живут с народом одной жизнью, делают с ним все трудности. Любите народ, любите детей — они этого заслуживают. У нас, большевиков, большая нужда в учителях, помогающих нам своей просветительной, пропагандистской работой. Вернетесь домой, — наставлял нас Ленин, — возьмите под свою защиту угнетенных, эксплуатируемых бедняков, рабочих и крестьян.

После минутного раздумья Ленин продолжал:

— Я слышал от жены о вашей просьбе и с удовольствием ее исполню. Вот разрешение на выезд, оно поможет вам вернуться домой. В нем я обращаюсь к каждому русскому товарищу с просьбой оказывать вам всяческое содействие в возвращении на родину.

Мы поблагодарили Ленина. Он сказал нам на прощание:

— Желаю вам большого счастья, доброго пути.

Письмо, которым снабдил нас Владимир Ильич Ленин, помогло нам вернуться на родину.

Дьюла Варга:

Владимира Ильича Ленина я впервые увидел в 1917 году в Петрограде, после того как меня выпустили из «Круга» — одесской тюрьмы для политзаключенных. Владимир

Ильич говорил с нами о крахе II Интернационала, об условиях, созревших для сплочения сил международного пролетариата и для великой борьбы, то есть для социалистической революции. В то время в России находилось более двух с половиной миллионов военнопленных — венгры, хорваты, сербы, далматинцы, босняки, румыны, болгары, чехи, словаки, австрийцы, поляки, немцы, турки, китайцы. Общая судьба, общие страдания и надежды на освобождение сблизили военнопленных различных национальностей. Бóльшая часть из них встала под красное знамя большевиков. Мы задали тов. Ленину вопрос: «Каково ваше мнение о революционной борьбе военнопленных?». Точка зрения Ленина была точкой зрения партии, а партия боролась за привлечение на свою сторону рабочих, крестьян и интеллигенции различных национальностей, находившихся в России.

С. Ю. Багоцкий:

Во второй половине декабря, закончив работу по репатриации политических эмигрантов из Швейцарии, я с четвертым эмигрантским поездом выехал в Петроград.

С волнением я шел в Смольный к Владимиру Ильичу. Каков он теперь? Как он встретит меня?

В Смольном все кипело. Сотни людей двигались во всех направлениях. С трудом нашел я комнату, в которой обосновался Владимир Ильич, откуда руководил он государственной машиной молодой Советской республики.

Обстановка в комнате была такая же скромная, как на квартире Владимира Ильича в Кракове и в Швейцарии. Владимир Ильич радушно со мной поздоровался. Он был в том же пиджаке, что и в Швейцарии. Внешне он почти не изменился, только сильно похудел и, видимо, был переутомлен. С интересом расспрашивал о подробностях нашего путешествия, о Швейцарии, интересовался, в чем нуждаются приехавшие со мной эмигранты, как они устроились. Как всегда, Владимир Ильич уделял внимание каждой мелочи, касающейся товарищей, словно и не лежали у него теперь на плечах огромные, не терпящие отлагательства задачи всероссийского масштаба. Та же простота, та же сердечность.

Это был прежний Владимир Ильич, которого совершенно не изменили ни власть, ни торжество его долголетних мечтаний и труда.

Владимир Ильич перешел к моим личным делам. Он спросил, какую работу я хотел бы взять. Я был в затруднении: все вокруг было мне ново, я не успел еще оглядеться. Владимир Ильич начал говорить о разрухе в области здравоохранения, вызванной бойкотом со стороны буржуазной медицинской интеллигенции. Ленин говорил, что нужно напрячь все силы, чтобы преодолеть этот бессмысленный бойкот, чреватый тяжкими последствиями для тысяч больных, нуждающихся в медицинской помощи.

— Вам следует принять участие в организации центрального органа здравоохранения, — сказал Владимир Ильич. — Хорошо бы вам поработать в недавно созданном центральном органе здравоохранения, который мы на днях собираемся оформить, — в Совете врачебных коллегий.

Сказав это, Владимир Ильич вызвал по телефону товарища, ведавшего медицинской работой в Петрограде. Познакомив меня с ним, он дружески со мной распрощался.

Б. Ф. Малкин:

Особенный интерес Владимир Ильич проявлял к созываемому нами крестьянскому съезду. Я был в организационной комиссии по созыву этого съезда, и, помнится, Владимир Ильич несколько раз нас вызывал и требовал подробной информации о ходе работы, торопил нас с созывом съезда, которому он придавал исключительно большое значение.

— Нужно во что бы то ни стало разбить авксентьевскую Фонтанку, — твердил Владимир Ильич (на Фонтанке, 6 помещался правозсеровский крестьянский центр).

Одновременно с извещениями и инструкциями о крестьянском съезде, которые мы передавали по радио — по прямым проводам, через Викжель и через ПТА (Петроградское телеграфное агентство. — *Сост.*), — мы теми же способами распространяли составленные Владимиром Ильичем инструкции губернским земельным комитетам о новом земельном законе.

Несмотря на отчаянное противодействие, оказанное авксентьевцами, крестьянский съезд оказался очень многочисленным и организованным...

На четвертый день работы съезда на вечернем заседании выступил Владимир Ильич и был встречен бурной овацией.

*Из газетного отчета о речи В. И. Ленина
по аграрному вопросу
на Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов
крестьянских депутатов
14 (27) ноября 1917 г.*

Партия эсеров потерпела крах в земельном вопросе, проповедуя конфискацию помещичьих земель на словах и отказываясь осуществлять ее на деле.

Помещичье землевладение является основой крепостнического гнета, и конфискация земель помещиков — это первый шаг революции в России. Но вопрос о земле не может быть решен независимо от других задач революции. Правильная постановка этих задач вытекает из анализа тех этапов, которые прошла революция. Первый шаг — это свержение самодержавия и утверждение власти буржуазии и помещиков. Интересы помещиков тесно сплелись с интересами буржуазии, банков. Второй этап — это укрепление Советов и политика соглашения с буржуазией. Ошибка левых эсеров в том, что они в то время не выступали против политики соглашения, ссылаясь на то, что массы недостаточно развиты. Партия — это авангард класса, и задача ее вовсе не в том, чтобы отражать среднее состояние массы, а в том, чтобы вести массы за собой. Но, чтобы вести колеблющихся, надо перестать колебаться самими товарищам левым эсерам.

Товарищи левые эсеры, в июле началась полоса разрыва народных масс с политикой соглашения, но левые эсеры и до сих пор подают всю руку Авксентьевым, протягивая рабочим лишь мизинец. Если соглашательство будет продолжаться, то революция погибла. Если крестьянство поддержит рабочих, то только в этом случае можно разрешить задачи революции. Соглашательство — это попытка рабочих, крестьянских и солдатских масс добиться осуществления своих нужд путем реформ, уступок со стороны капитала, без социалистической революции. Но нельзя дать народу мира, земли без свержения буржуазии, без социализма. Задача революции — порвать с соглашательством, а порвать с соглашательством это значит стать на путь социалистической революции.

Д. И. Гразкин:

Выступление товарища Ленина на съезде нанесло сокрушительный удар по правым эсерам и окончательно определило позицию левых социалистов-революционеров.

Съезд принял резолюцию в основном в духе выступления товарища Ленина. Съезд со знаменами и музыкой пошел в Смольный приветствовать Совнарком.

Новые делегаты, все время прибывавшие в Петроград, выражали недовольство тем, что им не удалось принять участие в работе съезда, а группа правых эсеров настаивала на открытии нового съезда, очевидно надеясь на захват исполкома. Чрезвычайный съезд крестьянских депутатов не без острой борьбы превратился во II Всероссийский съезд крестьянских депутатов (открылся 26 ноября (9 декабря) 1917 года).

Б. Ф. Малкин:

Помню, как Натансон и Прошьян высказывались было за бойкот съезда, но Владимир Ильич самым решительным образом восстал против этого:

— Нельзя бойкотировать крестьянский съезд, хотя он и созывается правыми. Нужно всеми силами попытаться расколоть его. Обязательно достаньте мне мандат на этот съезд...

Съезд проходил очень бурно, здесь нашел себе приют выгнанный с первого крестьянского съезда Чернов, и руководимая им правая часть съезда неистовствовала и бесилась при выступлениях большевиков. Левая часть съезда два раза хотела демонстративно уйти с него, но Владимир Ильич, постоянно информируемый нами о настроении съезда, категорически высказался против ухода в начале работ:

— Пусть правые отклонят наш земельный закон, тогда можно и уйти. Нужно сделать уход понятным для самых отсталых крестьянских слоев.

Чтобы положить конец колебаниям, Владимир Ильич решил приехать на другой же день утром и выступить на съезде.

Несмотря на настойчивые требования левого крыла, правые ни за что не хотели выслушать Владимира Ильича в качестве Председателя Совнаркома. Тогда Владимир Ильич неожиданно вынул свой мандат и заявил, что так

как их же собственная организационная комиссия выдала ему мандат как представителю ЦК большевиков, то он и выступит как представитель одной из правительственных партий.

Д. И. Гразкин:

Мы вели агитацию на собраниях и в кулуарах, но и правые эсеры не спали. Они усиленно обрабатывали своих единомышленников, пуская в ход самую отчаянную демагогию, извращали факты, не считаясь с истиной. В результате подобной разнузданной обработки некоторые провинциальные простаки вылезали с этим примитивным багажом на трибуну съезда. 2 (15) декабря, перед тем как говорить тов. Ленину, выступал как раз такой эсерик. Он повторил все пошлости продажной буржуазной прессы: опломбированном вагоне, о немецких деньгах, о шпионах и т. п. В. И. Ленин стоял в президиуме несколько поодаль от трибуны и смеялся. Эсерик повернулся, очевидно полагая, что он убил Ленина своей пошлостью. А когда он в изумлении увидел, что В. И. Ленин смеется, то воскликнул: «Посмотрите! Посмотрите! Этот человек еще смеется!» Тут грянул смех всего зала. Эсерик растерялся и, желая выйти из неловкого положения, крикнул: «Чего вы смеетесь? Вот Ленин разгонит вас штыками» — и затем, промямлив несколько нечленораздельных слов, сошел с трибуны.

Тов. Ленин, заявив, что он выступает от фракции большевиков и считает важным, чтобы мнение партии большевиков было известно съезду крестьянских депутатов, начал свою речь с последнего выкрика эсерика.

*Из речи В. И. Ленина
на Втором Всероссийском съезде Советов
крестьянских депутатов
2 (15) декабря 1917 г.*

Когда я пришел сюда, я слышал часть речи последнего оратора, который, обращаясь ко мне, сказал вам, что я хочу разогнать вас штыками. Товарищи, Россия выросла из того, чтобы кто-нибудь управлял ею. Вы знаете, что с тех пор, как армия сумела обратить оружие для завоевания свободы, с тех пор, как крестьяне, одетые в солдатские шинели, могут собираться и сталкиваться с кре-

стями, не носящими таких шинелей, нет такой силы, которая могла бы покорить волю народа, волю крестьян и рабочих.

Б. Ф. Малкин:

Левый сектор проводил Владимира Ильича бурными аплодисментами. На правых речь Владимира Ильича произвела сильное впечатление, и правоэсеровским лидерам так и не удалось вызвать протесты правого сектора — он смущенно молчал. Напрасно старался Чернов всяческими прибаутками, подлаживаясь под простонародный крестьянский говор, рассеять впечатление от ясных и простых ильичевских слов, глубоко запавших в крестьянскую душу.

Н. К. Крупская:

После второго доклада Ленина была принята резолюция, одобряющая работу Совнаркома и условия соглашения с левыми эсерами. Левые эсеры согласились войти в правительство, послали в наркоматы, хотя и не сразу, своих представителей...

В. И. Невский:

Железнодорожный съезд был созван в декабре 1917 г. и имел огромное значение во всей нашей борьбе с контрреволюцией. Это и понятно: железные дороги во все время гражданской войны были той стальной осью, вращая которую, русский пролетариат под руководством нашей партии направлял свои удары против врагов. Не имея путей сообщения в своих руках, нельзя было победить в революции, а иметь эти пути можно было только в том случае, если на дорогах мы располагали бы всеми командующими высотами. Высоты же эти находились в руках либо прямо наших врагов, либо мелкобуржуазных соглашательских элементов (старые специалисты, Викжель и т. п.).

Вот почему одной из главнейших задач революции в тот момент (ноябрь — декабрь) являлось вырвать власть на железных дорогах из рук Викжеля.

За весь следующий период сделано для этого нами было очень мало. Приходилось идти в бой за пути сообщения в такой момент, когда нашими противниками были завоева-

ны все командующие высоты. К счастью, ими не был завоеван (да и не мог быть завоеван) железнодорожный пролетариат. Завоевание симпатий железнодорожного пролетариата и организация нашей базы на дорогах и были той задачей, которую наметил Владимир Ильич...

С самого первого дня моего вступления в управление путями сообщения вплоть до ухода с железных дорог в марте 1919 года каждый день я делал подробнейший доклад Владимиру Ильичу либо утром, либо вечером о положении дел на железных дорогах, и ни одна мелочь не ускользала от его зоркого внимания.

В. Н. Фонченко:

13 декабря на съезд приехал Ленин. Мы встретили его у подъезда и провели в зал заседаний. Когда Владимир Ильич вышел на сцену и железнодорожники, собравшиеся со всех концов страны, впервые увидели его, поднялась буря оваций.

*Из речи В. И. Ленина на Чрезвычайном
Всероссийском съезде
железнодорожных рабочих
и мастеровых
13 (26) декабря 1917 г.*

— Позвольте приветствовать съезд от имени Совета Народных Комиссаров и надеяться, что железнодорожная организация будет вестись в соответствии с громадным большинством рабочих и крестьян России... Вы знаете, как тяжела для страны железнодорожная разруха, усугубляемая саботажем верхушек чиновничества. Вы знаете, что железнодорожная разруха делает невозможным правильный обмен между городом и деревней, который так необходим для урегулирования продовольственного дела. И чтоб урегулировать железнодорожное сообщение, нам необходима ваша помощь, товарищи. Только общими усилиями с вами мы сумеем сломать беспорядок и укрепить власть рабочих, солдат и крестьян. Советская власть только и держится на поддержке широких трудовых масс. Мы уверены, что настоящий железнодорожный съезд закрепит власть народных комиссаров созданием такой организации, которая поможет нам в борьбе за мир, землю.

В. Н. Фонченко:

Как и следовало ожидать, съезд мастеровых и рабочих полностью одобрил первые шаги Советской власти и выразил недоверие контрреволюционному Викжелю — Всероссийскому исполкому железнодорожного союза.

Н. П. Горбунов:

Приходится поражаться совершенно исключительной работоспособности Владимира Ильича, который кроме работы в Совете Народных Комиссаров был неимоверно загружен сложнейшими политическими и оперативными делами и руководством партией. Однако он находил время и для душевных бесед с отдельными партийцами и с приходившими к нему в очень большом числе беспартийными рабочими и ходоками-крестьянами.

Д. С. Соломенцев:

Новый, 1918 год я встретил в дороге. Пересаживаясь с поезда на поезд, так как никаких железнодорожных расписаний, а значит, и регулярных рейсов не существовало, я ехал в Петроград, чтобы принять участие в III Всероссийском съезде Советов...

Холодным январским утром товарный состав, на котором я заканчивал свое путешествие, наконец подполз к петроградским окраинам. Через несколько часов я уже шел по центру города, еще полного дыханием революции.

Меня поселили в небольшой комнатенке на втором этаже Смольного. Вечером я вышел в коридор поискать где-нибудь бачок с кипятком. Но в какую сторону идти? В нерешительности топчусь со стаканом в руках вблизи своей комнаты.

Позади меня послышались шаги. Я обернулся. По коридору шел небольшого роста мужчина в простеньком пиджаке. Очевидно, он еще издали заметил, что я занят какими-то поисками, так как сам, не дожидаясь, пока я спрошу его, задал вопрос:

— Вы не заблудились, товарищ? — приветливо, чуть лукаво улыбнулся.

— Да нет. Хотел бы попить, да не знаю, где тут воды достать.

— Знаете что? Идемте ко мне. Там и чайку попьем, и поговорим. Я живу здесь рядом, в соседнем коридоре.

Это приглашение было сделано с такой подкупающей простотой и искренностью, что мне и в голову не пришло отказаться. Мы подошли к комнате...

— Входите, пожалуйста,— делая широкий жест рукой, сказал мой сосед.

Вошли. Ничто не обращало на себя внимания: обстановка очень скромная. Единственное, что бросалось в глаза,— это заваленный рукописями, книгами, газетами письменный стол.

Разливая по стаканам чай, сосед спросил, откуда я.

— Делегат от Тульской губернии,— говорю.

— Ах, вот как! Ну, что у вас там делается в Туле? Крепка ли Советская власть? У крестьянства какое настроение? Поддерживают большевиков?

Я обо всем подробно рассказываю, а он все новые и новые задает вопросы, да такие, что по всему видно — знает он наши дела неплохо.

Потом спрашивает меня:

— Вы большевик?

— Да,— отвечаю,— еще с пятого года. В первой революции участвовал.

— Такие старые партийцы, как вы,— крепкая опора новой власти. Но за удержание этой власти предстоит еще вести тяжелую и долгую борьбу.

Он на минуту задумался, а потом повторил:

— Да, борьба идет не на жизнь, а на смерть. Мы должны быть готовы выдержать ее до конца и победить!

Попили чаю, поговорили. Я собрался уходить. Благодарю за угощение, прощаюсь, а он пожимает руку и говорит:

— Всего хорошего, товарищ... товарищ...

Подсказываю:

— Соломенцев.

Смеется:

— Ну, вот и официально познакомились.

Тогда я в свою очередь интересуюсь:

— А вы кто будете?

— Я местный. От Петрограда делегат. Ну, всего доброго, увидимся на съезде.

До 10 (23) января — дня открытия съезда — я больше не встречал своего соседа. Десятого же задолго до начала первого заседания я уже был в Таврическом дворце. Мно-

гие делегаты встречались впервые после ссылок и тюрем, разлучавших друзей по подполью на многие годы. Обнимались, вспоминали пережитое, с удовольствием называя друг друга настоящими именами и фамилиями (партийные клички стали уже не нужны). Вдруг шум, движение в зале, аплодисменты. Бóльшая часть делегатов встала. Между рядами быстрой походкой прошел мой сосед. Он подошел к столу президиума и, смеясь, начал что-то говорить Я. М. Свердлову, которого я хорошо знал еще раньше.

— Кто это? — спросил я.

— Ленин!..

Можете себе представить мое удивление!

Г. И. Астапкович:

Как-то в январе 1918 года, дежуря у телефона, я около двух часов ночи получил сообщение о готовящемся выступлении контрреволюционеров. Пошел передать телефонограмму В. И. Ленину. Открыл дверь и увидел, что Владимир Ильич, сидя в кресле, уснул. Будить его я не стал, хотел закрыть дверь и сообщить о телефонограмме Н. И. Подвойскому. Но Ильич, услышав шорох, открыл глаза. Я сказал, что получил важное сообщение.

— И вы о таком важном событии решили мне не докладывать только из-за того, чтобы меня не беспокоить? Ваши действия неправильны, — сказал мне Владимир Ильич. — Запомните: если дело идет об угрозе революции, вы должны мне сообщить об этом в любое время дня и ночи.

Интересы революции, интересы рабочего класса Ленин ставил превыше всего и учил этому других.

Карл Идман:

Ленин принял нас дружелюбно и извинился, что нам пришлось долго ждать.

Комната, в которой мы находились, была разделена дощатой перегородкой на две части. В одной из них за столом сидели два человека. Ленин попросил нас пройти на другую половину, которая, очевидно, считалась «святая святых». Правда, эта комната ничем не отличалась от других комнат Смольного и была такой же простой, как и остальные: побеленные стены, деревянный стол и несколько стульев.

Мы-сели, Энкель стал подробнейшим образом доклады-

вать о ходе событий в Финляндии после Ноябрьской революции и о том, как эти события привели к провозглашению независимости. Он объяснил также, почему правительство Финляндии не сразу обратилось к Советскому правительству. Ждали созыва Учредительного собрания. Все предшествующие правительства России утверждали, что только Учредительное собрание имеет право согласиться с нашим желанием. Но поскольку сейчас не известно, соберется ли вообще Учредительное собрание, а если и соберется, то будет ли оно жизнеспособным, сенат Финляндии решил обратиться к Совету Народных Комиссаров.

Ленин ответил на это, что Учредительное собрание будет, конечно, созвано в ближайшее время, «но сенат должен сам решить, как действовать и к кому обратиться». Если он обратится к Совету Народных Комиссаров, то тот, несомненно, немедленно признает независимость Финляндии. По существующему законодательному порядку решение Совнаркома должно быть утверждено Центральным Исполнительным Комитетом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Ленин был уверен, что и здесь не будет никаких препятствий...

В следующей поездке в Петроград принял участие вместе со мной и сенатором Энкелем также председатель сената и премьер-министр Свинхувуд...

По нашему календарю это был как раз канун нового года, русский календарь отставал тогда от нашего на 13 дней. Мы с любопытством ожидали, в каком году — в 1917-м или в 1918-м — Совнарком вынесет свое решение.

За несколько минут до полуночи дверь отворилась, в комнату вошел Бонч-Бруевич и передал нам документ, подписанный народными комиссарами. В нем было сказано: «...Совет Народных Комиссаров, в полном согласии с принципами права наций на самоопределение, постановляет:

Войти в Центральный Исполнительный Комитет с предложением:

а) признать государственную независимость Финляндской Республики и

б) организовать, по соглашению с финляндским правительством, особую комиссию из представителей обеих сторон для разработки тех практических мероприятий, которые вытекают из отделения Финляндии от России...»

Получив документ, мы несколько изумились, так как не ожидали, что признание будет получено так быстро.

Нечего и говорить о том, какое величайшее удовлетворение и радость испытали мы тогда, получив это первое признание независимости Финляндии. Исполнилась заветная мечта всего народа Финляндии. Естественно, что нас охватило чувство благодарности к правительству Ленина, которое без всяких условий признало независимость нашего народа...

Спустя минуту Ленин вышел. Улыбаясь, он спросил, довольны ли мы. «Очень даже довольны», — ответил Свинхувуд.

А. М. Коллонтай:

Январь 1918 года. Сумерки. Смольный в огнях светится. И за окнами жизнь шумит и кипит по-обычному. На лестнице встречаю матросов с наганами, красногвардейцев, которые взволнованно что-то обсуждают и спешат. На широкой лестнице Смольного, как всегда, накурено и спертый, тяжелый воздух. Пулеметы и ящики с военным снаряжением.

На вечер назначено совещание Совнаркома. Но я нарочно пришла пораньше, чтобы застать Якова Михайловича Свердлова. Пришла я настолько рано, что иду прямо в кабинет Ленина и, уверенная, что там никого нет, не постучавшись, отворяю дверь.

В комнате темно, но я могу различить у окна стоящего человека и по силуэту, вырисовывающемуся на фоне ясного зимнего неба, узнаю, что это Владимир Ильич. Я замираю от неожиданности и неловкости, что ворвалась, не постучав.

Владимир Ильич стоит неподвижно, спиной к двери. Он смотрит в окно, высоко подняв голову, очевидно, глядит на небо. А небо зимнее, светлое и очень звездное. Я боюсь пошевелиться. В комнате тихо-тихо.

Неожиданно голос Владимира Ильича прерывает тишину.

— Звезды, — говорит он. — Какие звезды сегодня! Очевидно, мороз покрепчал.

И вдруг, повернувшись в мою сторону, спрашивает:

— А вы когда-нибудь смотрите на звездное небо?

Мой ответ:

— Когда бываю на океане или в деревне.

— На океане? Ах да, ведь вы были в Америке! А я в ранней юности очень хорошо знал все созвездия, теперь

начинаю забывать. Некогда... Вы, собственно, к кому, к мне?

Я ответила, что к Якову Михайловичу.

— Да, он обещал прийти пораньше.

Я выхожу из кабинета и сталкиваюсь с комиссаром флота Измайловым. По выражению его лица сразу понимаю, что случилось что-то очень серьезное. От товарищей, столпившихся в соседней комнате, узнаю о том, что матросы устроили самосуд над двумя эсерами*.

Я поспешила обратно в кабинет Ленина. Никогда я еще не видела Владимира Ильича таким возбужденным и рассерженным. Всегда бледное его лицо побагровело, и в голосе звучали непривычно грозные ноты.

Роман Аврамов:

Одно из моих посещений В. И. Ленина в Смольном совпало с убийством кадетов Шингарева и Кокошкина. Я не могу припомнить в настоящий момент подробности этого посещения, но помню хорошо, с каким неистовством В. И. Ленин требовал к себе В. Д. Бонч-Бруевича, бывшего тогда каким-то важным лицом в Смольном, настаивал на немедленном принятии мер для выяснения и задержания виновных, телефонировал куда-то и вообще находился в каком-то чрезвычайном возбуждении, говорившем о том, что убийство кадетов ему было крайне неприятно. Во время этой суматохи мне было ужасно не по себе. Сообщение об убийстве так непосредственно захватило Владимира Ильича, что он обо мне совсем забыл.

А. М. Коллонтай:

Высокий, плечистый матрос, комиссар Балтфлота Измайлов, показался мне вдруг маленьким, растерянным и напуганным.

— Самосуд! — говорил Владимир Ильич. — Мы не потерпим этого. И виновных предадим законному народному суду. Скажите вашему Балтфлоту: то, что вынужден был терпеть Керенский, того не потерпит власть рабочих и крестьян. Наше государство народное, а народ требует законности и справедливости. Можете идти.

* А. М. Коллонтай допустила в воспоминаниях ошибку: самосуд был устроен над кадетами.

И затем, повернувшись ко мне, Владимир Ильич уже другим тоном, но очень внушительно и серьезно добавил:

— Советую вам, товарищ Коллонтай, сейчас же поехать к вашим друзьям-балтфлотовцам и разъяснить им, что Советская власть не терпит анархии. И пусть они бросят свои самостийные штучки. Мы их за это по головке не погладим. Нет. Анархии мы не потерпим!

*Телефонограмма в Народный комиссариат юстиции **

Я только что получил донесение, что сегодня ночью матросы пришли в Мариинскую больницу и убили Шингарева и Кокошкина. Предписываю немедленно: во-первых, начать строжайшее следствие; во-вторых, арестовать виновных в убийстве матросов.

Ленин

Роман Аврамов:

Когда же эта буря прошла и он меня снова заметил около окна своего кабинета, то долго, строго и пристально смотрел на меня, точно изучал. Должно быть, поняв, что мне ужасно неловко и что я искренне желаю уверить его, что я ничего не заметил и что никому не скажу о том, чему был невольным свидетелем, он, улыбаясь, проговорил что-то о «наших ребятах» и о революции, вспомнил вслух, что меня-то ведь без пропуска не выпускают из Смольного, написал мне пропуск на клочке бумаги и отпустил меня, сказав, как попросить внизу автомобиль, чтобы вернуться в гостиницу.

А. М. Коллонтай:

Когда я вернулась в Смольный, Владимир Ильич был совершенно спокоен и выдержан, как всегда. Лицо его было бледно, а глаза даже улыбались, когда он, повернувшись ко мне, сказал:

— Вот вам и гляди на звезды!

Н. К. Крупская:

Ильича я видела очень мало за период нашего пребывания в Питере, он был все время занят разговорами с солдатскими, рабочими, крестьянскими делегатами, посто-

* Написано 7(20) января 1918 г.

янно были у него совещания, работал он усиленно над декретами, которые ложились в основу вновь создаваемого Советского государства.

СМОЛЬНИНСКИЕ БУДНИ

В. Д. Бонч-Бруевич:

С первых дней Октябрьской революции в течение двух недель Владимир Ильич жил главным образом у меня на квартире в Петрограде, на Херсонской ул., д. 5, кв. 9. Я был озабочен устроить ему и Надежде Константиновне подходящее помещение в самом Смольном, которое должно было: 1) быть близким от его рабочего кабинета в Совнарком; 2) отвечать условиям конспиративности; 3) было бы подходяще в бытовом отношении и 4) имело бы на всякий случай запасной выход, которым мог бы пользоваться только один Владимир Ильич. Обследовав все помещения Смольного, я прежде всего перевел кабинет Владимира Ильича в другое место, к которому через коридор примыкал выход на лестницу во второй этаж, где раньше жили классные дамы Смольного института. В этом втором этаже было пять комнат, две из которых я предназначал Владимиру Ильичу. Здесь же были кухня, водопровод, теплая уборная и небольшое помещение, вроде кладовой. Квартира освещалась электричеством. Владимиру Ильичу понравились эти комнаты отдаленностью и тишиной. Выход из них был в небольшой светлый тамбур, а оттуда на задний двор Смольного. Здесь было достаточно уединенно...

Обе комнаты, где поселился Владимир Ильич, идущие вглубь одна за другой, были очень скромные, с самой обыкновенной мебелью. Тут стояли две институтские железные кровати с обыкновенными матрацами, стол, несколько стульев, небольшое зеркало, чемоданы Владимира Ильича и Надежды Константиновны, которые мы незаметно перевезли в один из вечеров с моей квартиры и квартиры Елизаровой, где находились вещи Надежды Константиновны.

Н. К. Крупская:

Наконец мы поселились с Ильичем в Смольном. Нам отвели там комнату, где раньше жила какая-то классная дама. Комната с перегородкой, за которой стояла кровать. Ходить надо было через умывальную. В лифте можно было

подыматься наверх, где был кабинет Ильича, где он работал. Против его кабинета была небольшая комната — приемная. Делегация за делегацией приходили к нему. Особенно много делегаций приезжало с фронта. Зайдешь, бывало, к нему, а он в приемной. Стоят там солдаты, набившись плечом к плечу, слушают не шевелясь, а Ильич стоит около окна и что-то им толкует. Работа Ильича шла в обстановке тогдашнего Смольного, всегда переполненного народом. Все туда тянулись. Смольный охраняли солдаты пулеметного полка...

...К Ильичу был приставлен один из пулеметчиков, т. Желтышев, крестьянин Уфимской губернии. Ильича он очень любил, относился к нему с большой заботой, обслуживал его, носил ему обед из столовки, которая была в то время в Смольном...

Я целыми днями была на работе, сначала в Выборгском районе, потом в Наркомпросе. Ильич был порядочно-таки беспризорный. Желтышев носил Ильичу обед, хлеб, то, что полагалось по пайку. Мария Ильинична привозила иногда Ильичу из дому всякую пищу, но меня не бывало дома, регулярной заботы о его питании не было...

Наконец у нас водворилась мать Шотмана, финка, очень любившая сына, гордившаяся тем, что он был делегатом II съезда партии, помогал Ильичу скрываться в июльские дни. Она завела чистоту, тот порядок, который так любил в домашней жизни Ильич, стала просвещать и Желтышева, и уборщиц, и подавальщиц столовой. Теперь можно было, уезжая, быть спокойной, что Ильич будет сыт, хорошо обслужен...

...Под вечерок, в сумерках, или поздно ночью, ходили мы с ним немного побродить около Смольного; у Ильича теперь больше, чем когда-либо, была потребность выговориться, поговорить о том, что больше всего заботило. Но времени было в обрез. О ходе работы я не столько знала от него, сколько со стороны. В коридорах Смольного всегда можно было встретить массу партийной публики. И товарищи, знавшие меня по загранице, по пятому году, по Выборгскому району, делились со мною, по старой привычке, своими переживаниями, и потому я подробно знала, что, в каком разделе делалось.

С. К. Гиль:

В эти дни Петроград жил тревожной и лихорадочной жизнью. Боевые отряды рабочих и солдат двигались по всем направлениям. На улицах не смолкала беспорядочная стрельба, иногда слышались залпы, на которые, впрочем, мало кто обращал внимание.

Я сидел за рулем автомобиля и ждал. Какой-то человек в штатском приблизился ко мне и спросил:

— Вы к Ленину?

Получив утвердительный ответ, он добавил:

— Заводите машину, сейчас выйдет.

Через несколько минут на лестнице Смольного показались три человека: двое — крупного роста, из них один в военной форме, и третий — невысокий, в черном пальто с каракулевым воротником и шапке-ушанке. Они направились ко мне.

В голове пронеслась мысль: кто из них Ленин? К машине первым подошел невысокий в черном пальто, быстрым движением открыл дверцу моей кабины и сказал:

— Здравствуйте, товарищ! Как ваша фамилия?

— Гиль, — ответил я.

— Будем знакомы, товарищ Гиль, — и он протянул мне руку, — вы будете со мной ездить.

Он приветливо заглянул мне в глаза и улыбнулся. Первое впечатление, говорят, врезается в память на всю жизнь, и ни время, ни события не способны его выветрить. Это верно. Первого рукопожатия и первых слов Владимира Ильича мне не забыть никогда.

П. А. Оцуп:

Впервые я увидел Владимира Ильича 28 октября (10 ноября) 1917 года. Он быстро шел по коридору Смольного в пальто, накинута на плечи, с большой папкой бумаг в руках. Я подошел к нему и попросил разрешения его сфотографировать.

— Сейчас не стоит, товарищ, — ответил мне Владимир Ильич. — Когда я приму свой обычный вид — вот тогда пожалуйста.

Это было вскоре после возвращения Владимира Ильича из Финляндии, где он скрывался от охраны Временного правительства и в целях конспирации вынужден был сбрить бороду...

Не забыл я... об обещании Владимира Ильича. Я попросил секретаря напомнить обо мне.

Через несколько минут меня пригласили в кабинет Ленина.

— Сколько времени займет съемка? — спросил Владимир Ильич.

— Пять — десять минут, не больше.

— Хорошо. Снимайте.

Пока я готовил аппарат, Владимир Ильич взял «Правду» и углубился в чтение. Установив штатив и наведя на фокус, я не стал терять времени и, быстро меняя кассеты, сделал три снимка.

Прочитав статью, Владимир Ильич отложил газету в сторону, извинился, что задержал меня, и попросил начать съемку. Я снял его еще несколько раз и ушел.

На следующий день, когда я принес готовые снимки, Владимир Ильич просмотрел их и удивился.

— Откуда эти, с газетой?

Я объяснил происхождение снимков. Владимир Ильич улыбнулся.

— Опасный народ вы, фотографы! — сказал он и, сделав на двух из принесенных мною портретов надпись, подарил их мне. Снимки эти я храню до сего дня, как величайшую ценность.

Во время гражданской войны я не раз выезжал на фронт и привозил оттуда фотографии для центральных газет и музеев. Владимир Ильич с удовольствием проглядывал снимки, которые я приносил ему.

— Историческое значение фотографии очень велико, — говорил Владимир Ильич.

П. Н. Лепешинский:

Попал я в Петроград в конце ноября с величайшим трудом, чуть ли, кажется, не с последним поездом перед вторжением в Могилевскую губернию польских легионов. Ближайшая моя цель по приезде — повидаться с Ильичем. Иду в Смольный. Сейчас же соображаю, что делаю глупость. Все мне говорят, да это и без того было понятно, что Ильич безумно занят, что без надобности отнимать у него дорогие минуты его времени прямо-таки грешно. Ну что ж, я и сам знаю, как это нехорошо, но Ильич пообещал мне подарить 10—15 минут свидания, и я ни за что не откажусь от этого подарка судьбы.

Когда мы встретились, что-то бесконечно теплое волною хлынуло к моему сердцу. Расцеловались и стали быстро перекидываться репликами. Нужно было что-то многое-многое сказать ему, поведать о своих надуманных в тиши мыслях в связи с тем грандиозным, что совершалось вокруг, получить от него ряд прямых ответов на проклятые вопросы — одним словом, выложить перед ним все свое нутро и взять от него максимум того интересного, значительного, поучительного и интимно-откровенного, в чем так нуждалась душа. Но выходило совсем не то. В мозгу копошилась беспокойная мысль о том, что 10—15 минут быстро протекут, как один миг, и ничего-то ты в течение этих минут не скажешь, ни одной веской, интересной мысли не развернешь в кратком, торопливом, бессистемном разговоре, никакой существенной пользы для ума и сердца из этого свидания не извлечешь. И вот язык выкраивает какие-то незначительные фразы со справками о здоровье, о самочувствии и т. п., и только глаза не теряют даром времени и стараются прочесть на дорогом лице таинственную повесть о пережитых волнениях, о бессонных ночах, о чувстве великой ответственности перед историей за «дерзкий вызов небу» и об испытанных революционных восторгах.

И действительно, это бледно-желтое лицо, чрезвычайно похудевшее, но отсвечивающее яркими отблесками внутренних переживаний Ильича за все эти чудно-прекрасные, сумасшедшие дни, необычайно интересно. Оно, это лицо, целая поэма. Глаза, обычно смеющиеся, лукавые пльичевские глаза, на этот раз горят, как у лихорадочного больного. Они смотрят куда-то вдаль. Чувствуется, что предмет их внимания не здесь, не в этой комнате, а где-то там, далеко за пределами данного места и времени. Быть может, они, эти пытливые глаза, уже различают контуры завтрашнего дня? Быть может, перед умственным взором обладателя этих глаз сквозь дымку настоящего, через голову случайного собеседника, с которым он непринужденно перекидывается фразками, но которого, вероятно, почти не видит, встают картины грядущих столкновений двух миров на земле, кровавые бои двух смертельных врагов в расколовшемся надвое человечестве? Кто знает?

— А что, Ильич, — спрашиваю шутливо, — не сыграть ли нам как-нибудь в шахматшки, а? Помните старые-то времена?

Боже мой, какой веселый, раскатистый хохот удалось мне исторгнуть своей фразой из груди Ильича! Его глаза

перестали смотреть вдаль и привычно залукавились, оглядывая того чудака, который так «вовремя» вспомнил о шахматах.

— Нет,— сказал наконец серьезно Ильич, немного успокоившись от охватившего его смеха.— Теперь уж не до шахмат. Играть больше, вероятно, не придется.

Ильич предвидел уже, что отныне каждый атом его времени, каждый кусочек его сил, каждая частичка его «я» должны целиком, без остатка, пойти на продолжение того великого дела, начало которому положено Красным Октябрем.

А. М. Коллонтай:

Декабрь семнадцатого года. Приближаются рождественские праздники, но о них у нас, в Смольном, никто не думает. В Смольном работа кипит как в котле. Зима еще не установилась. Падает талый снег, и вдоль Невы дует холодный, северный ветер.

Надежда Константиновна старается уговорить Владимира Ильича уехать на несколько дней, на время рождества, за город. Надежда Константиновна говорит, что перерыв в работе Владимиру Ильичу необходим. Он стал плохо спать и явно утомлен.

Доктор, заведующий санаторием «Халила» в Финляндии, на Карельском перешейке, приезжал ко мне в Наркомат госпризнания и сказал, что у него в санатории есть новый домик-особняк, теплый и светлый, который он охотно предоставит в полное распоряжение Ленина. Но Владимир Ильич отмахивается от всех наших уговоров. Хотя мы и говорим, что ведь там кругом чудесный лес и можно сколько угодно ходить на охоту, Владимир Ильич отвечает: «Охота — вещь хорошая, да вот дел у нас непочатый край, развернуться развернулись, а наладить новое государство в два месяца — это и большевики не могут. На это потребуется, по крайней мере, десяток лет».

Надежда Константиновна его перебивает: «Что же, ты так и будешь все эти годы безотлучно сидеть за письменным столом?» «Ну уж там дальше посмотрим»,— сказал Владимир Ильич.

Однако прошло несколько дней, и Владимиру Ильичу пришлось в голову, что он в эти два или пять дней за городом может успеть написать целую работу, до которой в Смольном руки не доходят. И эта мысль его так воодушеви-

ла, что он утром сказал Надежде Константиновне: «Если в наркомате у Коллонтай в самом деле есть отдельный домик в лесу, где мне никто не будет мешать, то я готов уехать».

24 декабря утром я приехала на Финляндский вокзал провожать Владимира Ильича в дом отдыха. Владимир Ильич, Надежда Константиновна и Мария Ильинична только что вошли в вагон. Владимир Ильич уселся возле окна, в самый угол, чтобы быть менее заметным. Рядом с ним села Мария Ильинична, а напротив — Надежда Константиновна. Владимир Ильич считал, что будет безопаснее, если он поедет в простом пассажирском вагоне. В том же купе сядут два красноармейца и верный финский товарищ.

Владимир Ильич был в своем поношенном осеннем пальто, в котором он приехал из-за границы, и в фетровой шляпе, хотя был уже сильный мороз. Вслед за мной в вагон вошел товарищ, который нес три меховые шубы и меховую шапку с наушниками. «Это вы наденете, — сказала я Владимиру Ильичу, — когда вам придется ехать на санях в открытом поле, где, конечно, будет очень холодно. От станции до санатория очень далеко. Эти шубы, — добавила я, — взяты из склада наркомата». — «Это и видно», — сказал Владимир Ильич, отворачивая полу одной из шуб. На ней были нашиты номера склада и инвентаря. «Это вы для того, чтобы мы шубы сохранили и не забыли? Казенное добро учет любит. Так и следует».

Н. К. Крупская:

На старое рождество (24—29 декабря старого стиля, 6—11 января стиля нового) мы с Ильичем и Марией Ильиничной поехали куда-то в Финляндию. Тов. Косюра, работавшая тогда в Смольном, устроила нас в какой-то финский дом отдыха, где отдыхал тогда тоже т. Берзин. Финская специфическая белая какая-то чистота, занавески на окнах напоминали Ильичу его гельсингфорское конспиративное житье в Финляндии в период 1907 и в 1917 году перед Октябрем, когда он писал там книгу «Государство и революция». Отдых как-то не выходил, Ильич даже говорил иногда вполголоса, как в прежние времена, когда приходилось скрываться, и хоть гуляли мы каждый день, но без настоящего аппетита; думал Ильич о делах и все больше писал. То, что он тогда в эти четыре дня отдыха

написал, он считал недоделанным и тогда в оборот не пустил...

Жить «на отдыхе» долго нельзя было, прошло четыре дня, надо было ехать в Питер. Осталась почему-то в памяти зимняя дорога, поездка через финские сосновые леса, чудесное утро и озабоченность задумчивого лица Ильича. Он думал о предстоящей борьбе. В ближайшие дни должен был быть разрешен вопрос об Учредительном собрании — оно было назначено на 18 (5) января.

А. М. Коллонтай:

Через несколько дней Владимир Ильич снова работал в Смольном.

Я же получила записку от Владимира Ильича, написанную его рукой:

«Посылаю Вам с благодарностью и в полной сохранности шубы из инвентаря Вашего наркомата. Они нам оченьгодились. Нас захватила снежная буря. В самом «Халила» было хорошо».

И. М. Гордиенко:

Шли последние дни 1917-го — бурного, революционного, полного событий, которые потрясли мир. Выборгский районный Совет решил организовать встречу Нового года, на которую собирались пригласить актив: депутатов, членов заводских комитетов, красногвардейцев. Программу этого вечера поручили подготовить Косте Лебедеву, слесарю с «Айваза», председателю культкомиссии...

Программа новогодней встречи была разработана... Почти все в этой программе вызвало одобрение. Утвердили место встречи — актовый зал Михайловского училища. Горячо приняли предложение послать пригласительные билеты Владимиру Ильичу, Надежде Константиновне, народным комиссарам...

Незадолго до этого мы узнали, что Надежда Константиновна заболела. Решаем навестить ее. Едем втроем: секретарь райкома Женя Егорова, Иван Чугурин и я. Прихватили с собой масла, пол-литра молока, пачку печенья, лимон. Приезжаем, входим в комнату. Крупская лежит с обвязанной головой, тепло укутанная. На стуле возле кровати склянки с лекарствами. Владимир Ильич дома. Сидит за письменным столом, пишет. Увидел нас, поздоровался и

еще ниже склонил голову над листом бумаги. Надежда Константиновна рада нашему приходу, но бранит за принесенные продукты! «Вот это уж ни к чему! Где вы все это раздобыли?..»

Переговариваемся шепотом, чтобы не мешать Ильичу. Но вот он встает, подходит к кровати, смотрит на Надежду Константиновну и говорит, обращаясь к нам: «Что мне с ней делать? Совершенно отбилась от рук. Не слушается, не подчиняется. Бегает по городу в пальто нараспашку, словно молоденькая курсистка... Так можно и воспаление легких схватить».

Крупская смеется.

«Не слушайте этого ворчуна. Сам хорош! Люди добрые в такой поздний час отдыхают. А он, сами видели, нарабатывшись целый день, строчит и строчит. И ночью будет сидеть...»

«Ах, ты меня еще и критикуешь! — воскликнул Ильич. — Взгляните, товарищи, в чем она ходит. — И, стремительно нагнувшись, вытащил из-под кровати старенькие, вдрызг заношенные туфли, ткнул пальцем в подошву, палец провалился. — И в таких вот развалюшках топают в непогоду. Некогда починить, а о новых и слышать не хочет... Вот что! — сверкнул Ильич глазами. — Вхожу с вами, выборжцы, в заговор. Пока Наденька лежит, а полежит она у меня с неделю — я теперь за нее возьмусь, давайте починим ей ботинки! Есть у вас на Выборгской сапожники?»

«Буржуев нет, а сапожники найдутся», — сказал Чугурин.

«И отлично! Забирайте туфли. Вот вам деньги на починку».

Мы стали отказываться от денег, потом, говорим, рассчитаемся, но Ильич заставил взять...

Сапожники, конечно, нашлись, но починить обувь оказалось не так просто. Стельки сгнили, делать перетяжку — размер уменьшится на два номера. И мы купили новые туфли. А заодно и галоши. Но как передать покупку Надежде Константиновне? Разве она возьмет! А что, если принести сверток и сказать, что это починенные ботинки? Зная характер Крупской, мы были уверены, что она не станет развертывать пакет. Так и было. Мы снова навестили больную. На этот раз Ильича не было дома. Порадовались, что дело идет на поправку, и ушли, оставив сверток на кровати.

Н. К. Крупская:

Встреча Нового года была связана с проводами товарищей — выборгских красногвардейцев на фронт. Многие из них участвовали в борьбе с войсками Керенского, двинутыми на Питер. Они ехали на фронт, чтобы вести пропаганду за Советскую власть, будить активность солдат, внести во всю борьбу революционный дух. Встреча Нового года была организована в большом помещении Михайловского юнкерского училища. Отъезжающим товарищам, да и всем выборжцам, хотелось повидать Ильича, и я стала соблазнять его поехать туда, встретить первый советский Новый год с рабочими. Ильичу этот проект не понравился. Мы двинулись. Еле выбрались с площади. По случаю упразднения дворников никто снег не расчищал, и нужно было большое искусство со стороны шофера, чтобы пробраться через наваленные горы снега. Приехали в 11^{1/2} часов вечера. Большой «белый» зал Михайловского училища напоминал манеж. Ильич, радостно встреченный рабочими, взошел на трибуну, аудитория зажгла его, и хоть говорил он просто, без громких фраз и восклицаний, но излагал он то, о чем он так неустанно думал последнее время, говорил о том, как должны рабочие по-новому организовать через Советы всю свою жизнь. Говорил и о том, как должны товарищи, едущие на фронт, вести там работу среди солдат.

М. И. Ульянова:

1 (14) января 1918 года, под вечер, Владимир Ильич выступал в Михайловском манеже перед первым отрядом социалистической армии, уезжавшим на фронт.

На митинг его сопровождали: швейцарский товарищ Платтен и пишущая эти строки.

Альберт Рис Вильямс:

Ленин всегда стремился воздействовать в первую очередь на ум, а не на чувства. Тем не менее по реакции его слушателей можно было судить, какой силой эмоционального воздействия обладала ленинская логика.

Мне довелось выступать на митинге после Ленина. Это случилось в Михайловском манеже в январе 1918 года, когда на фронт отправлялся первый отряд защитников

Советской страны. Колеблющееся пламя факелов освещало огромное помещение, делая длинные ряды броневиков похожими на каких-то допотопных чудовищ. Вся большая арена и стоявшие на ней бронеавтомобили были усеяны темными фигурами новобранцев, плохо вооруженных, но сильных своим революционным пылом. Чтобы согреться, они плясали и притопывали ногами, а чтобы поддержать хорошее настроение, пели революционные песни и частушки.

Громкие крики возвестили о прибытии Ленина. Он поднялся на один из бронеавтомобилей и начал говорить. В полумраке слушавшие его люди вытягивали шеи и жадно ловили каждое слово.

*Из краткого газетного отчета о речи В. И. Ленина
на проводах первых эшелонов
социалистической армии
1 (14) января 1918 г.*

Товарищи, я приветствую в вашем лице решимость русского пролетариата бороться за торжество русской революции, за торжество великих ее лозунгов не только в нашей земле, но и среди народов всего мира. Приветствую в вашем лице тех первых героев-добровольцев социалистической армии, которые создадут сильную революционную армию. И эта армия призывается оберегать завоевания революции, нашу народную власть, Советы солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, весь новый, истинно демократический строй от всех врагов народа, которые ныне употребляют все средства, чтобы погубить революцию. Эти враги — капиталисты всего мира, организующие в настоящее время поход против русской революции, которая несет избавление всем трудящимся. Нам надо показать, что мы — сила, способная победить все преграды на пути мировой революции. Пусть товарищи, отправляющиеся в окопы, поддержат слабых, утвердят колеблющихся и вдохновят своим личным примером всех уставших.

М. И. Ульянова:

Выйдя после митинга из манежа, мы сели в закрытый автомобиль и поехали в Смольный. Но не успели мы отъехать и нескольких десятков саженей, как сзади в кузов автомобиля как горох посыпались ружейные пули. «Стре-

ляют», — сказала я. Это подтвердил и Платтен, который первым делом схватил голову Владимира Ильича (они сидели сзади) и отвел ее в сторону, но Ильич принялся уверять нас, что мы ошибаемся и что он не думает, чтобы это была стрельба. После выстрелов шофер ускорил ход, потом, завернув за угол, остановился и, открыв двери автомобиля, спросил: «Все живы?» — «Разве в самом деле стреляли?» — спросил его Ильич. «А то как же! — ответил шофер. — Я думал — никого из вас уже и нет. Счастливо отделались. Если бы в шину попали, не уехать бы нам. Да и так ехать-то очень быстро нельзя было — туман, и то уж на риск ехали».

Все кругом было действительно бело от густого питерского тумана.

Доехав до Смольного, мы принялись обследовать машину. Оказалось, что кузов был продырявлен в нескольких местах пулями, некоторые из них пролетели навылет, пробив переднее стекло. Тут же мы обнаружили, что рука тов. Платтена в крови. Пуля задела его, очевидно, когда он отводил голову Владимира Ильича, и содрала на пальце кожу.

«Да, счастливо отделались», — говорили мы, поднимаясь по лестнице в кабинет Ильича.

Адам Эгgede-Ниссен:

Времени — два часа ночи. Только что возвратился из Смольного, где встречался с Лениным. Он не казался взволнованным после покушения, которому недавно подвергся. Было произведено четыре выстрела — по крайней мере один из них попал в машину и задел швейцарского товарища Платтена, который сидел вместе с Лениным. «Это покушение показывает, что власть Ленина непрочна», — говорили враги.

Ленин со своей стороны сказал мне, пригласив к чаю в скромной столовой Смольного, что внутреннее положение правительства очень хорошее. Его, наоборот, больше беспокоит позиция немцев. Переговоры продолжаются, и Ленин все время получает сообщения об их ходе...

Программа, которую мы в настоящее время хотим осуществить при участии или без участия Учредительного собрания, будет изложена 18 января, в день открытия этого собрания.

Я спросил Ленина, надеется ли он получить большинство. Он ответил:

— Большинство в Учредительном собрании или же нет, теперь безразлично. Сегодня мы имеем большинство в народе. Мы, то есть большевики и левые эсеры. Да и условия сейчас уже не те, что были во время выборов.

КОНЕЦ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

Н. К. Крупская:

К началу 1918 г. вопрос об Учредительном собрании был уже совершенно ясен...

*Из тезисов об Учредительном собрании **

1. Требование созыва Учредительного собрания входило вполне законно в программу революционной социал-демократии, так как в буржуазной республике Учредительное собрание является высшей формой демократизма и так как империалистская республика с Керенским во главе, создавая предпарламент, готовила подделку выборов с рядом нарушений демократизма.

2. Выставляя требование созыва Учредительного собрания, революционная социал-демократия с самого начала революции 1917 года неоднократно подчеркивала, что республика Советов является более высокой формой демократизма, чем обычная буржуазная республика с Учредительным собранием.

3. Для перехода от буржуазного строя к социалистическому, для диктатуры пролетариата, республика Советов (рабочих, солдатских и крестьянских депутатов) является не только формой более высокого типа демократических учреждений (по сравнению с обычной буржуазной республикой при Учредительном собрании как венце ее), но и единственной формой, способной обеспечить наиболее безболезненный переход к социализму.

4. Созыв Учредительного собрания в нашей революции по спискам, предъявленным в половине октября 1917 года,

* Написаны В. И. Лениным.

происходит при таких условиях, которые исключают возможность правильного выражения воли народа вообще и трудящихся масс в особенности, выборами в это Учредительное собрание...

...Учредительное собрание, созываемое по спискам партий, существовавших до пролетарски-крестьянской революции, в обстановке господства буржуазии, неминуемо приходит в столкновение с волей и интересами трудящихся и эксплуатируемых классов, начавших 25 октября социалистическую революцию против буржуазии. Естественно, что интересы этой революции стоят выше формальных прав Учредительного собрания, даже если бы эти формальные права не были подорваны отсутствием в законе об Учредительном собрании признания права народа на пере выборы своих депутатов в любое время.

Н. К. Крупская:

Лозунг «Вся власть Советам», который писали на своих знаменах рабочие и крестьяне, по существу дела уже пред решал, в каком направлении будет идти борьба в Учредительном собрании: одна сторона будет за власть Советов, другая — за власть буржуазии, оформленную в тот или иной тип буржуазной республики. II съезд Советов пред решил уже вопрос о типе власти, и Учредительное собрание должно было лишь оформить создавшуюся форму власти, подработать детали. Так считали большевики. Бур жуазия же считала, что Учредительное собрание может повернуть колесо истории и, оформив власть типа бур жуазной республики, ликвидировать Советы или, во всяком случае, свести на нет их роль.

*Из речи В. И. Ленина
на Втором Всероссийском съезде
Советов крестьянских депутатов
2 (15) декабря 1917 г.*

Товарищи, здесь говорили, что новая волна революции, быть может, сметет Советы. Я говорю: этого не будет. Я твердо уверен, что Советы никогда не погибнут; революция 25 октября доказала нам это. Советы никогда не погибнут, потому что они образовались еще в первую революцию 1905 года, образовались и после Февральской революции и не по чьему-либо личному почину, а по воле

народных масс, снизу. Здесь не может быть никаких ограничений, никаких формальностей, потому что они образованы по воле народа, и народ волен отозвать в любой момент своих представителей. Советы выше всяких парламентов, всяких учредительных собраний. (Шум, крики: «Ложь!».) Партия большевиков всегда говорила, что высший орган — Советы. Нельзя говорить, что это ложь, потому что через Учредительное собрание революции, которые были в Европе и которые свержали монархию, образовывали буржуазную республику. Такая революция, какая произошла у нас, никогда и нигде еще не была...

И вот теперь, когда созывается Учредительное собрание, мы говорим: когда придет 400 человек членов Учредительного собрания, мы его откроем. Мы видим, что заговор кадетов продолжается, мы видим, что они организуют восстание против Советов во имя золотого мешка, корысти, богатства, мы открыто объявляем их врагами народа. В то время, как у нас на днях будут известны условия мира, когда у нас будет перемирие, когда члены земельных комитетов не будут арестовываться, когда помещичьи земли будут конфисковываться, когда будет контроль над фабриками и заводами, они устраивают заговор против нас, против Советов. И мы говорим, что они, партия кадетов — партия буржуазии, враги народа, и мы будем бороться с ней.

К. Т. Свердлова:

3 (16) января 1918 года Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет рассмотрел и принял документ величайшей исторической важности — Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа, составленную Лениным.

Из Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа

Учредительное собрание постановляет:

I 1. Россия объявляется республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам.

2. Советская Российская республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация Советских национальных республик.

II. Ставя своей основной задачей уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление сопротивления эксплуататоров, установление социалистической организации общества и победу социализма во всех странах, Учредительное собрание постановляет далее:

1. Частная собственность на землю отменяется. Вся земля, со всеми постройками, инвентарем и прочими принадлежностями сельскохозяйственного производства, объявляется достоянием всего трудящегося народа.

*Постановление ВЦИК 3 (16) января 1918 г. **

На основании всех завоеваний Октябрьской революции и согласно принятой на заседании Центрального Исполнительного Комитета 3-го января с. г. Декларации трудового и эксплуатируемого народа вся власть в Российской республике принадлежит Советам и советским учреждениям. Поэтому всякая попытка со стороны кого бы то ни было или какого бы то ни было учреждения присвоить себе те или иные функции государственной власти будет рассматриваема, как контрреволюционное действие. Всякая такая попытка будет подавляться всеми имеющимися в распоряжении Советской власти средствами, вплоть до применения вооруженной силы.

М. Н. Коковихин:

Потерпевшие поражение в дни Октября правые эсеры и меньшевики решили теперь поправить свои дела в Учредительном собрании. Располагая формальным большинством голосов, они отвергли предложенную большевиками декларацию и выдвинули лозунг: «Власть принадлежит Учредительному собранию!» Таким образом, сразу же встретились два исключаящих друг друга предложения: быть ли России буржуазной республикой с Учредительным собранием или народной республикой Советов, ставящей своей задачей построение социалистического общества?

* Написано В. И. Лениным.

Н. К. Крупская:

Учредительное собрание должно было собраться в Таврическом дворце. Организован был военный штаб, в котором участвовали Свердлов, Подвойский, Прошьян, Урицкий, Бонч-Бруевич и др. Город и Смольнинский район были разбиты по участкам, за охрану взялись рабочие. Для охраны порядка в самом Таврическом дворце, возле него и в примыкающих кварталах вызвана была команда с крейсера «Аврора» и две роты с броненосца «Республика». Вооруженного восстания, которое готовил «Союз защиты Учредительного собрания», не вышло, была обывательская демонстрация под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию», которая на углу Невского и Литейного столкнулась с нашей рабочей демонстрацией, шедшей под лозунгом «Да здравствует Советская власть». Произошло вооруженное столкновение, быстро ликвидированное.

В. Д. Бонч-Бруевич:

В Смольном я повидал Владимира Ильича, рассказал ему обо всем виденном и сообщил, что в нашу 75-ю комнату пришло несколько известий о вооруженных столкновениях на Невском и Литейном, где наши войска ответили огнем на выстрелы из толпы, сразившие несколько человек. Пострадавших с той и другой стороны доставили в городскую больницу на Литейном проспекте. Владимир Ильич распорядился немедленно назначить следствие об этих столкновениях...

Наконец наступил момент отъезда Владимира Ильича в Таврический. С ним ехали Мария Ильинична, Надежда Константиновна, Вера Михайловна Величкина (Бонч-Бруевич) и я...

Мы прошли в заранее приготовленные для Владимира Ильича комнаты. Так как никто ничего до сего времени не ел, то мы заказали обеды и сели подкрепляться. Мы разговаривали с подоспевшими сюда товарищами, обсуждая судьбу сегодняшнего собрания...

— Пора начинать, — сказал Владимир Ильич и двинулся по длинному коридору к залу. Мы все сопровождали его.

Подходя к самому залу заседания, мы услышали шум. Владимир Ильич насторожился и пошел скорее вперед. Подошли к трибуне, на которую взобрался какой-то боро-

датый господин, как оказалось после, самый старший по годам из съехавшихся членов Учредительного собрания, правый эсер Швецов, и стал ораторствовать, что им нечего-де дожидаться открытия Учредительного собрания представителем той власти, которую они не признают, что они должны «открыться» сами и что вот его как старшего уполномочили все это произнести. Произошло некоторое замешательство.

Свердлов где-то задержался, мы искали его глазами. Левая Учредительного собрания, состоявшая из наших единомышленников, ответила на это заявление правого эсера громким шумом, требуя, чтобы этот самозванец немедленно покинул трибуну. Эсеры, меньшевики, беспартийные, кадеты в свою очередь подняли вой, и там на местах загорелась такая словесная дуэль, что небу стало жарко...

Свердлов открыл от имени правительства заседание Учредительного собрания и, соблюдая все формальности, предложил выбрать председателя...

Председателем большинством голосов выбрали Виктора Чернова. Свердлов передал ему бразды руководства собранием и так же спокойно, не спеша спустился с трибуны, как и вошел на нее.

Этот знаменитый эсеровский «водолей» обрадовался, что может говорить сколько угодно и что его никто не остановит, и стал говорить столь расплывчато и обширно, что ясно было, что его красноречию не будет конца.

Из статьи В. И. Ленина «Люди с того света»

«Я потерял понапрасну день, мои друзья». Так гласит одно старое латинское изречение. Невольно вспоминаешь его, когда думаешь о потере дня 5-го января.

После живой, настоящей, советской работы, среди рабочих и крестьян, которые заняты *делом*, рубкой леса и корчеванием пней помещичьей и капиталистической эксплуатации,— вдруг пришлось перенестись в «чужой мир», к каким-то пришельцам с того света, из лагеря буржуазии и ее вольных и невольных, сознательных и бессознательных поборников, прихлебателей, слуг и защитников. Из мира борьбы трудящихся масс, и их советской организации, против эксплуататоров — в мир сладеньких фраз, прилизанных, пустейших декламаций, посулов и посулов, основанных по-прежнему на соглашательстве с капиталистами...

Это ужасно! Из среды живых людей попасть в общество трупов, дышать трупным запахом, слушать тех же самых мумий «социального», лублановского фразерства, Чернова и Церетели, это нечто нестерпимое.

В. Д. Бонч-Бруевич:

По одному из вопросов пришлось взять слово И. И. Скворцову-Степанову, который был делегатом от Москвы. Он прекрасно сказал о том, что «нам, большевикам, и вам, эсерам и меньшевикам, не по пути, ибо мы стоим по разным сторонам баррикад».

Владимиру Ильичу очень понравилась речь тов. Скворцова-Степанова, и он в течение этого дня несколько раз в разговоре возвращался к ней, заявляя всем, что это был прекрасный, ясный, точный, обоснованный, доступный образец политической речи.

Н. К. Крупская:

За обсуждение декларации ВЦИК высказалось лишь 146 депутатов, против — 247. Большевики и левые эсеры потребовали перерыва. Большевистская фракция Учредительного собрания собралась обсудить вопрос, что делать дальше. Было решено: в зал заседания не возвращаться.

*Декларация фракции РСДРП (большевиков),
оглашенная на заседании Учредительного собрания
5 (18) января 1918 г. **

Громадное большинство трудовой России — рабочие, крестьяне, солдаты — предъявили Учредительному собранию требование признать завоевания Великой Октябрьской революции, советские декреты о земле, мире, о рабочем контроле и прежде всего признать власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Всероссийский ЦИК, выполняя волю этого громадного большинства трудящихся классов России, предложил Учредительному собранию признать для себя обязательной эту волю. Большинство Учредительного собрания, однако, в согласии с притязаниями буржуазии, отвергло это предложение, бросив вызов всей трудящейся России.

* Написана В. И. Лениным.

В Учредительном собрании получила большинство партия правых эсеров, партия Керенского, Авксентьева, Чернова. Эта партия, называющая себя социалистической и революционной, руководит борьбой буржуазных элементов против рабочей и крестьянской революции и является на деле партией буржуазной и контрреволюционной.

Учредительное собрание в его нынешнем составе явилось результатом того соотношения сил, которое сложилось до Великой Октябрьской революции. Нынешнее контрреволюционное большинство Учредительного собрания, избранное по устаревшим партийным спискам, выражает вчерашний день революции и пытается встать поперек дороги рабочему и крестьянскому движению.

Прения в течение целого дня показали воочию, что партия правых эсеров, как и при Керенском, кормит народ посулами, на словах обещает ему все и вся, но на деле решила бороться против власти рабочих, крестьянских и солдатских Советов, против социалистических мер, против перехода земель и всего инвентаря без выкупа к крестьянам, против национализации банков, против аннулирования государственных долгов.

Не желая ни минуты прикрывать преступления врагов народа, мы заявляем, что покидаем Учредительное собрание с тем, чтобы передать Советской власти окончательное решение вопроса об отношении к контрреволюционной части Учредительного собрания.

В. Д. Бонч-Бруевич:

Мы вышли во двор и тотчас же выехали из Таврического.

В Смольном нас радостно встретили красногвардейцы, караул латышских стрелков и дежурные рабочие комиссары 75-й комнаты. Мы были у себя дома и принялись за накопившиеся за день дела.

Между тем члены Учредительного собрания, точно предчувствуя, что «кончится пир их бедой», все продолжали и продолжали всласть болтать, чему пример показывал сам председатель собрания Виктор Чернов. В кулуарах многие депутаты, уставшие за день, разлеглись на диванах, креслах, столах, стульях и крепко спали, не зная того, что это — увы! — последний их сон в этих исторических залах.

Матросы сумрачно ходили по уже полупустым залам,

в которых гулко отдавались их шаги. Было половина четвертого ночи. Матрос Железняков, которому была вверена охрана порядка в Таврическом дворце и неприкосновенность личности депутатов собрания, подошел к председателю и твердо сказал, ударяя ладонью по его столу:

— Мы устали! Мы не можем больше охранять вас! Закройте собрание...

Чернов растерялся, пробовал было пустить новую соловьиную трель, но Железняков твердо повторил, сверкая своими пламенными глазами:

— Мы устали!

И Виктор Чернов покорно закрыл первое и последнее заседание Всероссийского Учредительного собрания... которое отцвело, не успевши расцвести, и стало совершенно не нужным нашей революционной жизни, явившись оплотом всех контрреволюционных сил царской России.

*Предписание **

Предписывается товарищам солдатам и матросам, несущим караульную службу в стенах Таврического дворца, не допускать никаких насилий по отношению к контрреволюционной части Учредительного собрания и, свободно выпуская всех из Таврического дворца, никого не впускать в него без особых приказов.

Председатель Совета Народных Комиссаров

В. Ульянов (Ленин)

*Из речи В. И. Ленина о роспуске Учредительного собрания на заседании ВЦИК
6(19) января 1918 г.*

Народ хотел созвать Учредительное собрание — и мы созвали его. Но он сейчас же почувствовал, что из себя представляет это пресловутое Учредительное собрание. И теперь мы исполнили волю народа, волю, которая гласит: вся власть Советам...

...И когда Учредительное собрание опять изъявило готовность отложить все больные, назревшие вопросы и задачи, предъявленные ему Советами, — мы им ответили, что не может быть ни одной минуты отсрочки. И по воле Советской власти Учредительное собрание, не признавшее власть народа, распускается. Ставка Рябушинских бита,

* Написано в ночь с 5 на 6 (с 18 на 19) января 1918 г.

и сопротивление последних только обострит и вызовет новый взрыв гражданской войны.

Учредительное собрание распускается, и Советская революционная республика восторжествует во что бы то ни стало.

К. Т. Свердлова:

Не прошло и недели, как вновь заполнились обширный зал и просторные хоры, вновь ожил, забуллил людской поток в широких коридорах, многочисленных переходах и роскошных залах Таврического дворца.

Со всех концов Петрограда, с далеких окраин, из пригородов стекались в Таврический дворец рабочие, солдаты, матросы, представители фабрик и заводов, полков и боевых кораблей. Вместе с питерцами к дворцу шли сотни посланцев трудящихся Москвы и Урала, Сибири, Украины, Поволжья...

Ровно в восемь часов на трибуну поднялся Яков Михайлович Свердлов, и его слова: «Объявляю третий Всероссийский съезд Советов открытым» — потонули в буре приветствий и рукоплесканий. Торжественно и грозно загремел «Интернационал».

— Мы должны будем здесь вынести крайне ответственные... решения, — начал Свердлов, когда кончился гимн и стихла вновь вспыхнувшая овация. — Акт роспуска Учредительного собрания мы должны сопоставить с созывом III Всероссийского съезда Советов — этого верховного органа, который единственно правильно отражает интересы рабочих и крестьян.

Адам Эгgede-Ниссен:

Как величественно после вступительной речи Свердлова лились звуки «Интернационала» в исполнении военного оркестра!

Затем начались приветственные речи. Представители социалистических партий Швейцарии, Америки, Англии, Румынии, Швеции и Норвегии, делегаты Украины и других частей бескрайней России...

Мне бы очень хотелось передать впечатление от великого съезда рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. «Красный конвент», как его называли многие. Парламент русской Советской республики. Но как описать всю

эту страсть, бурный поток слов, столь долго подавляемое стремление к освобождению? Я сижу в президиуме и смотрю в зал. Поистине это само море. Никто не остается пассивным. Большие и малые волны... Эти волны хотят теперь властвовать, свободно разливаясь вокруг.

*Из доклада В. И. Ленина
о деятельности Совета Народных Комиссаров
на III съезде Советов
11 (24) января 1918 г.*

Товарищи! От имени Совета Народных Комиссаров я должен представить вам доклад о деятельности его за 2 месяца и 15 дней, протекших со времени образования Советской власти и Советского правительства в России.

2 месяца и 15 дней — это всего на пять дней больше того срока, в течение которого существовала предыдущая власть рабочих над целой страной, или над эксплуататорами и капиталистами, — власть парижских рабочих в эпоху Парижской Коммуны 1871 года.

Эту власть рабочих мы должны вспомнить, прежде всего, бросая взгляд назад и сравнивая ее с Советской властью, образовавшейся 25 октября. И из этого сравнения предыдущей диктатуры пролетариата и настоящей мы сразу можем видеть, какой гигантский шаг сделало международное рабочее движение и в каком неизмеримо более благоприятном положении находится Советская власть в России, несмотря на неслыханно сложные условия в обстановке войны и разрухи...

Мы никогда не сомневались в том, что только союз рабочих и беднейших крестьян, полупролетариев, о котором говорит наша партийная программа, может охватить в России большинство населения и обеспечить прочную поддержку власти. И нам удалось, после 25 октября, сразу, в течение нескольких недель, преодолеть все затруднения и основать власть на основе такого прочного союза...

...Если крестьяне России хотят осуществлять социализацию земли в союзе с рабочими, которые проведут национализацию банков и создадут рабочий контроль, — они наши верные сотрудники, вернейшие и ценнейшие союзники. Нет ни одного социалиста, товарищи, который не признавал бы той очевидной истины, что между социализмом и капитализмом лежит долгий, более или менее трудный переходный период диктатуры пролетариата, и что

этот период в своих формах будет во многом зависеть от того, преобладает ли мелкая собственность или крупная, мелкая культура или крупная...

Я кратко коснусь теперь тех мер, которые начало осуществлять социалистическое Советское правительство России. Одной из первых мер, направленных к тому, чтобы не только исчезли с лица земли русской помещики, но и для подрыва в корне господства буржуазии и возможности гнета капитала над миллионами и десятками миллионов трудящихся,— был переход к национализации банков...

Россия вступила на верный путь к осуществлению социализма — национализацией банков, передачей всей земли полностью в руки трудящихся масс. Мы прекрасно знаем, какие трудности лежат перед нами, но мы убеждены, из сравнения с прошлыми революциями, что достигнем гигантских успехов и что мы стоим на таком пути, который обеспечивает полную победу.

В. П. Антонов-Саратовский:

Во время речи В. И. Ленина делегаты съезда незаметно для себя придвигались все ближе и ближе к трибуне, стремясь не пропустить ни одного слова великого вождя. Какая-то необычайная близость связывала всех нас с Ильичем. Казалось, что от него к нам и от нас к нему проходят магнитные токи. Когда меньшевики или правые эсеры понимали шум, протестуя против речи Ленина, съезд заставлял их умолкать.

В эти дни я был принят В. И. Лениным. Как сейчас, помню длинный коридор, в глубине которого приемная Председателя Совета Народных Комиссаров. Около двери ходит красногвардеец, зорко следящий за тем, чтобы без пропуска никто не проник к В. И. Ленину. У меня был пропуск. Вхожу. Небольшая комната, разделенная надвое. Простой стол с набросанными книгами, газетами, рукописями. Недоеденный кусок черного хлеба. Два кресла и два три венских стула. У стола, кутаясь в пальто, сидел и что-то писал Ильич. В комнате было холодно.

После первых слов приветствия я собирался развернуть перед Лениным картину саратовских событий, чтобы показать необходимость удовлетворить наши просьбы. Но не успел я, как говорится, рта открыть, Ильич спросил меня:

— Ну, как у вас? Как саратовские мужики, — они ведь у вас там злой народ!

Этим вопросом он спутал намеченный мною план беседы. Ленин спрашивал о том, много ли сожжено помещичьих имений, можно ли рассчитывать на поддержку крестьян, дадут ли они хлеба, что делают саратовские большевики для привлечения крестьянства на сторону Советской власти.

Я рассказал Ленину, что за полмесяца до прихода в Саратов из Петрограда декрета «О земле» мы издали свой декрет о передаче земли крестьянам и это сказалося на результатах решений губернского крестьянского съезда. Владимир Ильич от души рассмеялся, радостно потер руки и, откинувшись на спинку стула, лукаво прищулив глаза, сказал:

— Это хорошо. Этим вы несомненно подорвали влияние эсеров...

Отпуская меня, Ильич дал два указания: прежде всего обратить самое серьезное внимание на крестьян. Организуйте бедноту, крепче свяжитесь с середняком, говорил В. И. Ленин. И второе указание: добывайте хлеб и везите его к нам, в Питер и в Москву, не останавливайтесь ни перед чем.

*Из заключительного слова В. И. Ленина
перед закрытием III съезда Советов
18(31) января*

Товарищи, перед закрытием третьего съезда Советов следует с полным беспристрастием установить ту историческую роль, которую сыграл этот съезд в истории международной революции, в истории человечества. Можно сказать с неоспоримым основанием, что третий съезд Советов открыл новую эпоху всемирной истории, и ныне, в условиях мировой революции, все значение этого съезда начинает сознаваться все более и более. Этот съезд, закрепивший организацию новой государственной власти, созданной Октябрьской революцией, наметил вехи грядущего социалистического строительства для всего мира, для трудящихся всех стран.

У нас, в России, в области внутренней политики теперь окончательно признан новый государственный строй социалистической Советской республики, как федерации свободных республик разных наций, населяющих Россию.

И теперь всем, даже, уверен, нашим врагам видно, что новый строй, власть Советов, не выдумка, не партийный прием, а результат развития самой жизни, результат стихийно складывающейся мировой революции...

...Теперь мы, на расчищенном от исторического хлама пути, будем строить мощное, светлое здание социалистического общества. Создается новый, невиданный в истории, тип государственной власти, волей революции призванной очистить землю от всякой эксплуатации, насилия и рабства...

Конечно, у трудящихся не было опыта управления, но это нас не пугает. Перед победившим пролетариатом открылась земля, ныне ставшая общенародным достоянием, и он сумеет организовать новое производство и потребление на социалистических принципах. Раньше весь человеческий ум, весь его гений творил только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого — просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием, и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средства насилия, в средства эксплуатации. Мы это знаем, — и разве во имя этой величайшей исторической задачи не стоит работать, не стоит отдать всех сил? И трудящиеся совершат эту титаническую историческую работу, ибо в них заложены дремлющие великие силы революции, возрождения и обновления...

Приветствуя вас, я призываю вас к строительству этого нового здания. Вы разойдетесь по местам и приложите все силы к организации, закреплению нашей величайшей победы.

Адам Эгgede-Ниссен:

Еще немного о Ленине. Как он покоряет людей! Как притягивают его добрые глаза, которые так дружески на вас смотрят! Он говорит:

— Моя мечта — полчаса вздремнуть.

Но все же терпеливо выслушивает все, о чем мы ему рассказываем и просим.

— Я больше не оратор, — говорит он. — Не владею голосом. На полчаса — капут. Хотелось бы мне иметь голос Александры Коллонтай.

Он стремится помочь нашим рыбакам раздобыть сырье

для сетей, а также другие нужные Норвегии товары; которые может уступить Россия. Он с нетерпением ожидает, когда наладится организация новой жизни. Но это нелегко.

— Разберите часовой механизм на отдельные части и соберите его снова. Мастер это сделает, но ему потребуется известное время. Однако представьте себе, что часы разобраны и некоторые детали приходится переделывать, и вы поймете, какую гигантскую задачу поставил перед собой Совет Народных Комиссаров России.

Ленин простой, в нем все очень естественно. Так же просто он говорит. Без риторических фраз. Ровно звучат его слова о серьезности положения, организованности и сплочении. Люди его понимают. Они восторженно приветствуют своего вождя, и его словами заканчивает свою работу «Красный конвент». Большая часть ночи ушла на утверждение всех декретов Совнаркома по аграрному вопросу — крестьяне не хотят покидать Петроград, пока это не будет сделано.

В последний раз под сводами Таврического дворца раздаются вдохновляющие звуки «Интернационала» и «Марсельезы».

ХЛЕБ — ГОЛОДНЫМ!

П. А. Кузько:

В это время одной из важнейших проблем, решавших судьбу революции, был вопрос о хлебе. Мировая буржуазия в сговоре с внутренней контрреволюцией прилагала все усилия к тому, чтобы «костлявой рукой голода» задушить Советскую власть. Естественно, что продовольственное дело в первые послеоктябрьские месяцы и годы стало наиболее важной и трудной задачей партии и государства...

В разрешении продовольственных трудностей этого времени Владимир Ильич принимал самое непосредственное и горячее участие.

*Из доклада В. И. Ленина
на Чрезвычайном Всероссийском железнодорожном съезде
13(26) января 1918 г.*

Вы, железнодорожники, сами убедились на опыте в том, что масса трудящегося железнодорожного пролета-

риата вынесла трудность организации железнодорожного дела на своих плечах... Вы знаете, сколько подкупа, обмана, спекуляций висит около каждой узловой станции, вы знаете, как бросаются миллионы эксплуататорами для того, чтобы попортить транспорт, чтобы загнать вагоны туда, где их не найдешь. Это все делается для того, чтобы усилить голод и натравить народ на Советскую власть. Но вы все знаете, что если большинство железнодорожных организаций объединится и поставит своей задачей поддержку Советской власти, то только тогда все жулики, саботажники, капиталисты и эксплуататоры, весь этот пережиток буржуазного общества будет сметен беспощадной борьбой и только тогда возможно будет организовать правильное железнодорожное хозяйство и получить полное освобождение рабочих, солдат и крестьян от власти угнетателей, только тогда мы получим социализм.

*Телеграмма *.*

Харьков. Народный секретариат, штаб Антонова,
Орджоникидзе

Москва. Главнокомандующему Муралову,
Президиуму Совдепа

Мы получили сообщение, что между Орлом и Курском образовался затор, мешающий движению поездов с углем и хлебом. Всякая остановка грозит голодом и остановкой промышленности. Подозреваем саботаж железнодорожников в этом месте, ибо там не раз бывали случаи саботажа. Настоятельно просим принять самые беспощадные революционные меры. Просим послать отряд абсолютно надежных людей. Всеми средствами продвигать вагоны с хлебом в Петроград, иначе грозит голод. Сажайте на паровозы по несколько матросов или красногвардейцев. Помните, что от вас зависит спасти Питер от голода.

Ленин

* Написано 13 (26) января 1918 г.

*В. А. Антонову-Овсеенко
и Г. К. Орджоникидзе*

15.I. 1918 г.

В Харьков
Антонову и Серге

Ради бога, принимайте *самые* энергичные и *революционные* меры для посылки *хлеба, хлеба и хлеба!!!* Иначе Питер может околеть. Особые поезда и отряды. Сбор и сыпка. Провожать поезда. Извещать ежедневно.

Ради бога!

Ленин

С. Б. Бричкина:

Мы не могли постичь, как хватало сил и времени у Владимира Ильича уделять столько внимания большим и малым делам.

Настойчиво, часами он лично запрашивал по телефону, где находится маршрут с хлебом для голодающих Москвы, Петрограда или маршруты с углем, предназначенным для наших заводов.

У Владимира Ильича не было референтов, которые подготавливали бы ему материалы для выступлений, статей и т. д. Всю черновую подготовительную работу он проделывал сам, запрашивая по телефону учреждения или отдельных лиц о необходимых ему сведениях, делал выписки из книг, журналов и газет.

Н. М. Анцелович:

Когда я вошел в кабинет Владимира Ильича, он удивленно взглянул на меня и спросил:

— Вы разве еще не уехали?

Я ответил, что только что узнал о поездке.

— Время не терпит, — сказал Ленин, — революции нужен хлеб.

Я попытался было обратиться к Ильичу со своей просьбой, но он перебил меня:

— Вы не понимаете значения хлеба для победы революции. Вы думаете, что рабочих можно кормить лишь агитацией. Для нашей полной победы нужна и агитация,

и хлеб. Сумейте свои способности агитатора использовать, добывая революции хлеб.

Ленин говорил резко, с укоризной, и я в первый момент несколько смутился. Владимир Ильич, видя мое состояние, по-ленински прищурил глаза, улыбнулся и сказал:

— Теперь вы понимаете необходимость вашей поездки?

— Понимаю, Владимир Ильич, понимаю и немедленно же еду.

— Вот и хорошо. — Ленин на прощание дружески пожал мне руку. — Возьмите мандат и поезжайте.

Телеграмма Г. К. Орджоникидзе

Харьков
Народный секретариат
для комиссара Орджоникидзе

Получил Вашу телеграмму от 20.I.1918. От души благодарю за энергичные меры по продовольствию. Продолжайте, ради бога, изо всех сил добывать продовольствие, организовывать спешно сбор и ссыпку хлеба, дабы успеть наладить снабжение до распутицы. Вся надежда на Вас, иначе голод к весне неизбежен.

Ленин

А. А. Булышкин:

В Питере голод.

Самарский губком партии и ревком дают мне задание доставить в Петроград эшелон белой муки, передать его как подарок Ленину от самарских рабочих. Сопровождает этот эшелон специально выделенный красногвардейский отряд.

На протяжении всего пути от Самары до Петрограда нашему отряду пришлось бороться за продвижение эшелона: Советская власть на местах еще не окрепла, на железной дороге сидело много меньшевиков, эсеров, ставленников Временного правительства, которые всячески пытались сорвать продвижение нашего поезда. Нам приходилось добывать паровозы и выводить их из депо с оружием в руках. В пути не раз горели буксы у вагонов. На некоторых станциях нам приходилось самим перегружать вагоны. Но наш товарный поезд все же шел со скоростью пассажирского...

В рекордный срок, за трое суток, мы доставили эшелон в Питер. Привезли с собой и двадцать два начальника станций и депо, арестованных за саботаж...

В Смольный пришли в исключительно приподнятом настроении. У всех было одно желание — увидеть Ленина, передать ему наши подарки и горячий привет от самарских рабочих. Принял нас Владимир Ильич очень радушно, тепло. На нас произвели большое впечатление его приветливость и душевность, исключительная скромность его комнаты, обставленной простой мебелью. Положили мы свои буханки белого хлеба на стол, доложили о прибытии эшелона с хлебом, о трудностях, которые пришлось преодолеть в дороге, о нашей борьбе с саботажниками. Ильич слушал с большим вниманием, по лицу его скользила улыбка. Он тепло поблагодарил нас. Потом товарищ Ленин позвал Надежду Константиновну и сказал ей:

— Смотри, Надя, что привезли питерским рабочим самарские товарищи. Весь этот белый хлеб, а также и муку нужно сразу же распределить по больницам и детским приютам.

О вашем поезде, — обратился к нам с улыбкой Ильич, — и о том, что вы привезли в Питер двадцать два арестованных саботажника, мы уже знаем из телеграмм с пути.

Владимир Ильич подробно расспросил меня, как члена Самарского губкома, о положении в Самаре, о настроении крестьянства и уральского казачества, о продовольственном положении, о том, можно ли рассчитывать на нашу продовольственную помощь. Особенно интересовало Ильича, насколько упрочилась в Самарской губернии Советская власть.

Затем он поинтересовался, в какой помощи нуждаемся. Мы обратились с единственной просьбой — помочь нам оружием для отрядов Красной гвардии. Ленин тут же распорядился дать нам с Ижорского завода два броневики. Связавшись с полковым комитетом 1-го пулеметного полка, он попросил выделить для нас пулеметную команду с пятью пулеметами «Максим». В письме тульским товарищам Ленин предложил выдать нам винтовки и револьверы.

И. Г. Залепин:

Первый маршрут с сибирской пшеницей был отправлен из Омска петроградским рабочим 5 января 1918 года. Для того чтобы сломить саботаж железнодорожной адми-

нистрации и проложить путь другим готовившимся к отправке продовольственным поездам, первый маршрут сопровождала вооруженная охрана, состоявшая из 30 красногвардейцев-железнодорожников и 40 солдат с двумя пулеметами. Комендантом поезда был присланный из Петрограда рабочий Путиловского завода Селезнев.

В числе красногвардейцев-железнодорожников был и я — кондуктор Омского резерва, вступивший в большевистскую партию вскоре после свержения самодержавия.

О том, что наш поезд следует с большой вооруженной охраной, железнодорожная администрация на линии знала и открыто задерживать его боялась. Однако прислужники буржуазии все же ухитрялись выводить из строя отдельные вагоны. Нам приходилось в таких случаях перегружать вагоны, менять скаты...

Прибыли наши два хлебных маршрута в столицу в середине января 1918 года.

О том, что сибиряки приехали с хлебом, доложили Владимиру Ильичу, и он пригласил нас к себе в Смольный.

Владимир Ильич расспросил, как мы доехали, какие в пути были препятствия. Мы рассказали о всех наших злоключениях. Ленин поблагодарил нас за доставленное продовольствие, а затем сказал:

— Я еще хотел узнать у вас, как работает омская партийная организация.

Неловко мне это вспоминать, но был я тогда очень молод, энергия была через край, и, не подумав, я быстро поднял руку и весьма нескромно, бойко заявил:

— Разрешите мне, товарищ Ленин...

Ильич посмотрел на меня и мягко сказал:

— Я тут вижу пожилых людей, может, они больше знают...

Был среди нас старый большевик-подпольщик Вечинский. Он и рассказал Ильичу о работе омской партийной организации...

Обратно из Петрограда мы везли в Омск эшелон промышленных товаров — подарок петроградского пролетариата трудящимся Омска.

Помнится мне, что на обратный путь нам выдали немного хлеба петроградской выпечки. Мы, сибиряки, не привыкли к хлебу из овсяной непросеянной муки пополам с соломой. Тогда еще сильнее ощутили мы, как трудно

приходится петроградским рабочим, как важно усилить продовольственную помощь Петрограду — колыбели революции. Мы доставили всего два маршрута пшеницы, но этим рейсом проложили путь другим продовольственным поездам из Сибири.

Одновременно с маршрутными поездами мы доставили Владимиру Ильичу сообщение, в котором говорилось, что с 13 декабря 1917 года Омская железная дорога саботирует, не перевозит и не грузит продовольственные грузы на запад, что более тысячи вагонов с продовольствием стоят в ожидании отправки.

Г. И. Астапкович:

Когда наступил голодный 1918 год, мы перешли на соленую рыбу и четверть фунта хлеба-суррогата. Чай пили без сахара. В. И. Ленин ничем не хотел выделять себя. Однажды крестьяне прислали ему несколько посылок с продовольствием. По поручению С. И. Гусева я принес эти посылки в кабинет к Владимиру Ильичу, но он их не принял, дал распоряжение отправить в детские дома. Вообще Владимир Ильич очень заботился о детях.

Как-то в Смольный зашел солдат, ехавший с фронта в деревню. Часовой у кабинета В. И. Ленина спросил, что ему нужно. Солдат ответил: «Еду домой, хочу увидеть Ленина, а то спросят в деревне, каков он, а я и не знаю». В это время к дверям подошла девушка в белом переднике. Она несла на подносе чай и ломтик хлеба с мякиной.

— Это кому? — спросил солдат.

— Ленину.

— Подожди! — Солдат сорвал с плеча вещевой мешок, вынул буханку настоящего ржаного хлеба, достал нож и отрезал половину буханки.

— Возьми! А мне дай этот кусочек. Покажу нашим, что Ленин ест.

Девушка положила хлеб на поднос и открыла дверь. Через минуту в коридоре появился Владимир Ильич.

— Это ваш хлеб? — спросил он солдата. — Никогда такого вкусного не пробовал!

Солдат широко заулыбался, пожал протянутую Ильичем руку и почти бегом направился к выходу.

*Из выступления В. И. Ленина по вопросу
о мерах борьбы с голодом*

*на совещании президиума Петроградского Совета
с представителями продовольственных организаций
14(27) января 1918 г.*

...Петроградские рабочие и солдаты должны понять, что им никто не поможет, кроме их самих. Факты злоупотребления очевидны, спекуляция чудовищна, но что сделали солдаты и рабочие в массах, чтобы бороться с нею? Если не поднять массы на самодеятельность, ничего не выйдет. Необходимо созвать пленарное собрание Совета и постановить произвести массовые обыски в Петрограде и на товарных станциях. Для обысков каждый завод, каждая рота должны выделить отряды, к обыскам надо привлечь не желающих, а обязать каждого, под угрозой лишения хлебной карточки. Пока мы не применим террора — расстрел на месте — к спекулянтам, ничего не выйдет. Если отряды будут составлены из случайных, не сговорившихся людей, грабежей не может быть. Кроме того, с грабителями надо также поступать решительно — расстреливать на месте.

Зажиточную часть населения надо на 3 дня посадить без хлеба, так как они имеют запасы и других продуктов и могут по высоким ценам достать у спекулянтов.

*Из проекта резолюции совещания
президиума Петроградского Совета **

Собрать полное собрание Петроградского Совета и провести революционные меры борьбы с спекулянтами и спасения от голода:

1) Привлечь всю массу солдат и рабочих к образованию нескольких тысяч отрядов (по 10—15 человек, а может быть и больше), которые обязаны уделять ежедневно известное число часов (например, 3—4 часа) на службу по продовольственному делу.

2) Полки и заводы, которые не будут аккуратно представлять требуемое число отрядов, лишаются хлебных карточек и подвергаются революционным мерам воздействия и карам.

3) Отряды должны произвести немедленно обыск, в первую очередь, вокзалов, с осмотром и учетом вагонов с хлебом;

* Написано В. И. Лениным.

во-вторых, путей и узловых станций около Питера; в-третьих, всех складов и частных квартир.

Инструкция для осмотра, учета и реквизиций вырабатывается президиумом Петроградского Совета с участием делегатов от районных Советов или же особой комиссией.

4) Пойманных с поличным и вполне изобличенных спекулянтов отряды расстреливают на месте. Той же каре подвергаются члены отрядов, изобличенные в недобросовестности.

5) Из общей суммы революционных отрядов для крайних мер спасения от голода выделяются наиболее надежные и наилучше вооруженные отряды для отправки на все станции и во все уезды главнейших, доставляющих хлеб, губерний. Этим отрядам, при участии железнодорожников, взятых по уполномочию местных железнодорожных комитетов, поручается, во-первых, контроль за продвижением хлебных грузов; во-вторых, контроль за сбором и ссыпкой хлеба; в-третьих, принятие самых крайних революционных мер против спекулянтов и для реквизиции хлебных запасов.

6) Революционные отряды, при всяком составлении протокола реквизиции, ареста или расстрела, привлекают понятых в количестве не менее шести человек, обязательно выбираемых из находящегося в ближайшем соседстве беднейшего населения.

Из проекта постановления СНК

*«О мерах по улучшению продовольственного положения» *
14(27) января 1918 г.*

Совет Народных Комиссаров предлагает Всероссийскому продовольственному совету и Комиссариату продовольствия усилить посылку не только комиссаров, но и многочисленных вооруженных отрядов для самых революционных мер продвижения грузов, сбора и ссыпки хлеба и т. д., а также для беспощадной борьбы с спекулянтами вплоть до предложения местным Советам расстреливать изобличенных спекулянтов и саботажников на месте.

Совет Народных Комиссаров предлагает пайка не увеличивать, а маршрутные поезда отправлять усиленно, следя тщательно за их движением.

* Написано В. И. Лениным.

Для расчистки петербургского узла принять экстренные меры, возложить ответственность за эту работу на Всероссийский продовольственный совет.

Обязать Всероссийский продовольственный совет ежедневно сообщать СНК о ходе продовольственного дела и представить план продовольственных операций.

И. А. Кузько:

К открытию I Всероссийского продовольственного съезда Советов (вторая половина января 1918 года), на котором мне довелось быть избранным секретарем и членом президиума, разногласия между народным комиссаром Шлихтером и различными группировками, представлявшими так называемое «коалиционное» течение, враждебное твердой и централистской политике Комиссариата продовольствия и его коллегии, обострились настолько, что потребовалось личное вмешательство Ленина. Накануне открытия съезда, 16 января 1918 года, по докладу Шлихтера в присутствии представителей спорящих организаций и после соответствующей дискуссии Совет Народных Комиссаров под председательством В. И. Ленина вынес постановление, в котором предлагал открывшемуся продовольственному съезду выделить из среды делегатов общую следственную комиссию для заслушивания сообщений представителей находящихся в конфликте групп и учреждений и передать в Совет Народных Комиссаров заключение по этому делу.

На этом заседании Совнаркома я впервые увидел и услышал Ленина. Заседание было довольно бурным, сидел я далеко от стола президиума, и сейчас с большим трудом восстанавливаются впечатления от этой встречи с Владимиром Ильичем.

Следственная комиссия на съезде была создана. Она признала, что Шлихтер придерживается более правильной точки зрения по вопросу о продовольствии, чем его противники.

На очередном заседании Совнаркома, куда было представлено заключение этой комиссии, мне довелось снова, теперь уже находясь за одним большим столом, видеть и слышать Ленина. Обсуждение вопроса проходило весьма оживленно. Но Владимир Ильич, казалось, был очень спокоен. Внимательно выслушав представителей сторон, он удивительно четко сформулировал общий вывод и тут же

предложил короткую и ясную резолюцию, в которой проводилась мысль, что только Народный комиссариат может являться центральным органом, концентрирующим в своих руках продовольственное дело в стране. Возражений против предложений Ленина в связи с заключением следственной комиссии не последовало.

I Всероссийский продовольственный съезд Советов в своих резолюциях поддержал твердую продовольственную политику комиссариата.

Вскоре после съезда В. И. Ленин вызвал из Уфы старого большевика и опытного экономиста-продовольственного Александра Дмитриевича Цюрупу, который по приезде в Петроград был назначен Советом Народных Комиссаров наркомом продовольствия вместо А. Г. Шлихтера (последний, оставаясь членом коллегии комиссариата, был направлен в качестве особо уполномоченного наркома в Сибирь).

А. Д. Цюрупа:

С первых же дней после Октябрьской революции Владимир Ильич пристально наблюдал за состоянием продовольственного положения страны, в особенности в столицах и других пролетарских центрах. Уже в ноябре 1917 года при встрече со мной, еще до моего назначения народным комиссаром, он ставил вопрос о том, чтобы рабочим отпускался полный продовольственный паек, а прочим классам населения, особенно не трудящимся, паек уменьшался и доводился в случае необходимости до нуля. Первая мысль — о классовом пайке.

Роман Аврамов:

С Лениным в Смольном я виделся три раза. Не помню, в какое мое посещение я ему сказал, что у меня поручение от болгарского военного министерства переговорить с Советским правительством об отпуске хлеба для Болгарии из южнорусских портов. Вместо ответа Владимир Ильич попросил красногвардейца, принесшего ему в этот момент стакан чаю, кусок какого-то невозможно черного и плохо выпеченного хлеба с кусочком масла, принести чаю и для меня, а меня пригласил остаться «пообедать». Этот «обед» застрял у меня комом в горле, и я не забуду на всю жизнь то чувство стыда, которое я испытывал в тот

момент за вопрос об отпуске хлеба для «голодающей» Болгарии.

В первое мое посещение Смольного сейчас же после того, как я был проведен Н. П. Горбуновым из комендатуры через три или четыре караульных поста в кабинет В. И. Ленина, я выразил свое удивление, что Смольный так строго охраняется (перед входом во двор стоял мрачный броневик, перед самым подъездом — скорострельные орудия, в разных залах у окон — пулеметы). Ленин, смеясь и картавя, ответил мне:

— Революция, батенька. А вы как себе ее представляли? Когда у вас там будет революция, вы думаете, она будет лучше, благообразнее?

И затем прибавил, как мне помнится, с гордостью указывая на ряд всевозможных моделей железных земледельческих орудий, лежавших на подоконниках:

— Видите, мы думаем не только об оружии, но и вот об этом.

МИР — НАРОДАМ!

Из речи В. И. Ленина

*на первом Всероссийском съезде военного флота
22 ноября (5 декабря) 1917 г.*

С войной, вызванной столкновением хищников из-за добычи, мы начали решительную борьбу. Все партии до сих пор говорили об этой борьбе, но дальше слов и лицемерия не шли. Теперь борьба за мир начата. Борьба эта трудна. Кто думал, что мира достигнуть легко, что стоит только лишь заикнуться о мире, и буржуазия поднесет его нам на тарелочке, тот совсем наивный человек. Кто приписывал этот взгляд большевикам, тот обманывал.

Н. К. Крупская:

Особенностью Ильича было то, что он никогда не обманывал себя, как бы печальна ни была действительность, никогда не пьянел он от успехов, всегда умел трезвыми глазами смотреть на действительность. Не всегда это было ему легко. Ильич меньше всего был человеком холодного рассудка, каким-то расчетливым шахматистом. Он воспринимал все чрезвычайно страстно, но была у него крепкая воля, много пришлось ему пережить, передумать, и умел

он бесстрашно глядеть в глаза правде. И в данном случае он прямо поставил вопрос: аннексионистский мир — вещь жуткая. Но в состоянии ли мы воевать? Ильич постоянно толковал с солдатскими делегациями, приезжавшими с фронта, тщательно изучал положение на фронте, состояние нашей армии, принимал участие в совещании представителей I общеоармейского съезда по демобилизации армии.

М. С. Кедров:

В конце декабря в Петербурге происходил съезд по демобилизации армии.

Неоднократно мы просили Владимира Ильича выступить с докладом на съезде, но он отказывался, ссылаясь на перегруженность работой.

В день закрытия съезда, когда мы снова обратились к Ильичу с той же самой просьбой, он заявил, что никаких докладов делать не будет, но побеседовать с группой делегатов не прочь. Пусть выберут по одному представителю от каждого фронта, армии, флота и т. д., и он согласен поговорить с ними.

Такое собрание состоялось в Комиссариате по военным делам, на Мойке, в доме военного министерства.

Присутствовало 30—40 человек. Каждый делегат по очереди информировал о положении в соответствующей армии.

Ильич сидел у стола и, слушая делегатов, одновременно живо писал что-то на четвертушках бумаги и задавал вопросы. Особенно многочисленны и непрерывны были вопросы воинственно настроенным делегатам...

Выслушав часть делегатов, Ильич заметил, что будет, пожалуй, проще, если каждый из присутствующих заполнит небольшую анкету, которую он сейчас прочтет и которую только что написал.

Анкета состояла из нескольких десятков вопросов. Здесь были сконцентрированы все существенные признаки, определяющие боеспособность армии: численность, вооружение, связь, техника, боевые запасы, обмундирование, продовольствие, дисциплина. Помню, был также особый вопрос о состоянии конского состава. Само собой разумеется, и субъективные моменты — настроение солдат, интересы, размеры братания и т. д. — не были упущены.

Когда были заполнены анкеты, получились поразительные выводы. Только единичные анкеты с известными на-

тяжками позволяли говорить о боеспособности некоторой части армии. Подавляющее большинство анкет кричало о полном развале фронтов, о массовом уходе солдат с фронта, не ожидая приказа о демобилизации. Когда, например, подавались составы поездов для увоза в тыл имущества, солдаты форменным образом штурмовали вагоны для себя, облепляли буфера, крыши, приводя часто в негодность весь подвижной состав. Артиллерийские лошади дошли до такого состояния, что не только не могли везти груз, но с трудом стояли на ногах...

Вопрос становился яснее ясного. Реальной боевой силы у нас нет, фронт открыт, воевать мы не можем, мир необходим во что бы то ни стало, любой, даже самый «похабный».

Н. К. Крупская:

Это совещание убедило Ильича в полной невозможности в данный момент продолжать борьбу с немцами. Ни в какой пессимизм Ильич не впал — он в это время вел усиленную кампанию по организации Красной Армии для защиты страны, но он отчетливо поставил вопрос: сейчас мы воевать не можем. «Поезжайте на фронт!» — говорил Ильич товарищам, думавшим, что война возможна. «Поговорите с солдатами!» — советовал он...

К 20 января выяснилось, что Германия ставит вопрос так: либо дальнейшая война, либо аннексионистский мир, т. е. мир на условиях, что мы отдаем все занятые ими земли, германцы сохраняют все занятые ими земли и налагают на нас контрибуцию (прикрытую внешностью платы за содержание пленных) размером приблизительно в 3 миллиарда рублей с рассрочкой на несколько лет...

...21 января 1918 года происходило расширенное заседание ЦК. Ильич кончал заключительное слово, на него устремлены были враждебные взгляды товарищей. Ильич излагал свою точку зрения, явно потеряв надежду убедить присутствующих.

*Из протокольной записи речи В. И. Ленина
о войне и мире на заседании ЦК РСДРП(б)
11(24) января 1918 г.*

Первым берет слово тов. Ленин, который указывает, что на собрании 8(21) января по этому вопросу наметились три точки зрения...

Он начинает с изложения трех точек зрения, наметившихся на предыдущем собрании: 1) сепаратный аннексионистский мир, 2) революционная война и 3) объявление войны прекращенной, демобилизовать армию, но мира не подписывать. На предыдущем собрании первая точка зрения собрала 15 голосов, вторая — 32 и третья — 16.

И. К. Крупская:

...И сейчас слышится мне, каким безмерно усталым и горьким тоном он мне сказал, окончив доклад: «Ну, что же, пойдем!» Ничему не был бы так рад Ильич, как если бы оказалось, что наша армия может наступать, или если бы оказалось, что в Германии вспыхнула революция, которая положила бы конец войне; он был бы рад, если бы оказалось, что он неправ. Но чем оптимистичнее были товарищи, тем настороженнее был Ильич.

М. С. Кедров:

Тщетно Ильич пытался отстоять свою точку зрения, приводя неопровержимые доводы необходимости немедленного заключения мира, тщетно предупреждал о грозящей опасности самому существованию Советской власти, большинство собрания не разделяло позиции Ильича.

Начались бесконечные и безответственные речи сторонников других точек зрения.

Долго слушал Владимир Ильич все эти разглагольствования, в конце концов не выдержал и демонстративно ушел с собрания.

*Из протокольной записи речи В. И. Ленина
о войне и мире на заседании ЦК РСДРП(б)
11(24) января 1918 г.*

Тов. Ленин указывает, что большевики никогда не отказывались от обороны, но только эта оборона и защита отечества должна была иметь определенную, конкретную обстановку, которая есть в настоящее время налицо, а именно: защита социалистической республики от необыкновенно сильного международного империализма. Вопрос стоит только в том, как должны мы защищать отечество — социалистическую республику. Армия чрезмерно утомлена войной; конский состав таков, что артиллерию мы не

сможем увезти при наступлении; положение германцев на островах Балтийского моря настолько хорошо, что при наступлении они смогут взять Ревель и Петроград голыми руками. Продолжая в таких условиях войну, мы необыкновенно усилим германский империализм, мир придется все равно заключать, но тогда мир будет худший, так как его будем заключать не мы. Несомненно, мир, который мы вынуждены заключать сейчас,— мир похабный, но если начнется война, то наше правительство будет сметено, и мир будет заключен другим правительством. Сейчас мы опираемся не только на пролетариат, но и на беднейшее крестьянство, которое отойдет от нас при продолжении войны. Затягивание войны входит в интересы французского, английского и американского империализма, чему служит, например, доказательством предложение, сделанное в ставке Крыленко о 100 рублях за каждого русского солдата, предложенных американцами...

Если немцы начнут наступать, то мы будем вынуждены подписать всякий мир, а тогда, конечно, он будет худшим. Для спасения социалистической республики три миллиарда контрибуции не слишком дорогая цена. Подписывая мир теперь, мы воочию показываем широким массам, что империалисты (Германии, Англии и Франции), взявши Ригу и Багдад, продолжают драться, а мы развиваемся, развивается социалистическая республика.

Н. К. Крупская:

Во второй половине января брестские переговоры приняли другой характер: хищный зверь, германский империализм, схватил нас за горло, надо было отвечать немедленно — идти на аннексионистский мир или продолжать войну, зная наперед, что будешь в ней разбит. Ленину удалось в конце концов отстоять свою точку зрения, но внутрипартийная борьба, тянувшаяся целых два месяца, была для Ильича непомерно тяжела.

*Из речи В. И. Ленина на заседании ЦК РСДРП(б)
18 февраля 1918 г. (вечером)*

Теперь на карту поставлено то, что мы, играя с войной, отдаем революцию немцам...

...Нужно предложить немцам мир...

Я предлагаю заявить, что мы подписываем мир, который вчера нам предлагали немцы.

*Проект радиограммы правительству
Германской империи **

Совет Народных Комиссаров выражает свой протест по поводу того, что германское правительство двинуло войска против Российской Советской Республики, объявившей состояние войны прекращенным и начавшей демобилизацию армии на всех фронтах. Рабочее и крестьянское правительство России не могло ожидать такого шага тем более, что ни прямо ни косвенно ни одна из заключивших перемирие сторон не заявляла ни 10 февраля, ни вообще когда-либо о прекращении перемирия, как это обязались сделать обе стороны по договору 2 (15) декабря 1917 г.

Совет Народных Комиссаров видит себя вынужденным, при создавшемся положении, заявить о своей готовности формально подписать тот мир, на тех условиях, которых требовало в Брест-Литовске германское правительство.

Вместе с тем Совет Народных Комиссаров выражает свою готовность, если германское правительство формулирует свои точные условия мира, ответить не позже как через 12 часов, приемлемы ли они, эти условия, для нас.

*Из речи В. И. Ленина на объединенном заседании фракций
большевиков и левых эсеров ВЦИК
19 февраля 1918 г.*

Краткий газетный отчет

...Необходимо немедленно заключить сепаратный мир, так как немцы движутся по всему фронту сплошной массой и оказать сопротивление миллионному натиску мы не в состоянии. Заключив мир, мы займемся внутренним устройством и углублением социалистической революции и сумеем привести к благоприятному концу те коренные реформы, которые должны приблизить нас к введению в России социалистического строя.

*Из речи В. И. Ленина перед латышскими стрелками
20 февраля 1918 г.*

Краткий газетный отчет

Измученному русскому народу мы должны дать мир во что бы то ни стало, этим мы укрепим революцию и начнем

* Написан В. И. Лениным.

строительство новой молодой России. Уступленными областями все равно владеть не будут, так как русская революция перекатится в ближайшее время не только в Германию, но и в другие воюющие государства. Под влиянием мировой социальной революции германский империализм будет вынужден отказаться от всех своих завоеваний.

В. Д. Бонч-Бруевич:

К февралю 1918 г. в настроении масс чувствовалась некоторая усталость. С фронта брели громадные толпы солдат. Измученные, издерганные, стремились они домой, видя полный развал фронта, желая отдохнуть от кошмарной и изнурительной окопной жизни. В Петроград непрерывной чередой прибывали с фронта воинские части. Недолго побыв в столице, они уходили все дальше и дальше в глубь России. Вполне дисциплинированных полков и отрядов было среди них очень мало.

Из-за предательства Троцкого в период Брест-Литовских переговоров условия мира для России стали еще более тягостны. И все же приходилось спешить с заключением мира. Владимир Ильич не раз в те дни выражал свою глубочайшую убежденность в том, что мир с кайзеровской Германией все равно просуществует недолго и будет отменен событиями самой жизни. Специальная комиссия от РСФСР выехала в город Двинск (ныне Даугавпилс), где должно было состояться окончательное подписание столь долгожданного мира. С часу на час ожидалась телеграмма, уведомляющая, что мир подписан (ранее было подписано перемирие).

И вдруг 21 февраля в первом часу ночи в Управление делами Совета Народных Комиссаров пришла срочная телеграмма, сообщавшая, что противник внезапно нарушил перемирие и повел наступление на Петроград. Одним ударом взят город Псков. Немецкие части движутся дальше, на станцию Дно. Гарнизоны города и станции Дно беспорядочно и без всякого сопротивления отступили; так же поступили и остатки полевых войск старой армии. Штабы откатились в глубокий тыл.

Ясно представлялась та величайшая опасность, которая неожиданно нависла над плохо защищенным Петроградом. Надо было действовать немедленно.

Узнав о полученной телеграмме, прервал свое заседание Совет рабочих и солдатских депутатов, который заседал в одном из залов Смольного.

Двенадцать автомобилей помчали товарищей во все концы города, и не прошло и часа, как заводские гудки, этот набат пролетариата, всколыхнули уже заснувший Петроград...

Ночью же о случившемся стало известно в Сестрорецке, на Пороховых, в Колпино, на Обуховских заводах и на других окрестных заводах Петрограда, откуда к утру стали подходить значительные отряды рабочей Красной гвардии.

21 февраля 1918 г. в Петрограде в Смольном быстро организовался военный штаб, куда были приглашены перешедшие на нашу сторону офицеры. Были тотчас же вызваны по прямому проводу и телеграммой военные специалисты, ликвидировавшие в то время по приказу правительства главную Ставку в Могилеве. Особым маршрутным поездом, мчась со стоверстной быстротой, пролетая мимо главных станций и узлов, они через восемь часов уже были в Петрограде. Прямо с вокзала прикатили они в Смольный и тотчас явились в штаб.

М. Д. Бонч-Бруевич:

Пропуска для нас были уже готовы; вслед за каким-то лихим матросом, вышедшим к нам навстречу, мы торопливо прошли по забитой вооруженной толпой широкой лестнице Смольного. На нас недоуменно озирались — все мы были уже без погон, но и покроем шинелей, и по-особому спшитые защитные фуражки, и генеральская седина, и даже походка обличали людей иного класса и сословия, нежели те, кто с нечищенными трофейными винтовками за спиной и новенькими подсумками, свисавшими с ремня на нескладные полы «семисезонного» пальто, долго еще смотрели нам вслед, так и не решив, кто мы: арестованные саботажники или зачем-то вызванные в Смольный «спецы».

Наш проводник бесцеремонно работал локтями и подкреплял свои и без того красноречивые жесты соленым матросским словцом. В расстегнутом бушлате, с ленточками бескозырки, падавшими на оголенную, несмотря на зимние морозы, широкую грудь, с ручными гранатами, небрежно засунутыми за форменный поясной ремень, он как

бы олицетворял ту бесстрашную балтийскую вольницу, которая так много успела уже сделать для революции в течение лета и осени 1917 года.

— Пришли, товарищи генералы,— сказал он, останавливаясь около ничем не примечательной двери, и облегченно вздохнул. И тут только я понял, сколько неумной энергии и настойчивости проявил этот здоровяк, чтобы так быстро протащить нас сквозь людской водоворот, kloкочущий в Смольном. Едва успев приметить на предупредительно распахнутой матросом двери номер комнаты — семьдесят пятый, я переступил порог и увидел радостно поднявшегося брата.

— Тебя и твоих коллег ждут с нетерпением,— поцеловавшись со мной, сказал Владимир Дмитриевич и, не давая никому из нас даже перевести дыхание, стремительно провел нас в небольшую комнату, вся обстановка которой состояла из большого некрашеного стола и жалкой табуретки у входной двери — вероятно, для часового. На столе лежала десятиверстная карта, включавшая Петроград, Финский залив, Нарву, Чудское озеро и местность к югу от этого района,— все это я успел рассмотреть, пока, оставив нас в комнате одних, брат вышел через вторую имевшуюся в комнате дверь.

Прошло несколько минут, и дверь эта, только что еще плотно притворенная, распахнулась, и в комнату вошли несколько человек того характерного вида, который в до-революционные годы был присущ профессиональным революционерам: утомленные лица, небрежная одежда, простота и непринужденность манер...

Первым порывисто вошел плотный, невысокий человек с огромным, увеличенным лысиной лбом, очень зоркими живыми глазами и коричнево-рыжеватой бородкой и усами. Скромный, едва ли не перелицованный, пиджак, галстук в белый горошек, потом сделавшийся известным многим миллионам людей, поношенные башмаки, очень живые руки, пальцы которых так и норовили забраться под проймы жилетки,— все это сразу помогло мне узнать в вошедшем Владимира Ильича Ленина. Таким не раз описывал мне организатора большевистской партии брат, таким я запомнил его по немногим фотографиям, которые хранились у Владимира. Следом за Лениным шли прячущий свои прекрасные глаза за стеклами пенсне, видимо, не расстающийся с потертой кожаной курткой Свердлов, надменный Троцкий, которого я признал по взъерошенной шеве-

люре и острой, хищной бородке, и неизвестный мне высокий и очень худой партиец в солдатской суконной гимнастерке и таких же неуклюжих шароварах, чем-то смахивавший на Дон-Кихота. Он оказался Подвойским, о котором я уже слышал как о члене коллегии по организации Красной Армии.

Пожав торопливо протянутую мне Лениным руку, я представил ему приехавших со мной генералов.

Владимир Ильич явно торопился, и я волей-неволей провел церемонию представления главе Советского правительства основных сотрудников моего штаба с той стремительностью, которая в этот ночной час отличала все жесты и манеру говорить Ленина. Рискуя показаться нам невежливым, хотя, как позже я убедился, он был на редкость хорошо воспитанным и учтивым человеком, Владимир Ильич быстро подошел к разложенной на столе карте и почти скороговоркой сообщил, адресуясь ко мне и остальным бывшим генералам, что немцы наступают на город Нарву, а кое-какие конные части их появились уже и под Гатчиной.

— Вам с вашими товарищами,— продолжал Ленин,— надо немедленно заняться соображениями о мерах обороны Петрограда. Войск у нас нет. *Никаких*,— подчеркнул он голосом.— Рабочие Петрограда должны заменить вооруженную силу.

— Я не думаю, товарищ Ленин, чтобы на Нарву могли наступать значительные силы германцев,— сказал я.

— Почему вы это решили? — спросил Ленин, вскинув на меня свои острые глаза.

— Достаточно сделать простой расчет,— ответил я.— Большая часть дивизий давно переброшена немцами на западный театр войны. Но и те сравнительно небольшие силы, которыми германское командование располагает в ближайших к столице районах, нельзя было так быстро передвинуть к Нарве и Пскову. Следовательно, немецкое наступление предпринято только с расчетом на отсутствие всякого сопротивления и ведется ничтожными силами.

— Совершенно с вами согласен. Немецкое наступление на Нарву мы расцениваем точно так же и потому и готовимся дать ему отпор силами одних рабочих,— сказал Ленин и, извинившись, что занят, ушел.

Присутствовавший при разговоре брат мой, Владимир Дмитриевич, провел меня и остальных генералов в комнату «семьдесят шесть» и предложил в ней обосноваться и

заняться разработкой нужных оборонительных мероприятий.

— Ты слышишь? — спросил он меня. Из-за двойных, совершенно заиндевелых стекол в комнату врываются не вполне понятные звуки, похожие, впрочем, на одновременный рев многочисленных фабричных гудков.

— Это заводы и фабрики революционного Петрограда объявляют боевую тревогу, — подтвердив мою догадку, продолжал Владимир Дмитриевич. — В течение ночи Центральный Комитет поставит под ружье 50 тысяч рабочих. Остановка — за разработкой оперативных планов и организацией нужных отрядов.

Отлично понимая, как важно выгадать время, я тут же включился в работу, попросив брата связать меня с теми, от кого мы могли бы получить точные сведения о том, что происходит под Гатчиной и Нарвой.

*Телефонограмма в Исполнительную Комиссию
Петроградского Комитета
и во все районные комитеты партии большевиков
21(8).II.1918. 12 ч. 20 мин. дня*

Советуем, не теряя ни часа, поднять на ноги всех рабочих, чтобы, согласно решениям Петроградского Совета, имеющим быть принятыми сегодня вечером, организовать десятки тысяч рабочих и двинуть поголовно всю буржуазию до одного, под контролем этих рабочих, на рытье окопов под Питером. Только в этом спасение революции. Революция в опасности. Линию окопов дадут военные. Готовьте орудия, а главное организуйтесь и мобилизуйтесь поголовно.

Ленин

*Воззвание
«Социалистическое отечество в опасности!» **

Чтоб спасти изнуренную, истерзанную страну от новых военных испытаний, мы пошли на величайшую жертву и объявили немцам о нашем согласии подписать их условия мира. Наши парламентарии 20(7) февраля вечером выехали из Режицы в Двинск, и до сих пор нет ответа.

* Написано В. И. Лениным.

Немецкое правительство, очевидно, медлит с ответом. Оно явно не хочет мира. Выполняя поручение капиталистов всех стран, германский милитаризм *хочет задушить русских и украинских рабочих и крестьян, вернуть земли помещикам, фабрики и заводы — банкирам, власть — монархии.* Германские генералы хотят установить свой «порядок» в Петрограде и в Киеве. *Социалистическая республика Советов находится в величайшей опасности.* До того момента, как поднимется и победит пролетариат Германии, священным долгом рабочих и крестьян России является беззаветная защита республики Советов против полчищ буржуазно-империалистской Германии. Совет Народных Комиссаров постановляет: 1) *Все силы и средства страны целиком предоставляются на дело революционной обороны.* 2) *Всем Советам и революционным организациям вменяется в обязанность защищать каждую позицию до последней капли крови.* 3) Железнодорожные организации и связанные с ними Советы обязаны всеми силами воспрепятствовать врагу воспользоваться аппаратом путей сообщения; при отступлении уничтожать пути, взрывать и сжигать железнодорожные здания; весь подвижной состав — вагоны и паровозы — немедленно направлять на восток в глубь страны. 4) Все хлебные и вообще продовольственные запасы, а равно всякое ценное имущество, которым грозит опасность попасть в руки врага, должны подвергаться безусловному уничтожению; наблюдение за этим возлагается на местные Советы под личной ответственностью их председателей. 5) Рабочие и крестьяне Петрограда, Киева и всех городов, местечек, сел и деревень по линии нового фронта должны мобилизовать батальоны для рытья окопов под руководством военных специалистов. 6) *В эти батальоны должны быть включены все работоспособные члены буржуазного класса, мужчины и женщины, под надзором красногвардейцев; сопротивляющиеся — расстреливать.* 7) Все издания, противодействующие делу революционной обороны и становящиеся на сторону немецкой буржуазии, а также стремящиеся использовать нашествие империалистических полчищ в целях свержения Советской власти, закрываются; работоспособные редакторы и сотрудники этих изданий мобилизуются для рытья окопов и других оборонительных работ. 8) *Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления.*

Социалистическое отечество в опасности! Да здравствует социалистическое отечество! Да здравствует международная социалистическая революция!

Совет Народных Комиссаров

21-го февраля 1918 года.

Петроград.

В. Д. Бонч-Бруевич:

Ленинское воззвание «Социалистическое отечество в опасности!», сейчас же напечатанное в сотнях тысяч экземпляров, расклеивалось на стенах, раздавалось народу, распространялось на вокзалах, в поездах, в казармах, рассылалось во все города.

И оно творило чудеса...

В Смольном стояло такое оживление, какого, пожалуй, не было с памятных дней Октябрьского переворота.

Патриотический порыв превратился в общий подъем. Неудержимым, бесконечным потоком шли в Смольный патриоты, спеша как можно скорее записаться в добровольцы. Здесь были рабочие, солдаты, вернувшиеся с фронта, крестьяне, приехавшие по своим общественным делам в Петроград, служащие, интеллигенты, студенты, множество женщин. Все горело одним желанием: присоединиться к вновь образуемым боевым частям для борьбы с вероломным врагом. Быстро были организованы группы докторов и сестер «Красного Креста», двинувшиеся вместе с первыми эшелонами на фронт, на боевые позиции. Стали появляться офицеры старой армии, предлагавшие себя для решительной борьбы с врагом. Получив боевые задания, они вливались в разные вновь сформированные части...

Многие из арестованных за сопротивление и неподчинение властям подавали заявления, в которых просили мобилизовать их и сейчас же отправить на фронт, на передовые позиции. Об этом тотчас докладывалось Владимиру Ильичу. Он внимательно прочитывал заявления, быстро знакомился с делами и отдавал распоряжения. Освобожденных арестованных немедленно присоединяли к частям и отправляли на фронт. Комплектовались бронепоезда, грузилась артиллерия, даны были задания о проведении фортификационных работ вокруг Петрограда.

В. М. Становов:

Во второй половине февраля 1918 года мне ночью позвонили из штаба Красной гвардии Выборгского района и предложили немедленно направиться в Смольный.

Выйдя на улицу, я услышал рев заводских гудков и сирен паровозов. В Смольном мне сообщили, что немцы двигаются из Пскова на Петроград. Я понял, зачем меня вызвали.

В приемной мне вручили пропуск в кабинет В. И. Ленина.

Войдя в кабинет, я увидел за столом Владимира Ильича, а около него стояли Дзержинский, Подвойский, Урицкий и другие. Я отрапортовал:

— Товарищ Ленин, по вашему приказанию прибыл начальник Отдельного Выборгского артиллерийского дивизиона Становов.

Ленин встал из-за стола, подошел ко мне, положил руку на мое плечо и сказал:

— Вы, вероятно, знаете, что немцы двигаются из Пскова на Петроград. Надо немедленно собрать всю артиллерию и двигаться по направлению к Пскову, чтобы во что бы то ни стало задержать врага, не допустить его к Петрограду. Помните, что цитадель русской революции не должна пасть. Все указания получите у товарища Бонч-Бруевича. Желаю вам счастливого пути и боевых успехов.

Я крепко пожал руку Ильича, сердечно попрощался с ним, а затем, получив пакет от тов. Бонч-Бруевича, немедленно направился в свой дивизион. Собрав командный состав, комиссаров батарей, я подробно рассказал им о своей беседе с Лениным, передал его указания.

В 5 часов 30 минут ночи мы направились к Варшавскому вокзалу.

Альберт Рис Вильямс:

Я принимаю решение вступить в Красную Армию и иду к Ленину.

— Приветствую, приветствую, — сказал мне Ленин. — Дела наши обстоят пока что неважно. Старая армия воевать не будет. А новая пока существует в основном на бумаге. Только что без сопротивления сдали Псков. Это преступление. Председателя Совета нужно расстрелять. Наши рабочие проявляют чудеса самопожертвования и ге-

ронизма. Но у них нет никакой военной подготовки и дисциплины.

Таким образом, в двух десятках лаконичных фраз он обрисовал мне создавшееся положение и кончил словами:

— Я не вижу иного выхода, кроме мира! Однако Совет может высказаться за войну. Во всяком случае, поздравляю вас с вступлением в революционную армию. После той борьбы, которую вы выдержали с русским языком, вы хорошо подготовлены к боям с немцами.

Задумавшись на мгновение, он добавил:

— Один иностранец вряд ли много навоюет. А может быть, вы найдете еще кого-нибудь?

Я ответил, что можно попробовать сформировать отряд.

Ленин не любил откладывать дела в долгий ящик. Как только план разработан, он тотчас приступал к проведению его в жизнь. Ленин повернулся к телефону и позвонил Крыленко, советскому главнокомандующему. Его не оказалось на месте, Ленин взял ручку и набросал ему записку.

К вечеру мы уже сформировали интернациональный отряд и выпустили воззвание с призывом ко всем иностранцам вступать в этот новый отряд. Но Ленин на этом не остановился. Он не из тех, кто довольствуется широким жестом, сделанным при начинании большого дела. Он неустанно следил за ходом дела и вникал во все детали.

Из статьи В. И. Ленина

«Серьезный урок и серьезная ответственность»

Факты — упрямая вещь, как говорит справедливая английская пословица. Факт тот, что с 3-го марта, когда в 1 час дня прекращены были германцами военные действия, и до 5-го марта, 7 час. вечера, когда я пишу эти строки, мы имеем передышку и мы *уже* воспользовались этими двумя днями для *деловой* (не фразами, а делами проявляющей себя) защиты социалистического отечества. Это — факт, который будет становиться с каждым днем все более и более очевидным для массы. Это — факт, что в момент, когда панически бежит, бросая пушки и не успевая взрывать мостов, фронтовая армия, неспособная воевать, защитой отечества и *повышением* его обороноспособности является не болтовня о революционной войне (болтовня — при таком паническом бегстве армии, *ни*

одного отряда которой сторонники революционной войны не удержали,— прямо позорная), а отступление в порядке для спасения остатков армии, использование в этих целях каждого дня передышки...

Н. Бухарин пытается теперь даже отрицать тот факт, что он и его друзья утверждали, будто немец не сможет наступать. Однако очень и очень многие знают, что это — факт, что Бухарин и его друзья утверждали это, что, сея такую иллюзию, они *помогли* германскому империализму и *помешали* росту германской революции, которая ослаблена теперь тем, что у великороссийской Советской республики отняли, при паническом бегстве крестьянской армии, тысячи и тысячи пушек, сотни и сотни миллионов богатств...

А что новые условия хуже, тяжелее, унижительнее худых, тяжелых и унижительных брестских условий, *в этом виноваты*, по отношению к великороссийской Советской республике, *наши горе-«левые»* Бухарин, Ломов, Урицкий и К^о. Это исторический факт, доказанный вышеприведенными голосованиями. От этого факта никакими увертками не скроешься. Вам *давали* брестские условия, а вы отвечали фанфаронством и бахвальством, *доведя* до худших условий. Это факт. И ответственность за это вы с себя не снимете.

А. Е. Васильев:

В. И. Ленин запросил у Путиловского завода сведения о том, сколько имеется на заводе в наличии готовых трехдюймовых пушек.

Являясь в то время председателем заводского комитета, я отправился в Смольный передать В. И. Ленину эти сведения. Секретарь докладывает В. И. Ленину о моем приходе. Я вхожу в кабинет. Владимир Ильич сидит за письменным столом, что-то пишет. Он протягивает мне с улыбкой руку, приглашает сесть. Я подаю справку об изготовленных заводом орудиях. Владимир Ильич быстро просматривает справку и говорит: «Спасибо путиловцам — будет баня немцу».

Затем товарищ Ленин стал расспрашивать меня, как рабочие из состава правления завода ладят со специалистами, интересовался настроением рабочих.

— Нужно твердо вести учет и контроль,— сказал Ильич и дал нам подробные указания.

М. Д. Бонч-Бруевич:

Ленин, как я впоследствии убедился, отлично разбирался в основных военных вопросах, и особенно в характере и обстоятельствах участия России в первой мировой войне. Работать с ним было легко и даже радостно. Владимир Ильич умел, как никто, слушать и делал это так, что я, например, ощущал душевный подъем после каждого своего доклада, независимо от того, принимал Ленин или не принимал мои предложения. Это умение сказывалось прежде всего в сосредоточенном внимании, с которым тебя выслушивал Владимир Ильич, в глубоком понимании вопроса, о котором говорили его реплики, во всей той не передаваемой словами атмосфере простоты, товарищества и уважения к каждому, кто с ним работает, которая была присуща приему у первого Председателя Совета Народных Комиссаров.

Н. К. Крупская:

Только когда положение изменилось, когда немцы 23 февраля прислали свои условия, потребовали ответа в течение 48 часов и в то же время стали решительно наступать, брать город за городом, соотношение сил изменилось. Ленин заявил, что, если будет продолжаться политика революционной фразы, он выходит из ЦК и из правительства. Голосование по вопросу, принять ли условия германские или нет, дали: 7 — за, 4 — против, 4 — воздержались, в том числе Троцкий, не пожелавший брать на себя ответственность в такой важнейший момент по важнейшему вопросу...

Ходим мы по Неве. Сумерки. Над Невой запад залит малиновым цветом зимнего питерского заката. Мне этот закат напоминает первую встречу с Ильичем у Классона на блинах, в 1894 году, когда на обратном пути с Охты мы шли с товарищами по Неве, и они рассказывали мне про брата Ильича. И вот ходим мы с Ильичем по Неве, и он повторяет мне вновь и вновь все доводы, почему в корне неверна позиция «мира не заключаем, войны не ведем»; возвращаемся домой, Ильич вдруг останавливается, и его усталое лицо неожиданно светлеет, он подымает голову и роняет: «А вдруг?», т. е. вдруг в Германии уже идет революция. Мы доходим до Смольного. Пришли телеграммы: немцы наступают. Вдвое темнеет Ильич и весь осунувшийся идет названивать по телефонам.

М. Я. Лацис:

Смольный...

Капун Бреста. Немцы нападают на Псков. Тактика Троцкого — ни войны, ни мира, — взявшая верх на первых совещаниях, явно обанкротилась.

А Владимир Ильич все твердит свое: мир, хотя бы на самых тяжелых условиях.

В этом вопросе большинство Петербургского комитета с ним расходится. Оно все еще расценивает боеспособность всей страны по рабочим массам Петрограда. Но и в самом ПК начинается отрезвление от этой архилевой тактики. Действительность бьет революционную романтику и заставляет спускаться на реальную почву.

На первых совещаниях ответственных партийных работников, собранных для выявления мнения актива, я тоже голосовал против Владимира Ильича, за продолжение войны. Но серьезность создавшегося положения заставляет меня пересмотреть прежние взгляды.

А это необходимо сделать немедленно: в 5 часов вечера последнее, решающее совещание о Бресте.

Владимир Ильич серьезно озабочен: никак не убедишь этих «головорезов» в гибельности их линии. Я вижу, как он обходит всех присутствующих на совещании рабочих и с каждым беседует, стараясь узнать их подлинные настроения.

*Из статьи В. И. Ленина
«Мир или война?»*

Ответ германцев, как видят читатели, ставит нам условия мира еще более тяжкие, чем в Брест-Литовске. И тем не менее, я абсолютно убежден в том, что только полное опьянение революционной фразой способно толкать кое-кого на отказ подписать эти условия...

Пусть знает всякий: кто против немедленного, хотя и архитяжкого мира, тот губит Советскую власть.

*Из выступления В. И. Ленина на заседании ЦК РСДРП (б)
23 февраля 1918 г.*

Протокольная запись

Тов. Ленин считает, что политика революционной фразы окончена. Если эта политика будет теперь продолжаться

ся, то он выходит и из правительства и из ЦК. Для революционной войны нужна армия, ее нет. Значит, нужно принимать условия.

*Из доклада В. И. Ленина на заседании ВЦИК
24 февраля 1918 г.*

Товарищи, условия, которые предложили нам представители германского империализма, неслыханно тяжелы, безмерно угнетательские, условия хищнические. Германские империалисты, пользуясь слабостью России, наступают нам коленом на грудь. И при таком положении мне приходится, чтобы не скрывать от вас горькой правды, которая является моим глубоким убеждением, сказать вам, что иного выхода, как подписать эти условия, у нас нет.

М. С. Кедров:

Я был свидетелем, как Владимир Ильич в частной беседе в Смольном отчитывал группу вояк, настаивавших на продолжении революционной войны.

— Ну что, разве по-вашему вышло? Ничего подобного!.. Воевать сейчас все равно не можем и не будем. Только пришлось заменить прямо и ясно поставленный вопрос о необходимости заключения мира туманной и расплывчатой формулой, являвшейся бессмыслицей... И за эту бессмыслицу уже дорого заплачено, и мирный договор все же подписан, но уже на более тяжелых условиях... Эх, вояки! — закончил Ильич, — если можно было бы воевать при помощи красивых слов и резолюций, то давно весь мир был бы уже вами завоеван.

*Постановление Совета Народных Комиссаров о принятии германских условий мира **

Согласно решению, принятому Центральным Исполнительным Комитетом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 24 февраля в 4¹/₂ часа ночи, Совет Народных Комиссаров постановил условия мира, предложенные германским правительством, принять и выслать делегацию в Брест-Литовск.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин)

* Написано 24 февраля 1918 г.

Из статьи В. И. Ленина
«Несчастный мир»

Невероятно, неслыханно тяжело подписывать несчастный, безмерно тяжелый, бесконечно унижительный мир, когда сильный становится на грудь слабому. Но непозволительно впадать в отчаяние, недопустимо забывать, что история знает примеры еще больших унижений, еще более несчастных, тяжелых условий мира. И все же народы, задавленные зверски-жестокими победителями, умели оправиться и воспрянуть.

Из статьи В. И. Ленина
«Тяжелый, но необходимый урок»

Мы — оборонцы теперь, с 25 октября 1917 г., мы — за защиту отечества с этого дня. Ибо мы доказали *на деле* наш разрыв с империализмом. Мы расторгли и опубликовали грязные и кровавые империалистские договоры-заговоры. Мы свергли *свою* буржуазию. Мы дали свободу угнетавшимся *нами* народам. Мы дали землю народу и рабочий контроль. Мы — за защиту Советской социалистической республики России.

Но именно потому, что мы — за защиту отечества, мы требуем *серьезного* отношения к обороноспособности и боевой подготовке страны. Мы объявляем беспощадную войну революционной фразе о революционной войне. К ней надо готовиться длительно, серьезно, начиная с экономического подъема страны, с налажения железных дорог (ибо без них современная война есть пустейшая фразы), с восстановления всюду и везде строжайшей революционной дисциплины и самодисциплины.

Преступление, с точки зрения защиты отечества, — принимать военную схватку с бесконечно более сильным и готовым неприятелем, когда заведомо не имеешь армии. Мы обязаны подписать, с точки зрения защиты отечества, самый тяжелый, угнетательский, зверский, позорный мир — не для того, чтобы «капитулировать» перед империализмом, а чтобы учиться и готовиться воевать с ним серьезным, деловым образом.

Пережитая неделя подняла русскую революцию на неизмеримо более высокую ступень всемирно-исторического развития. История шагнула вперед, за эти дни, на несколько ступенек вверх сразу.

До сих пор перед нами стояли мизерные, презренно-жалкие (с точки зрения всемирного империализма) враги, какой-то идиот Романов, хвастунишка Керенский, банды юнкеров и буржуйчиков. Теперь против нас поднялся гигант культурного, технически первоклассно оборудованного, организационно великолепно налаженного всемирного империализма. С ним *надо* бороться. С ним *надо уметь* бороться. Доведенная трехлетней войной до неслыханной разрухи крестьянская страна, начавшая социалистическую революцию, должна уклониться от военной схватки — пока можно, хотя бы ценой тяжчайших жертв, от нее уклониться — именно для того, чтобы иметь возможность сделать что-либо серьезное к тому моменту, когда вспыхнет «последний решительный бой»...

Учитесь у тяжелых, но полезных уроков революции, товарищи рабочие! Готовьтесь серьезно, напряженно, неуклонно к защите отечества, к защите социалистической Советской республики!

*Статья В. И. Ленина
«На деловую почву»*

Революционный подъем, вызванный предательским набегом германских белогвардейцев на русскую революцию, налицо. Отовсюду идут телеграммы о готовности стать на защиту Советской власти и сражаться до последнего человека. Иного отношения к своей рабоче-крестьянской власти и нельзя было ожидать.

Но одного энтузиазма недостаточно для ведения войны с таким противником, как германский империализм. Было бы величайшей наивностью, даже преступлением, легкомысленное отношение к данной, *настоящей, упорной, кровавой* войне.

Войну надо вести по-настоящему, или ее совсем не вести. Середины тут быть не может. Раз нам германские империалисты ее навязывают, наша священная обязанность трезво оценить наше положение, учесть силы, проверить хозяйственный механизм. Все это должно делаться со скоростью военного времени, ибо всякое промедление в нашем теперешнем положении поистине «смерти подобно». Ганнибал у ворот, — об этом мы не должны забывать ни на минуту.

Для ведения войны *по-настоящему* необходим крепкий организованный тыл. Самая лучшая армия, самые предан-

ные делу революции люди будут немедленно истреблены противником, если они не будут в достаточной степени вооружены, снабжены продовольствием, обучены. Это настолько ясно, что не требует пояснения.

В каком положении находится тыл нашей революционной армии? — В самом плачевном, чтобы не сказать больше. Предшествующей войной наш транспорт окончательно расстроен, товарообмен между городом и деревней нарушен, прямым и непосредственным результатом чего является голод в больших городах.

Под ударом неприятеля наша армия перестраивается самым коренным образом. Старой армии, знакомой с условиями ведения войны при современных условиях, нет. Вконец измученная предшествующей войной, смертельно уставшая от трех с половиной годичного сидения в окопах, она в боевом отношении представляет нулевую величину. Красная Армия — безусловно великолепный боевой материал, но материал сырой, необработанный. Для того, чтобы ее не сделать пушечным мясом для германских орудий, ее необходимо обучить, дисциплинировать.

Перед нами колоссальные трудности. Все местные Советы должны немедленно, вслед за отправленной телеграммой о готовности бороться с внешним врагом, сообщить, сколько вагонов хлеба отправлено в Петроград, какое количество войск они способны послать на фронт немедленно, какое количество красноармейцев обучается. Все оружие и снаряды должны быть взяты под учет, должно быть немедленно возобновлено производство нового оружия и снарядов. Железные дороги должны быть освобождены от мешочников и хулиганов. Всюду должна быть восстановлена строжайшая революционная дисциплина. Только при соблюдении *всех* этих условий можно будет говорить *серьезно* о войне. А иначе все разговоры о «самой революционной войне» будут *фразой*. А фраза вредна всегда, в данный критический момент она может сыграть роковую роль.

Я глубоко убежден, что наша революция справится с колоссальными трудностями настоящего момента. Она уже проделала грандиозную работу, но для успешного завершения нашего дела надо увеличить энергию стократ.

Только тогда мы победим.

Н. К. Крупская:

...Наступление немцев внесло очень быстро отрезвление; к моменту VII партийного съезда ленинская точка зрения завоевала громадное большинство.

К. Т. Свердлова:

VII съезд партии открылся 6 марта 1918 года поздним вечером в Таврическом дворце. По поручению Центрального Комитета съезд открыл Яков Михайлович Свердлов. В работе съезда участвовало 46 делегатов с решающим голосом и 58 с совещательным. На заседаниях съезда присутствовал партийный актив Петрограда...

Это был первый съезд партии после победы Октября. Собрался он в исключительно сложных условиях, когда после триумфального шествия Советской власти наступил невероятно трудный период. Трудности усугублялись дезорганизаторской, раскольнической деятельностью «левых коммунистов» и троцкистов, все еще пытавшихся опрокинуть решения ЦК по вопросу о мире.

Съезду предстояло подвести итоги борьбы с «левыми коммунистами», укрепить единство партии; предстояло вынести окончательное суждение о Брестском мире. Съезд должен был организационно укрепить партию и наметить пути наведения социалистического порядка в народном хозяйстве.

Съезд длился всего три дня, с 6 по 8 марта, за это время были рассмотрены политический и организационный отчеты ЦК, заслушаны доклады о войне и мире, о пересмотре партийной программы и наименования партии и проведены выборы Центрального Комитета. Политический отчет ЦК был объединен с вопросом о войне и мире. С докладами по этим вопросам и по пересмотру программы выступил В. И. Ленин, организационный отчет ЦК сделал Я. М. Свердлов.

В центре работы съезда был доклад Ленина.

*Из политического отчета Центрального Комитета
на VII Экстренном съезде РКП(б)
7 марта 1918 года*

От сплошного триумфального шествия в октябре, ноябре, декабре на нашем внутреннем фронте, против нашей контрреволюции, против врагов Советской власти нам

предстояло перейти к стычке с настоящим международным империализмом в его настоящем враждебном отношении к нам...

Наступил период тягчайших поражений, нанесенных вооруженным до зубов империализмом стране, которая демобилизовала свою армию, должна была демобилизоваться. То, что я предсказывал, наступило целиком: вместо Брестского мира мы получили мир гораздо унижительней, по вине тех, кто не брал его...

Вот сейчас мы подписываем мир, имеем передышку, мы пользуемся ею для защиты отечества лучше, — потому что, если бы мы имели войну, мы имели бы ту панически бегущую армию, которую необходимо было бы остановить и которую наши товарищи остановить не могут и не могли, потому что война сильнее, чем проповеди, чем десять тысяч рассуждений. Если они не поняли объективного положения, они остановить армию не могут, они ее не остановили бы. Эта больная армия заражала весь организм, и мы получили новое неслыханное поражение, новый удар немецкого империализма по революции, — тяжелый удар, потому что легкомысленно оставили себя без пулеметов под ударами империализма...

...Вот, что мы переживали. Вот та реальная история одиннадцатидневной войны. Ее описали нам матросы, путиловцы, которых надо взять на съезд Советов. Пусть они расскажут правду. Это страшно горькая, обидная, мучительная, унижительная правда, но она во сто раз полезнее, она понимается русским народом...

Последняя война дала горькую, мучительную, но серьезную науку русскому народу — организовываться, дисциплинироваться, подчиняться, создавать такую дисциплину, чтобы она была образцом...

Я еще раз скажу, что готов подписать и буду считать обязанностью подписать в двадцать раз, в сто раз более унижительный договор, чтобы получить хоть несколько дней для эвакуации Питера, ибо я облегчаю этим мучения рабочих, которые иначе могут подпасть под иго немцев; я облегчаю вывоз из Питера тех материалов, пороха и пр., которые нам нужны, потому что я — оборонец, потому что я стою за подготовку армии — пусть в самом отдаленном тылу, где лечат сейчас теперешнюю демобилизованную большую армию...

Наш лозунг должен быть один — учиться военному делу настоящим образом, ввести порядок на железных до-

рогах. Без железных дорог социалистическая революционная война — вреднейшее предательство. Необходимо создать порядок и нужно создать всю ту энергию, всю мощь, которые создадут лучшее, что есть у революции.

Ловите передышку, хотя бы на час, раз вам ее дали, чтобы поддержать контакт с дальним тылом, там создавать новые армии. Бросьте иллюзии, за которые вас жизнь наказала и еще больше накажет. Перед нами вырисовывается эпоха тягчайших поражений, она налицо, с ней надо уметь считаться, нужно быть готовыми для упорной работы в условиях нелегальных, в условиях заведомого рабства у немцев: этого нечего прикрашивать; это действительно Тильзитский мир. Если мы сумеем так действовать, тогда мы, несмотря на поражения, с абсолютной уверенностью можем сказать, что мы победим.

А. Д. Блохин:

На VII съезде партии Ленин выдвинул задачу «всестороннего, систематического, всеобщего обучения взрослого населения, без различия пола, военным знаниям и военным операциям». Нужно добиться, говорил Ильич, чтобы рабочие и крестьяне каждый день «учились сражаться».

Ленин призывал полностью использовать передышку, полученную в результате Брестского мира, для создания крепкой армии и крепкого тыла.

*Из резолюции съезда
о войне и мире*

Съезд признает необходимым утвердить подписанный Советской властью тягчайший, унижайнейший мирный договор с Германией, ввиду неимения нами армии, ввиду крайне болезненного состояния деморализованных фронтовых частей, ввиду необходимости воспользоваться всякой, хотя бы даже малейшей, возможностью передышки перед наступлением империализма на Советскую социалистическую республику.

Н. К. Крупская:

VII съезд партии 30 голосами против 12, при 4 воздержавшихся, 8 марта принял резолюцию о необходимости утвердить мирный договор, подписанный в Брест-Литовске...

...В тяжелое время между половиной января и концом февраля много ходили мы с Ильичем вокруг Смольного, по Неве. Ильичу было трудно, и в такие минуты у него была потребность рассказать громко кому-нибудь близкому то, что его заботило. Я не помню уже того, что он говорил, но созвучно это с тем, что говорил он на VII съезде партии. Эту его речь не могу я читать без волнения и сейчас. Точно Ильича голос слышишь, все его интонации.

Глава
вторая

ФЛАГ НАД КРЕМЛЕМ

Переезд
правительства
в Москву
Мы победили
капитал,
мы победим
свою собственную
неорганизованность
Битва за хлеб
Создание Красной
Армии

ПЕРЕЕЗД ПРАВИТЕЛЬСТВА В МОСКВУ

Н. К. Крупская:

Наступление немцев, взятие ими Пскова показали, какой опасности подвергалось правительство, находившееся в Питере. В Финляндии разгоралась гражданская война. Решено было эвакуироваться в Москву. Это было необходимо и с точки зрения организационной. Надо было работать в центре хозяйственной и политической жизни страны.

В. Д. Бонч-Бруевич:

Еще во второй половине февраля Владимир Ильич согласился с моим докладом о необходимости взять курс на подготовку учреждений к переезду в Москву. Условились все это не разглашать, в Москву предварительно не сообщать и переезд организовать насколько возможно внезапно.

Мой брат, Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич, в то время занимал ответственный пост в Высшем Военном Совете. Он через день лично докладывал Владимиру Ильичу о ходе военных операций, об устройстве завесы и о мерах по привлечению новых военных кадров. На одном из докладов Владимиру Ильичу Михаил Дмитриевич высказал мнение о нецелесообразности оставлять место пребывания правительства в Петрограде и с военной точки зрения, ввиду появления немецкого флота в ближайших водах Балтийского моря, агрессивных действий немцев в Финляндии и сосредоточения контрреволюционных войск финляндской буржуазии на нашей границе.

— Где же, по вашему мнению, должно находиться правительство?

— В Москве...— последовал ответ.

— Напишите это ваше мнение и представьте мне...

В этот же день на закрытом заседании Совнаркома* Владимир Ильич секретно сообщил всем собравшимся народным комиссарам о своем решении. Целесообразность его была совершенно ясна для каждого, и, конечно, все согласились с мнением Владимира Ильича. Всю организацию дела переезда Советского правительства из Петрограда в Москву, охрану его в пути, устройство в Москве Владимир Ильич лично возложил на меня...

9 марта я отдал распоряжение приготовить два экстренных пассажирских поезда на Николаевском вокзале (ныне Московском) с тем, чтобы они были совершенно готовы к отбытию 10 марта. В этих поездах я хотел отправить работников комиссариатов, имущество Управления делами Совнаркома, служащих Управления и все необходимое, что нужно было в первые дни жизни правительства в Москве.

Эти поезда я решил грузить открыто, не обращая ни на что внимания. Я ясно сознавал, что шила в мешке не утаишь и что такую громаду, как Управление делами Совнаркома и комиссариаты, тайно не перевезешь...

Товарищи спешно стали собираться. 10 марта по особому списку, в котором был установлен порядок погрузки, наши автомобили, выезжавшие не из Смольного, с шоферами, нам хорошо известными, быстро перевезли багаж и погрузили его на Цветочной площадке. Наши товарищи, рабочие-коммунисты из 75-й комнаты, быстро распространили в районе сведения, что это на фронт под Псков уезжают доктора, почему и грузят их имущество. Погрузка багажа началась около 12 часов дня и окончилась к 6 часам вечера. Когда совершенно смерклось, мы стали подвозить народных комиссаров и их семьи, а также и тех, кто должен был ехать по особому списку...

И вот наконец наступило время отъезда Владимира Ильича. В 9 часов 30 минут вечера 10 марта 1918 г. мы покинули Смольный институт. В нашем автомобиле ехали Владимир Ильич, Надежда Константиновна, Мария Ильинична, Вера Михайловна и я...

Мы выехали конспиративно и внезапно, по маршруту,

* 26 февраля 1918 г.— *Сост.*

Смольный, 1917 г.

Выступление В. И. Ленина
на II Всероссийском съезде Советов.
Художник В. А. Серов.

В Смольном.
С картины художника В. Серова.

В. И. Ленин. Смольный (Петроград).
Январь 1918 г.

Гостиница «Националь»,
где жил В. И. Ленин в марте 1918 г.
после переезда правительства
из Петрограда в Москву.

Квартира В. И. Ленина
(комната Ленина, столовая).

Н. К. Крупская. 1918 г.

Гранатный корпус завода Михельсона
(ныне завод им. Владимира Ильича).
Здесь 30 августа 1918 г. было совершено
злодейское покушение на В. И. Ленина.

Вступление Красной Армии
в Казань. 1918 г.

В. И. Ленин председательствует на заседании
Совета Народных Комиссаров.
Москва, 17 октября 1918 г.

В. И. Ленин и В. Д. Бонч-Бруевич
во дворе Кремля.
Москва. Октябрь 1918 г.

В. И. Ленин в своем кабинете в Кремле.
Октябрь 1918 г.

В. И. Ленин, Я. М. Свердлов и другие
на открытии мемориальной доски
«Павшим в борьбе за мир и братство народов»,
работы С. Т. Коненкова, в первую годовщину
победы Великой Октябрьской
социалистической революции.

В. И. Ленин произносит речь
при открытии памятника К. Марксу
и Ф. Энгельсу.
Москва, 7 ноября 1918 г.

В. И. Ленин произносит речь
на похоронах Я. М. Свердлова
на Красной площади 18 марта 1919 г.

В. И. Ленин и Н. К. Крупская
выходят из Дома Союзов
после заседания I Всероссийского съезда
по внешкольному образованию.
Москва, 6 мая 1919 г.

В. И. Ленин в президиуме
I конгресса Коминтерна в Кремле.
Москва, 2—6 марта 1919 г.

В. И. Ленин обходит фронт войск
Всевобуча на Красной площади.
25 мая 1919 г.

В. И. Ленин выступает с балкона Моссовета
на митинге протеста против убийства
вождей германского пролетариата
К. Либкнехта и Р. Люксембург.
19 января 1919 г.

находившемся в стороне от главной магистрали обычного движения, и не уведомляя никого о нашем отъезде.

— Заканчивается петроградский период деятельности нашей центральной власти. Что-то скажет нам московский? — тихо произнес Владимир Ильич, когда мы уселись в автомобиль.

Все молчали. Чувствовалось общее понимание важности момента. Столица государства через двести лет вновь перенесена в Москву.

— Все ли удалось сделать? — спрашивал меня Владимир Ильич.

Я рассказал ему о всех удачах и неудачах нашего переезда и сообщил, что на Николаевском вокзале кончают погрузку двух поездов и что мы пойдем посреди них, что внешне наш поезд ничем не отличается от тех двух и что так лучше, безопасней.

Мы подкатили к последнему поезду у Цветочной площадки, где нас встретили мой постоянный сотрудник М. Д. Цыганков и другие товарищи, которые, освещая путь маленькими электрическими фонариками, бережно ввели Владимира Ильича и его спутниц в предназначенный ему салон-вагон...

Без свистков мы плавно отошли; состав не был освещен.

— Что же, мы так и будем сидеть во тьме? — запротестовал Владимир Ильич.

— Нам только бы выйти на главные пути. У нас везде электричество, — ответил я Владимиру Ильичу и зажег лампочку.

— Вот это хорошо! — воскликнул он. — Можно будет почитать.

Владимир Ильич так обрадовался свету, что я не решился закрутить лампочку, задернул занавеси на окнах, и так со светом в салон-вагоне, правда вряд ли проникавшим через шторы, мы двигались далее.

Как только мы вышли на главные пути и пошли, усиливая ход, на Любань, тотчас же поезд осветился. Во всех вагонах шторы везде были задернуты и проверены. Всем было запрещено выходить на станциях, дабы не возбуждать излишнего любопытства. Ход нашего поезда ускорился.

У Владимира Ильича собрались товарищи, и мы принялись пить чай. Весело шла наша беседа. Владимир Ильич шутил, смеялся и, видимо, был доволен строгим, чисто

военной организацией, дисциплиной Латышского отряда, начальник которого как из-под земли вырастал после каждой станции с рапортом, что поезд прошел такую-то станцию и что и на станции и в поезде все благополучно.

Н. К. Крупская:

11 марта Советское правительство переехало в Москву, в центр РСФСР, подальше от границы, ближе к ряду губерний, с которыми надо было как можно теснее связаться.

11 марта, в день переезда в Москву, Ильич написал статью «Главная задача наших дней». Эта статья, напечатанная в «Известиях» 12 марта, носила программный характер, но в то же время она как нельзя лучше характеризовала тогдашнее настроение Ильича.

Из статьи В. И. Ленина «Главная задача наших дней»

Ты и убогая, ты и обильная,
Ты и могучая, ты и бессильная
— Матушка-Русь!

История человечества продельывает в наши дни один из самых великих, самых трудных поворотов, имеющих необъятное — без малейшего преувеличения можно сказать: всемирно-освободительное — значение. От войны к миру; от войны между хищниками, посылающими на бойню миллионы эксплуатируемых и трудящихся ради того, чтобы установить новый порядок раздела награбленной сильнейшими из разбойников добычи, к войне угнетенных против угнетателей, за освобождение от ига капитала; из бездны страданий, мучений, голода, одичания к светлому будущему коммунистического общества, всеобщего благосостояния и прочного мира; — неудивительно, что на самых крутых пунктах столь крутого поворота, когда кругом с страшным шумом и треском надламывается и разваливается старое, а рядом в неописуемых муках рождается новое, кое у кого кружится голова, кое-кем овладевает отчаяние, кое-кто ищет спасения от слишком горькой подчас действительности под сенью красивой, увлекательной фразы.

России пришлось особенно отчетливо наблюдать, особенно остро и мучительно переживать наиболее крутые из крутых изломов истории, поворачивающей от империализ-

ма к коммунистической революции. Мы в несколько дней разрушили одну из самых старых, мощных, варварских и зверских монархий. Мы в несколько месяцев прошли ряд этапов соглашательства с буржуазией, изживания мелко-буржуазных иллюзий, на что другие страны тратили десятилетия...

Мы установили диктатуру пролетариата, поддержанного беднейшим крестьянством, и начали широко задуманную систему социалистических преобразований. Мы пробудили веру в свои силы и зажгли огонь энтузиазма в миллионах и миллионах рабочих всех стран. Мы бросили повсюду клич международной рабочей революции. Мы бросили вызов империалистским хищникам всех стран.

И в несколько дней нас бросил на землю империалистский хищник, напавший на безоружных...

...Надо измерить целиком, до дна, всю ту пропасть поражения, расчленения, порабощения, унижения, в которую нас теперь толкнули. Чем яснее мы поймем это, тем более твердой, закаленной, стальной сделается наша воля к освобождению, наше стремление подняться снова от порабощения к самостоятельности, наша непреклонная решимость добиться во что бы то ни стало того, чтобы Русь перестала быть убогой и бессильной, чтобы она стала в полном смысле слова могучей и обильной.

Она может стать таковой, ибо у нас все же достаточно осталось простора и природных богатств, чтобы снабдить всех и каждого если не обильным, то достаточным количеством средств к жизни. У нас есть материал и в природных богатствах, и в запасе человеческих сил, и в прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция,— чтобы создать действительно могучую и обильную Русь...

...Война встряхнула массы, разбудила их неслыханными ужасами и страданиями. Война подтолкнула историю, и она летит теперь с быстротой локомотива. Историю творят теперь самостоятельно миллионы и десятки миллионов людей. Капитализм дорос теперь до социализма...

...Мы оборонцы с 25 октября 1917 г. Мы за «защиту отечества», но та отечественная война, к которой мы идем, является войной за социалистическое отечество, за социализм, как отечество, за Советскую республику, как *отряд* всемирной армии социализма.

В. Д. Бонч-Бруевич:

Владимир Ильич остановился в гостинице «Националь», где для него Московским Советом были отведены две комнаты. Он был доволен, что переезд совершился вполне благополучно. Поезд значительно опоздал из-за задержки в пути, и мы приехали в Москву вечером. На вокзале нас почти никто не встретил, так как никому не было известно, когда придет поезд. Автомобили все-таки были высланы по нашей условной телеграмме, и мы с радостью увидели на московском Николаевском (ныне Ленинградском) вокзале нашего старого партийца товарища Фому (А. П. Смирнова). Нас чисто по-дружески — тогда еще о бюрократизме и комчванстве никто и слыхом не слыхал — посетили сейчас же вечером товарищи по партии, стоявшие в Москве во главе пролетарской революции. Мы очень хорошо провели время в обсуждении самых животрепещущих вопросов московской жизни, которая к тому времени далеко еще не утряслась...

Альберт Рис Вильямс:

Я жил в гостинице «Националь», когда Ленин поселился там в комнате на втором этаже. Новый, советский режим прежде всего отменил здесь изысканные и дорогие блюда. Большое количество блюд, составлявших обед, было сведено к двум. Можно было получить либо суп и мясо, либо суп и кашу. Это все, что мог иметь любой, будь он народным комиссаром или чернорабочим, иными словами, в полном соответствии с требованием: «Ни один не должен есть пирожных, пока все не получают хлеба». Но бывали дни, когда людям не хватало даже хлеба. И все же Ленин получал ровно столько, сколько получал каждый. Временами наступали дни, когда хлеба совсем не было. В эти дни не получал хлеб и он.

Н. К. Крупская:

Нас в «Национале» кормили английскими мясными консервами, которыми англичане кормили своих солдат на фронтах. Помню, как Ильич однажды во время еды говорил: «Чем-то мы наших солдат на фронтах кормить будем...» В «Национале» жили мы все же на бивуаках, Ильичу хотелось поскорее обосноваться, чтобы начать работать...

*Из речи В. И. Ленина в Московском Совете рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов
12 марта 1918 г.*

Товарищи! Годовщину русской революции нам придется справлять в такую минуту, когда революция переживает тяжелые дни, когда многие готовы впасть в уныние и разочарование. Но если мы посмотрим на окружающее, если мы вспомним, что сделала революция за этот год и как складывается международное положение, то ни у кого из нас, я уверен, не останется места ни для отчаяния, ни для уныния. Не должно быть места сомнению, что дело международной социалистической революции, начатой в октябре, несмотря на трудности и препятствия, несмотря на все усилия ее врагов, победит...

Как бы то ни было, но мы вырвались из войны. Мы не говорим, что мы вырвались, ничего не отдавши, не заплативши дани. Но мы вырвались из войны. Мы дали передышку народу. Мы не знаем, насколько эта передышка будет продолжительна. Может быть, она будет очень непродолжительна, потому что и с запада и с востока на нас направляются империалистские хищники и новая война неминуемо начнется. Да, мы не закрываем глаз на то, что у нас все разрушено...

Каждый крестьянин, который видел со стороны власти до сих пор только угнетение и грабежи, видит теперь у власти правительство бедняков, правительство, которое выбирается им самим, которое вывело его из угнетения и, несмотря на все неслыханные препятствия и трудности, сумеет вывести его и дальше.

Товарищи! Если нам теперь приходится переживать дни тяжелого поражения и угнетения, когда на голову русской революции наступил сапог прусских помещиков и империалистов, то я уверен, что, как бы в отдельных кругах ни велико было возмущение и негодование, в глубине народной массы идет процесс созидания, накопления энергии, дисциплины, который даст нам твердость вынести все удары и доказывает, что мы не предали и не предадим революцию.

В. Д. Бонч-Бруевич:

В тот же день, 12 марта 1918 г., Владимир Ильич пожелал поехать в Кремль, чтобы осмотреть помещения, где

должен был разместиться Совнарком. Часов в двенадцать дня мы подъехали с ним вдвоем к Троицким воротам Кремля. Часовые, как полагается, остановили нас. К нам подошел командир, дежуривший здесь, и спросил:

— Кто едет?

— Председатель Совета Народных Комиссаров Владимир Ильич Ленин,— отчеканил я, несколько удивленный, что Владимир Ильич не был узнан. Командир, сделав два шага назад, вытянулся в струнку, глядя изумленными от неожиданности глазами на Владимира Ильича. Часовые подтянулись вслед за своим командиром. Владимир Ильич улыбнулся, отдал честь, приложив «под козырек» руку к круглой барашковой шапке.

— Трогай,— сказал я шоферу, и мы въехали в старинные ворота.

— Вот он и Кремль! Как давно я не видал его! — тихо сказал Владимир Ильич.

Я направил шофера к зданию, где когда-то помещались суд и межевое присутствие и где я в юности часто бывал. Мне казалось, что это здание будет самое подходящее. Я вызвал временного коменданта, распорядился ввести в это здание охрану из рабочих комиссаров 75-й комнаты Смольного, и мы с Владимиром Ильичем и еще несколькими товарищами-москвичами вошли внутрь. Здание было до ужаса запущено и изуродовано. Очевидно, за время двух революций оно видало виды. Определив, что внизу расположится ВЦИК со всеми своими учреждениями, мы поднялись наверх, где я задумал разместить Совнарком и, главное, найти удобную во всех отношениях квартиру для Владимира Ильича.

Такой оказалась квартира бывшего прокурора палаты, где мы прежде всего выделили для семьи Владимира Ильича три небольших комнаты с кухней, маленькой передней, ванной и комнатой для домработницы. Этой, более чем скромной, квартирой Владимир Ильич вполне удовлетворился.

Рядом с квартирой Владимира Ильича расположилось Управление делами Совнаркома с приемной для посетителей. За ним шел зал заседаний Совнаркома, к которому непосредственно примыкал кабинет Владимира Ильича, а далее была комната для телефонисток.

Н. К. Крупская:

Правительственные учреждения и главных членов правительства решено было поселить в Кремле. Мы тоже должны были там жить.

Помню, как Яков Михайлович Свердлов и Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич в первый раз повезли нас в Кремль смотреть нашу будущую квартиру. Нас предполагалось поселить в здании «судебных установлений». По старой каменной лестнице, ступеньки которой были вытоптаны ногами посетителей, посещавших это здание десятки лет, поднялись мы в третий этаж, где помещалась раньше квартира прокурора судебной палаты. Планировали дать нам кухню и три комнаты, к ней прилежавшие, куда был отдельный ход. Дальше комнаты отводились под помещение Управления Совнаркома. Самая большая комната отводилась под зал заседаний (там и сейчас происходит заседания Совнаркома СССР). К ней примыкал кабинет Владимира Ильича, ближе всего помещавшийся к парадному ходу, через который должны были входить к нему посетители. Было очень удобно. Но во всем здании была невероятная грязь, печи были поломаны, потолки протекали. Особенная грязь царил в нашей будущей квартире, где жили сторожа. Требовался ремонт.

П. Д. Мальков:

Недели через две после приезда в Москву, в конце марта 1918 года, Владимир Ильич переселился из I Дома Советов в Кремль...

Сначала Владимир Ильич поселился в совсем крохотной двухкомнатной квартирке в Кавалерском корпусе, затем перебрался в здание Судебных установлений, в то же помещение, где был и Совнарком...

Как только я вступил в свои права коменданта Кремля, Бонч-Бруевич привлек меня к работе по устройству постоянной квартиры Владимиру Ильичу, и я принял непосредственное участие в приведении помещения в жилое состояние.

Э. Э. Смилга:

Когда с ремонтом было покончено, нам дали задание обставить квартиру мебелью. Так как в нашем распоряже-

нии был весь Кремль, то мы натаскали в новую квартиру самую лучшую мебель, какую только можно было найти. Мы заставили квартиру Ильича позолоченными стульями и креслами, обитыми шелком и бархатом, зеркальными шкафами, массивными столами и т. д. Уж очень хотелось нам сделать любимому человеку удовольствие!

Но когда Ленин осмотрел приготовленную квартиру, то остался недоволен. Ему не понравилась роскошная мебель, и он велел заменить ее простой, обыкновенной.

Мы были разочарованы: старались, старались, и оказалось, что перестарались. Ленин посмеялся над нашим огорчением и подбодрил нас. Поступок Владимира Ильича мы восприняли как урок: быть в жизни всегда скромным, никогда не гнаться за роскошью.

В. Д. Бонч-Бруевич:

Когда готовили кабинет Владимиру Ильичу, то комендант Кремля, комендант здания правительства, а также рабочие и уборщицы всеми силами любовно старались сделать все как можно лучше. Комендант Кремля раздобыл у дворцовых служащих громадный ковер во всю комнату, а против письменного стола установили принесенное из дворца широкое мягкое кресло. Когда все было готово и когда наступило время впервые войти Владимиру Ильичу в этот служебный кабинет, он, увидя ковер, воскликнул:

— А это зачем? Я по такому ковра и ходить не умею. Товарищ Мальков, товарищ Цыганков, где это вы такой великолепный ковер раздобыли?

— Из дворца, Владимир Ильич,— ответили оба коменданта.

— А много их там?

— Очень много... Большая комната набита наполовину.

— А кто за них отвечает?

— Кремлевские хранители из старых гренадеров.

— Ну, это еще ничего, народ они крепкий, службу свою знают... А все-таки, Владимир Дмитриевич,— обратился он ко мне,— надо все это как можно скорее взять на учет... Это добро государственное...

— Все возьмем на учет, сделаем это в ближайшие дни...— ответил я ему.

— А ковер этот,— обратился он к комендантам, подходя совсем к ним близко,— вы сейчас же снимите. Зачем

он здесь? И отнесите назад... Взяли-то, небось, без расписки...

— Без расписки...— сконфузились оба коменданта.

— А этого никак нельзя... Все должно быть на учете,— и он продвинулся дальше...

— А это зачем? Кресло какое-то поставили... Несите его сейчас же обратно, а мне прошу поставить обыкновенное деревянное, с плетеным сиденьем. Может, найдется в складах, поищите, но все берите по требованию и под расписку...

Вскоре мы нашли тут же почти одинаковые два кресла, какие хотел Владимир Ильич, и поставили их, одно в его кабинете, а другое в зале заседаний Совнаркома.

М. А. Крупский:

Вся квартира Ленина состояла из четырех очень просто обставленных комнат. Одну комнату, самую маленькую, занимал Владимир Ильич, вторую — Надежда Константиновна, в третьей жила Мария Ильинична и, наконец, в центре квартиры находилась столовая.

Рабочий кабинет Владимира Ильича был расположен отдельно от квартиры, и, чтобы попасть в него, нужно было снова выйти в коридор, из которого дверь вела в зал заседаний Совнаркома.

Е. Д. Стасова:

В том коридоре, который вел в квартиру Владимира Ильича, комендант Кремля установил пост курсантов школы ВЦИК. Там было много молодежи, не знавшей Владимира Ильича в лицо. Комендант дал приказ: никого не допускать в квартиру Ленина без пропуска. И вот однажды Владимир Ильич пошел в свой кабинет в Совнарком, а постоянный пропуск забыл дома. Днем ему что-то понадобилось в квартире, и он пошел к себе, подошел к дежурному курсанту, а тот спросил у него пропуск. Владимир Ильич указал на дверь в свою квартиру и говорит:

— Вот же дверь в мою квартиру...

Курсант отвечает:

— Не могу знать. Есть приказ: никого не пускать без пропуска.

Владимир Ильич повернулся, пошел в комендатуру, взял разовый пропуск и пришел к себе домой.

Кончилось суточное дежурство. Дежурный пришел к своему командиру и доложил об инциденте с человеком без пропуска. Тот уже знал об этом. Выслушав курсанта, командир спросил его:

— А знаешь, кого ты не пропустил?

— Не знаю.

— Председателя Совнаркома Ленина.

Курсант схватился за голову и побежал к Владимиру Ильичу извиняться.

Но Владимир Ильич сказал:

— Нет, вам извиняться нечего. Распоряжение или приказ коменданта на территории Кремля — это закон. Как же я, Председатель Совета Народных Комиссаров, мог этот закон нарушить? Я был виноват, а вы — правы.

И. И. Алексеев:

Находясь на посту у кабинета Владимира Ильича, я, бывший солдат царской армии, выдавший муштру и мордобой, первое время при каждом появлении или выходе Владимира Ильича из кабинета вставал навытяжку, как говорили в царской армии, в струнку. Но вот однажды, заметив это, Владимир Ильич подошел ко мне. Своей рукой он отнял мою руку от козырька и спросил:

— Сколько вам лет?

Я почувствовал неловкость, но в то же время какое-то облегчение. И ответил — мне тогда шел двадцать пятый год. Владимир Ильич, с ласковым прищуром взглянув на меня, сказал:

— Значит, вы солдат старой армии?

Задрав голову и выпятив грудь, я опять отрубил:

— Так точно.

Владимир Ильич усмехнулся и очень внушительно сказал:

— Так больше не вставляйте, сидите и занимайтесь своим делом. Читайте, возможности у вас есть...

Нам, несшим охрану, приходилось иногда в отсутствие Владимира Ильича заходить в его кабинет. Я вспоминаю такой случай: в кабинете В. И. Ленина возле плетеного кресла у письменного стола стояла «вертушка» с книгами. Владимир Ильич и нам разрешал пользоваться книгами из его библиотеки. Нужную книгу, стоявшую на полке

«вертушки», Владимир Ильич вынимал движением руки, не поворачиваясь к ней. Книги на полках были им расставлены в строгом порядке. Он на память знал, где и на какой полке стоит нужная книга. Однажды в отсутствие Владимира Ильича я взял с полки книгу Чернышевского «Что делать?». Прочитав ее, я поставил книгу на ту же полку. Через день или два, выйдя из кабинета, Владимир Ильич спросил меня, не брал ли я книгу Чернышевского. Я ответил:

— Да, брал, но, прочитав, положил ее на место.

Тогда Владимир Ильич попросил меня:

— Покажите, пожалуйста, куда вы положили ее.

Войдя в кабинет, я указал на среднюю полку «вертушки». Владимир Ильич на это ответил:

— Вы правильно положили книгу на среднюю полку, но не в то гнездо, откуда взяли ее,— и добавил: — Пожалуйста, читайте любую книгу, но возвращайте ее только на свое место...

Н. К. Крупская:

Иностранцев особенно поражало отсутствие у охраны установившихся повсюду форм поведения.

Ильич рассказывал мне как-то о посещении его Мирбахом.

Часовой около кабинета Владимира Ильича обычно сидел за столиком и читал. Тогда у нас никому это не казалось странным. Когда был заключен мир с Германией и в Россию приехал немецкий посол граф Мирбах, он, как полагается, «посетил» в Кремле представителя власти — Председателя Совета Народных Комиссаров Ленина. Около кабинета Владимира Ильича сидел и что-то читал часовой, и, когда Мирбах проходил в кабинет Ильича, он не поднял на него даже глаз и продолжал читать. Мирбах на него удивленно посмотрел. Потом, уходя из кабинета, Мирбах остановился около сидящего часового, взял у него книгу, которую тот читал, и попросил переводчика перевести ему заглавие. Книга называлась: Бебель «Женщина и социализм». Мирбах молча возвратил ее часовому.

Красноармейцы усердно учились. Они понимали, что знание нужно им для победы.

Проходя быстрой походкой по коридору из своей квартиры в кабинет, нагруженный газетами, бумагами, книгами, Ильич особенно приветливо всегда здоровался с ча-

совыми. Знал их настроение, их готовность умереть за власть Советскую.

К. Т. Свердлова:

Не успело еще Советское правительство как следует обосноваться в Москве, как открылся Чрезвычайный IV Всероссийский съезд Советов. Съезд проходил с 14 по 16 марта 1918 года. На повестке дня стояли вопросы: о ратификации мирного договора, о перенесении столицы из Петрограда в Москву, выборы ВЦИК.

На съезд съехалось свыше 1200 делегатов. Большевики составляли около двух третей.

С. И. Гопнер:

На IV съезде Советов, созванном, как известно, в порядке внеочередности и чрезвычайности специально для ратификации Брестского мира, царило напряженное настроение. По выражению лиц, глубоко запавшим глазам и сжатым губам делегатов чувствовались их тяжелые переживания и сознание громадной исторической ответственности.

Вместе с тем IV съезд Советов демонстрировал несокрушимую силу народа и революции. Многочисленность съезда, участие в нем представителей всех народов России, самые разнообразные одеяния, отражавшие национальные и климатические отличия разных районов необъятной страны, производили яркое, внушительное впечатление.

И. С. Заславский:

Съезд заседал в Доме Союзов. Колонный зал был до отказа заполнен делегатами в серых шинелях, рабочих ватниках, крестьянских полушубках. На ногах у многих были лапти, а у некоторых, несмотря на весну, разбитые валенки...

Выборы президиума и мандатной комиссии сопровождаются горячими дебатами; неистовствуют эсеры и меньшевики, требуют предоставления им мест в президиуме. И только благодаря исключительному умению Якова Михайловича вести огромные собрания снова удалось добиться тишины в зале.

Н. К. Крупская:

Московское областное бюро в начале 1918 года играло роль организационного центра «левых коммунистов» во всероссийском масштабе...

Ильич знал, что массы пойдут за ним, а не за «левыми коммунистами». IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов должен был ратифицировать мирный договор. «Левые коммунисты» готовы были пойти даже на потерю Советской власти. В своем заявлении от 24 февраля они писали: «В интересах международной революции мы считаем целесообразным идти на возможность утраты Советской власти, становящейся теперь чисто формальной».

Из статьи В. И. Ленина «Странное и чудовищное»

Может быть, авторы полагают, что интересы международной революции запрещают какой бы то ни было мир с империалистами?.. Неверность подобных взглядов (отвергаемых большинством, например, из питерских противников мира) бьет в глаза. Социалистическая республика среди империалистских держав не могла бы, с точки зрения подобных взглядов, заключать никаких экономических договоров, не могла бы существовать, не улетая на луну.

Может быть, авторы полагают, что интересы международной революции требуют *подталкивания* ее, а таковым подталкиванием явилась бы лишь война, никак не мир, способный произвести на массы впечатление вроде «узаконения» империализма? Подобная «теория» шла бы в полный разрыв с марксизмом, который всегда отрицал «подталкивание» революций, развивающихся по мере назревания остроты классовых противоречий, порождающих революции. Подобная теория была бы равносильна взгляду, что вооруженное восстание есть форма борьбы, обязательная всегда и при всяких условиях. На деле интересы международной революции требуют, чтобы Советская власть, свергнувшая буржуазию страны, *помогала* этой революции, но *форму* помощи избирала соответственно своим силам. Помогать социалистической революции в международном масштабе, идя на возможность поражения этой революции в *данной* стране,— такой взгляд даже и из теории подталкивания не вытекает...

Настроение глубочайшего, безысходного пессимизма, чувство полнейшего отчаяния — вот что составляет содержание «теории» о формальном будто бы значении Советской власти и о допустимости тактики, идущей на возможность утраты Советской власти. Все равно, спасения нет, пусть гибнет даже и Советская власть, — таково чувство, продиктовавшее чудовищную резолюцию. Якобы «экономические» доводы, в которые иногда облачают подобные мысли, сводятся к тому же безысходному пессимизму: где уж, дескать, тут Советская республика, если смогут взять дань вот такую, да вот такую, да вот еще такую.

Ничего, кроме отчаяния: все равно погибать!..

Почему должны мы впадать в отчаяние от первого же неслыханно тяжкого мирного договора, когда другие народы умели твердо выносить и горшие бедствия?..

Нет, дорогие товарищи из «крайних» москвичей! Каждый день испытаний будет отталкивать от вас именно наиболее сознательных и выдержанных рабочих. Советская власть, скажут они, не *становится* и не *станет* чисто формальной не только тогда, когда завоеватель стоит в Пскове и берет с нас 10 миллиардов дани хлебом, рудой, деньгами, но и тогда, когда неприятель окажется в Нижнем и в Ростове-на-Дону и возьмет с нас дани 20 миллиардов.

Никогда никакое иностранное завоевание не сделает «чисто формальным» народное политическое учреждение (а Советская власть *не* только политическое учреждение, во много раз более высокое, чем виданные когда-либо историей). Напротив, иностранное завоевание только закрепит народные симпатии к Советской власти, если... если она не пойдет на авантюры.

Отказ от подписи похабнейшего мира, раз не имеешь армии, есть авантюра, за которую народ вправе будет винить власть, пошедшую на такой отказ...

И потому позорнее всякого тяжкого и архитяжкого мира, предписываемого неимением армии, позорнее какого угодно позорного мира — позорное отчаяние. Мы не погибнем даже от десятка архитяжких мирных договоров, если будем относиться к восстанию и к войне *серьезно*. Мы не погибнем от завоевателей, если не дадим погубить себя отчаянию и фразе.

Н. К. Крупская:

Понятно, с какой горячностью выступал Ленин против «левых коммунистов», против революционной фразы...

С. И. Гоннер:

14 марта бурная дискуссия, в которой участвовал пестрый лагерь противников заключения мирного договора, достигла высшей точки, когда на трибуну поднялся Ленин.

П. С. Заславский:

Владимир Ильич, стоя за небольшим пюпитром, начал свой доклад не броско, а словно беседуя с друзьями.

Сидевшие рядом со мной моряки-черноморцы поглядели на меня, будто спрашивая: «Где же его сила, в чем она?»

Но уже через несколько минут Ленин вышел из-за пюпитра и стремительно заходил по деревянному настилу, заложив пальцы левой руки за борт жилета, а его правая рука была все время в движении — характерным жестом он как бы подчеркивал наиболее важные места быстрой, страстной речи. Слова неслись лавиной. Горячие, вдохновенные, они доходили до сердца, будили волю, рождали веру в свои силы, в победу.

Доклад Ленина был посвящен Брестскому мирному договору, ратифицировать который должен был съезд.

*Из доклада В. И. Ленина
о ратификации мирного договора
14 марта 1918 г.*

Товарищи, нам приходится решать сегодня вопрос, который знаменует поворотный пункт в развитии русской и не только русской, а и международной революции, и для того, чтобы правильно решить вопрос о том тягчайшем мире, который заключили представители Советской власти в Брест-Литовске и который Советская власть предлагает утвердить, или ратифицировать, для того, чтобы правильно решить этот вопрос, более всего необходимым является для нас уразуметь исторический смысл того поворота, у которого мы стали, понять, в чем состояла главная особенность развития революции до сих пор и в чем состоит ос-

новная причина того тяжкого поражения и той эпохи тяжелых испытаний, которые мы пережили...

...Я вполне понимаю, что русская буржуазия теперь толкает нас на революционную войну тогда, когда она для нас совершенно невозможна. Этого требуют классовые интересы буржуазии...

...Да, от таких буржуа, от таких соглашателей меня несколько не удивляет проповедь революционной войны. Они хотят, чтобы Советская власть попала в западню...

...Вот почему такой пустой фразой звучит такое предложение, как революционная война, когда мы знаем, что армии у нас нет, когда мы знаем, что удержать армию было невозможно, и люди, знакомые с делом, не могли не видеть, что наш указ о демобилизации не выдуман, а что он является результатом очевидной необходимости, простой невозможности удержать армию...

...Когда мы говорили противникам подписания мира: если бы передышка была сколько-нибудь продолжительна, вы поняли бы, что интересы оздоровления армии, интересы трудящихся масс стоят выше всего и что мир должен быть заключен ради этого, — они утверждали, что передышки быть не может.

Но наша революция отличалась от всех предыдущих революций именно тем, что она подняла жажду строительства и творчества в массах, когда трудящиеся массы в самых захолустных деревнях, приниженные, задавленные, угнетавшиеся царями, помещиками, буржуазией, поднимаются, и этот период революции завершается только теперь, когда происходит деревенская революция, которая строит жизнь по-новому. И ради этой передышки, как бы она ни была непродолжительна и мала, мы обязаны, если мы ставим интересы трудящихся масс выше интересов буржуазных вояк, которые машут саблей и призывают нас на бой, мы обязаны были подписать этот договор. Вот чему учит революция...

...Но мы все знаем, что как ни решайте, а армии у нас нет, и никакие жесты не спасут нас от необходимости отступить и выиграть время, чтобы армия могла вздохнуть, и с этим согласится всякий, кто смотрит на действительность, а не обманывает себя революционной фразой. Это должен знать всякий, кто смотрит на действительность, не обманывая себя фразами и фанабериями...

С октября наша революция была сплошным триумфом, а теперь начались долгие и трудные времена, мы не знаем,

какие долги, но знаем, что это долгий и трудный период поражений и отступлений, потому что таково соотношение сил, потому что отступлением мы дадим народу отдохнуть. Дадим возможность, чтобы каждый рабочий и крестьянин понял ту правду, которая даст ему возможность понять, что наступают новые войны империалистов-хищников против угнетенных народов, когда рабочий и крестьянин поймет, что мы должны встать на защиту отечества, ибо мы с октября стали оборонцами. С 25 октября мы сказали открыто, что мы за защиту отечества, ибо у нас есть это отечество, из которого мы изгнали Керенских и Черновых, ибо мы тайные договоры уничтожили, мы буржуазию подавили, пока еще плохо, но мы научимся делать это лучше.

С. И. Гоннер:

...Исторический доклад о ратификации мирного договора, а также заключительное слово прерывались то бурными аплодисментами, то резкими враждебными репликами. Ленин быстро и меткими словами давал отпор противникам.

И. А. Вайман:

Помню, как сейчас, провокационные вопросы меньшевиков, их злобные реплики. Они мешали деловому обсуждению. Вначале Владимир Ильич терпеливо отвечал на их вопросы и реплики, но те не хотели уговориться. Тогда Ленин под бурное одобрение большевиков процитировал меньшевикам известное изречение о том, что один дурак в состоянии задать столько вопросов, что десять умных людей на них не ответят.

С. И. Гоннер:

После прений и заключительного слова Ленина я послала ему записочку с просьбой уделить для беседы по важному вопросу хотя бы несколько минут. На следующий день во время перерыва Ленин с трибуны знаком руки позвал меня, и я очутилась с ним позади президиума, за кулисами.

Я сообщила Ленину, что наша четверка делегатов Ека-терипославского Совета голосовала за ратификацию мир-

ного договора, разделяет полностью позицию Ленина по этому вопросу и резко осуждает противников подписания договора. В связи с тем, что Украина наполовину или больше уже оккупирована германской армией и ей угрожает полная оккупация, мы нуждаемся в его совете. Мы готовим переход партии на подпольное положение, но нуждаемся в большей ясности ближайшей перспективы именно в условиях оккупации. Ведь по возвращении со съезда мы должны пойти на заводы и сказать рабочим, которые только что вооруженной рукой взяли власть в свои руки и понесли тяжелые жертвы, что на Украине Советская власть вынуждена отступить и временно уйти со сцены. А что же впереди? Что ждет Украину?

Несмотря на полумрак, я увидела, как лицо Ленина помрачнело. Он ответил не сразу. Я уже начинала раскаиваться в том, что разбредила его раны, лишний раз напомнив ему о том, о чем он и без того ни на минуту не забывал. После паузы Ленин сказал мне как-то особенно проникновенно, тихим голосом:

— Скажите рабочим Екатеринослава, что Брестский мир будет недолговечен...

П. С. Заславский:

Ленин в своем докладе на съезде Советов дал блестящий анализ текущего момента, доказав необходимость — во имя спасения революции, во имя существования Советского государства — принять этот дьявольский мир.

Н. К. Крупская:

IV Всероссийский съезд Советов ратифицировал мирный договор 724 голосами против 276; 118 человек воздержалось.

*Из резолюции IV Всероссийского съезда Советов
о ратификации Брестского договора **

Съезд утверждает (ратифицирует) мирный договор, заключенный нашими представителями в Брест-Литовске 3-го марта 1918 года.

Съезд признает правильным образ действий ЦИК и Совета Народных Комиссаров, постановивших заключить данный, невероятно тяжелый, насильственный и унизи-

* Написана В. И. Лениным.

тельный мир, ввиду неимения нами армии и крайнего истощения войною сил народа, получившего от буржуазии и буржуазной интеллигенции не поддержку в его бедствиях, а корыстно-классовое использование их.

Съезд признает также безусловно правильным образ действий мирной делегации, которая отказалась войти в подробное обсуждение германских условий мира, ибо эти условия навязаны нам явным ультиматумом и неприкрытым насилием.

Съезд самым настойчивым образом выдвигает перед всеми рабочими, солдатами и крестьянами, перед всеми трудящимися и угнетенными массами самую главную, очередную и неотложную задачу текущего момента — повышение дисциплины и самодисциплины трудящихся, создание везде и повсюду крепких и стройных организаций, охватывающих, по возможности, все производство и все распределение продуктов, беспощадную борьбу с тем хаосом, дезорганизацией, разрухой, которые исторически неизбежны как наследие мучительнейшей войны, но которые в то же время являются первейшей помехой делу окончательной победы социализма и упрочения основ социалистического общества.

П. С. Заславский:

И в этот грозный момент, в часы смертельной опасности Владимир Ильич был полон веры в победу социалистической революции.

Я и сейчас не могу без волнения и гордости вспомнить, с какой силой, с какой страстью Ленин в конце своего доклада воскликнул:

— Народ, сумевший создать Советскую власть, не может погибнуть!

МЫ ПОБЕДИЛИ КАПИТАЛ, МЫ ПОБЕДИМ СВОЮ СОБСТВЕННУЮ НЕОРГАНИЗОВАННОСТЬ

Н. К. Крупская:

Конец марта — апрель 1918 года Ильич успешно работал над статьей «Очередные задачи Советской власти». Она была напечатана 28 апреля в «Известиях» и на долгие годы стала для большевиков руководством к действию.

Пигде, кажется, так просто, так ярко и выпукло не вскрыл Ленин главные трудности строительства социализма в нашей стране в то время, как в этой брошюре. Наша страна к моменту Октября была страной мелкокрестьянской. Миллионы крестьян были насквозь пропитаны мелкособственнической психологией. Каждый думал только о себе, о своем хозяйстве, о своем куске земли, до других ему дела не было. «Каждый за себя, а о других господь бог позаботится»,— рассуждал крестьянин. Десятки раз писал Ильич об этой мелкособственнической психологии, о ее вреде, но теперь, когда после роспуска Учредительного собрания вопрос о власти был решен окончательно, когда Брестский мир открывал возможность некоторой передышки, во весь рост вставал вопрос о путях перевоспитания масс, воспитания у них новой психологии, психологии коллективистической.

Из работы В. И. Ленина
«Очередные задачи Советской власти»

Международное положение Российской Советской
республики
и основные задачи социалистической революции

Благодаря достигнутому миру,—несмотря на всю его тягостность и всю его непрочность,—Российская Советская республика получает возможность на известное время сосредоточить свои силы на важнейшей и труднейшей стороне социалистической революции, именно — на задаче организационной...

...Необходимо крайнее напряжение всех наших сил, чтобы использовать предоставленную нам стечением обстоятельств передышку для излечения тягчайших ран, нанесенных всему общественному организму России войной, и для экономического подъема страны, без чего не может быть и речи о сколько-нибудь серьезном повышении обороноспособности...

...Лишь в том случае, если пролетариат и беднейшее крестьянство сумеют найти в себе достаточно сознательности, идейности, самоотверженности, настойчивости,—победа социалистической революции будет обеспечена. Создав новый, советский тип государства, открывающий возможность для трудящихся и угнетенных масс принять деятельнейшее участие в самостоятельном строительстве

нового общества, мы разрешили только небольшую часть трудной задачи. Главная трудность лежит в экономической области: осуществить строжайший и повсеместный учет и контроль производства и распределения продуктов, повысить производительность труда, *обобществить* производство *на деле...*

...Мы, партия большевиков, Россию *убедили*. Мы Россию *отвоевали* — у богатых для бедных, у эксплуататоров для трудящихся. Мы должны теперь Россией *управлять*. И все своеобразие переживаемого момента, вся трудность состоит в том, чтобы понять *особенности перехода* от главной задачи убеждения народа и военного подавления эксплуататоров к главной задаче *управления*.

Первый раз в мировой истории социалистическая партия успела закончить, в главных чертах, дело завоевания власти и подавления эксплуататоров, успела *подойти вплотную* к задаче *управления*. Надо, чтобы мы оказались достойными исполнителями этой труднейшей (и благодарнейшей) задачи социалистического переворота. Надо *продумать*, что для успешного управления необходимо, *кроме* умения убедить, *кроме* умения победить в гражданской войне, умение *практически организовать*.

Н. К. Крупская:

Великая пролетарская революция, сбросив помещиков и капиталистов, в то же время развязала мелкобуржуазную стихию. Шла дележка помещичьего добра, развертывалась спекуляция захваченным имуществом. Как овладеть этой мелкобуржуазной стихией, как перевоспитать массы, как создать новый, социалистический уклад, как организовать управление? Эти вопросы в марте — апреле 1918 года всецело поглощали внимание Ильича.

Как организовать всенародный учет и контроль, как повысить производительность труда, как научить работать, как втянуть массы в общественную работу, пробудить их сознательность, как по-новому организовать труд, трудовую дисциплину — об этом писал Ильич в «Очередных задачах Советской власти».

Из работы В. И. Ленина
«Очередные задачи Советской власти»

Общий лозунг момента

На очередь дня выдвигается восстановление разрушенных войной и хозяйничаньем буржуазии производительных сил; — излечение ран, нанесенных войной, поражением в войне, спекуляцией и попытками буржуазии восстановить свергнутую власть эксплуататоров; — экономический подъем страны; — прочная охрана элементарного порядка...

Веди аккуратно и добросовестно счет денег, хозяйничай экономно, не лодырничай, не воруй, соблюдай строжайшую дисциплину в труде, — именно такие лозунги, справедливо осмеивавшиеся революционными пролетариями тогда, когда буржуазия прикрывала подобными речами свое господство, как класса эксплуататоров, становятся теперь, после свержения буржуазии, очередными и главными лозунгами момента. И практическое проведение в жизнь этих лозунгов *массой* трудящихся является, с одной стороны, *единственным* условием спасения страны, до полусмерти истерзанной империалистской войной и империалистскими хищниками (с Керенским во главе), а, с другой стороны, практическое проведение в жизнь этих лозунгов *Советскою* властью, *ее* методами, на основании *ее* законов, является необходимым и *достаточным* для окончательной победы социализма...

Новый фазис
борьбы с буржуазией

Решающим является организация строжайшего и всенародного учета и контроля за производством и распределением продуктов. Между тем, в тех предприятиях, в тех отраслях и сторонах хозяйства, которые мы отняли у буржуазии, учет и контроль нами *еще не* достигнут, а без этого не может быть и речи о втором, столь же существенном, материальном условии введения социализма, именно: о повышении, в общенациональном масштабе, производительности труда...

Без руководства специалистов различных отраслей знания, техники, опыта, переход к социализму невозможен, ибо социализм требует сознательного и массового движения вперед к высшей производительности труда по сравнению с капитализмом и на базе достигнутого капи-

тализмом. Социализм должен *по-своему*, своими приемами — скажем конкретнее, *советскими* приемами — осуществить это движение вперед. А специалисты неизбежно являются в массе буржуазными, в силу всей обстановки той общественной жизни, которая сделала их специалистами. Если бы наш пролетариат, овладев властью, быстро решил задачу учета, контроля, организации во всенародном масштабе, — (это было неосуществимо вследствие войны и отсталости России) — тогда, сломав саботаж, мы всеобщим учетом и контролем подчинили бы себе полностью и буржуазных специалистов...

Значение борьбы за всенародный учет и контроль

Социалистическое государство может возникнуть лишь как сеть производительно-потребительских коммун, добросовестно учитывающих свое производство и потребление, экономящих труд, повышающих неуклонно его производительность и достигающих этим возможности понижать рабочий день до семи, до шести часов в сутки и еще менее. Без того, чтобы наладить строжайший всенародный, всеобъемлющий учет и контроль *хлеба и добычи хлеба* (а затем и всех других необходимых продуктов), тут не обойтись...

Повышение производительности труда

Подъем производительности труда требует, прежде всего, обеспечения материальной основы крупной индустрии: развития производства топлива, железа, машиностроения, химической промышленности. Российская Советская республика находится постольку в выгодных условиях, что она располагает — даже после Брестского мира — гигантскими запасами руды (на Урале), топлива в Западной Сибири (каменный уголь), на Кавказе и на юго-востоке (нефть), в центре (торф), гигантскими богатствами леса, водных сил, сырья для химической промышленности (Карабугаз) и т. д. Разработка этих естественных богатств приемами новейшей техники даст основу невиданного прогресса производительных сил.

Другим условием повышения производительности труда является, во-первых, образовательный и культурный подъем массы населения. Этот подъем идет теперь с громадной быстротой, чего не видят ослепленные буржуазной рутинной люди, не способные понять, сколько порыва

к свету и инициативности разворачивается теперь в народных «низах» благодаря советской организации. Во-вторых, условием экономического подъема является и повышение дисциплины трудящихся, умения работать, спорости, интенсивности труда, лучшей его организации.

Н. К. Крупская:

Владимиру Ильичу приходилось очень много говорить с рабочими, с крестьянами, и на каждом шагу наблюдал он неумение работать, и не только неумение работать, но и оставшееся в наследие от векового подневольного труда отношение к труду как к какому-то проклятию, к чему-то такому, что должно быть сведено до минимума. Революция сбросила десятников, подмастерьев, вечно понукавших рабочих, ругавших их, дававших зуботычины. И рад был рабочий, что никто его не понукает, что, когда он устал, может он посидеть, покурить. В первое время заводские организации очень легко отпускали рабочих с фабрики на разные собрания. Помню такой случай. Пришла ко мне раз в Наркомпрос работница за какими-то справками, разговорились. Я ее спрашиваю, в какой она смене работает. Думала, в ночной, потому и могла прийти в Наркомпрос днем. «У нас никто сегодня не работает. Вчера общее собрание было, у всех дел домашних много накопилось. Ну и проголосовали не работать сегодня. Что же, мы теперь хозяева».

Из работы В. И. Ленина

«Очередные задачи Советской власти»

...Учиться работать — эту задачу Советская власть должна поставить перед народом во всем ее объеме. Последнее слово капитализма в этом отношении, система Тейлора, — как и все прогрессы капитализма, — соединяет в себе утонченное зверство буржуазной эксплуатации и ряд богатейших научных завоеваний в деле анализа механических движений при труде, изгнания лишних и неловких движений, выработки правильнейших приемов работы, введения наилучших систем учета и контроля и т. д. Советская республика во что бы то ни стало должна перенять все ценное из завоеваний науки и техники в этой области. Осуществимость социализма определится именно нашими успехами в сочетании Советской власти и советской организации управления с новейшим прогрессом капитализма.

Организация соревнования

К числу бессмыслиц, которые буржуазия охотно распространяет про социализм, принадлежит та, будто социалисты отрицают значение соревнования. На самом же деле только социализм, уничтожая классы и, следовательно, порабощение масс, впервые открывает дорогу для соревнования действительно в массовом масштабе.

Л. А. Фотиева:

Неустанно боролся Ленин за улучшение работы советского аппарата, добивался упрощения и сокращения его, внесения в работу советских органов деловитости, организованности и дисциплины, настойчиво воспитывал в советских людях новое, социалистическое отношение к труду.

Для организации и упорядочения деятельности органов Советской власти огромное значение имело неуклонное, быстрое и точное выполнение всех законов и распоряжений Советского правительства. Ленин вел систематическую и упорную борьбу за строгое соблюдение революционного порядка и законности.

Из работы В. И. Ленина

«Очередные задачи Советской власти»

Развитие советской организации

Разумеется, стихия мелкобуржуазной дезорганизованности (которая при *всякой* пролетарской революции в той или иной мере *неизбежно* себя проявит, а в нашей революции, в силу мелкобуржуазного характера страны, ее отсталости и последствий реакционной войны, проявляется особенно сильно) не может не накладывать своего отпечатка и на Советы.

Над развитием организации Советов и Советской власти приходится неослабно работать. Есть мелкобуржуазная тенденция к превращению членов Советов в «парламентариев» или, с другой стороны, в бюрократов. Бороться с этим надо, привлекая *всех* членов Советов к практическому участию в управлении...

Борьба с бюрократическим извращением советской организации обеспечивается прочностью связи Советов с «народом», в смысле трудящихся и эксплуатируемых, гибкостью и эластичностью этой связи. Буржуазные пар-

ламенты даже лучшей в мире по демократизму капиталистической республики беднота никогда не считает «своими» учреждениями. А Советы — «свое», а не чужое, для массы рабочих и крестьян. Современным «социал-демократам», оттенка Шейдемана или, что почти одно и то же, Мартова, так же претят Советы, их так же тянет к благопристойному буржуазному парламенту, или к Учредительному собранию, как Тургенева 60 лет тому назад тянуло к умеренной монархической и дворянской конституции, как ему претил мужицкий демократизм Добролюбова и Чернышевского.

Именно близость Советов к «народу» трудящихся создает особые формы отзыва и другого контроля снизу, которые должны быть теперь особенно усердно развиваемы... Нет ничего глупее, как превращение Советов в нечто застывшее и самодовлеющее. Чем решительнее мы должны стоять теперь за беспощадно твердую власть, за диктатуру отдельных лиц *для определенных процессов работы*, в определенные моменты *чисто исполнительских функций*, тем разнообразнее должны быть формы и способы контроля снизу, чтобы парализовать всякую тень возможности извращения Советской власти, чтобы вырывать повторно и неустанно сорную траву бюрократизма.

Ф. А. Березовский:

Это было 29 апреля 1918 года. Заседание ВЦИК в помещении Политехнического музея. На повестке: «Очередные задачи Советской власти». Докладчик — Владимир Ильич Ленин. Большая и хорошо освещенная аудитория быстро заполнялась делегатами. А балкон давно уже был переполнен публикой, среди которой преобладали серые солдатские гимнастерки и черные рабочие куртки. Но и в гимнастерках нетрудно было угадать рабочих, вернувшихся с фронта. Кое-где мелькали шляпки и белоснежные сорочки.

И внизу и на балконе сплошной гул.

Шляпки на балконе озираются и молчат. Гудят гимнастерки и куртки:

— Папаша сегодня!.. Слышь... Папаша!

— Ильич?..

Мой сосед, сибиряк, глядя в президиум, перечисляет мне несколько лиц:

— Вот эта... смуглая, кутается в воротник... Спиридонова... А этот... в расстегнутой тужурке — Свердлов. А тот вон... беленький... юркий...

Сосед не успел окончить фразу: внизу неожиданно раздались аплодисменты, сначала жидко, потом сильней и сильней.

Аплодисменты быстро перекинулись к нам на балкон, а через минуту аудитория снизу доверху дрожала от рукоплесканий.

В первый момент я не понял, в чем дело. Видел, что из боковой двери на кафедру быстро вышел человек: не большого роста, в потертом демисезонном пальто, в приплюснутом картузе, не то с папкой, не то с портфелем в руках.

Аудитория бурно и несмолкаемо гремела аплодисментами. А вошедший, не обращая внимания на эту бурю аплодисментов, быстро снял с себя и бросил куда-то за стол картуз, пальто, портфель, в то же время шутливо о чем-то говоря со Свердловым.

Мой сосед пояснил:

— Ленину аплодируют, любят его...

Сотни восторженных, искрящихся глаз впились в одну точку в президиуме. Аплодировали долго, ожесточенно...

Свердлов подошел к своему столу в центре президиума, позвонил и, громко объявив об открытии заседания, прочел повестку.

Потом сказал:

— Слово предоставляется Председателю Совета Народных Комиссаров — товарищу Ленину.

Опять бурный взрыв аплодисментов.

Владимир Ильич с бумажкой в руках быстро обошел длинный стол президиума и стал сбоку, около кафедры.

Наступила тишина...

*Из доклада В. И. Ленина
об очередных задачах Советской власти
на заседании ВЦИК
29 апреля 1918 г.*

Товарищи! Мне, по отношению к докладу, приходится сегодня поставить вопрос несколько необычно. Дело в том, что настоящим докладом является моя статья об очередных задачах Советской власти, которая в воскресенье появилась в двух газетах и знакомство с которой я позво-

ляю себе предполагать у большинства присутствующих.

И поэтому я считал бы, что в настоящее время мне нет надобности повторять здесь сказанное в докладе и можно ограничиться лишь дополнениями и пояснениями к докладу. Я думаю, что наиболее подходящей формой таких пояснений будет теперь полемика, потому что вопрос, который затронут был мною в этих тезисах об очередных задачах, — есть не что иное, как развитие резолюции, принятой уже Всероссийским Чрезвычайным съездом в Москве 15 марта, — резолюции, которая не ограничилась злободневным тогда вопросом о мире, а отметила также главную задачу текущего момента, задачу организационную, задачу самодисциплины, задачу борьбы с дезорганизацией...

Теперь, когда мы впервые вошли в сердцевину хода революции, речь идет о том, победит ли пролетарская дисциплина и организованность, или же победит стихия мелкобуржуазных собственников, которая в России особенно сильна.

Главным полем борьбы против нас для наших противников из мелкобуржуазного лагеря является поприще внутренней политики и экономического строительства; их орудие — подрыв всего того, что пролетариат декретирует и стремится осуществить в деле устройства организованного социалистического хозяйства. Здесь мелкобуржуазная стихия — стихия мелких собственников и разнузданного эгоизма — выступает решительным врагом пролетариата...

...И пока передовые рабочие не научатся организовывать десятки миллионов, до тех пор они — не социалисты и не творцы социалистического общества, и необходимых знаний организации они не приобретут. Путь организации — путь длинный, и задачи социалистического строительства требуют упорной продолжительной работы и соответственных знаний, которых у нас недостаточно...

Товарищи, я очень хорошо знаю, как легко говорить об учете, о контроле, дисциплине и самодисциплине, когда говорит человек, занимающий известное общественное положение. Но как много из этого можно сделать материала для острот и заявить: когда ваша партия не была у власти, то она рабочим сулила молочные реки, кисельные берега, а когда оказались эти люди у власти, тут обычное превращение, начинают говорить об учете, о дисциплине, о самодисциплине, о контроле и пр.

Ф. А. Березовский:

Много приходилось мне слышать докладов и многих общепризнанных ораторов. Но тут... все мои понятия о докладах и все представления об ораторских приемах перевернулись. Поражала необычайная простота оборотов речи Ленина, глубина и меткость определений, которые гвоздями входили в сознание слушателя. Эти мысли долго сверлили мозг,— спустя месяцы и годы.

Поражало, что Владимир Ильич как будто не докладывал, а просто интимно беседовал с одними, журил других и бичевал третьих...

Обращала внимание и еще одна особенность речи Владимира Ильича, которой я не замечал ни у одного из известных мне ораторов ни до, ни после товарища Ленина: его речь была отточенной до мельчайших подробностей, несмотря на всю остроту и непосредственность тех чувств, которые вкладывал Владимир Ильич в доклад и подчеркивал интонацией своего голоса.

Этот голос вызывал напряженное деловое внимание аудитории.

Вот ленинский голос зазвучал тревогой и ненавистью к тем, кто разрушал и саботировал великое дело освобождения трудящихся.

И ненависть загоралась огнем во взглядах людей, одетых в серые гимнастерки и черные куртки.

Деловое напряжение слушателей сменялось ощущением огромной ответственности, которую звали на свои плечи пролетариат и его классовая власть.

Конец доклада был насыщен такой уничтожающей иронией к врагам рабочего класса, что тишина аудитории то и дело прерывалась взрывами заразительного смеха.

Казалось, что Ленин стер, уничтожил, похоронил своих противников до их выступлений.

Аудитория откликнулась долгими, оглушительными аплодисментами.

Н. П. Горбунов:

В работе Владимир Ильич был требователен до чрезвычайности, с поразительной настойчивостью добивался доведения до конца даже самых мелких дел, десятки раз проверял исполнение, лично созванивался по телефону, чтобы проверить, например, получение посланного им па-

кета, беспощадно преследовал всякую неаккуратность, небрежность, выводил виновников на чистую воду, не уставал тысячи раз указывать на расхлябанность, неумение работать, беспорядочность, некультурность. Но Владимир Ильич умел это облекать в такую форму, что никогда никто не чувствовал себя обиженным, даже в тех случаях, когда на голову его Владимир Ильич призывал всякие кары, до ареста включительно.

Занимаясь важнейшими политическими вопросами, часто мирового масштаба, Владимир Ильич никогда не отрывался и от текущих дел, был чрезвычайно доступен и живо отзывался на сотни и тысячи сравнительно мелких вопросов. Это давало ему возможность быть всегда в курсе текущей жизни. Доведению до конца какого-нибудь мелкого дела практического характера Владимир Ильич придавал иногда большее значение, чем десятку выносимых и остающихся затем на бумаге «принципиальных» решений...

В заключение я хочу привести один любопытный документ, датированный 23 мая 1918 года, который характеризует поразительную скромность Владимира Ильича. В связи с обесценением денег Владимиру Ильичу с 1 марта 1918 года, без его разрешения, было увеличено жалование с 500 до 800 рублей. В ответ на это он прислал мне следующую официальную бумагу:

«Секретарю Совета Народных Комиссаров. Николаю Петровичу Горбунову

Ввиду невыполнения Вами настоятельного моего требования указать мне основания для повышения мне жалования с 1 марта 1918 г. с 500 до 800 руб. в месяц и ввиду явной незаконности этого повышения, произведенного Вами самочинно по соглашению с Управляющим делами В. Д. Бонч-Бруевичем, в прямое нарушение декрета Совета Народных Комиссаров от 23 ноября 1917 года, объявляю Вам строгий выговор.

Председатель Совета Народных Комиссаров

В. Ульянов (Ленин)».

Л. А. Фотиева:

Когда Владимир Ильич обнаруживал неисполнение какого-либо постановления или распоряжения Советской власти, он неизменно требовал наказания виновного. При этом он прибавлял, что наказание может быть и не стро-

гим, иногда может быть достаточно и выговора, но необходимо разрушить всеобщее убеждение в ненаказуемости виновных. Виновным Владимир Ильич считал не только того, кто не выполнил дела, непосредственно ему порученного, но и безучастного руководителя того учреждения, работа которого страдала от невыполнения решения правительства. Такому руководителю Ленин ставил в вину то, что он не бил тревоги, не жаловался, не заявлял соответствующим органам...

Отстаивая революционную законность, Ленин сурово боролся со взяточничеством, которое называл проклятым наследием царизма. В мае 1918 г. Владимир Ильич в записке Народному Комиссару Юстиции т. Курскому предлагал:

Д. И. Курскому

Необходимо *тотчас*, с демонстративной быстротой, внести законопроект, что наказания за взятку (лихоимство, подкуп, сводка для взятки и пр. и т. п.)

должны быть

не ниже

десяти лет тюрьмы и, сверх того, десяти лет принудительных работ.

С. М. Бирюков:

Помню, в один из весенних дней 1918 г. Владимир Ильич с Надеждой Константиновной Крупской неожиданно появились в Моссовете. Под свежим впечатлением поездки по Москве он заговорил с нами о непорядках, которые заметил в городе.

Его волновало и возмущало то, что различные спекулянты и мародеры продолжают жить в роскошных особняках, что они накопили большие запасы продовольствия и товаров, а дети рабочих голодают, мерзнут.

— Мы должны, — говорил Ленин, — провозгласить: «Все рабочим, все трудящимся!»

Ленин предложил Исполкому Моссовета энергично взяться за дело — переселять рабочих из подвалов в комнаты купцов и фабрикантов, конфисковать у буржуазии излишки продовольствия, мебели, одежды, топлива и раздать все это нуждающейся бедноте.

Эти меры, проведенные по указанию Владимира Ильича, облегчили жизнь тысячам рабочих семей, помогли им перенести невзгоды послевоенной разрухи.

БИТВА ЗА ХЛЕБ

С. Б. Бричкина:

Вопрос о тяжелом продовольственном положении Петрограда и Москвы неоднократно рассматривался в СНК. Было время, когда выдавали по $\frac{1}{4}$ фунта хлеба на два дня.

П. А. Кузько:

Еще в Петрограде, а затем в Москве А. Д. Цюрупа часто встречался с Владимиром Ильичем для обсуждения различных мероприятий по продовольственному вопросу. Снабжением страны хлебом и продуктами первой необходимости Ленин занимался теперь еще больше. Вскоре после переезда в Москву состоялось заседание Совнаркома, на котором был заслушан доклад Цюрупы о продовольственном деле в стране и о работе Комиссариата продовольствия.

...В комнату своей быстрой походкой вошел Ленин. Приветливо поздоровавшись со всеми, Владимир Ильич сел за стол и, вынув из кармашка жилета часы с цепочкой, положил их перед собой. При докладах и обсуждении различных вопросов Владимир Ильич неукоснительно требовал от докладчиков прежде всего знания дела, краткости и ясности изложения. Был установлен точный регламент для докладчика и выступающих в прениях.

Характерно, что, если кто-нибудь из выступавших, увлекшись, затягивал выступление, Владимир Ильич минуты за две до истечения предоставленного оратору времени брал со стола часы, вскидывал их своим неповторимым жестом на ладонь и, держа часы за цепочку, приподнимал ладонь, повернув часы циферблатом к говорившему, чем деликатно напоминал, что его время истекает.

На этом заседании Совнаркома продовольственный вопрос стоял первым. После обстоятельного доклада А. Д. Цюрупы и выступлений некоторых членов коллегии

обсуждение было прекращено. Владимир Ильич предложил собравшимся резолюцию, которая была им написана прямо в ходе обсуждения вопроса, чего многие из нас и не успели заметить. Поражало то, с каким знанием дела, всесторонне и глубоко был охвачен в резолюции обсуждавшийся вопрос и как четко указывались задачи нашей работы. После единодушного принятия резолюции мы, довольственники, ушли с ясной программой действий. На этом заседании я еще глубже почувствовал, какая огромная сила таится в этом великом и незабываемом человеке, как он весь целостен, и в большом и малом.

Ш. Н. Ибрагимов:

Тяжело было трудящимся в первые месяцы становления Советской власти: не хватало хлеба, дров, было много безработных. Трудящиеся нашего Благуше-Лефортовского района самоотверженно боролись с трудностями. Но, конечно, не все понимали сложность обстановки. И вот В. И. Ленин дал согласие выступить перед трудящимися района на митинге...

Желающих увидеть и послушать Ильича было так много, что районный комитет партии решил организовать митинг в самом вместительном помещении Москвы — в Алексеевском манеже в Лефортове.

Пригласительные билеты на митинг заранее распределили по заводам, фабрикам, учреждениям, воинским частям. Но даже это огромное помещение — Алексеевский манеж — не могло вместить всех желающих.

Я. М. Кондратьев:

1918 год... Это было тяжелое время для революции. Навигался голод. Из-за отсутствия топлива и сырья не работали многие заводы и фабрики. Большое количество паровозов стояло с потухшими топками. Враги народа — эсеры и меньшевики — вели бешеную борьбу против Советской власти. Они старались дискредитировать большевиков, отвлечь от них рабочих.

У нас в депо Москва-Сортировочная немало побывало эсеров и меньшевиков, дурманивших головы рабочим. Однажды — это было 7 апреля — выступал у нас такой расноясавшийся оратор. Он начал поносить большевиков. К нему стремительно подошел слесарь Иван Ефимович

Бураков, комиссар депо. Он прервал оратора и, обратившись ко всем присутствующим, сказал:

— Товарищи, это наглая ложь и обман. Если вы хотите знать правду, идемте сейчас с нами в Алексеевский манеж. Там будет говорить Ленин.

Это имя было для всех нас хорошо знакомо. По дороге все горячо обсуждали, что скажет Ленин, как он объяснит то, что происходит в стране. Я в это время еще не был коммунистом, а только сочувствующим, но правота революционных идей уже твердо определила мой путь. Спустя несколько месяцев я вступил в члены Коммунистической партии.

Ш. Н. Ибрагимов:

7 апреля 1918 года задолго до открытия митинга Алексеевский манеж до отказа заполнили рабочие, кустари, солдаты, служащие. Ни скамеек, ни стульев не было, собравшиеся стояли вплотную друг к другу и с нетерпением ждали появления Ленина. Но вот у входа в манеж публика заволновалась, послышались возгласы:

— Ленин идет!

— Ильич! Ура Ильичу!

Под тысячеголосые приветствия Ленин идет к трибуне. Овации не стихают, наоборот, усиливаются. Лица присутствующих возбужденные, радостные.

Ленин машет рукой, пытаясь остановить приветствия и начать речь, но собравшиеся отвечают ему еще более бурной овацией. Так народ выражал свою преданность партии большевиков, свою безграничную любовь к Ильичу.

...Ленин на трибуне.

*Из речи В. И. Ленина на митинге
в Алексеевском манеже
7 апреля 1918 г.*

Газетный отчет

— Мы переживаем теперь, — говорит Ленин, — самые тяжелые месяцы революции. Идет голод, в полном напряжении сил мы должны с ним бороться, бороться при условии постоянного злорадного внимания со стороны правых эсеров и меньшевиков...

Без оружия мы не сможем подавить своих врагов, это они отлично понимают, но все же стараются дискредитировать нас.

Нам приходится налаживать народное хозяйство, и это гигантское дело тем труднее, что наша революция первая пошла так далеко по пути социального преобразования. Чтобы облегчить эту трудную задачу, нам необходимо учиться, но учиться не по книгам, а на деле, на опыте. Для строительства народного хозяйства пригодна только Советская власть, и поэтому я предлагаю вам проводить в Советы по всей стране тысячи наших товарищей. Помимо того, нам нужно выработать товарищескую дисциплину. Рабочие и крестьяне должны понять, что земли и фабрики являются их достоянием, и относиться к ним бережно, как к своему добру.

Только теперь, оглядываясь назад, видя всю беспомощность буржуазии и ничтожество саботирующей интеллигенции, я убеждаюсь в том, какой громадный шаг вперед мы сделали. И чтобы дальше успешно идти вперед, нам необходимо сбросить с себя невежество и халатность, а сделать это гораздо труднее, нежели свергнуть идиота Романова или дурачка Керенского... Мы должны теперь расплачиваться за все наследие царизма, за времена николаевщины и керенщины. Когда же мы победим дезорганизацию и апатию, то в непрестанной работе мы достигнем великой победы социализма.

Я. М. Кондратьев:

Нас сразу поразила прямая и открытая правда ленинской речи, захватила его убежденность, ясны и понятны стали происходящие события. Владимир Ильич разоблачил меньшевиков и эсеров, объяснил, на чью мельницу они льют воду. И в каждого, кто слушал Ленина, как бы вливалась частица его непоколебимой веры в торжество идей социалистической революции.

С. Б. Бричкина:

Наркомпроду поручили срочно организовать посылку в Москву маршрутных поездов с хлебом. Наркомпрод не выполнил задания, маршруты в назначенный срок не прибыли. Нарком продовольствия объяснил это обстоятельство тем, что не мог получить прямой провод с Нижним

Новгородом, откуда должны были переправить маршруты в Москву. Тогда по предложению Владимира Ильича Совнарком немедленно вынес постановление, в котором наркому было указано на нерадивость, незаконную ссылку на неполучение прямого провода и необжалование этого факта Председателю СНК. Но этим дело не ограничилось. Совнарком потребовал от Комиссариата почт и телеграфа письменное объяснение по поводу задержки телеграммы Наркомпрода. Одновременно наркомату предложили внести на рассмотрение СНК проект постановления о необходимых мерах для обеспечения Наркомпрода срочной телеграфной связью с местами. Так учил В. И. Ленин своих соратников четкой, оперативной работе.

В. И. Ленин и от себя и от окружающих, в том числе от членов правительства, требовал во всем точности, дисциплины.

Р. С. Землячка:

В 1918 году Ильич неожиданно приехал в Замоскворецкий райком (Москва). Собрались партийные делегаты от предприятий. Подавляющее большинство состояло из рабочих. Обсуждался вопрос об организации продовольственных отрядов. Делая доклад, я заметила какое-то движение в конце зала, но не обратила на это внимания. Вдруг раздался гром аплодисментов. Ильич потихоньку вошел и сел в уголке. Но его узнали.

Когда начался обмен мнениями по докладу, обнаружилась любопытная деталь. Рабочие, чуя в своей среде родного, бесконечно любимого человека, наперебой стремились перед ним высказать все свое заветное. Было очень интересно их слушать. Интеллигенты же (тогда в Замоскворечье их было изрядное количество) робели, и их выступления были гораздо менее содержательны, чем обычно. Ильич сел поближе, ладонью придерживая ухо, чтобы не проронить ни одного слова из речей рабочих. В то же время он шепотом делился со мною своими впечатлениями и выводами, требуя, чтобы я брала себе на заметку того или иного рабочего, очень подходящего, по его мнению, для руководства продотрядами. Между прочим, на этом собрании он особенно отметил одного старого рабочего-булочника, очень обстоятельно развивавшего свой взгляд на организацию продотрядов и взаимоотношения с крестьянством. Позже этот товарищ проделал

большую работу на продовольственном фронте, где он и погиб: его растерзали в одной деревне кулаки. Рабочие-булочники Замоскворечья называли оди́н из своих клубов именем дедушки Чучкова.

Ильич уезжал с этого собрания какой-то особенно удовлетворенный и говорил мне, когда я его провожала, что давно так хорошо себя не чувствовал.

В. Л. Панюшкин:

В раннее апрельское утро 1918 года я вышел из квартиры, чтобы немножко пройтись перед работой. Но сразу же на кремлевском дворе встретился с Я. М. Свердловым.

— Есть важное поручение, — сказал он. — Ночью правительство обсудило продовольственный вопрос. Назревает катастрофа. Не так страшна ощетинившаяся контрреволюция, как голод. Владимир Ильич предложил разослать во все губернии чрезвычайных уполномоченных. Надежда на Юг слабая, хоть и оттуда ждем хлеб. Нужна помощь скорая — из окрестных губерний. На твою долю выпала Тула. Ты там знаешь народ, мужика тульского знаешь. А в Туле беспокойно. Враги революции поднимают в деревнях восстания, убивают наших людей — лишь бы не дать хлеб. Тактика у врагов ясная — уморить революционную Россию голодом.

— Когда выезжать?

— Через день, ну два — не позже. Сегодня будет совещание у Ильича. Готовься в дорогу. Возьми с собой отряды ВЦИК; с ними и решай задачу. Помни — Москве и Питеру нужен хлеб.

Вскоре меня вызвал к себе нарком продовольствия А. Д. Цюрупа, чтобы заранее уладить все вопросы и не отнимать у Владимира Ильича лишнего времени на обсуждение организационных дел.

И вот я у Цюрупы. Нас трое — А. Д. Цюрупа, О. Ю. Шмидт и я. Цюрупа разворачивает карту Тульской губернии, указывает, в какое село выделить продотряд, намечает маршруты вывоза хлеба. Шмидт передает мне записку с приблизительными подсчетами запасов хлеба по селам, помещичьим имениям.

Днем состоялось короткое совещание у В. И. Ленина. Докладывал Цюрупа:

— В Москве хлеба на полтора дня. Больше запасов нет. То, что идет к нам, не спасет. Нужен хлеб.

— Кажется, все ясно? — спросил Ильич. — Ну, торопитесь. Хорошо, если бы сегодня вы выехали. И сразу же ждем хлеба. Советую брать хлеб не только руками продотрядов. Организуйте местную бедноту: бедняк пойдет за вами. Берите хлеб у кулака, а середняка просите, чтобы продавал. Едут ли с вами агитаторы?

— Едут, Владимир Ильич.

— Как вооружены отряды?

— Хорошо.

— Люди надежные?

— Проверены революцией.

— Это важно. И все же смотрите, чтобы не обижали крестьян. За каждый случай мародерства — суд и расстрел! Представители рабочего класса обязаны показать крестьянину свою силу и дисциплинированность. Даже продразверстка должна вызвать симпатию к Советской власти. Мужик душою тянется к нам, ведь он получил землю, знает цену словам партии. И постоянно помните — деревня неоднородна.

На следующее утро наши эшелоны двинулись в Тулу...

Через некоторое время я снова приехал в Москву и побывал у Владимира Ильича.

Ленин больше всего любил слушать, что делается на местах. Во время беседы то и дело задавал вопросы, направлял разговор, отбирая самое важное, существенное. И как радовался Ильич, когда узнавал о фактах активности рядовых тружеников, о их героизме и смелости...

Вошел А. Д. Цюрупа. Ильич поднялся, пошел к нему навстречу.

— А вы знаете, я начинаю сомневаться, Александр Дмитриевич, что вы говорите правду. Я не верю, что вы здоровы. Вид у вас очень плохой. Как, по-вашему, товарищ Панюшкин?

Действительно, Цюрупа выглядел очень плохо: бледное лицо, усталые глаза, вялая походка.

— А нет ли у вас температуры?

— Здоров я, Владимир Ильич.

— Ну, давайте поговорим, а потом и натравлю на вас врачей. Они уже жаловались, что вы не лечитесь.

Начали разбираться в производственных делах. Цифры Цюрупы и мои сходятся. Но Цюрупа недоволен: мало хлеба. Он волнуется — требует удвоить вывоз хлеба. Вдруг он резко побледнел. Лицо покрылось потом, пошатнулся. Я еле успел поддержать, до дивана почти донес.

— Недоедает нарком продовольствия...— попытался улыбнуться Цюрупа.

Владимир Ильич подал ему стакан воды, присел на край дивана, взял руку.

— Лежите, лежите, голубчик... Если не трудно, можете принимать участие в нашей беседе. А лучше отдохните.

О мобилизации рабочих на борьбу с голодом

Проект постановления СНК *

Комиссариату труда дается поручение принять самые экстренные меры, дабы, по соглашению с профессиональными союзами и под безусловным руководством Комиссариата продовольствия, мобилизовать как можно больше передовых, организованных и сознательных рабочих для помощи борьбе деревенской бедноты против богатеев-кулаков и для беспощадного подавления спекуляции хлебом и срыва монополии на хлеб.

П. С. Заславский:

Владимир Ильич встретил меня с присущей ему приветливостью. Я откровенно рассказал, что у нас происходит.

— По вашему призыву,— говорил я Владимиру Ильичу,— рвутся ехать в продовольственный отряд не только рядовые рабочие, но и руководители различных предприятий, старейшие и самые авторитетные члены партийных организаций.

— Что ж! Очень хорошо,— одобрил Владимир Ильич.

— Но некоторые товарищи,— продолжал я,— считая, что Петроград — это фронт и оголить его нельзя, возражают против отъезда в деревню цвета пролетариата.

— А кто возражает? — быстро спросил Ленин.

— Зиновьев, Лашевич...

Владимир Ильич заговорил горячо:

— А чего они хотят? Заставить «цвет пролетариата» стеречь бездействующие заводы и фабрики? Спокойно глядеть на голодных жен и детей? От кого же питерские рабочие могут ждать помощи, на кого надеяться? Возмутительно такое противодействие! — воскликнул Владимир

* Написан В. И. Лениным 9 мая 1918 г.

Ильич и потом, помолчав, добавил: — Это трусость и глупость — не отпускать людей в такое время на такую работу.

Внимательно, боясь упустить хоть одно слово, слушал я ленинские указания:

— Энергично содействуйте созданию продотрядов — это кровное, первоочередное дело. А к руководству поднимайте из масс, из низов новых людей!

А. В. Иванов:

Поездка в ряд губерний помогла нам разобраться в настоящих причинах голода. Хлеб в стране был, но снабжение промышленных центров срывалось в результате сопротивления кулачества, саботажа эсеров, засевших в некоторых губернских продовольственных комиссариатах и других местных органах власти. Нам было ясно, что требуются решительные меры для смягчения продовольственного кризиса, что действиям отдельных предприятий нужно придать организованный характер.

В начале мая 1918 г. общее собрание рабочих Путиловского завода делегировало меня в Москву для доклада Ленину о продовольственном положении в Петрограде.

Владимир Ильич сразу же принял меня в своем служебном кабинете в Кремле. Эта небольшая продолговатая комната была скромно обставлена: простой стол, два кресла, шкаф с книгами.

Я рассказал Ленину о голоде в Питере, о положении рабочих, и в частности путиловцев. Владимир Ильич часто останавливал меня, просил подробнее осветить тот или иной факт. Он расспрашивал меня, как реагируют рабочие на события в стране, на фронте. Поделился я с ним и своим мнением о причинах, порождавших хлебные затруднения в стране.

Наша беседа затянулась. Во время беседы Владимир Ильич вынул из письменного стола только что принятый Советом Народных Комиссаров декрет о предоставлении народному комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией. Прочитав декрет, Ленин при мне подписал его и попросил ознакомить рабочих Путиловского завода с его содержанием.

Владимир Ильич внимательно слушал мой рассказ о тяжелом продовольственном положении петроградских рабочих. Он просил меня передать трудящимся Петро-

града, что рабоче-крестьянское правительство принимает решительные меры для налаживания продовольственного дела в стране и что петроградские рабочие должны сами включиться в эту борьбу путем немедленной организации продовольственных отрядов и посылки их в хлебные районы страны.

Из статьи В. И. Ленина

«О голоде»

(Письмо к питерским рабочим)

Товарищи! У меня был на днях ваш делегат, партийный товарищ, рабочий с Путиловского завода. Этот товарищ описал мне подробно чрезвычайно тяжелую картину голода в Питере. Мы все знаем, что в целом ряде промышленных губерний продовольственное дело стоит так же остро, голод так же мучительно стучится в дверь рабочих и бедноты вообще.

А рядом мы наблюдаем разгул спекуляции хлебом и другими продовольственными продуктами. Голод не оттого, что хлеба нет в России, а оттого, что буржуазия и все богатые дают последний, решительный бой господству трудящихся, государству рабочих, Советской власти на самом важном и остром вопросе, на вопросе о хлебе. Буржуазия и все богатые, в том числе деревенские богатеи, кулаки, срывают хлебную монополию, разрушают государственное распределение хлеба в пользу и в интересах снабжения хлебом всего населения и в первую голову рабочих, трудящихся, нуждающихся. Буржуазия срывает твердые цены, спекулирует хлебом, наживает по сто, по двести и больше рублей на пуд хлеба, разрушает хлебную монополию и правильное распределение хлеба, разрушает взяткой, подкупом, злостной поддержкой всего, что губит власть рабочих, добивающуюся осуществить первое, основное, коренное начало социализма: «кто не работает, тот да не ест»...

Романов и Керенский оставили рабочему классу в наследство страну, разоренную донельзя их грабительской, преступной и тягчайшей войной, страну, ограбленную русскими и иностранными империалистами дочиستا. Хлеба хватит на всех только при строжайшем учете каждого пуда, только при безусловно равномерном распределении каждого фунта. Хлеба для машин, то есть топлива, тоже крайний недостаток: встанут железные дороги и фабрики,

безработица и голод погубят весь народ, если не напрячь все силы для беспощадно-строгой экономии потребления, правильности распределения. Катастрофа перед нами, она придвинулась совсем, совсем близко. За непомерно тяжелым маем идут еще более тяжелые июнь, июль и август.

Государственная хлебная монополия существует у нас по закону, но на деле ее на каждом шагу срывает буржуазия. Деревенский богатей, кулак, мироед, грабивший всю округу десятки лет, предпочитает наживаться на спекуляции, на самогонке: это ведь так выгодно для его кармана, а вину за голод он сваливает на Советскую власть. Точно так же поступают политические защитники кулака — кадеты, правые эсеры, меньшевики, открыто и тайно «работающие» против хлебной монополии и против Советской власти. Партия бесхарактерных, то есть левые эсеры, бесхарактерна и здесь: она поддается корыстным крикам и воплям буржуазии, она кричит против хлебной монополии, она «протестует» против продовольственной диктатуры, она дает себя запугать буржуазии, она боится борьбы с кулаком и истерически мечется, советуя повысить твердые цены, разрешить частную торговлю и тому подобное...

Нужен массовый «крестовый поход» передовых рабочих ко всякому пункту производства хлеба и топлива, ко всякому важному пункту подвоза и распределения их, для повышения энергии работы, для удешевления ее энергии, для помощи местным органам Советской власти в деле учета и контроля, для вооруженного уничтожения спекуляции, взяточничества, перяшливости.

П. А. Кузько:

В дальнейшем по совету Ленина для усиления хлебозаготовок на местах и поставок хлеба для столиц был организован товарообмен с крестьянами. В деревню были направлены особые поезда и пароходы с промышленными товарами первой необходимости. Вместе с тем по указанию В. И. Ленина А. Д. Цюрупа подготовил соответствующие мандаты для ответственных работников и членов правительства, направленных на места для организации заготовок и доставки в столицу хлеба. Эти мандаты подписывали Ленин и Цюрупа.

Летом 1918 года остро встал вопрос о ценах на хлеб.

В этот период представители многих губерний под давлением зажиточного крестьянства нажимали на Наркомпрод, требуя изменения твердых цен на хлеб в сторону их повышения. Были требования об отмене вообще твердых цен и установлении свободной торговли хлебом. Продовольственникам на местах трудно было выполнять плановые заготовки хлеба при ценах, которые были значительно ниже по сравнению с фактически складывавшимися свободными ценами.

В этот острый момент А. Д. Цюрупа договорился с В. И. Лениным об обсуждении вопроса о твердых ценах на хлеб в коллегии комиссариата с участием Владимира Ильича, от которого Цюрупа и коллегия комиссариата надеялись получить поддержку своей точки зрения на этот вопрос. Члены коллегии с нетерпением ожидали встречи с Лениным...

Обсуждался только один вопрос — о твердых ценах. Мне было поручено вести протокол.

С докладом выступил нарком А. Д. Цюрупа. Оглядывая присутствующих работников комиссариата, я видел на их лицах выражение сосредоточенности и особой серьезности. Присутствие Ленина, исключительная занятость которого была всем хорошо известна, подчеркивало, несомненно, серьезность момента и важность вопроса.

После доклада Цюрупы выступили еще два или три члена коллегии, в том числе начальник такого важного управления, как хлебофуражное, Н. П. Брюханов. Все они поддержали обоснованную и правильную точку зрения Цюрупы, энергично защищавшего необходимость сохранения твердых цен на хлеб.

Затем выступил Владимир Ильич. Его мысль, как я ее запомнил, сводилась к следующему. Соглашаясь с докладчиком, он говорил, что твердые цены на хлеб нарушать ни в каком случае нельзя, что такое нарушение, с одной стороны, было бы проявлением слабости, а с другой — могло оказаться в данный момент очень вредным на практике в области всей продовольственной политики Советской власти. Изменение твердых цен в сторону повышения, по мнению Ленина, завело бы нас очень далеко, было бы вредным для дела революции и полезным для тех, кто припрятал излишки хлеба. Мы знаем, говорил Владимир Ильич, как буржуазия поливает грязью большевиков, но от грубых ругательств наших врагов дело революции ничуть не пострадает. Всем ясно было, какую

политику должен был проводить комиссариат. Твердые цены остались неизменными.

В решении продовольственного вопроса в стране большое значение имела организация комитетов бедноты (комбеды). Создание этих комитетов проходило по указанию В. И. Ленина.

В одной из бесед с Цюрупой в июне 1918 года по вопросам продовольственной политики в деревне Ленин высказал предложение: для укрепления опоры Советской власти в деревне и усиления борьбы с кулачеством принять ряд мер со стороны Наркомпрода, которые бы помогли организовать бедноту таким образом, чтобы она поднялась на решительную борьбу с кулачеством...

В течение нескольких дней нашими общими усилиями с помощью Александра Дмитриевича и членов коллегии проект декрета об организации комитетов бедноты был выработан и затем принят коллегией. 11 июня 1918 года декрет был утвержден ВЦИК.

СОЗДАНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ

Н. К. Крупская:

Немцы, заключив Брестский мир с РСФСР и прекратив наступление на нее, не отказались от своих планов захвата России. Еще в период брестских переговоров германское правительство вступило в соглашение с Украинской радой, обещая прийти ей на помощь в борьбе с большевиками. Заняв Украину и свергнув Советскую власть, немцы прогнали и раду и посадили правителем Украины — гетманом — царского генерала Скоропадского. Украина была превращена фактически в германскую колонию. Хлеб, скот, сахар, сырье вывозились из Украины в Германию в огромных количествах.

Германские империалисты старались всячески разжечь гражданскую войну. Бежавший на Дон донской атаман Краснов обратился за помощью к Германии, и немцы помогли ему сформировать и объединить белоказачьи отряды.

Немцы помогли белофиннам подавить в Финляндии революцию и жестоко расправились с финскими революционерами...

Старая армия разложилась, была демобилизована. Надо было создать новую, сильную, революционную, пропихнутую духом энтузиазма, волей к победе армию.

Первое время Красная Армия весьма мало напоминала обычную армию. Она горела энтузиазмом, но внешне выглядела первобытно: у красноармейцев не было определенной формы — кто в чем пришел, в том и ходил, не было еще твердого распорядка, установленных правил. Враги Советской власти насмехались над красноармейцами, не верили, что большевики смогут создать сильную, крепкую армию.

С. И. Аралов:

После переезда Советского правительства из Петрограда в Москву Владимир Ильич собрал совещание у себя в кабинете по вопросу об организации и строительстве Красной Армии. Я был также приглашен на это совещание. В кабинете председателя Совнаркома было холодно. Помню, что Владимир Ильич сидел за своим рабочим столом в шубе внакидку и шапке. На это совещание были вызваны руководители Наркомвоенмора (Склянский и другие), Московского военного округа, некоторые специалисты, в том числе М. Д. Бонч-Бруевич (брат тогдашнего управляющего делами Совнаркома — старого большевика В. Д. Бонч-Бруевича); крупный военный специалист, генерал царской армии, он был в период первой мировой войны генерал-квартирмейстером, начальником штаба ряда фронтов, в том числе Западного. Обсуждались вопросы: об обязательной военной службе, т. е. призыве на действительную военную службу всех граждан, кроме детей буржуазии и кулаков, о переходе от добровольной службы к обязательной, о сроках службы, командирах, комиссарах, их взаимоотношениях. Было намечено организовать комиссии.

Владимир Ильич внимательно вслушивался в рассуждения выступавших, подавал реплики. Одно запомнилось, что Ленин твердо поставил вопрос об обязательной всеобщей действительной военной службе, доказывая, что Советскую власть должны защищать все граждане, за исключением классовых врагов (буржуазии, спекулянтов, кулаков). Красная Армия должна быть классовой. В. И. Ленин кратко отметил необходимость обязательного создания института комиссаров как контрольного аппара-

та, как представителей Советской власти, ведущих коммунистическую пропаганду, разъясняющих значение борьбы с контрреволюцией.

А. Ф. Мясников:

Партия приступила к организации Красной Армии. Старый фронт разрушен. Опасность со стороны германского империализма охватила всю нашу Советскую страну. Идут в рядах партии споры относительно метода организации Красной Армии. Боевой вопрос — привлечение военных специалистов и кадровых офицеров. Большая часть тогдашних военных работников была против этого привлечения. Эти работники апеллируют к товарищу Ленину, который только что вместе со всем правительством и Центральным Комитетом партии переехал из Питера в Москву.

Собираемся в Кремле, тогда еще уютном, пустом и не охранявшемся. В одной из комнаток самого верхнего этажа около 40—50 военных работников под председательством товарища Ленина открывают свое совещание. В течение нескольких часов идет спор вокруг вопросов о военных специалистах, общей организации армии, мобилизации, роли коммунистов в армии и т. д. Главнейшая тема — с военными специалистами или без них. Подавляющее большинство собравшихся высказывается против привлечения военных специалистов. Товарищ Ленин только слушает. В конце собрания он лишь вкратце резюмирует все сказанное. Как будто бы он хочет на этом закончить собрание. Мы предлагаем вынести резолюцию соответственно с духом речей большинства ораторов. Тогда Ленин бросает нам:

— Но ведь это только совещание. Вы попросили выслушать вас, мы вас выслушали, весьма благодарны за информацию, а теперь разрешите нам, Центральному Комитету партии, вынести решение по данному вопросу, используя, разумеется, и ваш опыт и ваши советы.

Собрание ничего не могло возразить, хотя оно разошлось недовольное тем, что не закрепило своего мнения определенной и твердой резолюцией, направленной против военных специалистов, против не приемлемых для большинства собравшихся методов организации Красной Армии. Следует отметить, что это время было эпохой, если можно так выразиться, военного романтизма мно-

гих тогдашних военных работников-коммунистов. Центральный Комитет не пошел навстречу этому военному романтизму, он вынес свое твердое решение о том, что мы без военных специалистов и старых кадровых офицеров, не имея своего командного состава, не имея за душой ничего в военном отношении, не обойдемся в деле организации Красной Армии. Была дана после этого ясная линия, по этой линии было приступлено к организации Красной Армии. И то, что заявил нам тов. Ленин на этом военном совещании, впоследствии, как известно, оправдало себя.

А. Д. Блохин:

Фронт требовал новых частей. По указанию Ленина их формировали военкоматы республики. Как военкому Замоскворецкого района города Москвы мне и моим товарищам также предстояло сформировать несколько новых частей.

Однажды во время выполнения этой задачи нас вызвал в Кремль Я. М. Свердлов. Вместе с ним мы пошли к Ильичу.

Владимир Ильич принял нас как обычно дружески, поздоровался, усадил и затем попросил рассказать, как идет организация новых частей Красной Армии.

Мы подробно начали докладывать. Рассказали, что из отрядов Красной гвардии созданы и размещены в казармах регулярные воинские части и подразделения. Формируем новые полки — Варшавский красный, Лодзинский красный, Краковский красный и Добровольческий китайский полк.

Владимир Ильич интересовался, много ли частей и подразделений отправлено на фронт, откуда будем брать оружие и обмундирование для новых полков...

Организуя формирование Рабоче-Крестьянской Красной Армии, Владимир Ильич неоднократно говорил о том, что наша армия должна иметь высокую сознательную дисциплину, что военкомы должны показывать пример в дисциплине, насаждать ее твердо и решительно.

Помню, после обследования нашего района поступило распоряжение о передаче части запасов обмундирования и снаряжения в Лефортовский район.

Мы своевременно не выполнили этот приказ и тем са-

мым нарушили воинскую дисциплину. По этому поводу нас вызвали к Владимиру Ильичу.

Ленин говорил о необходимости чрезвычайной исполнительности, без которой нельзя победить врага и поднять обороноспособность нашего государства.

— На первый раз,— сказал он нам,— мы вас простим. Но помните, что защитники революции должны иметь строжайшую дисциплину и сами везде и во всем твердо насаждать ее.

*Директивы Владивостокскому Совету **

В Иркутск (для Владивостока) надо телеграфировать по прямому проводу:

Мы считаем положение весьма серьезным и самым категорическим образом предупреждаем товарищей. Не делайте себе иллюзий: японцы наверное будут наступать. Это неизбежно. Им помогут, вероятно, все без изъятия союзники. Поэтому надо начинать готовиться без малейшего промедления и готовиться серьезно, готовиться из всех сил. Больше всего внимания надо уделить правильному отходу, отступлению, увозу запасов и железнодорожных материалов. Не задавайтесь неосуществимыми целями. Готовьте подрыв и взрыв рельсов, увод вагонов и локомотивов, готовьте минные заграждения около Иркутска или в Забайкалье. Извещайте нас два раза в неделю точно, сколько именно локомотивов и вагонов вывезено, сколько осталось. Без этого мы не верим и не будем верить ничему. Денежных знаков у нас теперь нет, но со второй половины апреля будет много, но помощь нашу мы обусловим вашими практическими успехами в деле вывоза из Владивостока вагонов и паровозов, в деле подготовки взрыва мостов и прочее.

Ленин

Альберт Рис Вильямс:

Когда я посетил Ленина перед отъездом, он написал по-английски и передал мне следующее письмо:

«Через американского товарища Альберта Р. Вильямса я шлю свой привет американским социалистам-интернационалистам. Я твердо верю, что в конце концов социальная революция победит во всех цивилизованных стра-

* Написаны 7 апреля 1918 г.

нах. Когда она наступит в Америке, она далеко превзойдет русскую революцию...»

Передав мне письмо, Ленин спросил:

— Когда вы собираетесь уезжать в Америку? (Это было в апреле 1918 года.)

— Я еще определенно не решил, — ответил я.

— Если вы думаете ехать через Владивосток, то лучше поспешите, а не то вас в Сибири встретит американская армия.

В ту пору было в высшей степени странно слышать в Москве такое заявление, ибо все мы верили, что Америка проникнута самыми дружескими чувствами по отношению к новой России.

— Этого не может быть! — возразил я. — Знаете ли вы, что, по мнению Раймонда Робинса, есть надежды на признание Америкой Советского правительства в самом ближайшем будущем?

— Да, — сказал Ленин, — но Робинс является представителем американской либеральной буржуазии. А она не определяет политику Америки. Политику Америки направляет финансовый капитал. А ему нужен контроль над Сибирью. И он пошлет американских солдат завоевывать ее.

Такая точка зрения представлялась мне невероятной. Однако позже, 29 июня 1918 года, я видел своими собственными глазами, как во Владивостоке высаживались американские матросы, в то время как монархисты, чехословаки, англичане, японцы и другие союзники спускали флаг Советской республики и поднимали флаг царской России.

Дежё Фараго:

В 1917 году я находился в одном приволжском лагере для военнопленных, который размещался на холме среди леса, в четырех-пяти километрах от города Симбирска. Весть об Октябрьской революции дошла до нас в конце ноября — начале декабря.

Благотворные последствия Октябрьской революции мы, военнопленные, почувствовали в декабре, как только прислужников правительства Керенского сменила охрана Красной гвардии во главе с новым комендантом лагеря.

Прежде всего комендант-большевик объявил, что все военнопленные, кроме офицеров, могут покинуть лагерь,

уйти в город и поступить там на работу — словом, жить на равных правах с русскими рабочими. Затем новая администрация лагеря выяснила, кто нуждается в одежде и обуви, и на другой день каждый сделавший заявку получил все необходимое. Приближалась суровая зима, и мы получили фуфайки и шинели на вате...

Примерно 10 марта в лагерь пришла из Москвы официальная телеграмма, подписанная товарищами Бела Куном и Тибором Самуэли. Администрацию лагеря просили срочно выдать мне командировочное удостоверение для безотлагательного выезда в Москву, в редакцию газеты «Социалистический фронт»*.

На следующий день я уже ехал в Москву.

Через двое суток, утром, поезд прибыл на московский вокзал. На перроне двигались, шумели такие огромные, пестрые людские толпы, что у меня буквально закружилась голова. Вдруг кто-то окликнул меня по имени. О, да это Тибор Самуэли и Бела Кун! Они встретили меня и тут же повезли меня в гостиницу.

...В то время товарищи Бела Кун и Тибор Самуэли часто встречались с Владимиром Ильичем Лениным. На одну из таких встреч был приглашен и я. Меня представили товарищу Ленину как бывшего руководителя рабочего движения железнодорожников.

В. И. Ленин говорил с нами о массовом вовлечении военнопленных в Красную гвардию.

Товарищи Самуэли и Кун изложили широко задуманные планы вовлечения венгерских военнопленных в Красную гвардию, а также сбора и отправки венгерских красных частей на родину в случае возникновения в Венгрии революционной ситуации.

Товарищ Ленин одобрил наш план и обратил внимание на необходимость установления контакта с левыми руководителями рабочего класса Венгрии. По его сведениям, среди рабочих, крестьянских и солдатских масс Венгрии назревало серьезное недовольство политикой правительства. Ленин разъяснил нам, что уже в 1918 году в Венгрии непременно вспыхнет буржуазная революция. Стало быть, наша задача — вернуться после ее начала на родину и перевести буржуазную революцию на рельсы

* «Социальная революция» — орган Венгерской группы при ЦК РКП(б). — *Ред.*

социалистической. Надо ли говорить, что мудрое предвидение Ленина целиком оправдалось!

Затем товарищ Ленин задал мне несколько вопросов о развертывании организационной работы и о настроениях среди железнодорожников. Я признался, что с революционной точки зрения можно принимать в расчет только рабочих ремонтных мастерских, депо и пакгаузов. А стотысячная масса железнодорожников, назначавшихся на должности, была объединена в «патриотическую» организацию, в которой верховодили начальники.

Ленин поинтересовался, насколько революционны венгерские индустриальные рабочие и крестьянство. Я рассказал о славных революционных традициях промышленного рабочего класса, который провел немало ожесточенных классовых битв. Подробно охарактеризовал я и положение широких масс безземельного крестьянства и рабочих-землекопов.

Штефан Салай:

Весна 1918 года была неприветливой, мрачной. Под стать погоде было и положение на фронтах.

В казармах, находившихся неподалеку от Кремля, было так же шумно, как и во всей России. Даже, пожалуй, шумнее, потому что наши казармы похожи были на Вавилон. Кого только не было там: венгры, поляки, эстонцы, немцы, чехи, китайцы, словаки... Сыны девятнадцати народов собрались тогда в тех казармах. По инициативе одного из наших товарищей — коммуниста, венгра — было создано военное подразделение добровольцев, которое потом было названо так: «1-й Коммунистический интернациональный батальон».

Формирование нашего батальона было закончено. Все мы с нетерпением ждали приказа о выступлении на фронт. Вдруг командир получает телефонограмму, в которой было сказано, что утром следующего дня, к 10 часам, он вместе со своим помощником должен прибыть в Кремль. Нам сказали, что телефонограмма была от самого Ленина...

В качестве помощника командира взяли меня.

Я должен был ехать к Ленину!

Представьте себе мое состояние, когда я узнал об этом. Правда, мы, воины интернационального батальона, назы-

вали себя «ленинскими солдатами». Все мы знали, что Ленин — очень мудрый человек, что он борется за свободу простого народа. И вот мне предстояло встретиться с ним...

На другой день, около десяти часов утра, мы с командиром представились кремлевской охране. Балтийский матрос, проверив наши документы, отдал честь, а потом проводил до самого кабинета Ленина.

Возле кабинета мы остановились. Наш проводник вошел внутрь. Сквозь дверь мы слышали его рапорт: «Пришел командир Первого Московского коммунистического батальона». Затем последовало: «Войдите». И вот мы, как полагается военным, представились Владимиру Ильичу Ленину. Ленин стоял за своим рабочим столом. Рядом с ним я заметил двух военных; один из них держал в руках Красное знамя.

Не спуская с нас своих быстрых, все замечающих глаз, Ленин дал знак военному со знаменем и сказал: «Возьмите знамя, товарищи».

Командир принял знамя и передал его мне. Я во все глаза глядел на Ленина. Военный передал нашему командиру также документы и саблю.

Ленин сказал:

— Товарищи, идите воевать и освобождать народ!

Мы отдали Ленину честь и вышли из его кабинета.

П. Д. Мальков:

Наступило 1 Мая 1918 года. Утро выдалось пасмурное, хмурое. Солнце проглянуло только после полудня. Начало демонстрации было назначено на 11 часов, но по всей Москве с раннего утра царил небывалое оживление. По районам собирались рабочие, служащие. В четком строю, чеканя шаг, проходили к сборным пунктам войска, шедшие в общей демонстрации, во главе районных колонн. Военный парад был назначен после окончания демонстрации на Ходынке.

Члены ВЦИК, сотрудники ВЦИК и Совнаркома собрались к 9.30 утра в Кремле, перед зданием Судебных установлений.

Вышел Владимир Ильич. Он был весел, шутил, смеялся...

Мы тронулись на Красную площадь, полыхавшую за-

ревом алых знамен. Ровно в 11 часов утра на площадь хлынули колонны демонстрантов. Нескончаемым потоком лились мимо седых Кремлевских стен, мимо невысокой дощатой трибуны, на которой находились члены ВЦИК и Совнаркома, Владимир Ильич Ленин, десятки тысяч москвичей — пролетариев Пресни и Хамовников, Сокольников и Замоскворечья. Шли солдаты московских полков, шли в отдельных колоннах ребята, мальчишки и девчонки, будущие строители коммунизма.

Демонстрация длилась свыше пяти часов. Когда она закончилась, прямо здесь, на Красной площади, открылся грандиозный митинг трудящихся столицы.

Час спустя состоялся военный парад на Ходынке. Владимир Ильич с Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной прямо с Красной площади поехали туда, а после парада, когда совсем свечерело, праздник продолжался в Кремле. Здесь состоялся митинг латышских стрелков и сотрудников Кремля, на котором выступили встреченные горячими овациями В. И. Ленин и Я. М. Свердлов.

Штефан Салай:

Вопреки ожиданиям, мы задержались в Москве. Наш интернациональный батальон встречал Первое мая в столице Советской республики. Помню, Ленин говорил тогда о нас, о бывших военнопленных, которые вступили в ряды Красной Армии. Он говорил, что все мы — братья, будь то трудящиеся Германии, Польши, России или других стран.

Вскоре после праздника мы отправились на фронт. Тысячи москвичей пришли проводить нас. Люди плакали. «Возвращайтесь с победой!» — кричали они нам. Я шел во главе батальона и нес Красное знамя, то знамя, которое вручил нам сам Ленин.

Г. Т. Прокофьев:

К принятию социалистической клятвы наш полк тщательно готовился. Красноармейцы чистили и приводили в порядок оружие и обмундирование, отрабатывали военную выправку.

Наконец наступило 11 мая 1918 года. День выдался солнечный, но с холодным ветром. В этот день группе бойцов и командиров, отобранной из красноармейцев нашего 4-го Советского пехотного полка, было приказано одеться в шинели и явиться в гранатный корпус завода Михельсона...

До этого мы, красноармейцы, видели Ильича только на портретах. И вдруг мы видим улыбающегося Ленина. Он легко поднялся на помост, повернулся к собравшимся, и новая буря оваций и могучее красноармейское «ура» пронеслось по рядам бойцов.

— Товарищи! — обратился к нам один из сопровождавших Ленина военных, — 22 апреля ВЦИК утвердил текст торжественного обещания, и сейчас красноармейцы — добровольцы Красной Армии — будут приносить воинскую клятву на верность революции.

Наступила торжественная тишина. Председательствующий предложил нам снять головные уборы, поднять вверх правую руку, а затем развернул текст торжественного обещания и начал громко читать:

— «Я, сын трудового народа, гражданин Советской Республики, принимаю на себя звание воина Рабочей и Крестьянской Армии».

Но что это? После первых же слов присяги Владимир Ильич сошел с трибуны и встал рядом с первой шеренгой бойцов. И Владимир Ильич вместе с нами продолжал:

— «Я обязуюсь по первому зову Рабочего и Крестьянского правительства выступить на защиту Советской Республики...»

Наконец чтение присяги закончилось. Председательствующий сошел с трибуны и в торжественной тишине развернул стоявшее у стены Красное знамя. На его полотнище золотились слова: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» После вручения знамени командиру нашего полка товарищу Рачицкому было объявлено, что слово имеет Председатель Совета Народных Комиссаров Владимир Ильич Ленин. И снова под сводами корпуса разнеслось громкое красноармейское «ура» в честь вождя революции...

С затаенным дыханием слушали мы речь Ленина, в которой он охарактеризовал внешнюю и внутреннюю обстановку молодого Советского государства. Не скрывая суровой правды, он прямо сказал нам, красноармейцам,

что международное положение нашей страны является очень трудным ввиду усилившегося натиска империалистов и контрреволюции, крайней разрухи и мучительного голода сотен тысяч рабочих и крестьян. Владимир Ильич говорил о том, что нужно делать рабочим и крестьянам, чтобы защитить революцию от посягательств помещиков, капиталистов, кулаков и их прихвостней. Спасти страну и революцию, говорил он, может железный революционный порядок, строжайшая дисциплина, высокая революционная бдительность, самоотверженная борьба рабочих и крестьян. Слушая вождя, мы, красноармейцы и командиры, все больше проникались глубокой верой в непобедимость нашей революции. Дальше Владимир Ильич просто и ясно рассказал нам о разнице между старой, царской, армией и новой, рабоче-крестьянской армией. Особенно хорошо запомнились ленинские слова о значении красноармейской присяги, о необходимости постоянно укреплять вооруженные силы молодого государства рабочих и крестьян.

А какой непоколебимой убежденностью в грядущей победе республики Советов были наполнены заключительные слова этой незабываемой речи вождя, когда, обращаясь к красноармейцам и командирам, Владимир Ильич заявил о том, что, несмотря на колоссальные трудности, уже создана Рабоче-Крестьянская Армия, которой есть что защищать и которая вместе со всем трудовым народом разгромит силы интервентов и контрреволюции, поможет нашему народу по всей России установить Советскую власть.

Навсегда в нашей памяти осталась эта ленинская речь, нигде не записанная и не опубликованная.

*Из тезисов о современном
политическом положении **

В вопросе об усиленной военной подготовке, как и в вопросе о борьбе против голода, на первую очередь выдвигается задача организационная.

Не может быть и речи о сколько-нибудь серьезной военной подготовке без преодоления продовольственных трудностей, без обеспечения населению правильного снабжения хлебом, без введения строжайшего порядка в же-

* Написаны В. И. Лениным.

лезнодорожный транспорт, без создания в массах трудящегося населения (а не только в верхушках его) действительно железной дисциплины. Именно в этой области мы всего больше отстали.

Как раз полнейшим непониманием этой истины грешат больше всего левоэсеровские и анархистские элементы с их криками о «повстанческих» комитетах, с воплями: «к оружию» и т. п. Такие крики и вопли — верх тупоумия и самой жалкой, презренной и отвратительной фразы, ибо смешно говорить о «восстании» и «повстанческих комитетах», когда центральная Советская власть из всех сил убеждает население учиться военному делу и вооружаться; — когда у нас гораздо больше оружия, чем мы умеем подсчитать и раздать; — когда именно разруха и отсутствие дисциплины мешает нам использовать наличное оружие, заставляет нас упускать дорогое время подготовки.

Усиленная военная подготовка для серьезной войны требует не порыва, не клича, не боевого лозунга, а длительной, напряженной, упорнейшей и дисциплинированной работы в массовом масштабе. Надо дать беспощадный отпор не желающим этого понять левоэсеровским и анархистским элементам, а не давать им заражать своей истерикой кое-какие элементы нашей, пролетарски-коммунистической, партии.

*Из доклада В. И. Ленина о внешней политике
на объединенном заседании ВЦИК
и Московского Совета
14 мая 1918 г.*

Товарищи, позвольте познакомить вас с теперешним положением дел во внешней политике. Товарищи, за последние дни во многих отношениях наше международное положение осложнилось, ввиду того, что обострилось общее положение. На почве этого обострения провокация, умышленное сеяние паники буржуазной прессой и ее подголоском — социалистической прессой, снова делает свое черное и грязное дело восстановления корниловщины...

...Мы присутствуем при таком положении, когда бушующие волны империалистической реакции, империалистической бойни народов, бросаются на маленький остров

социалистической Советской республики, которые готовы, кажется, вот-вот затопить его, но оказывается, что эти волны сплошь и рядом разбиваются одна о другую.

Основные противоречия между империалистическими державами привели к такой беспощадной борьбе, что, даже сознавая ее безвыходность, ни та, ни другая группа не в состоянии по произволу вырваться из железных тисков этой войны. Два главных противоречия война определила при этом, и они определили международное положение социалистической Советской республики в данный момент. Первое, это — достигшая крайней степени ожесточенности борьба между Германией и Англией на Западном фронте...

Вторым противоречием, определяющим международное положение России, является соперничество между Японией и Америкой. Экономическое развитие этих стран в течение нескольких десятилетий подготовило бездну горючего материала, делающего неизбежной отчаянную схватку этих держав за господство над Тихим океаном и его побережьем. Вся дипломатическая и экономическая история Дальнего Востока делает совершенно несомненным, что на почве капитализма предотвратить назревающий острый конфликт между Японией и Америкой невозможно. Это противоречие, временно прикрытое теперь союзом Японии и Америки против Германии, задерживает наступление японского империализма против России, которое давно подготавливалось, которое давно неоднократно нащупывало себе почву, которое в известной степени началось и поддерживается контрреволюционными силами. Поход, начатый против Советской республики (десант во Владивостоке, поддержка банд Семенова), задерживается, ибо грозит превратить скрытый конфликт между Японией и Америкой в открытую войну...

Я знаю, есть, конечно, мудрецы, считающие себя очень умными и даже называющие себя социалистами, которые уверяют, что не следовало брать власти до тех пор, пока не разразится революция во всех странах. Они не подозревают, что, говоря так, они отходят от революции и переходят на сторону буржуазии. Ждать, пока трудящиеся классы совершат революцию в международном масштабе, — это значит всем застыть в ожидании. Это бессмыслица...

Англичане высадили в Мурмане свои военные силы, и мы не имели возможности воспрепятствовать этому воен-

ной же силой. В результате нам предъявляют требования, носящие характер, близкий к ультиматуму: если вы не можете охранять своей нейтральности, то мы будем воевать на вашей территории.

Но уже создана рабоче-крестьянская армия, она в уездах и губерниях объединила крестьянское население, которое вернулось к своей земле, вырванной у помещиков,— им есть что защищать; которая начала строить Советскую власть и которая станет авангардом, если на Россию обрушится нашествие; мы встретим врага, как один человек.

Глава
третья

В ОГНЕННОМ КОЛЬЦЕ

Безумная авантюра
левых эсеров
Все для фронта, все
для победы!
Роковой день
Ильич снова на
посту

БЕЗУМНАЯ АВАНТЮРА ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ

Н. К. Крупская:

Лето 1918 года было исключительно тяжелое. Ильич уже ничего не писал, не спал ночей. Есть его карточка, снятая в конце августа, незадолго до ранения: он стоит в раздумье, так выглядит он на этой карточке, как после тяжелой болезни.

Трудное было время.

Потерявшая все в Великой пролетарской революции, буржуазия искала помощи у заграницы: сегодня она брала у союзников деньги на организацию восстаний, завтра призывала на помощь немецкие войска, отдавая на поток и разграбление население, металась от одной ориентации к другой. Немцы помогают финляндским белым, оккупируют Украину, турки идут на помощь азербайджанским мусаватистам и грузинским меньшевикам, немцы занимают Крым, англичане занимают Мурман, союзники помогают чехословакам, правым эсерам отрезать Сибирь от центральных губерний. Хлеб перестал подвозиться с Украины и из Сибири, обе столицы мучительно голодали. Кольцо фронта все суживалось.

И. И. Вацетис:

РСФСР — это первое государство диктатуры пролетариата, возглавляемое авангардом рабочего класса, ленинской партией большевиков, представляла собой осажденный лагерь, внутри которого кипел вулкан политической борьбы. В начале июля политические страсти были накалены докрасна и дали взрыв в разных городах.

П. С. Заславский:

4 июля 1918 года в Большом театре открылся V Всероссийский съезд Советов. Заседания были очень бурными. Левые эсеры ожесточенно выступали против Ленина, против «продовольственной диктатуры» Советской власти. Они требовали прекращения борьбы с кулачеством и отказа от посылки в деревню рабочих продовольственных отрядов. Подавляющее большинство делегатов съезда дало решительный отпор этой, по существу, контрреволюционной линии.

В. Д. Бонч-Бруевич:

В дипломатической ложе показался немецкий посол граф Мирбах со всей своей свитой.

Левый эсер Камков взял слово и стал, подобно расквашившейся истеричке, изрыгать бессмысленные ругательства по адресу немцев и их аккредитованного посла. Политического смысла в этих выкриках не было ни йоты, но сумбурно-страстная речь, поднятая на ложнопатриотических дрожжах, была по неглубокому чувству, возбуждая и однопартийцев этого эсера на эстраде и его единомышленников в огромном зале театра.

К. Х. Данишевский:

5 июля выступил Владимир Ильич с докладом о деятельности и политике Совета Народных Комиссаров. Доклад резко и заостренно был направлен против левых эсеров, поведение которых становилось явно антисоветским, то есть контрреволюционным.

Из доклада В. И. Ленина

5 июля на V Всероссийском съезде Советов

Товарищи, вы знаете, что со времени последнего съезда главным фактором, определившим наше положение, изменившим нашу политику и определившим нашу тактику и отношение с некоторыми другими партиями в России, был Брестский договор. Вы помните, что на прошлом съезде нам бросалось так много упреков, сыпалось на нас так много обвинений и раздавалось так много голосов по поводу того, что пресловутая передышка России не поможет, что союз международного империализма все равно заключен и что практически отступ-

ление, к которому мы ведем, ни к чему привести не может...

Да, товарищи, кто теперь прямо или косвенно, открыто или прикрито, толкует о войне, кто кричит против брестской петли, тот не видит, что петлю на шею рабочим и крестьянам в России накидывают господа Керенский и помещики, капиталисты и кулаки... (Голос: «Мирбах!». Шум.) Как бы на любом собрании они ни кричали, их дело безнадежно в народе! (Аплодисменты. Шум.)

Меня несколько не удивляет, что в таком положении, в каком эти люди оказались, только и остается, что отвечать криками, истериками, руганью и дикими выходами (аплодисменты), когда нет других доводов...

В октябре, когда основалась Советская власть, 26 октября 1917 года, когда... (шум, крики, аплодисменты) наша партия и ее представители в ЦИК предложили партии левых эсеров войти в правительство, — она отказалась. В тот момент, когда левые эсеры отказались войти в наше правительство, они были не с нами, а против нас. (Шум на скамьях левых эсеров.) Мне очень неприятно, что пришлось сказать нечто такое, что вам не понравилось. (Шум справа усиливается.) Но что делать? Если казачий генерал Краснов... (Шум, крики не дают продолжать речи.) Когда 26 октября вы колебались, сами не зная, чего вы хотите, и отказываясь идти вместе с нами... (Шум, не прекращающийся несколько минут.) Правда глаза колет! Я напому вам, что те люди, которые колебались, которые сами не знают, чего хотят, отказываются идти с нами, слушают других, которые рассказывают сказки. Я вам сказал, как солдат, бывший на войне... (Шум, аплодисменты.) Когда говорил предыдущий оратор, громадное большинство съезда ему не мешало. Да это и понятно. Если есть такие люди, которые предпочитают с советского съезда уходить, то скатертью дорога! (Шум и волнение на правых скамьях. Председатель призывает прекратить шум.)...

Уловить отдельные выкрики и бросить в народные массы призывы, которые равняются прекращению мира и бросанию нас к войне, это — политика людей, совершенно растерявшихся, потерявших голову. И, чтобы привести доказательство этой растерянности, я приведу вам пример из слов человека, в искренности которого ни я,

ни кто другой не сомневается, — из слов товарища Спиридоновой, из той речи, которая была напечатана в газете «Голос Трудового Крестьянства» и о которой не было опровержения. В этой речи 30 июня товарищ Спиридонова поместила три, ничего не говорящие, строчки, будто бы немцы предъявили нам ультиматум — отправить им на два миллиарда мануфактуры.

Та партия, которая доводит своих наиболее искренних представителей до того, что и они падают в столь ужасающее болото обмана и лжи, такая партия является окончательно погибшей...

Когда нам здесь говорят о бое против большевиков, как предыдущий оратор говорил о ссоре с большевиками, я отвечаю: нет, товарищи, это не ссора, это действительный бесповоротный разрыв, разрыв между теми, которые тяжесть положения переносят, говоря народу правду, но не позволяя опьянять себя выкриками, и теми, кто себя этими выкриками опьяняет и невольно выполняет чужую работу, работу провокаторов. (Аплодисменты.)...

И если в вопросе о продовольствии мы пришли теперь к организации деревенской бедноты и если теперь прежние товарищи наши — левые эсеры со всей искренностью, в которой нельзя сомневаться, говорят, что наши дороги разошлись, то мы твердо отвечаем им: тем хуже для вас, ибо это значит, что вы ушли от социализма. (Аплодисменты.)

Товарищи! Вопрос продовольственный — это главный вопрос, это тот вопрос, которому мы больше всего уделяем внимания в нашей политике...

Тысячу раз неправа Спиридонова, когда подносила вам отдельные факты, что она была у меня, будто бы унижалась и просила. Товарищи, многие бывали у меня и знают, что не может быть этого, не может быть такого отношения к товарищу. Должно быть, плоха эта партия, если лучшие ее представители унижаются до сказок. (Шум.) У меня лежит письмо тов. Спиридоновой, — она очень часто обращалась ко мне письменно, — это письмо я завтра же найду и передам. Она пишет: «Почему вы не хотите дать два миллиона для сельскохозяйственной коммуны?». И это в тот самый день, когда наркомзем Серeda, деятельности которого она не понимает, внес доклад об ассигновании 10 миллионов на сельскохозяйственную коммуну. (Продолжительные аплодисменты.)

В. Д. Бонч-Бруевич:

Атмосфера за кулисами до того нагрелась, что каждую минуту можно было ожидать схватки. Эсеры, не стесняясь, ругательски ругали и Советскую власть, и ее представителей, и Коммунистическую партию. Наши рабочие, находившиеся здесь в большом числе, вовсе не желали все это выслушивать, со своей стороны не оставались в долгу и крыли эсеров далеко не лестными для них словами, отмечая и их авантюризм, и их словоизвержение, фразерство и явно мелкобуржуазные стремления, совершенно отклонявшиеся от стремлений и желаний рабочего класса. Когда страсти дошли до своего апогея, я поговорил с Владимиром Ильичем, и он посоветовал тотчас же написать записку Спиридоновой, сидевшей тут же в президиуме, вызвать ее, переговорить с ней, чтобы она оказала воздействие на своих товарищей.

Я так и сделал. Спиридонова, жеманно улыбаясь, заявила мне, что, мол, «ничего не поделаешь, наши ребята — настоящие революционеры, и они не могут сдерживать свои чувства, свои порывы». Мне было смешно слышать эту характеристику «революционности», но я все же настоял, чтобы она как влиятельный член ЦК ее партии приняла меры против расходившихся собратьев. Она обещала, пошла за кулисы, долго там вела разговоры, и часть шумливой публики с ругательствами по адресу большевиков ушла из театра.

Все это было крайне подозрительно. Действия эсеров, как эти, так и другие, были явно провокационны по отношению к правительству, членами которого они еще состояли. В воздухе пахло порохом. Возбужденность царилла всюду.

П. С. Заславский:

6 июля заседание съезда закончилось в два часа дня. А уже через час нам стало известно о мятеже, поднятом левыми эсерами.

П. Д. Мальков:

Мятеж начался 6 июля. В этот день, часов около трех, в германское посольство явились левые эсеры Блюмкин и Андреев, бывшие сотрудники ЧК. Предъявив подлож-

ное удостоверение, на котором была подделана подпись Дзержинского, Блюмкин добился личного свидания с германским послом Мирбахом. Когда Мирбах вышел к нему, Блюмкин выхватил из портфеля пистолет и выстрелил в него, затем швырнул гранату, смертельно ранившую посла, и выскочил в окно. В переулке возле посольства убийца ожидал автомобиль, на котором они и удрали.

П. С. Заславский:

...По распоряжению левоэсеровского ЦК мятежники захватили здание почты и телеграфа, арестовали наркомпочтеля Подбельского, председателя Московского Совета Смидовича, члена ВЧК Лациса и других. В захваченный ими Трехсвятительский переулок они стянули артиллерию, готовясь к обстрелу Кремля.

В общежития, где находились делегаты всех фракций, были разосланы самокатчики с распоряжением немедленно явиться всем делегатам в Большой театр на экстренное заседание съезда.

Но заседание не состоялось. Когда собрались делегаты, на сцену поднялся Свердлов.

— Поступило предложение: до заседания провести совещания по фракциям. Большевиков прошу пройти за сцену направо, фракция левых эсеров собирается в фойе второго этажа, а максималистам надо подняться на третий этаж.

Я прошел через сцену и повернул направо. В дверях стояла Софья Николаевна Смидович. Поравнявшись с ней, я услышал, как она сказала:

— Быстро выходи из театра. Фракция собирается на Малой Дмитровке в зале Дворянского собрания.

Совещание фракции открыл Свердлов. Он сказал о том, какие меры предпринимаются для немедленного подавления левоэсеровской авантюры, и предложил делегатам отправиться на предприятия, в рабочие районы разъяснить народу контрреволюционные действия левых эсеров.

После этого Яков Михайлович передал мне поручение Ленина выехать немедленно вместе с Урицким и некоторыми другими товарищами в Петроград: «Надо опередить левых эсеров, которые и в Петрограде готовят мятеж».

В. Д. Бонч-Бруевич:

— Говорит Чичерин,— услышал я в телефон прямого кремлевского провода знакомый, несколько певучий, слабый голос.

— Бомбой убит германский посол граф Мирбах; прошу вас сейчас же сообщить об этом Владимиру Ильичу и принять меры, которые вы найдете нужными...

— Известны подробности?

— Пока ничего не известно...

Мне сразу стало понятно то загадочное поведение многих из вождей левых эсеров, которое я с тревогой наблюдал накануне на заседании съезда Советов. Левые эсеры, точно сорвавшись с нарезов, метались за кулисами сцены Большого театра, были крайне нервно настроены, доходили почти до истерики.

К. Х. Данишевский:

Более подлого предательства и провокации нельзя было и представить. Левые эсеры не останавливались ни перед чем, чтобы только вызвать новую войну и подставить под прямой удар империалистических войск неокрепшую республику труда и всю пролетарскую революцию.

Сейчас же после убийства Мирбаха мятежной батареей был дан выстрел по Кремлю. Удар пришелся по Благовещенскому собору. Но левые эсеры, очевидно, боялись продолжать обстрел рабоче-крестьянского правительства. У авантюристов, оторванных от масс, не хватило решительности перейти немедленно в наступление.

Выстрел по Кремлю сигнализировал начало восстания левых эсеров (6 июля около 15 часов).

П. Д. Мальков:

Я вышел из кабинета Ильича. Через пять минут гарнизон Кремля был поднят по боевой тревоге. Латыши бегом катили на Кремлевские стены пулеметы, занимали посты. На площади против Совнаркома строился отряд, выделенный в распоряжение Подвойского. Кремль насторожился, оцетинился штыками, уставился грозными дулами пулеметов на прилегающие улицы, площади, скверы.

...На улицах все было обыкновенно. Город еще не знал о случившемся. Прохожие с удивлением смотрели на наш отряд. Я условился, что по приезде мы тотчас же оцепим германское посольство с обеих сторон переулка, никого пропускать не будем, кроме членов правительства; всех же идущих в посольство с его пропусками будем сдавать непосредственно администрации посольства.

Мы подъехали к посольству, быстро очистили переулок от уже скопившейся толпы и установили строгий порядок. Я сейчас же с одним из секретарей управделами Совнаркома прошел в посольство.

Первые комнаты посольства были совершенно пусты. Только один швейцар маячил то тут, то там. Выбежала какая-то женщина и тотчас же скрылась. В третьей комнате я встретил бритого немца, с торчащими «а-ля Вильгельм» усами, назвал ему свою фамилию и объяснил ему, что я прибыл от правительства, дабы узнать все о случившемся.

— Его уже нет! — воскликнул немец. — Он убит! — И мы вошли в комнату, где взрывом был разворочен пол, выбиты стекла. Потолок и стены были испещрены ямками и ссадинами. Ясно, что взрыв был сильный...

Я пошел звонить по телефону. Осведомил обо всем Владимира Ильича. Дзержинский — в другую комнату, делать распоряжения по ВЧК.

Владимир Ильич сказал, что он сейчас же выезжает...

Выйдя из комнаты, я встретил Дзержинского, который был весьма взволнован. Я сообщил, что Владимир Ильич вместе со Свердловым как Председателем ВЦИК едут сюда.

— Это хорошо, — бросил мне Дзержинский...

...Торопливым шагом вошел Владимир Ильич и с ним Свердлов. Я коротко перемолвился с Владимиром Ильичем и тотчас же сообщил немецким чиновникам, что главы правительства прибыли и желают официально говорить с представителями германского посольства.

Нас пригласили в большую парадную комнату. Мы все уселись. Водрузилась торжественная мертвая тишина. Немцев сидело человек пять и нас столько же. Владимир Ильич сидя произнес краткую реплику на немецком языке, в которой принес извинения правительства по поводу случившегося *внутри здания посольства*, где мы

не имели возможности оказать помощь германскому представительству. Он высказал глубокое соболезнование по поводу трагической смерти посла и прибавил, что дело будет немедленно расследовано и виновные понесут законную кару. Мы встали, пожали руки представителям германского посольства и вышли во внутренний двор, чтобы посоветоваться, что делать дальше.

В это время примчался на автомобиле один из товарищей, работавших в ВЧК, и сообщил, что конный полк ВЧК, находившийся под командой левого эсера Попова, восстал и отказался повиноваться распоряжениям Советского правительства.

— Как? — воскликнул возмущенный Дзержинский. — Этого не может быть! Это ерунда!.. Я сейчас поеду туда и разберусь, в чем дело...

— Ни в коем случае вам ехать не надо, — сказал я Дзержинскому, — вы только испортите дело...

Свердлов присоединился к мнению Дзержинского, говоря... что стоит Феликсу приехать, и все будет в порядке.

Тут же были получены сведения по телефону, что все левые эсеры, работавшие в ВЧК, исчезли из помещений, а эсер Александрович, член комиссии и заместитель Дзержинского, не только исчез, но и захватил с собой кассу ВЧК, в которой было около полутора тысяч рублей. Было совершенно ясно, что здесь выявляется целый план действий, который должен будет сам собой разворачиваться. Для меня не подлежало ни малейшему сомнению, что мы стоим у самого порога больших событий и что убийство германского посла было только первым шагом того политического фарса, который затеяли крайне близорукие эсеры...

Дзержинский негодовал. Сведения, приходившие с разных сторон, его не только раздражали, не только волновали, но очень сильно возбуждали.

— Нет, я поеду к ним во что бы то ни стало... — твердил он свое.

*Телеграмма В. И. Ленина **

Берлин, Иоффе

Сегодня в 2 часа дня двое неизвестных, пробравшись с подложным документом от Чрезвычайной комиссии в

* Написана 6 июля 1918 г.

германское посольство, бросили бомбу в кабинет графа Мирбаха. Граф Мирбах, тяжело раненный, скончался. Правительство, представители которого немедленно посетили германское посольство и выразили ему свое негодование по поводу этого акта политической провокации, принимает все меры к обнаружению убийц для предания их чрезвычайному Революционному трибуналу. Усилены меры для охраны немецкого посольства и германских граждан. Правительство поручает Вам немедленно посетить германского министра иностранных дел и выразить германскому правительству возмущение русского правительства этим актом, а равно семью убитого графа Мирбаха для выражения ей своего соболезнования.

В. Д. Бонч-Бруевич:

Я только собрался вторично идти к Владимиру Ильичу, чтобы сообщить ему все, что сделано, и посоветоваться о дальнейшем, как в Управлении делами были получены сведения из ВЧК от приехавшего шофера, что Дзержинский в отряде войск ВЧК был принят весьма враждебно и в результате его там арестовали.

Это известие внесло большое волнение в Совнарком. Все понимали, что события развиваются, что они сильно осложнились арестом Дзержинского. Я немедленно пошел к Владимиру Ильичу в кабинет. Он был один, и когда я вошел, то стоял у окна.

— Дзержинский арестован, — сообщил я ему.

Владимир Ильич — нельзя сказать побледнел, а побелел. Это бывало с ним тогда, когда охватывал его гнев или нервное потрясение при весьма опасных неожиданных обстоятельствах.

Он ринулся ко мне. Я в кратких словах рассказал ему все новое, что накопилось к этому моменту.

Вскоре я отправился на телефон передавать распоряжения Владимира Ильича; позвонил прежде всего Подвойскому, распорядился вызвать всех наркомов на экстренное заседание Совнаркома по требованию председателя его. Я передал ему телефонограммой приказ Владимира Ильича атаковать взбунтовавшийся полк войск ВЧК Попова, добившись или сдачи его, или полного уничтожения с применением беспощадного пулеметного и артиллерийского огня.

К. Х. Данишевский:

Партия большевиков быстро организовала подавление восстания. И непосредственно во главе организации и руководства рабочих дружин и красноармейских частей стал Владимир Ильич. Он подсчитывал силы, следил за мятежниками, давал оперативные указания штабу и руководителям пролетарских сил.

К вечеру 6 июля Владимир Ильич вызвал меня к себе. Вопросов было немного, разговор длился несколько минут. «Каково настроение латышских стрелков? Они вас знают. Вы работали в латышских частях. Надо ввести в город латышские части, находящиеся за городом (на Ходынском поле)».

Я ответил, что начиная с августа 1917 года почти не виделся с латышскими стрелками, но полагаю, что они по первому призыву Совнаркома поднимутся против мятежников.

И. И. Вацетис:

Я принялся обдумывать план предстоящих действий...

Первое — надо было удержать в наших руках Кремль. Там был расположен в качестве гарнизона 9-й Латышский стрелковый полк, около 1500 бойцов. Этих сил было вполне достаточно, чтобы считать Кремль обеспеченным от захвата штурмом...

Как видно, в Кремле нас ждали, потому что всюду были готовы пропуска, нигде нас не задержали, и автомобиль подъехал прямо к зданию Совета Народных Комиссаров. В Кремле было темно и пусто. Нас провели в зал заседаний Совета Народных Комиссаров и попросили обождать. Данишевский пошел к Ленину, который был у себя на квартире.

Довольно большое помещение, в котором я оказался впервые, освещала из какого-то угла единственная электрическая лампочка, окна были завешены. Обстановка напоминала прифронтовую.

Войдя в первую дверь, я шагов через пять остановился. Несколько минут спустя противоположная дверь открылась, и из нее вышел Ленин. Быстрым шагом он подошел ко мне и вполголоса спросил: «Выдержим ли мы до утра, товарищ?»

Задавая этот вопрос, Ленин смотрел мне прямо в глаза.

Я понял, что от меня ждут категорического ответа и что другого разговора здесь быть не может. Но к ответу на такой вопрос Ленина я не был готов. Почему необходимо было выдержать до утра? Разве наше положение и впрямь так опасно? Может быть, комиссары, которые находились у меня, многое от меня скрыли? Под настойчивым взглядом Ильича я сформулировал свой ответ, заключавшийся в следующем.

Положение еще не выяснено, условия, в которых мы находимся, осложнились, наступление в 4 часа утра 7 июля начать нельзя, так как нет возможности подтянуть войска. Поэтому я просил дать мне часа два времени, в течение которых я мог бы объехать город, собрать нужные сведения и к двум часам дать определенный ответ на его вопрос. Это удовлетворило Ленина, и, сказав: «Я буду вас ждать», он вышел так же быстро, как вошел.

К. Х. Данишевский:

Мятежный отряд Попова к 9 часам вечера 6 июля был сосредоточен в районе Трехсвятительского переулка. В его распоряжении было около 2 тысяч пехотинцев, 4—8 орудий, 60 пулеметов, бомбометы и ручные гранаты.

В ночь на 7 июля советские части железным кольцом охватили этот район (храм Христа Спасителя, Арбатская пл., Кремль, Страстная пл., Советская пл., затем Лубянская пл.). Латышские стрелковые части перешли в распоряжение Московского городского военкомата (военные комиссары тт. Берзин, Пече); временно по ВЧК тов. Дзержинского заменял тов. Петерс. Штабом руководил Муралов, всеми операциями — Подвойский (начальник войск гарнизона) и начальник Латышской стрелковой дивизии Вацетис.

Электрическую станцию отстояла рота 9-го Латышского стрелкового полка.

А. М. Николаев:

Владимир Ильич всегда остро реагировал на перебои в работе связи (телефона, телеграфа, радио). Портился ли телефон, обрывался ли прямой провод — это вызывало у Владимира Ильича большой гнев. Из всех средств связи

особое внимание и предпочтение оказывал Владимир Ильич радиотехнике...

Отряд Попова занял телефонную станцию. Меня из Кремля отправили с Латышским отрядом ее отбить. Мы отправились на грузовиках с пулеметами к телефонной станции; назвавшись левыми эсерами, мы «сменили» отряд поповцев и засели на станции. После препирательств я заставил старшего инженера Коробова выключить всю станцию. У меня был на руках список важнейших «наших» телефонов, врученный мне в Кремле тов. Подбельским. По этому списку мы начали включать один за другим телефоны. Первый телефон, который после выключения всей станции был «оживлен», — это телефон Владимира Ильича в его переговорной будке. Звоню туда... Слышу «алло» Владимира Ильича. Докладываю ему о занятии станции и сообщаю, что пока работает только его телефон, все остальные молчат. «Немедленно включайте по списку наши телефоны. Включайте Московский штаб». Я сообщаю Владимиру Ильичу свой телефон и проверяю по списку, как идет включение «наших» телефонов. Комиссар станции Пупко, бывший эсер, начинает бузить. Я его удаляю со станции. Звонит Владимир Ильич:

«Товарищ Николаев, эсеры заняли телеграф. Немедленно свяжитесь с Ходынской радиостанцией и дайте циркулярное распоряжение от имени Совнаркома по всем приемным радиостанциям, что бандиты заняли Центральный телеграф... Считать все телеграфные распоряжения с такого-то часа провокационными».

И. И. Вацетис:

Вторая встреча с Лениным состоялась, как было условлено, 7 июля в два часа ночи. Со мною был Подвойский. Встреча произошла там же, где и предыдущая. Я ждал, стоя у того же кресла, возле которого стоял в первый раз. Ленин вышел из той же двери и так же быстро подошел ко мне. Я сделал несколько шагов ему навстречу и отрапортовал: «Не позднее двенадцати часов дня 7 июля мы будем в Москве полными победителями».

Ленин обеими руками схватил мою руку, очень крепко пожал и произнес: «Благодарю, товарищ, вы меня очень обрадовали». Он пригласил меня сесть, сам сел рядом и попросил рассказать, что происходит в городе и каково состояние вражеских и наших войск.

П. Д. Мальков:

Ночь прошла тревожно. Подвойский стягивал к району Покровских ворот войска, охватывал морозовский особняк широким плотным кольцом. По Маросейке, Ильинке, Солянке с грохотом катились артиллерийские орудия.

Всю ночь от передвигавшихся войск, из районов города поступали донесения. Левых эсеров выбили из ЧК, из Центрального телеграфа. Среди ночи ко мне привели левозеровского комиссара телеграфа, у которого мы обнаружили копию пресловутой телеграммы: «Приказов Ленина и Свердлова не исполнять».

Я пошел с этой бумажкой к Ильичу. Всю ночь Владимир Ильич не смыкал глаз, всю ночь в его кабинете кипела напряженная работа.

Прочитав копию телеграммы, Владимир Ильич протянул ее Якову Михайловичу, находившемуся здесь же:

— Полюбуйтесь, какая самоуверенность, какая наглость. Да, да, наглость!

С утра наши части перешли в наступление. Загрохотала артиллерия. Снаряды начали рваться во дворе морозовского особняка. При первых же разрывах среди мятежников поднялся неимоверный переполох. В штаб наступающих войск отправилась делегация с сообщением, что мятежники готовы сдаться на определенных условиях.

— С предателями Советской России ни в какие переговоры не вступаем, — ответил Подвойский. — Условие одно: безоговорочная капитуляция, немедленное освобождение Дзержинского, Лациса, Смидовича и других товарищей. Все!

В. Д. Бонч-Бруевич:

Начало светать, и бледные тени замаячили над сонной, серой, пыльной Москвой. Мы все пошли по Кремлю и поднялись на стену. Владимир Ильич пристально вглядывался туда, где, как можно было предполагать, засели эсеры, точно хотел разглядеть и их, и наши войска, уже подступавшие к этому району. Вот-вот они должны были начать действовать. Прискакал ординарец с сообщением на имя Владимира Ильича, где говорилось, что эсеры окружены, что сейчас начнется артиллерийский огонь.

— Наконец-то!..— вырвалось у всех облегченно, и невольно мы оглянулись туда, в туманную даль, прислушиваясь к тишине, чуть-чуть нарушаемой какими-то неизвестными шумами.

И вот наконец что-то грохнуло и пропало в предрастветной тишине. Небо алено далекой багряной полоской на серо-синем горизонте.

Мы напряженно прислушивались — и больше ни звука.

— Неужели этим дело и кончится?

И. И. Вацетис:

Наступление советских войск началось согласно отданному боевому приказу и вначале развивалось вполне успешно. Утром 7 июля был густой туман, покрывший город серой непроницаемой завесой. Видеть вперед можно было шагов на 15—20, а отличить своих от противника было совершенно невозможно, так как и те и другие были в сером. Наши войска теснили противника по всему фронту и к 9 часам сошлись совсем близко. На всем фронте завязалась ружейная и пулеметная стрельба. Время от времени левозсеровская батарея бросала снаряды по различным направлениям.

Москва превратилась в боевое поле. Публика, невзирая на праздничный день, на улицу не выходила...

Комбриг Дудин находил наше положение крайне тяжелым и сомневался в возможности открытого штурма средствами одних только пехотных частей. Этот вопрос занимал меня с самого утра, и я строил различные проекты планов насчет того, как расправиться с восставшими и выполнить обещание, данное Ленину. В конце концов в связи с донесениями комбрига Дудина я принял следующее решение, а именно: разгромить артиллерийским огнем резиденцию левозсеровского правительства (ЦК левых эсеров.— *Ред.*), расположенного в особняке Морозова, после чего перейти в общую атаку...

Один из первых пущенных снарядов влетел в окно и разорвался в соседней комнате с той, где заседало левозсеровское правительство. Это последнее, охваченное паникой, обратилось в бегство.

Вдогонку было выпущено еще около десяти снарядов шрапнелью и картечью. Всего израсходовано 17 снарядов.

Оглушительные разрывы гранат произвели ошеломля-

тощее воздействие на заседание, участники которого моментально бросились на улицу и, спасаясь от картечи, разбежались в разные стороны.

К. Х. Данишевский:

Рано на рассвете, в 5—6 часов, 7 июля начался артиллерийский обстрел штаба левых эсеров. Судьба безумного мятежа была решена. К 11 часам эсеры были отовсюду загнаны в Трехсвятительский переулок. В 12 часов начинается паника в штабе мятежников. Они отступают на Курский вокзал по Дегтярному переулку, а также на Сокольники.

В 13 часов 7 июля Владимир Ильич дает телефонограмму районным Совдепам Москвы:

*Телефонограмма В. И. Ленина
всем районным Советам Москвы*

Предписывается всем районным Совдепам и рабочим организациям немедленно выслать как можно больше вооруженных отрядов, хотя бы частично рабочих, чтобы ловить разбегающихся мятежников.

Обратить особое внимание на район Курского вокзала, а затем на все прочие вокзалы. Настоятельная просьба организовать как можно больше отрядов, чтобы не пропустить ни одного из бегущих.

Арестованных не выпускать без тройной проверки и полного удостоверения непричастности к мятежу.

*Телефонограмма Московскому Совету
7 июля 1918 г.*

Передать всем волостным, деревенским и уездным Совдепам Московской губернии.

Разбитые банды восставших против Советской власти левых эсеров разбегаются по окрестностям. Убегают вожди всей этой авантюры. Принять все меры к поимке и задержанию дерзнувших восстать против Советской власти. Задерживать все автомобили. Везде опустить шлагбаумы на шоссе. Возле них сосредоточить вооруженные отряды местных рабочих и крестьян. Есть сведения, что один бро-

невик, который был у восставших, бежал за город. Принять все меры к задержанию этого броневика.

Председатель Совнаркома *Ленин*

П. Д. Мальков:

К полудню сопротивление мятежников было окончательно сломлено. Последние группы складывали оружие. Во двор особняка ворвался патруль красноармейцев. Навстречу вышли Дзержинский, Лацис, Смидович и другие большевики, ведя за собою собственных сторожей, добровольно сдавшихся своим пленным. Мятеж левых эсеров был ликвидирован.

*Из ответа В. И. Ленина
по прямому проводу К. А. Мехоношину*

7 июля 1918 г.

Я не сомневаюсь, что безумно-истеричная и провокационная авантюра с убийством Мирбаха и мятежом центрального комитета левых эсеров против Советской власти оттолкнет от них не только большинство их рабочих и крестьян, но и многих интеллигентов. Весь мятеж ликвидирован в один день полностью. Арестованных много сотен человек...

Ленин

Н. К. Крупская:

8 июля V съезд Советов постановил исключить из Советов левых эсеров, солидаризирующихся с мятежом 6—7 июля. 10 июля съезд принял Советскую Конституцию и закончил свою работу.

К. Х. Данишевский:

Безусловно, Владимир Ильич весьма остро воспринял гнусное предательство левых эсеров, их удар в спину рабочему государству. Но внешне Ленин был спокоен. Только по крайней бледности лица, особому грозному блеску глаз, угловатым быстрым движениям, когда он задавал вопросы и особенно когда получал не удовлетворяющие его ответы, можно было судить о том внутреннем горении, которое переживал Владимир Ильич...

Июльский мятеж левых эсеров в Москве не являлся единичным изолированным контрреволюционным событием того времени. Левые эсеры стремились поднять восстание повсюду. Их контрреволюционные выступления совпадали по времени с активизацией интервенционистских намерений Антанты, что превращало левых эсеров в буквальном смысле слова в прямых агентов империалистов в борьбе против рабоче-крестьянской республики, против пролетарской революции.

В ночь на 10 июля началось восстание в Ярославле. В то же время англичане заняли Кемь, Сороку и двинулись на Мурманск.

Была сделана также попытка поднять мятеж в Нижегородской губернии — в Арзамасе, Муроме.

С. И. Гоннер:

15 июля 1918 года нас, членов ВЦИК, известили об экстренном заседании ВЦИК. Заседания ВЦИК чаще всего устраивались тогда в большом зале гостиницы «Метрополь». Перед открытием заседания нам сказали, что Ленин сделает важное сообщение. Нам бросилось в глаза, что Ленин вопреки своей обычной стремительности поднимался на трибуну очень медленно. Казалось, он сильно устал.

С затаенным дыханием члены ВЦИК выслушали его известное заявление по поводу предложения германского правительства ввести в Москву вооруженный батальон под предлогом охраны германского посольства.

Из речи В. И. Ленина

*и правительственного заявления на заседании ВЦИК
15 июля 1918 г.*

Вчера, 14 июля, в 11 часов вечера, народного комиссара по иностранным делам посетил исполняющий должность германского дипломатического представителя доктор Рицлер и сообщил ему содержание только что полученной им из Берлина телеграммы, в которой германское правительство поручает ему просить о согласии русского правительства на допущение батальона германских солдат в военной форме для охраны германского посольства и о скорейшей доставке этих солдат в Москву.

При этом было прибавлено, что всякие оккупационные цели далеки от германского правительства.

Народный комиссар по иностранным делам, по соглашению с председателем Совета Народных Комиссаров, ответил, что народные массы России желают мира, что русское правительство готово дать германскому посольству, консульству и комиссиям вполне достаточную и надежную охрану из своих собственных войск, но что оно не может ни в коем случае согласиться на допущение в Москву иностранной военной части, твердо надеясь при этом, что германское правительство, одушевленное тем же желанием мира, не будет настаивать на своем пожелании.

Действительно, это обращение к русскому правительству находится в полном противоречии с заявлением имперского канцлера в рейхстаге о том, что несчастное убийство графа Мирбаха не поведет к ухудшению отношений между обеими странами...

Я считаю своим долгом поэтому сделать следующее правительственное заявление:

«Правительство Советской республики прекрасно сознавало, заключая Брестский мир, какую тяжелую задачу пришлось рабочим и крестьянам России, в силу сложившегося тогда международного положения, взять на себя. Воля подавляющего большинства IV съезда Советов была вполне ясна: трудящиеся классы требовали мира, нуждаясь в отдыхе для работы, организации социалистического хозяйства, для собирания и укрепления сил, надорванных мучительной войной...

Бессмысленная и преступная авантюра левых эсеров привела нас на волосок от войны. Отношения наши к германскому правительству, вопреки нашему желанию, не могли не обостриться. Признавая законность желания германского правительства усилить охрану своего посольства, мы шли и идем далеко для удовлетворения этого желания.

Но когда нам было сообщено желание германского правительства, не носящее еще характера безусловного требования, чтобы мы пропустили в Москву батальон вооруженных немецких войск в форме, то мы ответили — и повторяем теперь этот ответ перед лицом высшего органа Советской власти рабочих и крестьян, перед лицом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, — что подобного желания мы ни в коем случае и ни при каких условиях удовлетворить не можем, ибо это было бы, объективно, началом оккупации России чужеземными войсками».

ВСЕ ДЛЯ ФРОНТА, ВСЕ ДЛЯ ПОБЕДЫ!

И. И. Вацетис:

В середине лета 1918 года РСФСР оказалась почти в кольце окружения. На западе и юге — германская интервенция, гетманская Украина, армия контрреволюционного донского казачества. На востоке — фронт большой гражданской войны. На севере крейсировала враждебная антантовская эскадра, подготавливая десантную операцию в Мурманске и Архангельске. Советская территория сузилась до пределов бывшего Московского государства середины XVI столетия.

М. С. Кедров:

Июль 1918 года. Гроза интервенции нависла над Архангельским краем. Мурман уже удушен союзниками, очередь за Архангельском и Вологдой, где с наглой откровенностью готовится при деятельном участии иностранных миссий переворот. В тылу подняла голову контрреволюция и вспыхивают белокулацкие восстания в Ярославле, Муроме, Владимире. Не сегодня завтра будет нанесен последний удар на Севере, и замкнется железное кольцо вокруг рабочей республики. А у нас нет реальной силы, которую мы можем противопоставить наглому врагу.

Еду с докладом в Москву. На Северном вокзале встречает меня специально посланный Ильичем товарищ с сообщением, что тов. Ленин ждет меня. Десяток минут спустя нахожусь в Кремле, в кабинете Ильича. Владимир Ильич в очень хорошем настроении.

Когда я докладываю, он то и дело вставляет какое-нибудь лукавое словцо и слегка подшучивает надо мной. Но не только подшучивает.

Он уже все обнял, взвесил, решил... В его шуточках нетрудно прочесть и указание на то, что не все сделано как надо, и совет, и наставление для будущего...

Если интервенция близка, то необходимо располагать немного большей боевой силой, нежели 30 имеющихся в моем распоряжении латышских стрелков.

— Да и хотелось бы также день-два отдохнуть, — добавил я.

При последних словах Владимир Ильич громко рассмеялся.

— А, передышку запросил! — заметил Ильич, и я видел, что он на таковую согласен.

Было решено предоставить мне некоторую воинскую часть, также несколько орудий и пулеметов, с которыми я через два-три дня выехал на Архангельск.

И, находясь в пути на Архангельск и участвуя в первых стычках со вторгшимися в край англо-французами, я держал связь с Кремлем и чувствовал невидимую руку, которая направляла и руководила всеми военными операциями.

На одной из станций Владимир Ильич через Бонч-Бруевича по прямому проводу запрашивает о перевороте в Архангельске и дает совет.

«Закрыто ли устье Двины, — говорится в телеграмме, — не является ли необходимым произвести заграждение последней где-нибудь далее, выполнены ли задания взорвать два ледокола в устье Двины при наступлении, возможность наступления по Двине, а также не знаете ли, выведены ли пароходы из Северной Двины и, вообще, осветите положение настоящих минут»...

В первую же неделю продвижение англо-французов в глубь страны было приостановлено, и непосредственная угроза занятия Вологды устранена. Но вновь открывшемуся фронту грозила другая опасность: развалиться от отсутствия продовольствия и боевого снаряжения.

Телеграммы не имели действия. Довольствующие управления саботировали снабжение.

Я снова выехал за помощью к Ильичу, захватив с собой управделами Эйдука.

Рано утром следующего за выездом дня мы были уже в Москве. Немедленно с вокзала явились в Кремль.

Ильич встретил нас, сверх всякого ожидания, очень гневно.

Но в его гневе чувствовалось доброе, товарищеское отношение.

— Как можно было оставлять в такое время фронт?.. Теперь все дело развалится.

— Позвольте, Владимир Ильич! Ничего не может случиться.

Распекая нас, не хотел выслушивать никаких оправданий.

— Мало того, что сами уехали, да еще его с собой при-

хватали,— указывая на Эйдука, немного смягчаясь, говорил Ильич.

— Оставили на фронте одних мальчишек! Хороших дел натворят они там...

Я улучил момент и, захлебываясь, одним залпом передал, что в Обозерской организован штаб, что на фронте нам лично сейчас делать нечего, что предполагаем перенести штаб фронта в Вологду и что всего двое суток решили потерять, чтобы при содействии Ильича сломить наблюдающийся саботаж и волокиту.

— Как это двое суток? — перебил Ильич. — Когда вы выехали? Когда будете на месте?

Ответил.

— Все-таки не нужно было ехать, могли бы написать обо всем... Что же вам нужно? — уже спокойно спросил Ильич.

Я прочитал по записке длинный список предметов, в которых ощущалась острая нужда.

*В Высший военный совет **

Немедленно дать просимое;
сегодня же отправить из Москвы;

дать мне тотчас *имена* 6 генералов (бывших) (и адреса) и 12 офицеров генштаба (бывших), отвечающих за точное и аккуратное выполнение этого приказа, предупредив, что будут расстреляны за саботаж, если не исполнят.

М. Д. Бонч-Бруевич должен мне письменно тотчас через самокатчика ответить на это.

Председатель СНК *В. Ульянов (Ленин)*.

М. С. Кедров:

— Непременно сегодня выезжайте,— передавая записку, заметил Ильич и затем, прощаясь, сказал: — Если что нужно будет, пишите!

В тот же день на заседании Высшего военного совета, когда состоялось назначение меня командующим фронтом и я собирался уходить, тов. Склянский дружески задержал меня:

— Владимир Ильич поручил мне взять с вас подписку, что вы больше не будете приезжать в Москву без его решения.

* Написано 9 августа 1918 г.

На лице его играла свойственная ему усмешечка.

— Выдумываете! — категорически объявил я.

— Нисколько, дословно передаю распоряжение, — еще раз подтвердил он.

Мне стало обидно. Я считал безусловно необходимым выезд в Москву.

— Не приехал бы, — сказал я раздраженно, — больше вреда причинил бы фронту.

Указание Ильича принял к руководству, но подписки о невыезде не дал.

Весь остаток дня меня грызла мысль, что в интересах фронта должен был так поступить и что, видимо, не сумел достаточно убедительно обосновать мотивы выезда.

С дороги отправил Владимиру Ильичу письмо, в котором сообщал, что, несмотря на мощную его поддержку и исключительное впечатление, произведенное в военных управлениях его запиской, удалось получить только небольшую часть.

— Если бы не выехал, — упорствовал я, — фронт не получил бы и этого. Польза приезда налицо, и напрасно Владимир Ильич встретил меня так немилостиво.

Два дня спустя (12/VIII 1918 года) Владимир Ильич ответил телеграммой. В ней он не упоминает больше об этом случае, предоставив мне считать себя правым, и возвращается к первому моему приезду в Москву, описанному выше.

*Телеграмма В. И. Ленина **

Секретная

Вологда
Губисполком, Кедрову

Вред Вашего отъезда доказан отсутствием руководителя в начале движения англичан по Двине.

Теперь Вы должны усиленно наверстывать упущенное, связаться с Котласом, послать туда летчиков немедленно и организовать защиту Котласа во что бы то ни стало.

Предсовнаркома *Ленин*

* Написано 12 августа 1918 г.

В скором времени после эсеровского восстания в Москве меня вызвал Я. М. Свердлов, чтобы поговорить насчет поездки в Пензу. Во время нашего разговора в кабинет вошел Владимир Ильич. Таким я его еще не видала... Крайне утомленный, подавленный вид Владимира Ильича производил удручающее впечатление. Поздоровавшись как-то механически и узнав, о чем идет речь, обратился ко мне:

— Если возможно, поезжайте, так необходима твердая рука. Но дело трудное: в пятнадцати верстах фронт, губерния охвачена кулацкими восстаниями...

И, извинившись, что должен помешать нам, так как спешит, заговорил со Свердловым о другом.

Но, закончив разговор, снова обратился ко мне и заговорил о том, какое тяжелое положение создается сейчас в стране, как трудна будет борьба с эсерами... Высказывал опасения, что Петроград и Москва могут остаться без хлеба, если эсерам удастся поднять кулачество. Говорил Владимир Ильич отрывочными фразами, без обычного огонька, точно делился тяжелыми, мучительными думами...

При прощании на слова Я. М. Свердлова: «Убедите Евгению Богдановну ехать в Пензу» — устало ответил:

— Что убеждать?.. Если не может, нужно подыскать твердого человека...

Вид Владимира Ильича и предыдущие беседы с ним смели всякие колебания, и я поспешила заявить, что хоть сейчас готова ехать, тем более что на этой работе я уже имею украинский опыт.

Владимир Ильич снова присел и, информируя о положении в губернии, указывал, на что он считает необходимым обратить особое внимание... просил сообщить, чем можно помочь из Москвы, и чтоб со всеми нуждами обращались в Совнарком «и требуйте от нас, *настаивайте* на срочном выполнении», и, кончая, несколько раз повторил:

— Обязательно сейчас же телеграфируйте мне, в каком положении найдете губернию...

Прощаясь, Владимир Ильич еще раз напомнил, чтобы я не забыла прислать телеграмму и требования, и прибавил:

— Обещаю быть аккуратным в исполнении и сделать даже невозможное, если этого потребует успех работы.

И Владимир Ильич сдержал свое обещание.

Пензенская губерния в этот период являлась одной из важнейших губерний по снабжению хлебом и продовольствием Москвы и Петрограда. В Пензе находилась наша экспедиция заготовления государственных бумаг, в пятнадцати верстах от города — чехословацкий фронт, и эсеры, начавшие вооруженную борьбу против Совета Народных Комиссаров, перебросили сюда свои значительные силы, которые разбросали в полосе фронта и по волостям с целью поднять крестьянство...

А еще через несколько дней прибыли из Петрограда пятьдесят коммунистов, рабочих, с первого дня Октябрьского переворота работавших в различных советских учреждениях, вслед за ними тридцать пять партработников, часть — московских районных работников, часть — прибывших из провинции в распоряжение ЦК партии.

После этого легко удалось не только ликвидировать восстание в пяти волостях, совершенно не применяя вооруженной силы, но и предупредить возможность новых восстаний.

После двух недель пребывания в Пензе, пользуясь спокойствием в губернии, я поехала в Москву с рядом неотложных дел в отдельные комиссариаты, которые не только плохо обслуживали губернию, но не считали даже нужным отвечать на срочные запросы. И, бесполезно промыкавшись два дня и не получив ни единого положительного ответа, решила идти к В. И. Ленину за поддержкой.

Владимир Ильич сейчас же принял, не заставив ожидать и трех минут (в комиссариате же мне приходилось тратить от одного часа до двух на ожидания приема у наркома), и встретил укоризненным покачиванием головы — зачем приехала. Почему не прислала ему копии телеграмм, отправленных в комиссариаты?

Объясняю, что не считала возможным затруднять его мелочами.

Владимир Ильич вспылил:

— Не считаете возможным!.. Хотите новых восстаний и без хлеба оставить рабочих... В вашем распоряжении прямой провод, телеграф, живые люди, которых вы можете в любое время прислать ко мне со всеми требованиями... Сейчас же, немедленно поезжайте обратно и копии всех требований направляйте мне... — И, сразу смягчившись, убеждающим тоном и с нескрываемым беспокойством до-

бавил: — Лучше не приезжайте. Теперь не следует и на час оставлять губернию.

Все имевшиеся у меня дела были решены в течение каких-нибудь десяти — пятнадцати минут. Владимир Ильич слушал, задавал вопросы, высказывал свое мнение, спрашивал мое и тут же немедленно, по каждому решенному вопросу, давал распоряжения секретарю, звонил по телефону, писал записки и давал мне указания, как действовать в комиссариатах...

С. И. Аралов:

Часто по утрам я ездил в Кремль к Владимиру Ильичу и более подробно докладывал об обстановке на фронтах. Владимир Ильич подходил к карте России, висевшей на печке (на ручке дверцы заслонки), и я показывал и объяснял, что произошло на фронтах за прошедшие сутки или более продолжительное время. Владимир Ильич требовал подробных объяснений причин неудач, отступлений, спрашивал, что нами предпринято для исправления создавшегося положения, посланы ли подкрепления. Тут же он давал указания, советы, критиковал нас; иногда во время этих докладов присутствовал Я. М. Свердлов.

Раз я докладывал Владимиру Ильичу о том, что некоторые отряды не выполняют боевых приказов. Владимир Ильич заметил тогда: «Строгую дисциплину вводите! Расхлябанность поведет к поражению, добивайтесь выполнения приказов, беспощадно наказывайте нарушителей, предавайте трибуналу слушников. — А потом, прищурившись хитро, посмотрел на меня и добавил:

— А может быть, на месте виднее, когда надо отступить или, наоборот, идти вперед?.. Вы далеко, не видите настоящей обстановки». — И вновь повторил, с чего начал: «Без дисциплины ни одна армия в мире не может существовать. Нашей Красной Армии надо добиваться сознательной дисциплины, ибо величайшая легла на нас честь быть первой социалистической армией в борьбе с мировым империализмом... Чтобы защитить социалистическое отечество, иметь возможность защитить, мы должны иметь крепкую дисциплинированную армию».

Л. А. Фотиева:

Осенью 1918 г. в связи с замедлением наших военных успехов на Восточном фронте и рядом неудач на Южном фронте ЦК РКП(б) разослал циркулярное письмо ко всем членам партии, комиссарам, командирам и красноармейцам. В этом письме, разработанном при ближайшем участии Ленина, говорилось:

«Нужно железной рукой заставить командный состав, высший и низший, выполнять боевые приказы ценою каких угодно средств. Не нужно останавливаться ни перед какими жертвами для достижения тех высоких задач, которые сейчас возложены на Красную Армию... Ни одно преступление против дисциплины и революционного воинского духа не должно оставаться безнаказанным».

Ленин учил мужеству, стойкости, презрению к смерти, требовал беспощадной расправы с нытиками и паникерами, с дезертирами и трусами. Он неоднократно указывал, что слабость, нерешительность, трусость в критические минуты могут привести к предательству, независимо от воли данного лица. Нужно внушить каждому рабочему, каждому бойцу и командиру в отдельности, что от его храбрости, решительности и преданности зависит в конечном счете окончание войны.

Вместе с тем Ленин призывал к всемерной помощи Красной Армии и помощи раненому красноармейцу:

«...Все наши трудности и мучения — ничто по сравнению с тем, что выпало на долю раненому красноармейцу, проливающему кровь на защиту рабочей и крестьянской власти...» — писал Ленин в журнале «Раненый красноармеец».

В Высший военный совет

10 августа 1918 г.

В. секретно

В собственные руки М. Д. Бонч-Бруевичу

Считаю необходимым всячески усилить Восточный фронт. Предлагаю Высшему военному совету разработать план снятия с Западного фронта *наибольшего* числа частей. План этот надлежит провести в кратчайший срок. Должны пойти все боеспособные части. Железные дороги

получат предписание немедленно пропустить уже идущие части на фронт и будут всемерно готовиться к принятию и перевозке новых.

Предлагаю Высшему военному совету следить за правильностью и быстротой выполнения нарядов железными дорогами. О промедлениях председателю Высшего военного совета докладывать мне.

Ответственность за скорейшее исполнение плана возлагаю на Высший военный совет.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин)

С. С. Каменев:

Оценка всех фронтов и принятие решения, какой из фронтов должен быть ликвидирован в первую очередь, являлись задачей первейшего значения по тому времени. Правильное решение этого вопроса, по существу, определяло всю дальнейшую ликвидацию белогвардейщины. Под руководством Владимира Ильича эта труднейшая задача была решена.

Восточному фронту была предоставлена первоочередность.

М. К. Тер-Арутюнянц:

Летом 1918 года, начиная с июня месяца, в Баку сложилась очень трудная обстановка: германское командование, пользуясь предательством грузинских меньшевиков и их сепаратизмом, направило турецкие войска, поддержанные немецкими частями, для захвата Баку и бакинских нефтяных промыслов, чтобы выкачать нефть для Германии. К захвату Баку стремилось и командование английских войск, расположенных в Персии (Иране). В Баку образовался сильный антисоветский блок в лице азербайджанской буржуазно-помещичьей партии «Мусават», правых эсеров и армянской буржуазно-националистической партии «Дашнакцутюн». В такой обстановке Бакинская коммуна, руководимая С. Г. Шаумяном, чрезвычайным комиссаром по делам Кавказа, нуждалась в военной поддержке из Центральной России. Поэтому С. Г. Шаумян в письмах к В. И. Ленину, давая оценку положения в Баку и вообще в Закавказье, просил о помощи главным образом военного характера. Владимир Ильич

дал мне задание организовать максимальную военную помощь Баку.

Руководствуясь ленинскими директивами, я принял все меры, чтобы обеспечить Бакинскую коммуну достаточным количеством артиллерийских орудий, пулеметов, винтовок, броневишков, боеприпасов и обмундирования. Кроме того, из Кронштадта через Мариинскую систему и Волгу в Каспийское море были направлены миноносцы и несколько небольших военных кораблей.

В письме в Комиссариат по морским делам в июле 1918 года я просил кроме миноносца срочно доставить в Каспийское море и на реку Куру в распоряжение военноморского отдела Бакинского Совнаркома 8—10 судов с моторными двигателями типа катеров «Никсон» или охранных катеров типа «Стационар»...

Владимир Ильич требовал, чтобы я ежедневно в определенные часы по телефону докладывал ему о помощи Баку, а в необходимых случаях приезжал к нему и лично докладывал о препятствиях, тормозивших выполнение его указаний.

Помню был такой случай: я доложил Владимиру Ильичу, что начальник Главного артиллерийского управления затягивает под разными предлогами срочную отправку в Баку оружия и боеприпасов. Владимир Ильич по телефону потребовал от него объяснений; они не удовлетворили Владимира Ильича, и он сказал:

— Если к завтрашнему дню требуемое оружие не будет отправлено в Баку в распоряжение С. Г. Шаумяна, то я вас пошлю на Лубянку к Ф. Э. Дзержинскому.

Это оказало свое действие: оружие и боеприпасы были отправлены в Баку на следующий день.

В стиль работы Владимира Ильича входил обязательный контроль за исполнением. Ленин всегда находил время, чтобы лично проверить, выполняются ли распоряжения и как именно выполняются...

А. Я. Аросев:

В острые моменты колебаний многие из нас обращались за последним словом к Владимиру Ильичу.

Часто можно было слышать в разговорах товарищей:

— А вы говорили с Ильичем?

— Нет.

— Напрасно, посоветуйтесь.

И товарищ, мучимый тем или иным вопросом или сомнением, отправлялся к Ленину. Самое замечательное вот что: трудно было назвать такого из членов нашей партии, который по какому угодно вопросу побоялся бы к нему пойти. Я знаю многих товарищей, которые не боялись высказывать Ленину самые серьезные свои сомнения.

— Ильичу ничего не страшно сказать,— говорили они.

И это верно. Больше того: после первых двух слов разговора с ним собеседник чувствовал необычайную простоту и свободу.

Он выслушает все сомнения, разложит их на ладони, взвесит, покажет сомневающемуся. Глаза у него сделаются веселыми, и вдруг он станет как будто ближе к собеседнику. Будто стол, чернильница, лампа на столе, бумаги — все это пропало. Перед собеседником один только Ленин. И начнет он, близкий, по-хорошему, так просто и коротко отвечать, и при этом в ответе его всегда попадают слова, которыми он наказывает за сомнение.

РОКОВОЙ ДЕНЬ

Б. М. Волин:

Одно время Московский комитет партии практиковал «пятничные митинги». По пятницам члены ЦК партии и ВЦИК, наркомы и члены МК партии и многие другие руководящие работники получали путевки МК РКП(б) на одно или два выступления перед трудящимися. Ни с кем МК не согласовывал заранее своих путевок, ни у кого из товарищей он не спрашивал их согласия.

Такие путевки, наравне с другими, получал систематически и Владимир Ильич.

Сохранилась путевка на подобный «пятничный митинг», полученная Лениным. Вот она:

«Товарищу Ленину. Начало 6½ час.

Путевка

на митинг 30-го августа 1918 г.

тема: «Две власти» (Диктатура рабочих и диктатура буржуазии).

1) Здан. б. Хлебной биржи, Гавриковская пл., Басманный р.

2) Зав. Михельсон, Щипок, Замоскворецкий район».

Ленину и в голову не приходило, что можно отказаться от выполнения задания МК партии, поручив, например, сво-

ему секретарю сообщить об этом подписавшему путевку. Ленин был образцом партийной дисциплинированности, никто, как он, не понимал всей важности регулярных выступлений перед трудящимися — партийными или беспартийными людьми, рабочими, крестьянами, красноармейцами, интеллигенцией.

Однажды в какой-то мартовский вечер — хорошо помню, что это была ранняя холодная весна, — я отправился по путевке МК выступать перед краснопресненскими текстильщицами в зале бывшего «шикарного» купеческого ресторана «Яр», что был на Петроградском шоссе (несколько лет тому назад это здание было переоборудовано в гостиницу «Советская»). Зал был переполнен тепло одетыми работницами — было сыро, холодно, не все громадные окна были застеклены, тускло мерцало несколько привешенных к потолку запыленных лампочек.

Я уже говорил довольно долго. Вдруг весь зал заволновался и стал восторженно рукоплескать. Я машинально обернулся. В полутени сцены слева от меня, у стены, стояли Владимир Ильич и Мария Ильинична. Я смолк и подался несколько назад, уступая место Ленину.

— Нет, нет, товарищ Волин, — приблизившись ко мне, громко сказал Владимир Ильич. — Продолжайте и заканчивайте ваш доклад, но только заканчивайте по-настоящему.

В зале раздался смех.

Я пробормотал несколько слов, вроде того, что говорю уже давно. Что мне оставалось делать? Я закончил доклад совсем не «по-настоящему», а «закруглил» его, как теперь говорят.

Тогда вперед вышел Ленин, в пальто, с шапкой в руке. Снова раздались восторженные аплодисменты и возгласы работниц. Извинившись за опоздание, Владимир Ильич начал говорить и под радостный гул тысячной женской аудитории закончил свою небольшую речь.

Мы вышли вместе. Владимир Ильич предложил мне сесть к ним в машину, чтобы довезти меня до Московского Совета. По пути выяснилось, что по ошибке работника МК мы оба получили путевки на один и тот же митинг. При чем он до этого где-то по той же путевке уже выступал на одном митинге, чем и объяснялось его запоздание.

П. Д. Мальков:

День 30 августа 1918 года начался скверно. Из Петрограда было получено мрачное известие — убит Моисей Соломонович Урицкий, кандидат в члены ЦК РКП(б), председатель Питерской ЧК. Всех, кто близко знал Урицкого, тяжело потрясла весть о его гибели. Феликс Эдмундович сразу же выехал в Петроград, чтобы лично руководить расследованием.

С. К. Гиль:

В те дни Владимир Ильич почти ежедневно выезжал на многолюдные открытые митинги. Проходили они на заводах, фабриках, площадях, в военных частях. Случалось, что Ленин в течение одного дня выступал на двух-трех митингах.

Митинги были открытые в буквальном смысле слова: ворота предприятий, где они происходили, были широко распахнуты для всех и каждого. Больше того: у ворот вывешивались огромные плакаты с гостеприимным приглашением посетить митинг, на котором выступит с речью Ленин.

Жизнь Владимира Ильича по несколько раз в день подвергалась смертельной опасности. Эта опасность усугублялась еще тем, что Владимир Ильич категорически отказывался от какой бы то ни было охраны. При себе он никогда не носил оружия (если не считать крошечного браунинга, из которого он ни разу не стрелял) и просил меня также не вооружаться. Однажды, увидев у меня на поясе наган в кобуре, он ласково, но достаточно решительно сказал:

— К чему вам эта штука, товарищ Гиль? Уберите-ка ее подальше!

Однако револьвер я продолжал носить при себе, хотя тщательно скрывал его от Владимира Ильича. Наган находился у меня под рубашкой за поясом, без кобуры.

В тот роковой день — 30 августа 1918 года — мы совершили с Владимиром Ильичем несколько выездов. Побывали уже на Хлебной бирже, где состоялся митинг. Народу собралось очень много. Владимир Ильич выступил, по обыкновению, с большой и горячей речью.

*Из речи В. И. Ленина на митинге в Басманном районе
30 августа 1918 г.*

Краткий газетный отчет

Отброшенные Октябрьским восстанием в сторону, отмененные от революции, соглашатели принялись за свою обычную работу на Украине, Кавказе, в Сибири, на Волге. Они, наконец, добились того, что Советы в этих местах свергнуты и большевистские деятели отданы на растерзание чехословацких наймитов и российских белогвардейцев.

И что же мы видим в этих местах, на развалинах Советов? Полное торжество капиталистов и помещиков, стон и проклятия в среде рабочих и крестьян. Земля отдана дворянам, фабрики и заводы их прежним владельцам. Восьмичасовой рабочий день уничтожен, рабочие и крестьянские организации упразднены, а на их место восстановлены царские земства и старая полицейская власть.

Пусть каждый рабочий и крестьянин, кто еще колеблется в вопросе о власти, посмотрит на Волгу, на Сибирь, на Украину, и тогда ответ сам собой придет — ясный и определенный. (Бурные, долго не прерывающиеся овации.)

С. К. Гиль:

Часов в шесть вечера мы покинули Хлебную биржу и поехали на завод бывший Михельсона, на Серпуховской улице. На этом заводе мы бывали и раньше несколько раз.

Владимир Ильич был спокоен, ровен, как всегда, только иногда озабоченно щурил глаза и морщил лоб. И неудивительно! Этот день был у него особенно занят. Утром — прием в Совете Народных Комиссаров, затем — совещание, за ним — только что состоявшийся митинг, после него — другой митинг, куда мы мчались, а через два часа в кабинете Ильича должно было начаться под его председательством заседание Совета Народных Комиссаров.

Когда мы въехали во двор, митинг на заводе Михельсона еще не начался. Все ждали Ленина. В обширном гранатном цехе собралось несколько тысяч человек. Как-то получилось, что никто нас не встречал: ни члены завкома, ни кто-либо другой.

Владимир Ильич вышел из автомобиля и быстро направился в цех.

Н. Я. Иванов:

Подходя к трибуне, Владимир Ильич снял пальто, бросил его на руку, поднялся на трибуну, положил пальто и кепку на стол и повернулся к залу:

— Здравствуйте, товарищи!

Мы долго аплодировали.

Начали кричать:

— Слово Ленину!

Тогда я объявил:

— Слово предоставляется Владимиру Ильичу Ульянову-Ленину.

Из речи В. И. Ленина на митинге на заводе бывш. Михельсона

30 августа 1918 г.

Краткий газетный отчет

Согласитесь, что обещать свободу рабочим и одновременно оставлять дворцы, землю, фабрики и все богатства в руках капиталистов и помещиков — не пахнет что-то свободой и равенством. У нас же один только лозунг, один девиз: всякий, кто трудится, тот имеет право пользоваться благами жизни. Тунеядцы, паразиты, высасывающие кровь из трудящегося народа, должны быть лишены этих благ. И мы провозглашаем: все — рабочим, все — трудящимся!

Мы знаем, как все это трудно провести, знаем бешеное сопротивление со стороны буржуазии, но верим в конечную победу пролетариата, ибо, раз он мог выйти из чудовищных бедствий военной империалистской угрозы и водрузить на развалинах разрушенного им здания — здание социалистической революции, он не может не победить.

И, действительно, всюду идет сплочение сил. Благодаря отмене нами частной собственности на землю, происходит теперь живое объединение пролетариата города и деревни. Прояснение классового сознания рабочих все рельефнее вырисовывается также и на Западе. Рабочие Англии, Франции, Италии и других стран все больше обращаются с воззваниями и требованиями, свидетельствующими о близком торжестве дела всемирной революции. И наша задача дня: презрев все лицемерные, наглые выкрики и причитания разбойничьей буржуазии, творить свою рево-

люционную работу. Мы должны все бросить на чехословацкий фронт, чтобы раздавить всю эту банду, прикрывающуюся лозунгами свободы и равенства и расстреливающую сотнями и тысячами рабочих и крестьян.

У нас один выход: победа или смерть!

Н. Я. Иванов:

Рабочие горячо поддержали Владимира Ильича. Послышались возгласы:

— Мы, как один, направимся на фронт на защиту нашей революции!

Раздалось громкое «ура». На трибуну посыпались записки от товарищей.

Владимир Ильич обратил внимание на грудку записок, лежащих на столе, и потом сказал мне:

— На эти записки я должен ответить, хотя очень топлюсь на заседание Совнаркома.

С. К. Гиль:

Я развернул машину и поставил ее к выезду со двора, шагах в десяти от входа в цех.

Несколько минут спустя ко мне приблизилась женщина в коротком жакете, с портфелем в руке. Она остановилась подле самой машины, и я смог рассмотреть ее. Молодая, худощавая, с темными возбужденными глазами, она производила впечатление не вполне нормального человека. Лицо ее было бледно, а голос, когда она заговорила, едва заметно дрожал.

— Что, товарищ, Ленин, кажется, приехал? — спросила она.

— Не знаю, кто приехал, — ответил я.

Она нервно засмеялась и сказала:

— Как же это? Вы шофер и не знаете, кого везете?

— А я почему знаю? Какой-то оратор — мало ли их ездит, всех не узнаешь, — ответил я спокойно.

Я всегда соблюдал строжайшее правило: никогда никому не говорить, кто приехал, откуда приехал и куда поедет дальше.

Она скривила рот и отошла от меня. Я видел, как она вошла в помещение завода.

Мелькнула мысль: «Что она ко мне привязалась? Такая настойчивая!» Но так как любопытствующих узнать,

кто приехал, бывало всегда много, иногда даже обступали машину со всех сторон, то я не обратил особого внимания на поведение и слова этой женщины.

Спустя примерно час из завода вышла первая большая толпа народу — главным образом рабочие — и заполнила почти весь двор. Я понял, что митинг кончился, и быстро завел машину. Владимира Ильича еще не было.

Через несколько минут во дворе появилась новая большая толпа народа, впереди нее шел Владимир Ильич. Я взялся за руль и поставил машину на скорость, чтобы можно было двинуться в любую секунду.

Направляясь к машине, Владимир Ильич оживленно разговаривал с рабочими. Они засыпали его вопросами, он приветливо и обстоятельно отвечал и, в свою очередь, задавал какие-то вопросы. Очень медленно подвигался он к автомобилю. В двух-трех шагах от машины Владимир Ильич остановился. Дверка была открыта кем-то из толпы.

Владимир Ильич разговаривал с двумя женщинами. Речь шла о провозе продуктов. Я хорошо расслышал его слова:

— Совершенно верно, есть много неправильных действий заградительных отрядов, но это все, безусловно, устранится.

Разговор этот длился две-три минуты. По бокам Владимира Ильича стояли еще две женщины, немного выдвинувшись вперед. Когда Владимир Ильич хотел сделать последние шаги к подножке машины, вдруг раздался выстрел.

Н. Я. Иванов:

Вдруг люди, которые шли за Ильичем, бросились обратно в корпус с криком: «Стреляют!» Мне было трудно пробраться через толпу. Я бросился прямо с трибуны в ближайшее окно и выскочил во двор. Увидел около машины лежащего Владимира Ильича.

С. К. Гиль:

Я в это время смотрел на Владимира Ильича. Моментально повернул я голову по направлению выстрела и увидел женщину — ту самую, которая час назад расспрашивала меня о Ленине. Она стояла с левой стороны машины, у переднего крыла, и целилась в грудь Владимира Ильича.

Раздался еще один выстрел. Я мгновенно застопорил мотор, выхватил из-за пояса наган и бросился к стрелявшей. Рука ее была вытянута, чтобы произвести следующий выстрел. Я направил дуло моего нагана ей в голову. Она заметила это, рука ее дрогнула, и в ту же секунду раздался третий выстрел. Третья пуля, как потом выяснилось, попала в плечо одной из стоявших там женщин.

Еще миг, и я бы выстрелил, но злодейка, стрелявшая в Ленина, кинула свой браунинг мне под ноги, быстро повернулась и бросилась в толпу по направлению к выходу. Кругом было много народу, и я не решился стрелять ей вдогонку: можно было убить кого-нибудь из рабочих.

Я ринулся за ней и пробежал несколько шагов, но тут в голове мелькнула мысль: «А как же Владимир Ильич?.. Что с ним?» Я остановился. Несколько секунд стояла страшная мертвая тишина. Потом вдруг раздался голоса со всех сторон: «Убили! Ленина убили!» Вся толпа разом бросилась со двора догонять убийцу. Образовалась страшная давка. Я обернулся к автомобилю и замер: Владимир Ильич лежал на земле в двух шагах от машины. Я бросился к нему. За эти секунды битком набитый двор опустел, а стрелявшая скрылась в толпе.

Я опустился перед Владимиром Ильичем на колени, наклонился к нему. Какое счастье: Ленин был жив, он даже не потерял сознания.

— Поймали его или нет? — спросил он тихо, думая, очевидно, что в него стрелял мужчина.

Говорил Владимир Ильич с трудом, изменившимся голосом, с каким-то хрипом. Я сказал ему:

— Не говорите, вам тяжело...

Вместе с товарищами из заводского комитета — один оказался из военного комиссариата — мы помогли Владимиру Ильичу подняться на ноги. Он сам, с нашей помощью, прошел оставшиеся несколько шагов до машины. Мы помогли ему подняться на подножку автомобиля, и он сел на заднее сиденье, на обычное свое место.

Раньше чем сесть за руль, я остановился и посмотрел на Владимира Ильича. Лицо его было бледно, глаза полужакрыты. Весь он притих. Сердце сжалось у меня, как от физической боли, к горлу подступило что-то... С этой минуты он стал для меня особенно близким и дорогим, как становятся нам дороги родные люди, которых мы вдруг можем навеки потерять.

Но размышлять было некогда, надо было действовать. Жизнь Владимира Ильича должна быть спасена!

Двое товарищей сели в машину: один со мной, другой рядом с Ильичем. Я поехал в Кремль очень быстро, как только позволяла дорога.

По пути я несколько раз оглядывался на Владимира Ильича. Он с половины дороги откинулся всем туловищем на спинку сиденья, но не стонал, не издавал ни одного звука. Лицо его становилось все бледнее. Товарищ, сидевший внутри, немного поддерживал его. Въезжая в Троицкие ворота, я не остановился, а только крикнул часовым: «Ленин!» — и проехал прямо к квартире Владимира Ильича.

Чтобы не привлекать внимание людей, проходивших и стоявших неподалеку от парадных дверей дома, где жил Владимир Ильич, я остановил машину у боковых дверей, за аркой.

М. И. Ульянова:

С нетерпением караулю у окна возвращение знакомой машины. Вот наконец она несется как-то особенно быстро. Но что это? Шофер соскакивает и открывает дверцы. Этого никогда раньше не бывало. Ильича выводят из автомобиля какие-то незнакомые люди. Он без пальто и без пиджака, идет, опираясь на товарищей. Бегу вниз по лестнице и встречаю их уже поднимающихся наверх. Ильич очень бледен, но идет сам, поддерживаемый с двух сторон.

С. К. Гиль:

— Мы вас внесем, Владимир Ильич...

Он наотрез отказался.

Мы стали просить и убеждать его, что ему трудно и вредно двигаться, особенно подниматься по лестнице, но никакие уговоры не помогли, и он твердо сказал:

— Я пойду сам...

И, обращаясь ко мне, прибавил:

— Снимите пиджак, мне так легче будет идти.

Я осторожно снял с него пиджак, и он, опираясь на нас, пошел по крутой лестнице на третий этаж. Поднимался он совершенно молча, я не слышал даже вдоха. На лестнице нас встретила Мария Ильинична. Мы провели Владимира Ильича прямо в спальню и положили на кровать.

Мария Ильинична очень тревожилась.

— Звоните скорей! Скорей! — просила она меня.

Владимир Ильич приоткрыл глаза и спокойно сказал:

— Успокойся, ничего особенного... Немного ранен в руку.

Из другой комнаты я позвонил управляющему делами Совета Народных Комиссаров Бонч-Бруевичу и стал ему рассказывать о случившемся. Он едва дослушал меня — надо было, не теряя ни секунды, принимать меры.

В. Д. Бонч-Бруевич:

Я бросился к телефонной трубке.

— Скорей! Скорей! Несчастье... — кричал кто-то в телефон искаженным, рыдающим голосом.

— Ранен, убит?..

— Ранен, ранен...

— Владимир Ильич?

— Да, — кричал мне товарищ Гиль, бессменный шофер Владимира Ильича, — скорей, скорей!

П. Д. Мальков:

Я работал у себя в комендатуре, как вдруг тревожно, надрывно затрещал телефон. В трубке послышался глухой, прерывающийся голос Бонч-Бруевича:

— Скорее подушки. Немедленно. Пять-шесть обыкновенных подушек. Ранен Ильич... Тяжело...

Ранен Ильич?.. Нет! Это невозможно, этого не может быть!

— Владимир Дмитриевич, что же вы молчите? Скажите, рана не смертельна? Владимир Дмитриевич!..

Отшвырнув в сторону стул и чуть не сбив с ног вставшего навстречу дежурного, я вихрем вылетел из комендатуры и кинулся в Большой дворец. Там, в гардеробной Николая II, лежали самые лучшие подушки.

Л. А. Фотиева:

В этот вечер в зале Совнаркома собрались члены Совета Народных Комиссаров на очередное заседание, которое в связи с выступлением Владимира Ильича на митинге было назначено на 9 часов вместо 8½. Когда ровно в 9 часов Владимира Ильича еще не было, всех охватила

тревога. Время шло, тревога нарастала. И вдруг чудовищная вестъ: Ильича привезли домой раненым. С непреодолимой силой потянуло к нему. Обычно запертые двери в квартиру раскрыты настежь.

Часовой растерянно стоит в стороне у окна. Вместе с членами Совнаркома я вошла в квартиру Ленина.

А. Н. Винокуров:

Я в это время был в Совете Народных Комиссаров в Кремле, ожидая открытия заседания. Владимир Ильич обычно аккуратно, без опоздания, являлся на заседания Совнаркома, и мы были удивлены, почему его так долго нет.

Вдруг меня вызывают из зала заседания в квартиру Владимира Ильича (квартира находилась рядом с залом заседания Совнаркома) для оказания ему медицинской помощи (я врач).

Когда я пришел в спальню Владимира Ильича, я нашел его раздевающимся у кровати. Он имел столько сил и выдержки, что сам поднялся на третий этаж, дошел до кровати и стал сам раздеваться.

Он был бледен как полотно. Я немедленно уложил его в постель, снял с него сюртук, жилет и рубашку и, оказав ему первую помощь (наложил асептическую повязку, дал возбуждающих капель и др.), немедленно велел вызвать наркомздрава тов. Семашко и заведующего Моссдравотделом Обуха.

В то время подошла, насколько помню, покойная Вера Михайловна Бонч-Бруевич (тоже врач). Ввиду того что положение Владимира Ильича было очень тяжелое, пульса у него почти не было, были сильные боли, мы немедленно, не ожидая консилиума, сделали подкожное впрыскивание морфия и затем для поднятия пульса подкожное впрыскивание камфоры. Все это подняло силы Владимира Ильича.

В. Д. Бонч-Бруевич:

...Прибежала Вера Михайловна, и когда мы вошли с ней к Владимиру Ильичу, то я заметил в нем сильную перемену к худшему: он был без сознания, лицо сделалось смертельно бледным и подернулось каким-то матовым, землистым цветом.

Вера Михайловна сказала мне, что от страшной боли у него может быть коллапс, т. е. может остановиться сердце, и что необходимо немедленно выпрыснуть морфий.

Н. К. Крупская:

Во 2-м МГУ у нас шло совещание по народному образованию. За два дня перед тем на нем выступал Ильич. Заседание шло к концу, и я собралась ехать домой, взялась подвезти одну знакомую учительницу, жившую в Замоскворечье. Меня ждал кремлевский автомобиль, но шофер был какой-то незнакомый. Он повез нас к Кремлю, я сказала ему, что мы сначала отвезем нашу спутницу; шофер ничего не сказал, но у Кремля остановил машину, открыл дверцу и высадил мою спутницу. Я диву далась, чего это он так распоряжается, хотела разворчаться, но мы подъехали к нашему подъезду, во двор ВЦИК, там встретил меня т. Гиль, шофер, всегда ездивший с нами, стал рассказывать, что он возил Ильича на завод Михельсона и что там женщина стреляла в Ильича, легко его ранила. Видно было, что он подготавливает меня. Вид у него был расстроенный очень. «Вы скажите только, жив Ильич или нет?» — спросила я. Гиль ответил, что жив, я заторопилась. У нас в квартире было много какого-то народу, на вешалке висели какие-то пальто, двери непривычно были раскрыты настежь. Около вешалки стоял Яков Михайлович Свердлов, и вид у него был какой-то серьезный и решительный. Взглянув на него, я решила, что все кончено. «Как же теперь будет», — обронила я. «У нас с Ильичем все сговорено», — ответил он. «Сговорено, значит, конечно», — подумала я. Пройти надо было маленькую комнатушку, но этот путь мне показался целой вечностью. Я вошла в нашу спальню. Ильичева кровать была выдвинута на середину комнаты, и он лежал на ней бледный, без кровинки в лице. Он увидел меня и тихим голосом сказал минуту спустя: «Ты приехала, устала. Поди ляг». Слова были несуразны, глаза говорили совсем другое: «Конец». Я вышла из комнаты, чтобы его не волновать, и стала у двери так, чтобы мне его было видно, а ему меня не было видно. Когда была в комнате, я не заметила, кто там был, теперь увидела: не то вошел, не то раньше там был — около постели Ильича стоял Анатолий Васильевич Луначарский и смотрел на Ильича испуганными и жало-

стливыми глазами. Ильич ему сказал: «Ну, чего уж тут смотреть».

Наша квартира превратилась в какой-то лагерь, хлопотали около больного Вера Михайловна Бонч-Бруевич и Вера Моисеевна Крестинская, обе врачихи. В маленькой комнате около спальни устраивали санитарный пункт, принесли подушки с кислородом, вызвали фельдшеров, появилась вата, банки, какие-то растворы.

С. К. Гиль:

Случилось так, что, передавая друг другу пузырек с нашатырным спиртом, его уронили и разбили. Комната быстро наполнилась острым запахом нашатыря. Владимир Ильич вдруг очнулся и сказал:

— Вот хорошо...

Он вздохнул и опять забылся. Очевидно, нашатырь его освежил, а морфий несколько успокоил боль.

Появился профессор Минц. Не здороваясь ни с кем, не теряя ни одной секунды, он прямо подошел к Владимиру Ильичу, взглянул ему в лицо и отрывисто сказал:

— Морфий!

— Уже впрыснут,— ответила Вера Михайловна.

Профессор Минц, одетый в белый медицинский халат, измерил обоими указательными пальцами расстояние ранок на руке Владимира Ильича, на минуту задумался и быстрыми гибкими пальцами стал ощупывать его руку и грудь. Лицо профессора выражало недоумение.

В комнате стояла мертвая тишина, присутствующие затаили дыхание. Все ожидали решающих слов профессора. Минц изредка тихо говорил:

— Одна в руке... Где другая? Крупные сосуды не тронуты. Другой нет. Где же другая?..

Вдруг глаза профессора сосредоточенно остановились, лицо застыло. Отшатнувшись и страшно побледнев, он стал торопливо ощупывать шею Владимира Ильича.

— Вот она!

Он указал на противоположную, правую сторону шеи. Доктора переглянулись, многое стало им ясно. Воцарилось гнетущее молчание. Все без слов понимали, что случилось что-то страшное, может быть, непоправимое. Минц очнулся первый:

— Руку на картон! Нет ли картона?

Нашелся кусок картона. Минц быстро вырезал из него подкладку и положил на нее раненую руку.

— Так будет легче, — объяснил он.

А. Н. Винокуров:

Вскоре явились Семашко и Обух, а за ними и специалисты (хирург Минц и терапевт Туманов), которые осмотрели ранение и установили диагноз.

Одна пуля раздробила Владимиру Ильичу плечевую кость, произведя перелом кости. Другая пуля вошла сзади со стороны лопатки, пробила легкое, вызвав сильное кровотечение в плевру и засела спереди шеи под кожей.

Особенно опасно было второе ранение. Пуля прошла мимо самых жизненных центров: шейной артерии, шейной вены, нервов, поддерживающих деятельность сердца. Ранение одного из этих органов грозило неминуемой смертью, и каким-то чудом-случаем пуля не задела их. Здесь же проходит пищевод, и было опасение, не ранен ли он, что также грозило большой опасностью для жизни нашего вождя...

Н. К. Крупская:

Ранение Владимира Ильича взволновало не только все партийные организации, но и широчайшие массы рабочих, крестьян, красноармейцев: как-то особенно ярко осознали, чем был для революции Ленин. С волнением следили все за появившимися в газетах бюллетенями об его здоровье.

Вечером 30 августа за подписью Свердлова от имени партии было выпущено сообщение о покушении на Ленина. В сообщении говорилось: «На покушения, направленные против его вождей, рабочий класс ответит еще большим сплочением своих сил, ответит беспощадным массовым террором против всех врагов революции».

В. Н. Розанов:

Раннее утро. Меня подняли с постели, сказав, что нужно ехать в Кремль на консультацию к Председателю Совета Народных Комиссаров Владимиру Ильичу Ленину, которого ранили вечером и которому стало теперь хуже. Ехал с каким-то напряженным чувством той громадной ответственности, которую на тебя возлагают этим участи-

ем в консультации у Ленина, того Ленина, который возглавляет всю нашу революцию, направляет и углубляет ее. Сложное это было чувство; за давностью времени * кое-что уже стерлось, но, кроме этой напряженности, очевидно, здесь была и доля любопытства — поглядеть поближе на вождя народа, может быть, некоторое чувство робости...

Небольшая комната, еще полумрак. Обычная картина, которую видишь всегда, когда беда с больным случилась внезапно, вдруг: растерянные, обеспокоенные лица родных и близких — около самого больного, подальше стоят и тихо шепчутся тоже взволнованные люди, но, очевидно, уж не столь близкие к больному. Группой с одной стороны около постели раненого врачи: В. М. Минц, Б. С. Вейсброд, В. А. Обух, Н. А. Семашко — все знакомые. Минц и Обух идут ко мне навстречу, немного отводят в сторону и шепотом коротко начинают рассказывать о происшествии и о положении раненого; сообщают, что перебито левое плечо одной пулей, что другая пуля пробила верхушку левого легкого, пробила шею слева направо и засела около правого грудино-ключичного сочленения. Рассказывали, что Владимир Ильич, после ранения привезенный домой на автомобиле, сам поднялся на третий этаж и здесь уже в передней упал на стул. За эти несколько часов после ранения произошло ухудшение как в смысле пульса, так и дыхания, слабость нарастающая.

Рассказав это, предложили осмотреть больного.

Сильный, крепкий, плотного сложения мужчина; бросилась в глаза резкая бледность, цианотичность губ, очень поверхностное дыхание. Беру Владимира Ильича за правую руку, хочу пощупать пульс, Владимир Ильич слабо жмет мою руку, очевидно здороваясь, и говорит довольно отчетливым голосом: «Да, ничего, они зря беспокоятся». Я ему на это: «Молчите, молчите, не надо говорить». Ищу пульс и, к своему ужасу, не нахожу его, порой он попадает, как нитевидный. А Владимир Ильич опять что-то говорит, я настойчиво прошу его молчать, на что он улыбается и как-то неопределенно машет рукой. Слушаю сердце, которое сдвинуто резко вправо, — тоны отчетливые, но слабоватые. Делаю скоро легкое выстукивание груди, — вся левая половина груди дает тупой звук. Очевидно, громадное кровоизлияние в левую плевральную полость, которое и сместило так далеко сердце вправо. Легко

* Воспоминания написаны в 1924 г. — *Ред.*

отмечается перелом левой плечевой кости, приблизительно на границе верхней трети ее с серединой. Это исследование, хотя и самое осторожное, безусловно очень болезненное, вызывает у Владимира Ильича только легкое поморщивание, ни малейшего крика или намека на стоны...

Пульс восстановился только через двое суток, то есть стал таковым, что его можно было назвать удовлетворительным. Через четыре дня общее состояние настолько улучшилось, что позволительно было подумать о том, чтобы приняться за правильное лечение перебитой руки.

Опасность инфекции как будто миновала, и могучая натура Владимира Ильича стала быстро справляться с громадным кровоизлиянием в плевру. Выпот быстро всасывался, сердце возвращалось к нормальному положению, дышать больному становилось все легче и легче, а нам, врачам, становилось все труднее и труднее: дело в том, что, как только Владимир Ильич стал чувствовать себя лучше, как только у него поокреп голос, заставить его быть спокойным, заставить его не шевелиться, не разговаривать, заставить его поверить нам, что опасность еще не миновала, представлялось совершенно невозможным: он хотел и работать, и быть в курсе всех дел.

С. К. Гиль:

В первую же ночь после покушения выяснились некоторые подробности этого события.

Стрелявшая Фанни Каплан оказалась членом бандитской группы эсеров-террористов. Руками этой же злодейской шайки были убиты в Петрограде Урицкий и Володарский.

После выстрелов во Владимира Ильича покушавшаяся выбежала вместе с толпой со двора завода. Люди бежали, не зная сначала, кто стрелял во Владимира Ильича. Сметавшись с толпой, террористка рассчитывала незаметно скрыться. На улице, неподалеку от завода, ее ожидал рысак. Но воспользоваться рысаком ей не удалось. Ребятишки, бывшие во дворе во время покушения, гурьбой бежали за Каплан и кричали, указывая на нее:

— Вот она! Вот она!

Благодаря сметливости ребятишек удалось задержать убийцу. Несколько человек догнали ее у трамвайной стрелки и привели на заводской двор. Толпа была возмущена, многие рвались к ней с угрожающим видом, она

была бы тут же растерзана, но группа рабочих сдерживала натиск. Кто-то увещевал:

— Что вы делаете, товарищи? Ее надо допросить!
Через час бандитка Каплан была уже в ВЧК.

В. Д. Бонч-Бруевич:

Поздно ночью пришел тов. Козловский, которому как члену коллегии Комиссариата юстиции было поручено произвести первый допрос эсерки Каплан, поднявшей руку на вождя всемирного революционного пролетариата.

Козловский рассказал, что Каплан производит впечатление крайне серого, ограниченного, нервновозбужденного, почти истерического человека. Держит себя растерянно, говорит несвязно и находится в подавленном состоянии. Козловский сказал, что, несомненно, это дело рук организации эсеров, хотя Каплан и отрицает это, и что здесь ясна связь с петербургскими событиями (убийство Володарского, Урицкого), и что, конечно, можно ожидать и других выступлений. Подробности картины покушения Козловский еще не знал, так как следственные власти только что собирали на месте преступления все материалы.

К глубокой ночи стала выявляться политическая сторона всего этого события. Совершенно ясно стало, что на власть диктатуры пролетариата ведется атака со стороны всех контрреволюционных элементов, кто бы они ни были. Здесь все были заодно: и белогвардейцы, и кадеты, и эсеры, и представители иностранных держав. Ясно, что был провозглашен белый террор против представителей рабоче-крестьянской власти. На удар необходимо было ответить в сто раз сильнее ударом. На белый террор — красным террором.

Другого исхода не было и не могло быть. Все то сдержанное отношение, которое до сего времени проявляли представители Советской рабочей власти ко многим явным противникам диктатуры пролетариата и тем, кто плелся за ними якобы из-за каких-то теоретических разногласий с большевиками, а на самом деле по прямому сродству с элементами реакции и контрреволюции, — должно было быть прекращено.

ИЛЬИЧ СНОВА НА ПОСТУ

Б. С. Вейсброд:

Находясь у постели тяжело раненного Ильича после злодейского выстрела эсерки Каплан, когда лишь случайный и счастливый поворот головы спас его от смерти, мы, врачи, естественно, испытывали чувство волнения и острой тревоги за жизнь человека, ради которого каждый из трудящихся охотно пожертвовал бы своей жизнью.

Видя и чувствуя это, он старался приободрить нас, уверить, что ему лучше, что он не нуждается в чрезмерном внимании врачебного персонала.

— Что вы сидите около меня, разве у вас нет дела в больнице? — говорил Владимир Ильич.

Ленин быстро выздоравливал, и о его состоянии ежедневно извещали страну специальные бюллетени. Волны народного беспокойства и любви стучались в двери комнаты, где шла борьба за жизнь вождя. В тысячах запросов и телефонных звонков у нас требовали новых и новых ответов и сообщений. Никогда не забыть мне момента, когда Владимир Ильич, взяв очередной медицинский бюллетень о своем здоровье, собственной рукой сделал на нем приписку о том, что чувствует себя хорошо и просит не беспокоить врачей излишними запросами.

И тут сказалось его стремление избавить ухаживающих за ним людей от излишнего труда и хлопот.

Когда состояние Владимира Ильича стало значительно лучше, я стал отлучаться в 1-ю Градскую больницу, где тогда работал. Владимир Ильич проявлял живой интерес к делам больницы. Он расспрашивал о ее состоянии, достаточно ли продуктов для питания больных, где и как мы их раздобывали.

Едва почувствовав себя сносно, Ленин стал пренебрегать советами врачей и возобновил напряженную работу.

М. И. Ульянова:

Улучшение продолжается медленно, постепенно. Первая опасность миновала. Но может быть еще заражение. Надо подождать четвертого, пятого дня. А потом, как трудно удержать Ильича в постели! Как он внушает в отсутствие врачей, что не надо уж очень-то их слушать, что надо подобрать газеты за время его болезни. Все — чтобы

ни одного номера не пропало. Дать их ему или прочесть вслух.

Первое время врачи, сестра и санитар дежурят круглые сутки. Но дело все больше идет на улучшение. Ильичу позволяют садиться. Скоро он решает, что уже достаточно силен, и начинает понемногу ходить. И лишь тотчас приехавшие врачи, припугнувшие его, что с сердцем может быть плохо, несколько сдерживают его путешествия. Сдерживает несколько и сломанная рука. Наконец и ходить можно.

Н. К. Крупская:

Надежды врагов Советской власти не оправдались. Ильич выжил. Заключение врачей каждый день становилось все оптимистичнее. Они и все окружающие Ильича повеселели. Ильич шутил с ними. Ему запрещали двигаться, а он втихомолку, когда никого не было в комнате, пробовал подниматься. Хотелось ему скорей вернуться к работе. Наконец, 10 сентября было сообщено в «Правде» о том, что опасность миновала, а Ильич сделал приписку, что так как он поправляется, то просит не беспокоить врачей звонками с вопросами о его болезни.

В. Д. Бонч-Бруевич:

На другой день в кабинете Владимира Ильича произошло событие, характерное для Владимира Ильича. Часов в десять он пришел в кабинет и сейчас же принялся за просмотр газет. Не более как через полчаса ко мне раздался тревожный его звонок, повторенный несколько раз. Предполагая, что что-нибудь случилось дурное, я со всех ног бросился в кабинет.

Вхожу, вижу: Владимир Ильич сильно побледнел, встречает меня взволнованным взглядом и с упреком говорит мне:

— Это что такое? Как же вы могли допустить?.. Смотрите, что пишут в газетах?.. Читать стыдно. Пишут обо мне, что я такой, сякой, все преувеличивают, называют меня гением, каким-то особым человеком, а вот здесь какая-то мистика... Коллективно хотят, требуют, желают, чтобы я был здоров... Так, чего доброго, пожалуй, доберутся до молебнов за мое здоровье... Ведь это ужасно!.. И откуда это? Всю жизнь мы идейно боролись против возвели-

чивания личности, отдельного человека, давно порешили с вопросом героев, а тут вдруг опять возвеличивание личности! Это никуда не годится. Я такой же, как и все... Лечат меня прекрасные доктора. Чего же больше?... Массы не пользуются таким вниманием, таким уходом, лечением, мы еще не успели дать им все... А тут стали меня так выделять... Ведь это же ужасно!

Р. В. Борисова:

2 сентября, почти перед самым началом боя, я привезла в штаб Чапаева весть, полученную по телеграфу, что Владимиру Ильичу стало чуть-чуть легче. На летучем митинге бойцов я передала им эту ободряющую весть. Сжимая винтовки, чапаевские бойцы клялись отомстить всем врагам революции за рану любимого Ленина. Свое слово они сдержали. В том бою чапаевцы дрались с невиданной силой. Они уничтожили отряды белых, во много раз превосходившие их численностью и вооружением.

Дьюла Варга:

30 августа на одном из митингов Ленин призвал рабочих и крестьян отдать все силы на поддержку фронта. «У нас один выход: победа или смерть!» — сказал он. После этого митинга одна эсерка совершила злодейское покушение на Ленина, и он был тяжело ранен.

После этого злодейского покушения Тибор Самуэли выступил в органе Венгерской группы РКП(б) газете «Рнадо» («Тревога») с боевым призывом. Самуэли призвал венгерских военнопленных взяться за оружие и помочь ликвидировать угрозу, нависшую над социалистической революцией. В ней Самуэли писал: «Или достигнем намеченной цели, или погибнем вместе с русской революцией, с которой мы связали свою жизнь, судьбу, все свое будущее!»

В это время мы в составе интернационального отряда Красной Армии сражались с белогвардейскими офицерскими бандами на Волге. Весть о злодейском покушении на Ленина взбудоражила нас. Будем бороться до последнего патрона, до последнего вдоха, решили мы, во что бы то ни стало уничтожим белые банды, свергнем эсеровское «правительство» Поволжья. С мыслью о тяжело раненном Ленине мы решили немедленно освободить его родной го-

род Симбирск, недалеко от которого тогда находились. Через десять дней после покушения на Ленина мы наголову разгромили части генерала Каппеля, а 12 сентября после ожесточенного сражения взяли Симбирск. В тот же день мы отправили тов. Ленину следующую телеграмму: «Дорогой Владимир Ильич! Взятие Вашего родного города — это ответ на Вашу одну рану, а за вторую — будет Самара!»

Телеграмма В. И. Ленина Пензенскому губисполкому и Реввоенсовету I Армии

Москва, 22.IX. 1918 г.

Взятие Симбирска — моего родного города — есть самая целебная, самая лучшая повязка на мои раны. Я чувствую небывалый прилив бодрости и сил. Поздравляю красноармейцев с победой и от имени всех трудящихся благодарю за все их жертвы.

В. Д. Бонч-Бруевич:

Когда Владимир Ильич начал поправляться после ранения и стал уже выходить в свой кабинет в Совнарком, какие-то враждебные силы стали распространять ложные слухи по Москве о том, что Владимир Ильич умер. В Управление делами Совета Народных Комиссаров, можно сказать, беспрерывно звонили с разных сторон с одним и тем же вопросом: как здоровье Владимира Ильича? Не ухудшилось ли его состояние? А некоторые прямо спрашивали: да жив ли он?..

Я решил обдумать, как сделать, чтобы народ мог увидеть Владимира Ильича. Спросив у врачей, когда можно будет Владимиру Ильичу выступить на каком-либо митинге, я получил строгий ответ, что не раньше как через три месяца. Следовательно, надо было снять Владимира Ильича в кино...

Условились сделать это очень важное дело поскорей, чтобы потом составить и размножить ленту для кино во многих экземплярах и таким образом показать повсюду рабочим Владимира Ильича на прогулке в Кремле.

С. К. Гиль:

Ответственные сотрудники Совета Народных Комиссаров решили тайком от Ленина заснять его на кинолентку.

Ильич только что оправился после ранения, и было важно показать народу, что Владимир Ильич здоров и бодр.

Съемки были поручены опытному кинооператору. Ему предложили заснять Владимира Ильича так, чтобы он этого не заметил. Все знали, что иначе из всей затеи ничего не получится. Ильич ни за что не согласится сниматься для кино.

Был солнечный день, когда было решено осуществить «операцию». Главный кинооператор и его помощники разместились в разных уголках Кремля по маршруту асфальтовой дорожки, а также у Царь-пушки и у здания арсенала. Здесь намечалась прогулка Владимира Ильича.

Сопровождал Ленина В. Д. Бонч-Бруевич, управляющий делами Совнаркома и старый друг Ильича. Бонч-Бруевич старался увлечь Владимира Ильича разговором, дабы тот не заметил наведенных на него аппаратов.

В. Д. Бонч-Бруевич:

Мы бодро шли, и я старался занять Владимира Ильича разговорами, чтобы отвлечь его внимание от окружающей обстановки, так как я знал, что в это время со всех сторон из-за углов кинооператоры стараются уловить каждый шаг, каждое движение Владимира Ильича.

С. К. Гиль:

Когда съемки были наполовину сделаны, Ленин круто повернулся, чтобы вернуться в свой кабинет, и вдруг заметил кинооператоров с их треножниками.

— Что это? — недоуменно спросил Владимир Ильич. — Куда они бегут? И что это у них за плечами? Погодите, да ведь это киношники!

Бонч-Бруевич не мог отпираться и подтвердил, что это действительно «киношники».

— Так это меня снимать вздумали? Вот еще что! Кто им разрешил? И почему меня не предупредили?

— Очень просто, Владимир Ильич, вы не согласились бы сниматься, а это совершенно необходимо.

Н. К. Крупская:

Владимир Ильич, приступив к работе, окунулся сразу в самую гущу продовольственных вопросов, принял ак-

тивное участие в выработке декрета об обложении сельских хозяев натуральным налогом, но сразу же почувствовал, что повседневная напряженная административная работа ему еще не по силам, и согласился поехать на пару недель отдохнуть за город.

П. Д. Мальков:

Когда Ленин выздоравливал после ранения, Мария Ильинична рассказала мне, как она упрашивала Владимира Ильича отдохнуть. Несмотря на подорванное здоровье, Ленин отклонил ее советы. Ленин ответил, что об этом сейчас не может быть и речи. Работы так много, что он не может пожертвовать лично для себя ни одной минуты.

Вскоре Яков Михайлович сказал мне, что Владимиру Ильичу необходимо обеспечить серьезный отдых, на чем настоял ЦК, а для этого нужно подыскать помещение за городом, где никто не мог бы беспокоить Ленина. Вместе с одним из работников комендатуры мы объезжали подмосковные места и о результатах поездок докладывали Свердлову...

Объездив пригороды и дачные места и осмотрев ряд особняков, мы остановились на имении бывшего московского градоначальника Рейнбота в Горках. Дом там был в полном порядке, хотя и несколько запущен. Поблизости от дома стоял небольшой флигелек.

Результаты поисков доложили Якову Михайловичу. Он одобрил наш выбор и велел подготовить Горки к переезду Ильича.

Г. Я. Лозгачев-Елизаров:

Горки!

Расположенное километрах в 25—30 к югу от Москвы в направлении Каширы, в нескольких километрах от железнодорожной линии Москва — Саратов, имение «Горки» было в свое время собственностью известного фабриканта Морозова; впоследствии, в качестве приданого его дочери, оно перешло в руки московского градоначальника А. А. Рейнбота, который и был его последним хозяином.

Все внутреннее убранство и обстановка большого барского дома были сохранены в абсолютной неприкосновенности — вся эта старинная с бронзовыми украшениями вычурная мебель, обитая дорогим шелком, тяжелые гобеле-

новые занавеси, зеркала, часы с бронзовыми скульптурными украшениями на мраморных каминах, портреты неведомых морозовских предков, картины и гравюры времен 1812 года, античные статуэтки из белоснежного мрамора, большая библиотека...

Естественно, что привыкшему к простоте в быту Владимиру Ильичу не очень-то по душе была вся эта барская обстановка: для себя он облюбовал самую меньшую по размерам комнату. Видимо, желая особо подчеркнуть, что Горки для него являются не более как временным пристанищем, что богатый дом и его мебель не принадлежат ему ни в какой мере и чужды ему по духу, Владимир Ильич наказал всем домашним: ни одного предмета в доме не переносить из комнаты в комнату и, по возможности, не менять его постоянного местоположения. Этот наказ аккуратно выполнялся, насколько мне известно.

Владимир Ильич был в восхищении от прекрасного тенистого парка с окружающими его рощами и лугами. Устраивала вполне близость живописной реки Пахры, пейзажи которой удивительно напоминали картины Левитана. Устраивала, наконец, и возможность за 35—40 минут добраться в автомобиле до Кремля, при необходимости. Это, пожалуй, было наиболее важным для Владимира Ильича.

Отдыхая в Горках, Владимир Ильич много гулял, набираясь сил, но много и работал, писал. Раны заживали, и нетерпеливый пациент, следуя советам врачей, упражнял больную руку, развивая ее в плече.

Л. А. Фотиева:

Отойдя на время от сутолоки повседневной оперативной работы, В. И. Ленин вел в Горках большую теоретическую работу. Он писал свой бессмертный труд «Пролетарская революция и ренегат Каутский», который вошел в золотой фонд марксизма-ленинизма.

Из книги В. И. Ленина

«Пролетарская революция и ренегат Каутский»

Вышедшая недавно в Вене брошюра Каутского «Диктатура пролетариата» (Wien, 1918, Ignaz Brand, стр. 63) представляет из себя нагляднейший пример того полнейшего и позорнейшего банкротства II Интернационала, о

котором давно говорят все честные социалисты всех стран. Вопрос о пролетарской революции становится теперь практически в порядок дня в целом ряде государств. Поэтому разбор ренегатских софизмов и полного отречения от марксизма у Каутского является необходимым...

В сущности, основная теоретическая ошибка Каутского в его брошюре о диктатуре пролетариата состоит именно в тех оппортунистических извращениях учения Маркса о государстве, которые подробно вскрыты в моей брошюре «Государство и революция».

Эти предварительные замечания были необходимы, ибо они доказывают, что Каутский был открыто обвинен мной в ренегатстве *задолго до того*, как большевики взяли государственную власть и были за это осуждены Каутским...

Буржуазная и пролетарская демократия

Каутский берет из марксизма то, что приемлемо для либералов, для буржуазии (критика средневековья, прогрессивная историческая роль капитализма вообще и капиталистической демократии в частности), и выкидывает, замалчивает, затушевывает в марксизме то, что *неприемлемо* для буржуазии (революционное насилие пролетариата против буржуазии для ее уничтожения). Вот почему Каутский и оказывается неизбежно, в силу его объективного положения и какова бы ни была его субъективная убежденность, лакеем буржуазии...

Нет ни одного, хотя бы самого демократического государства, где бы не было лазеек или оговорок в конституциях, обеспечивающих буржуазии возможность двинуть войска против рабочих, ввести военное положение и т. п. «в случае нарушения порядка», — на деле, в случае «нарушения» эксплуатируемым классом своего рабского положения и попыток вести себя не по-рабски. Каутский бесстыдно прикрашивает буржуазную демократию, замалчивая, например, то, что делают наиболее демократические и республиканские буржуа в Америке или Швейцарии против бастующих рабочих...

Пролетарская демократия, одной из форм которой является Советская власть, дала невиданное в мире развитие и расширение демократии именно для гигантского большинства населения, для эксплуатируемых и трудящихся...

Учредительное собрание и Советская республика

Вопрос об Учредительном собрании и его разгоне большевиками — гвоздь всей брошюры Каутского. К этому вопросу он возвращается постоянно. Кивками на то, как большевики «уничтожили демократию» (см. выше в одной цитате из Каутского), переполнено все произведение идейного вождя II Интернационала...

Каутский стоит, в сущности, на точке зрения примирения, согласования, сотрудничества пролетариата и буржуазии; как бы Каутский ни отрекался от этого, но такая его точка зрения есть факт, подтверждаемый всей брошюрой Каутского. Не надо было разгонять Учредительного собрания, это и значит: не надо было доводить до конца борьбу с буржуазией, не надо было свергать ее, надо было примириться пролетариату с буржуазией.

Почему же Каутский умолчал о том, что меньшевики занимались этим мало почтенным делом с февраля по октябрь 1917 года и ничего не достигли?

Н. К. Крупская:

Маловато сил было после ранения у Ильича, понадобилось порядочно времени, пока он смог выходить за границы парка. Настроение у него было бодрое — настроение выздоравливающего человека, а кроме того, начался перелом во всей окружающей обстановке. Стало меняться положение на фронте. Красная Армия побеждала. 3 сентября в Казани восстали рабочие против захвативших власть чехословаков и правых эсеров, 7-го советские войска заняли Казань, 12-го Вольск и Симбирск, 17-го — Хвалынский, 20-го Чистополь, 7 октября — Самару. 9 сентября советские войска заняли Грозный и Уральск. Поворот был несомненный.

С. И. Гоннер:

Летом усилилась партизанская борьба на Украине, а II съезд КП(б)У в октябре 1918 года готовился под знаком близкого всеукраинского вооруженного восстания и освобождения Украины. В связи с ранением Ленина 30 августа, о котором мы с ужасом узнали в Орле, непосредственные сношения ЦК КП(б)У с Лениным были прерваны на все время его болезни. Когда перед открытием II съезда в Москву съехались члены ЦК КП(б)У,

вопрос о свидании с Лениным волновал всех: получить советы Ленина по некоторым спорным вопросам тактики на Украине было совершенно необходимо.

Днем 16 октября членам ЦК КП(б) Украины, к нашей величайшей радости, было сообщено, что Ленин может принять 10—12 человек в тот же вечер...

Ленин вышел к нам с перекинутой через плечо черной повязкой, на которой лежала больная рука. Мы устремились к нему навстречу. После того как мы поздоровались и Владимир Ильич ответил на наш вопрос о его самочувствии, мы спросили, сколько времени он может уделить беседе с нами. Мы очень хотели, чтобы беседа была обстоятельной, но боялись его утомить.

Прежде чем ответить нам на этот вопрос, Владимир Ильич указал здоровой рукой на стену, где криво висел на гвозде белый плакат с известным американским изречением: «Если вы пришли к занятому человеку, то скорее кончайте свое дело и уходите», и сказал:

— Вот наши враги — американцы написали умную вещь.

После этого Ленин спросил, хватит ли нам для беседы двух часов. Мы были радостно удивлены, так как не ожидали, что при его состоянии он сможет провести с нами такую длительную беседу. Мы знали, что прием 16 октября был первым приемом Ленина после болезни, и еще раз убедились в том, какое громадное значение Ленин придавал событиям и задачам коммунистов на Украине...

Ленин уделил большое внимание последним событиям на Украине, партизанской борьбе, подчеркнул особую важность тщательной и всесторонней подготовки общего всеукраинского вооруженного восстания. Он говорил об успешном строительстве Красной Армии и той помощи, которую она окажет восстанию. Он сделал особое ударение на необходимости правильного проведения национальной политики. На вопрос одного товарища, нет ли опасений, что после освобождения съезд Советов Украины может проголосовать за полное отделение Украины от России, Ленин ответил, что при последовательном проведении национальной политики партии ближайший съезд Советов Украины, отражая волю украинского народа, проголосует за теснейший и вечный союз Украины с Россией и никогда не пойдет за петлюровцами, которые в угоду империалистам требуют полного отделения Украины от Советской России.

Ленин уделил значительное внимание развитию германской революции, выразив уверенность в том, что эта революция теперь надвигается не по дням, а по часам, что она неминуема и близка, настоятельно рекомендовал усилить работу в германских оккупационных войсках. Ленин предвидел, что при первом известии о германской революции начнется быстрое разложение германских войск и их революционизирование. Поэтому он выдвигал как одну из важнейших задач подготовки всеукраинского восстания — усиленную работу в оккупационных войсках.

Что касается главного вопроса, который стоял перед Коммунистической партией Украины, — вопроса о всеукраинском вооруженном восстании, — Ленин еще раз подчеркнул необходимость самой тщательной и широкой его подготовки, исходя из того, что призыв к этому восстанию должен быть нами дан очень скоро, «может быть, завтра или послезавтра, но еще не сегодня». Предостерегая против революционного нетерпения и выразив полное понимание того, что украинские рабочие и крестьяне рвутся в бой, Ленин призывал к выдержке и воздержанию от преждевременного выступления...

Сказанное Лениным оказало громадное воздействие на решения II съезда КП(б)У и на дальнейшую работу коммунистов Украины в этот ответственный исторический момент.

Делегаты съезда, среди которых было немало таких, которые, работая подпольно в условиях оккупации, уже много месяцев были оторваны от Москвы, не могли примириться с тем, что они не увидят и не услышат Ленина. Они настаивали на том, чтобы им дали возможность встретиться с ним. Поэтому 22 октября 1918 года на собрание московского актива, где выступал Ленин, были приглашены все участники II съезда КП(б)У.

Выступление Ленина на этом собрании было его первым большим публичным выступлением после ранения.

В своей речи Ленин остановился специально на положении Украины и в сжатой, ясной форме выразил свое отношение к ближайшим задачам КП(б)У.

*Из доклада В. И. Ленина
на Объединенном заседании ВЦИК,
Московского Совета, фабрично-заводских
комитетов и профессиональных союзов
22 октября 1918 г.*

Товарищи, мне кажется, что теперешнее наше положение, при всей его противоречивости, может быть выражено, во-первых, тем, что мы никогда не были так близки к международной пролетарской революции, как теперь, и, во-вторых, мы никогда не были в более опасном положении, как теперь. Вот на этих двух положениях, особенно на втором из них, мне хотелось бы остановиться сегодня подробнее. Я думаю, что широкие массы едва ли сознают всю опасность, которая на нас надвигается, а так как мы можем действовать, только опираясь на широкие массы, то главная задача представителей Советской власти состоит в том, чтобы передать этим массам всю правду теперешнего положения, как бы оно тяжело временами ни было...

Я для примера возьму Украину. Подумайте о положении ее, подумайте, как быть при теперешнем положении рабочим и сознательным коммунистам. С одной стороны, они видят возмущение против немецких империалистов, против страшного грабежа Украины, с другой — видят, что часть германских войск, и большая часть, может быть, ушла. У них, может быть, является мысль дать выражение накипевшим ненависти и злобе и сейчас же, не считаясь ни с чем, напасть на германских империалистов. А другие говорят: мы — интернационалисты, мы должны смотреть с точки зрения и России и Германии; даже с точки зрения Германии мы знаем, что власть там не удержится, мы знаем твердо, что если украинская победа рабочих и крестьян пойдет рядом с укреплением власти в России и с ее успехами, тогда социалистическая пролетарская Украина не только победит, но и будет непобедима!

А. И. Безыменский:

29 октября 1918 года при бурной овации делегатов и гостей Владимир Ильич Ленин был единогласно избран почетным председателем I Всероссийского съезда союзов рабочих и крестьянской молодежи. В тот же день президиум съезда направил Ленину записку с просьбой принять делегацию съезда.

Ответ на эту записку пришел дня через три, часов в 11 вечера...

Решили, что пойдет в Кремль президиум съезда.

После этого телеграфным стилем набросали список наиболее важных событий и мыслей, которые надо было сообщить Владимиру Ильичу. Здесь разногласий не было. Разногласия начались с вопроса о том, кому поручить выступление от имени делегации. Ряд товарищей внес предложение выделить докладчика. Другие настаивали на том, чтобы делегаты, выступая по очереди, были коллективным докладчиком.

Л. А. Шацкий:

«Оратором» был намечен Ефим Цетлин, который должен был кратко изложить положение движения и работы съезда. Мне было поручено отдавить ему ногу в случае, если речь будет не вполне удачна.

Е. М. Герр:

И вот мы с Лениным. Перед нами с виду обыкновенный, простой человек и такой близкий, родной. И в то же время гигант — вождь революции, глава Советского государства, учитель трудящихся всего мира. И тут надо признаться, что все мы растерялись, позабыли все хорошие слова, которые хотели ему сказать. В груди бушевала радость, а выразить свои чувства мы не могли. Несмело наш «уполномоченный» одернул куртку и дрогнувшим голосом, заикаясь, произнес: «Дорогой, многоуважаемый товарищ Ленин!.. — Пауза.

Л. А. Шацкий:

Когда Цетлину удалось сказать, с нашей точки зрения, самое важное, о чем мы так долго спорили на съезде: «А мы решили переименовать Союз в коммунистический», Ильич ответил:

— Дело не в названии.

Е. М. Герр:

Ленин испытующе посмотрел на нас и сказал: «Дело не в названии, товарищи. Суть дела, — подчеркнул он, — состоит в том, чтобы члены Коммунистического союза мо-

лодежи своей жизнью и работой оправдывали свое название. Вы видите, какая идет жестокая борьба, сколько страданий и крови она стоит. Против Советской власти, против грудящихся ополчились не только русские белогвардейцы и мировая буржуазия. Нас мучает голод, хозяйственная разруха. Тяжелым наследством прошлого является неграмотность и бескультурье. Все это враги, и всех их надо одолеть. В Советской власти, в социалистическом обществе, которое мы обязательно построим, — ваше будущее, — закончил Ленин. — Задача коммунистической молодежи — быть в первых рядах борцов за новую жизнь».

Прощаясь с нами, Владимир Ильич дал нам несколько номеров журнала «Интернационал молодежи» и посоветовал побыстрее связаться с самим Интернационалом молодежи. Вспомнив что-то, Ленин вдруг спросил: «А как у вас обстоят финансовые дела?» Мы скромно ответили: денег пока нет. Владимир Ильич присел и написал записку Председателю ВЦИК Якову Михайловичу Свердлову с предложением выдать будущему ЦК комсомола 10 тысяч рублей для организации работы.

Вошла тов. Фотиева и что-то тихо сказала В. И. Ленину. Он утвердительно кивнул головой и попросил: «Скажите ему, что через пять минут я его приму...» Мы поняли, что пора уходить, и встали.

А. И. Безыменский:

Вдруг Владимир Ильич откинулся на спинку своего плетеного кресла, окинул нас лукавым взглядом и спросил:

— А что, товарищи! Кушать хотите?

Мы растерялись. Чего-чего, а этого мы не ожидали. Надо ответить, но как? Солгать — совестно. Сказать правду — тоже совестно. Как по команде, все комсомольцы устремили взгляд на своего «докладчика». Свиристое выражение его лица и резкое движение головы подсказали нам, что делать.

И мы хором стали уверять товарища Ленина, что сыты по горло.

Владимир Ильич засмеялся — и этого мы тоже не ожидали. Он смеялся весело, громко и, как нам показалось, невероятно долго. Временами он пытался вымолвить слово, но смех снова его одолевал. Этот смех явно не был

для нас обидным, но, не понимая, в чем дело, и чувствуя свою вину, мы не знали, куда деваться от смущения...

Перестав наконец смеяться, товарищ Ленин ласково произнес:

— Я, товарищи, старше вас. К тому же я давний подпольщик, что снабдило меня некоторой долей наблюдательности. Если бы вы были так сыты, как вы уверяете, думаю, что сидящая среди вас товарищ девушка не вынимала бы тайком из кармана кусочек сухаря и не грызла бы его, думая, что я этого не вижу. А я вижу! А я вижу! Понимаете? Прошу вас не сопротивляться. Вот вам вторая записка к товарищу Свердлову. По ней вы получите девять обедов в нашей совнаркомовской столовой. Сопротивляться вам не имеет смысла еще и потому, что, по моим сведениям, сегодня в этой столовой хороший обед.

Владимир Ильич с таинственным видом поднял палец и, понизив голос, добавил:

— Кажется, есть даже пшено...

Он протянул нам записку — и мы взяли этот драгоценный дар великой ленинской любви к людям.

П. И. Замойский:

Во второй половине дня 6 ноября 1918 года в Большом театре открытие VI Всероссийского Чрезвычайного съезда Советов.

Решив занять места поближе к сцене, мы пришли задолго до открытия съезда, но оказалось, что многие пришли еще раньше. Мы забрались на четвертый ярус. И то хорошо. Сцена видна. Пока она закрыта огромным тяжелым занавесом.

Гул в зале, в ложах и на всех ярусах. Мы с интересом осматриваем и золоченые барьеры ярусов, окаймленные малиновым бархатом, и сетки перед барьерами, и высокий расписной потолок, откуда спускается гигантская люстра; плакаты, лозунги, написанные саженными буквами на красных полотнищах.

Чем ближе открытие съезда, тем все больше и больше народу в зале. Чувствуешь себя песчинкой в этом огромном море людей. Сюда съехались делегаты со всей Советской России: рабочие, крестьяне, интеллигенция, красноармейцы. Здесь молодежь, старики, женщины. Нам предстоит решать судьбу молодой Советской Родины, находящейся в окружении врагов.

Раздался первый продолжительный звонок, затем второй, и народ еще гуще повалил в зал, заполняя все ярусы...

Зал медленно стал стихать...

Объявив VI Всероссийский Чрезвычайный съезд Советов открытым, Свердлов говорит:

— Теперь мы можем сказать с полной уверенностью, что по всему лицу земли России Советская власть стоит твердо и незыблемо.

Мы жадно смотрели на сцену, рассматривали каждого, кто был в президиуме: мы искали Ленина, но его не было.

Свердлов говорил недолго. Вот он, оторвав руки от стола, ярко блеснув стеклами пенсне, высоко поднял голову и сказал четко и раздельно:

— Позвольте, товарищи, еще раз объявить VI съезд открытым.

Почтив память погибших в борьбе за социалистическую революцию, приняв регламент и порядок дня, съезд приступает к работе. Яков Михайлович, быстро оглянувшись, громко объявил:

— Слово предоставляется... Владимиру Ильичу... Ленину!

Напряженная секунда тишины... И вдруг весь зал, все ярусы от пола и до потолка, все ложи огласились таким грохотом, что казалось, рухнет и потолок, и стены театра.

Я не уловил, откуда вышел Ленин, ибо этот бурный взрыв радости наполнил зал не только голосами, восклицаниями, слившимися в один могучий громopodobный раскат, но казалось, что зал наполнился ливнем. В глазах моих стоял туман.

И вот я вижу его. Вижу, как он торопливо перебирает бумажки, и кажется, что никак не может найти нужную, что он весь занят поисками... Нет, он ждет. Ждет, когда смолкнет ликование... А оно только началось.

Зал могуче потрясают голоса солдат-фронтовиков, голоса рабочих, людей земли, женские голоса. Все встали. И сквозь непрерывный гул то в одном, то в другом конце раздаются восклицания:

— Товарищу Ленину-у-у — ура-ра-а! — И снова и снова грохот рукоплесканий.

Из речи В. И. Ленина о годовщине революции
6 ноября

В тот день, когда мы чествуем годовщину революции, следует бросить взгляд на тот путь, который прошла она...

...Задавая себе вопрос, что мы сделали в крупном масштабе за этот год, мы должны сказать, что сделано следующее: от рабочего контроля, этих начальных шагов рабочего класса, от хозяйничанья всеми средствами страны мы подошли вплотную к созданию рабочего управления промышленности; от общекрестьянской борьбы за землю, от борьбы крестьян с помещиками, от борьбы, которая носила общенациональный, буржуазно-демократический характер, мы пришли к тому, что в деревне выделились пролетарские и полупролетарские элементы, выделились те, которые особенно трудятся, те, которых эксплуатируют, поднялись на строительство новой жизни; наиболее угнетенная часть деревни вступила в борьбу до конца с буржуазией, в том числе со своей деревенской кулацкой буржуазией...

П. И. Замойский:

Чтобы не упустить ни одного его слова, я, как и многие, торопливо начал записывать.

Нет, не успеть. Пока записываю, не сумею как следует слушать, а главное — видеть его.

И, отложив тетрадь в сторону, я слушал, стараясь вникнуть в каждое слово. Но чувство радости, что я вижу Ленина, мешало сосредоточиться. Я всматривался в него, следил за каждым его шагом: как он ходит по сцене, как быстры и порывисты его движения, как смотрит в зал, как подчеркивает свои слова, улыбаясь или прищуривая левый глаз...

Вот, заложив большой палец правой руки за жилетку и слегка выпятив грудь, он повернулся к залу вполоборота и, глянув опять на самые верхние ярусы, говорит как бы туда...

...Ленин говорит о решающей схватке бедноты с богачами, о битве за хлеб, который кулаки попрятали в ямы, не желая дать его стране...

Смотрю на Ленина. Он быстро проводит ладонью по голове, затем закладывает большой палец за жилетку. И по тому, как он повысил голос, то и дело поднимаясь

на посях, чувствовалось, что речь его подходит к концу. Какая могучая притягательная сила в его голосе, в его крепкой фигуре, в родном облике. Вновь тысячную массу охватил боевой порыв, готовность прямо отсюда ринуться в смертельную схватку с врагом...

Резко шагнув вперед, как бы наступая, Ильич воскликнул:

— Мы говорим: будь, что будет, но какие бы бедствия ни накликали еще империалисты, они этим себя не спасут.

Вновь грохот аплодисментов потряс этот золотой, весь украшенный флагами и знаменами, огромный театр. И, словно бросая пламенные слова в мировое пространство, Ленин вынес решительный, всесокрушающий приговор старому миру:

— Империализм погибнет, а международная социалистическая революция, несмотря ни на что, победит!

Остро рассек воздух рукой и отступил в глубь сцены. И все в зале поднялись, и сквозь аплодисменты с ближайших и дальних рядов, с нижних и верхних ярусов понеслись возгласы:

— Да здравствует мировая революция!

— Красной Армии — ура!

И где-то наверху сначала тихо, затем все громче и слышнее запели... И вот уже по всему залу стройно разлилось море голосов.

Это люди всех национальностей, собравшиеся сюда со всех концов России, пели великий гимн великой партии коммунистов.

И Ленин пел вместе со всеми...

Г. Я. Лозгачев-Елизаров:

7 ноября 1918 года делегаты съезда построились колонной у входа в Большой театр, где обычно проходили заседания, и отправились на Красную площадь. Во главе колонны шли В. И. Ленин, Я. М. Свердлов, руководящие партийные и советские работники. В первых рядах находилась и Анна Ильинична с Марком Тимофеевичем, державшим меня за руку...

Вскоре Владимир Ильич в сопровождении членов президиума съезда пришел на площадь Революции, где состоялось открытие временного памятника Марксу и Энгельсу. Я стоял несколько в стороне, откуда было удобно

наблюдать за всем происходящим. У подножия памятника, обитого красным кумачом и усыпанного еловыми ветвями, состоялся короткий митинг, на котором Ленин выступил с речью, посвященной памяти творцов «Коммунистического Манифеста».

*Речь В. И. Ленина
при открытии памятника
Марксу и Энгельсу
7 ноября 1918 г.*

Мы открываем памятник вождям всемирной рабочей революции, Марксу и Энгельсу.

Века и века страдало и томилось человечество под гнетом ничтожной кучки эксплуататоров, которые измывались над миллионами трудящихся. Но если эксплуататоры прежней эпохи — помещики — грабили и теснили крепостных крестьян, раздробленных, распыленных, темных, — то эксплуататоры нового времени, капиталисты, увидели перед собой, среди угнетенных масс, передовой отряд этих масс, городских, фабрично-заводских, промышленных рабочих. Их объединила фабрика, их просветила городская жизнь, их закалила общая стачечная борьба и революционные выступления.

Великая всемирно-историческая заслуга Маркса и Энгельса состоит в том, что они научным анализом доказали неизбежность краха капитализма и перехода его к коммунизму, в котором не будет больше эксплуатации человека человеком.

Великая всемирно-историческая заслуга Маркса и Энгельса состоит в том, что они указали пролетариям всех стран их роль, их задачу, их призвание: подняться первыми на революционную борьбу против капитала, объединить вокруг себя в этой борьбе *всех* трудящихся и эксплуатируемых.

Мы переживаем счастливое время, когда это предвидение великих социалистов стало сбываться. Мы видим все, как в целом ряде стран занимается заря международной социалистической революции пролетариата. Несказанные ужасы империалистской бойни народов вызывают всюду героический подъем угнетенных масс, удесятворяют их силы в борьбе за освобождение.

Пусть же памятники Марксу и Энгельсу еще и еще раз напоминают миллионам рабочих и крестьян, что мы не

одинок в своей борьбе. Рядом с нами поднимаются рабочие более передовых стран. Их и нас ждут еще тяжелые битвы. В общей борьбе будет сломан гнет капитала, будет окончательно завоеван социализм!

З. В. Рихтер:

Красная площадь для свободного прохода колонн перед мемориальной доской очищена от публики, которая оттеснена до Торговых рядов. Возле задернутой красным атласом доски — высокая, со многими ступенями, красная трибуна, вокруг которой на возвышении уже выстроилась депутация со знаменами от Московской организации Коммунистической партии, российского Пролеткульта, Красной печати и др. Нет пока только делегатов VI съезда Советов с Лениным. Их ожидают с минуты на минуту. Они уже вышли из Большого театра, но задержались на открытии памятника Марксу и Энгельсу.

Проходит несколько томительных минут ожидания.

— Идут, идут!

Впереди делегатов — Ленин.

Подхваченная человеческой волной, я оказываюсь возле самой трибуны и поспешно достаю блокнот. В тесноте немислимо было записать речь Ленина дословно, но главное мне удалось зафиксировать.

Вы жертвою пали в борьбе роковой...—

звучит над площадью, разом склонившей знамена.

Ленин срезает печать, и красная завеса падает к его ногам, открыв доску-барельеф белокрылой фигуры с пальмовой ветвью. Вверху доски, работы скульптора Коненкова, надпись: «Октябрьская революция», а внизу: «Павшим в борьбе за мир и братство».

Из речи В. И. Ленина

при открытии мемориальной доски

борцам Октябрьской революции

7 ноября 1918 г.

Товарищи! Мы открываем памятник передовым борцам Октябрьской революции 1917 года. Лучшие люди из трудящихся масс отдали свою жизнь, начав восстание за освобождение народов от империализма, за прекращение войн между народами, за свержение господства капитала, за социализм.

Товарищи! История России за целый ряд десятилетий нового времени показывает нам длинный мартиролог революционеров. Тысячи и тысячи гибли в борьбе с царизмом. Их гибель будила новых борцов, поднимала на борьбу все более и более широкие массы.

На долю павших в Октябрьские дни прошлого года товарищей досталось великое счастье победы. Величайшая почесть, о которой мечтали революционные вожди человечества, оказалась их достоянием: эта почесть состояла в том, что по телам доблестно павших в бою товарищей прошли тысячи и миллионы новых борцов, столь же бесстрашных, обеспечивших этим героизмом массы победу...

Товарищи! Почтим же память октябрьских борцов тем, что перед их памятником дадим себе клятву идти по их следам, подражать их бесстрашию, их героизму. Пусть их лозунг станет лозунгом нашим, лозунгом восставших рабочих всех стран. Этот лозунг — «победа или смерть».

3. В. Рихтер:

— Победа или смерть! Победа или смерть! — как клятву повторяют слова Ленина тысячи голосов на площади.

Ленин сходит с трибуны и присоединяется к другим товарищам.

А площадь долго еще не может успокоиться, и то тут, то там, как эхо, разносятся возгласы:

— Победа или смерть!

Начинается церемония прохождения колонн мимо доски. Солнце ярко освещает волнующиеся пурпурные знамена и привлекающие общее внимание художественные плакаты профессиональных союзов. Над головами демонстрантов плывут вырезанные и разрисованные изображения химиков в белых халатах, грузчиков, согнувшихся под тяжестью ноши, печатников за станком. Взрыв восторга вызывает союз пищевиков, плакаты которого изображают продавца, бычью голову и румяные калачи. Своеобразную красоту придают процессии футуристические плакаты, от пестроты и разнообразия которых разбегаются глаза. Проходят комитеты бедноты, представители Орловской, Тамбовской и Тульской губерний, общественные организации, рабочие всех районов, Народный суд, Пролеткульт, учащиеся различных учебных заведений. Пресненский район вызывает общий восторг аллегорическим шествием: на те-

легах едут крестьянки и солдаты в цепях, а за ними стоит Свобода с порванными цепями.

— Красной Пресне привет! — громко говорит Ленин.

Стройными колоннами, в полном порядке проходят школы инструкторов, пулеметчики, красноармейцы, конница и тяжелая артиллерия.

— Будущим красным офицерам — ура! — приветствует инструкторов Ленин.

На площади появляется автомобиль «Международного союза артистов цирка» с огромным глобусом и останавливается против доски. Украинский хор исполняет «Интернационал».

А. М. Николаев:

«Не будь радио, мы долго не узнали бы о том, что делается в Германии», — говорил Владимир Ильич, когда по радио были получены первые сведения о германской революции...

Никогда не забуду этих 20 минут. Владимир Ильич на маленьком столике записывает огненные слова о первых революционных победах германского пролетариата. В одной руке у него карандаш, в другой — телефонная трубка. Он весь напряжение, вскидывает на меня сияющие глаза, повторяет вслух наиболее интересные места радиogramмы, чтобы и я слышал. Подает реплики: «За ними пойдут другие», «Все идет хорошо!» Напишет несколько фраз и снова: «Это очень хорошо!» Лицо Владимира Ильича отражало все его переживания: смелую уверенность, радость, восторг... Вот тучка набегала. Я думаю: «Ну, что-нибудь неладное!» Владимир Ильич прекратил запись. Я гляжу на него вопросительно. Он останавливает диктовавшего радиста: «Подождите, товарищ. Не разберу, повторите слово перед этим»... С каждой новой приятной вестью оттуда, из Германии, он весь оживлялся. Ему было страшно неудобно писать, на стуле он сидел беспокойно. Я все ждал: вот вскочит он и будет быстро ходить по комнатухе, потирать руки и говорить об открывающихся перспективах. Отдельные места радиogramмы Владимир Ильич читал вслух. Я был заражен его возбуждением, не мог оторваться от лица Владимира Ильича. Таким прекрасным было оживленное лицо незабвенного вождя!

«Все? Спасибо, товарищ», — говорит в трубку Владимир Ильич.

Потом он обращается ко мне: «Радиограмма принята» — и просит, чтобы я в любое время звонил ему, как только еще что-нибудь будет перехвачено из Германии. Условились также о немедленной пересылке ему всех перехваченных из-за границы радио.

Телеграмма

Всем Совдепам, всем, всем

10.XI.1918 г.

Сегодня ночью получены известия из Германии о победе революции в Германии. Сначала Киль сообщил по радио, что власть там в руках Совета рабочих и матросов. Потом Берлин сообщил следующее:

«Привет свободы и мира всем. Берлин и окрестности в руках Совета рабочих и солдатских депутатов. Адольф Гофман, депутат в сейме. Иоффе и персонал посольства возвращаются тотчас».

Просим принять все меры для оповещения немецких солдат во всех пограничных пунктах. Из Берлина было также известие, что немецкие солдаты на фронте арестовали мирную делегацию от старого германского правительства и сами начали переговоры о мире с французскими солдатами.

Предсовнаркома *Ленин*

Н. К. Крупская:

23 октября, когда был освобожден из тюрьмы Карл Либкнехт, германские рабочие устроили демонстрацию перед русским посольством.

5 ноября 1918 года германское правительство, обвиняя советское представительство в Берлине в участии в революционном движении в Германии, потребовало немедленного отъезда из Берлина дипломатических и консульских представителей РСФСР во главе с советским послом А. А. Иоффе. 9 ноября Иоффе, направлявшийся вместе с персоналом посольства в Россию, был возвращен в революционный Берлин Берлинским Советом рабочих и солдатских депутатов.

Празднование первой годовщины Советской власти проходило при очень приподнятом настроении...

8—9—10—11 ноября вести о германской революции целиком захватили Ильича. Он непрерывно выступал.

Лицо его радостно светилось, как светилось 1 мая 1917 года. Октябрьские дни первой годовщины были одними из наисчастливейших дней в жизни Ильича.

Однако ни на минуту не забывал Владимир Ильич о том, какой еще трудный путь лежит перед Советской властью...

...9 ноября 1918 года началась революция в Германии. 13 ноября 1918 года ВЦИК аннулировал Брестский договор.

Глава
четвертая

В НЕЗАБЫВАЕМОМ 1919-м

Поездка
в Сокольники
Основание
Коминтерна
Голод и эпидемии —
грозная опасность
Съезд принимает
программу
строительства
социализма
Все силы на разгром
врага!

ПОЕЗДКА В СОКОЛЬНИКИ

Н. К. Крупская:

Еще в Швейцарии у меня была очень тяжелая форма базедовой болезни. Путем операции, житья в горах она кое-как ликвидировалась, переродилось только сердце, ушли физические силы. После ранения Ильича, тревоги за его жизнь и здоровье осенью у меня сделался острый рецидив болезни. Доктора поили меня всякой ~~всячиной~~, укладывали в постель, запрещали работать; плохо помогало. Санаториев тогда не было.

В. Д. Бонч-Бруевич:

— Надя плоха, все хуже и хуже...— грустно и тихо сказал Владимир Ильич в ответ на мой вопрос, почему он так мрачно смотрит. И он, точно застыдившись этой человеческой слабости, тотчас же углубился в просмотр мной ему принесенных, уже расшифрованных и простых телеграмм, полученных с разных концов России, с фронтов и от революционных комитетов.

— Надежде Константиновне необходим длительный отдых и обязательно вне Москвы,— сказал я Владимиру Ильичу.

— «Длительный отдых»! Пойдите уговорите ее. Она и слышать не хочет.

— Уговорить ее можете только вы один... И это надо сделать.

Владимир Ильич серьезно, искоса посмотрел на меня. Я понял, что эта моя настойчивость прилась ему по душе, и так как я знал всю опасность болезни Надежды Константиновны, то я с радостью стал советовать Владимиру Ильичу перевезти Надежду Константиновну в одну из лесных школ в Сокольники.

— Это недалеко от Москвы, так что и вам легко будет видаться с ней, и она всегда может быстро приехать, если потребуется. Телефон есть... Школа хорошая. Детишки и подростки... Администрация вполне надежная...

Владимиру Ильичу понравилось это мое предложение. Он встал и, заложив большие пальцы обеих рук за проези жилета, по конспиративной привычке на цыпочках подошел ко мне и тихо, почти на ухо, сказал:

— Поезжайте туда на разведку, все хорошенько посмотрите и никому ничего не говорите, зачем приехали. Запомните получше дорогу. Как вернетесь, мне скажите... А я попробую предварительно поговорить с Надей...

Освободившись от текущих дел по Управлению делами Совнаркома, я вызвал автомобиль с шофером Рябовым, бывшим матросом, с которым я не разлучался со времени Октябрьской революции, и выехал в Сокольники. Это было в ноябре. Зима была очень снежная. Порядка в городе еще было мало, и снег с улиц не свозился. Всюду образовались ухабы, так что на многих улицах приходилось ехать так, как будто вы катаетесь с «русских гор», часто устраиваемых на народных празднествах и увеселениях. Шоферы стремились попасть на рельсы трамваев. Рельсы расчищались, и по ним легко было ехать, но выскочить из колеи довольно трудно, так как по сторонам тянулись утрамбованные сугробы снега. Свернуть с пути удавалось лишь на перекрестках улиц, и то с большим трудом. Трамваев ходило мало, и пешеходы шествовали не только по тротуарам, но и посреди улиц.

Ф. Л. Халевская:

Здоровье Надежды Константиновны ухудшилось, и врачи советовали поместить ее в санаторных условиях за городом. Так как близко от Москвы ничего подходящего для взрослых не было, пришла мысль устроить ее в Сокольниках в лесной школе. Я тогда заведовала этой школой. Однажды вечером меня вызвали к телефону из Управления делами Совнаркома и сообщили, что к нам придет товарищ Ленин.

Необычайное волнение охватило всех. Начались суетливые приготовления к торжественной встрече. Ребята поминутно выбегали в переднюю, я дежурила у стеклянной двери; наконец мы увидели, как во двор въехала машина и остановилась у подъезда.

Я впервые видела Ленина; он был в зимнем пальто с каракулевым воротником шалью, в каракулевой шапке с наушниками. Ленин со всеми приветливо поздоровался за руку...

Мы обошли все комнаты, я предложила для Надежды Константиновны лучшую спальню с балконом, но Владимир Ильич категорически отказался. Он выбрал скромную спальню с ходом через маленькую ванную. Ленин не хотел лишать ребят хорошей комнаты.

Когда мы обходили спальни, Владимир Ильич спросил: — Чем вы, собственно, лечите ребят?

Я показала на висевший на стене график режима дня, огромное место в нем было отведено пребыванию на свежем воздухе. Владимир Ильич одобрил этот наш основной принцип — максимальное пребывание ребят на воздухе.

Дети пригласили Владимира Ильича посмотреть мастерскую, где они готовили игрушки к елке; как-то незаметно кто-то из младших оказался у него на плечах (это была маленькая толстенная девочка, которую он назвал «Колобок»). Одна девочка, смастерившая лису из меха, спросила Владимира Ильича:

— А вы бы могли так сделать?

— Не знаю, мудреная штука, — ответил он.

Вскоре гости уехали. Владимир Ильич тепло, как старый знакомый, со всеми простился, предупредив, что завтра же приедет с Надеждой Константиновной.

На другой день утром привезли скромную обстановку, а к вечеру Владимир Ильич приехал с Надеждой Константиновной.

Владимир Ильич при всей своей загруженности находил возможность часто навещать Надежду Константиновну, ежедневно осведомлялся по телефону о ее здоровье. Однажды в двадцатиградусный мороз в 9 часов вечера слышу стук: открываю дверь на веранду — Владимир Ильич! Бросилось в глаза, что он в легком пальто. Я спросила:

— Владимир Ильич, где шофер, почему вы один и так легко одеты?

— Не шумите, я пришел пешком. По старой привычке захотелось, только не говорите Надежде Константиновне, она будет беспокоиться.

Через час Ленин собрался уходить. Мы уговаривали его переночевать, но он не согласился. Я вышла на веран-

ду. Пустынню в Сокольниках ночью. Очень просила позвонить, когда он вернется в Кремль, с тревогой дежурила у телефона. Ленин позвонил.

Н. К. Крупская:

Отправили меня отлеживаться в Сокольники, в лесную школу, где не полагалось говорить о политике, о работе. Завела дружбу с ребятами, а по вечерам приезжал почти каждый день Ильич, в большинстве случаев с Марией Ильиничной. Пролежала я там конец декабря 1918 года, январь 1919 года.

Ф. Л. Халевская:

19 января в школе устраивали елку, приготовили пьеску «Санки-самокатки». Ребята пригласили Владимира Ильича. По поручению Ленина привезли много гостинцев: яблок, чернослива, конфет. Все было готово, гости собрались, с нами была Надежда Константиновна, уже время начинать, а Владимира Ильича все нет. Позвонили в Кремль, оттуда ответили, что Ленин давно выехал.

В. В. Барсова:

В середине января 1919 года ко мне обратился управляющий делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевич с просьбой выступить на детской елке в лесной школе в Сокольниках. При этом Владимир Дмитриевич сказал:

— В школе отдыхает Н. К. Крупская, и вполне возможен приезд Владимира Ильича.

Перспектива близко увидеть Ленина, петь перед ним взволновала и окрылила меня. Была я тогда очень молода и сочла за огромную, даже чрезмерную честь петь перед такой аудиторией. Разумеется, я с охотой согласилась выступить и нетерпеливо ждала назначенного дня.

Вечером 19 января за мной заехал Бонч-Бруевич. В машине кроме меня сидел пианист С. Фейнберг (позже профессор Московской консерватории), и мы направились в Сокольники.

Москва тогда была вся в сугробах, снег не расчищали, а улицы освещались плохо.

Нас гостеприимно встретила директор школы Ф. Халевская, а через минуту мы уже были в обществе Надеж-

ды Константиновны и ребят. Сразу стало шумно и весело: начался праздник зимней елки. В. Д. Бонч-Бруевич привез ребятам игрушки и сладости, что в то время было роскошью.

Детвора приготовила спектакль «Санки-самокатки», но решили не начинать до приезда Владимира Ильича. Вскоре директор школы радостно сообщила:

— Владимир Ильич уже выехал из Кремля, скоро прибудет к нам!

Все вокруг оживились. Дети оделись зайцами, зажгли елку и приготовились к встрече дорогого гостя. Но Ленина все нет и нет. Что случилось?

С. К. Гиль:

Это случилось 19 января 1919 года. Зима была в том году вьюжная, Москву замело снегом. На улицах образовались снежные сопки и ухабы.

В тот памятный воскресный вечер мы отправились в Сокольники. Владимир Ильич ехал в одну из лесных школ, где отдыхала Н. К. Крупская. Там был детский праздник и Владимира Ильича с нетерпением ждали.

М. И. Ульянова:

Поехали мы, помнится, около шести часов вечера. По случаю праздничного дня на улицах было довольно много народу. Много гуляющих было и на Сокольническом шоссе, по которому мы направлялись в Сокольники. На одном из поворотов вдали вдруг раздался свист, на который Владимир Ильич обратил внимание. Мы продолжали, однако, путь, не придав этому особого значения. Но когда мы были почти у железнодорожного моста, раздался вдруг крик: «Стой!» Кричали несколько человек, которые стояли у самой дороги.

С. К. Гиль:

Мы ехали в Сокольники не через Красные ворота, а по Орликову переулку. В нескольких саженях от Каланчевской площади мы вдруг услышали грозный крик:

— Стой!

Кричал какой-то субъект в шинели. Я прибавил ходу и круто взял поворот. Владимир Ильич спросил:

— В чем дело?

Я ответил, что какой-то неизвестный, должно быть, пьяный, преградил нам путь. Проехали благополучно вокзалы, но, когда стали подъезжать к Калининскому заводу, на середину дороги выскочило несколько человек с револьверами в руках.

— Стой! Машину остановить! — раздался крик.

Я вижу, что по форме не патруль, и продолжаю ехать прямо на них. Неизвестные повторили свой окрик:

— Стой! Будем стрелять!

Я хотел «проскочить», но Владимир Ильич потребовал, чтобы я остановил машину. Он думал, что это милиционеры, проверяющие документы.

Поравнявшись с мостом, я затормозил. Машина остановилась. К нам подбежали несколько возбужденных типов с револьверами в руках и приказали:

— Выходите! Живо!

Владимир Ильич приоткрыл дверцу и спросил:

— В чем дело?

Один из нападавших крикнул:

— Выходите, не разговаривайте!

Бандит схватил Владимира Ильича за рукав и резко дернул к себе. Выйдя из машины, Ильич недоуменно повторил свой вопрос:

— В чем дело, товарищи? Кто вы? — и достал пропуск.

Мария Ильинична и Чебанов, сопровождавшие Ленина, также вышли из машины, еще не понимая, что происходит. Двое бандитов стали около Владимира Ильича, по бокам, направив дула револьверов ему в висок.

— Не шевелись!

Один из бандитов зашел спереди, схватил Владимира Ильича за ладканы пальто, распахнул его и мигом, профессиональным жестом, выхватил из бокового кармана бумажник, в котором хранились документы Ленина, и маленький браунинг.

Я в это время сидел на своем месте за рулем, держа в руке заряженный пистолет. Приходилось сдерживать себя, чтобы не стрелять в бандитов. Мои пули уложили бы одного из двух налетчиков, но это неизбежно кончилось бы пальбой с их стороны. Подвергать опасности жизнь Владимира Ильича я не мог.

Мария Ильинична, не сообразив сразу, что это грабители, возмущенно обратилась к ним:

— Какое право вы имеете обыскивать? Ведь это же товарищ Ленин! Предъявите ваши мандаты!

М. И. Ульянова:

— Что вы делаете, — сказала я ему, — ведь это же товарищ Ленин! Вы-то кто? Покажите ваши мандаты.

— Уголовным никаких мандатов не надо, — спокойно ответил он мне с усмешкой.

Бандиты вскочили в автомобиль, направили на нас револьверы (особенно энергично действовал один из них, черный, с довольно-таки разбойничьей физиономией) и пустились во весь опор по направлению к Сокольникам.

Надо отдать им справедливость, что вся эта операция была проделана так артистически ловко и необыкновенно быстро, что даже не обратила на себя внимание прохожих.

С. К. Гиль:

Один из бандитов сел на мое место, остальные вскочили на подножку машины. Она стремительно сорвалась с места. За рулем сидел, по-видимому, очень опытный шофер — это я заметил по его движениям. Машина скрылась из виду.

— Да, ловко, — произнес Владимир Ильич, — вооруженные люди и отдали машину.

И тут же добавил:

— Верно поступили вы, товарищ Гиль, что не стреляли. Тут силой мы ничего не сделали бы. Очевидно, мы уцелели только благодаря тому, что не сопротивлялись.

Тут только мы обратили внимание, что Чебанов стоит с бидоном молока (мы везли молоко Надежде Константиновне). Несмотря на трагичность положения, мы все расхохотались.

Решили отправиться в Совет Сокольнического района и оттуда позвонить в Кремль, в ВЧК.

— Неужели Совет находится неподалеку? — удивился Владимир Ильич.

Нам указали на двухэтажный дом за мостом. Ильич развел руками и после короткой паузы сказал:

— Грабят под боком у Совета. Просто чудовищно!

Мы отправились к Совету. Как и следовало ожидать, часовой наотрез отказался впустить нас без пропусков.

Владимир Ильич попытался сломить упорство часового: — Я не могу удостоверить свою личность, у меня отобрали все документы. Ограбили, отняли машину в двух шагах от вас. Мы хотим только позвонить, чтобы нас доставили на место.

Но часовый продолжал упорствовать. Владимир Ильич начал терять терпение.

— Я — Ленин, — решительно заявил он, — но доказать это ничем не могу. Вот мой шофер, у него документы, вероятно, уцелели, и он удостоверит мою личность.

Часовой опешил. Он опустил винтовку и застыл на месте. Я показал ему свои документы, он механически потрогал их руками, посмотрел несколько раз на Владимира Ильича и безмолвно пропустил нас в здание.

В Совете никого не было. Я прошел несколько пустых комнат и очутился в коммутаторной. Там дремал телефонист. Я спросил его, нет ли кого-нибудь из дежурных. Оказалось — ни души. Я попросил вызвать председателя или заместителя.

Через некоторое время пришел председатель и обратился к нам:

— Кто вы? Чем могу вам служить?

Владимир Ильич назвал себя и сказал:

— Хорошие у вас порядочки — грабят людей на улице, под носом у Совета, — и прибавил: — Разрешите позвонить по телефону, вызвать машину.

— Пожалуйте в кабинет, товарищ Ленин, — взволнованно сказал председатель.

Владимир Ильич поручил мне позвонить лично Дзержинскому. Я вызвал Феликса Эдмундовича. Его не было. К телефону подошел его заместитель. Я рассказал о происшедшем. Потом передал трубку Владимиру Ильичу. Он просил принять срочные меры для задержания машины и выразил возмущение скверной охраной города. Из ВЧК, видимо, задали вопрос, не политическое ли это дело.

— Только не политическое, — категорически ответил Ленин, — иначе они меня застрелили бы. Они хотели просто ограбить нас.

Я позвонил на автобазу Кремля и вызвал машину с охраной.

Ожидая автомобиль, Владимир Ильич прохаживался по комнате и говорил вполголоса:

— Терпеть такое безобразие дальше нельзя. Надо энергично взяться за борьбу с бандитизмом. Немедленно!

И обратился ко мне:

— А машину, товарищ Гиль, надо найти. Всеми средствами!

Н. К. Крупская:

А мы в лесной школе поджидали Ильича с Марией Ильиничной и удивлялись, что они запаздывают. Когда они добрались наконец до школы, лица у них были какие-то странные. Я потом в коридоре спросила, что с ним? Он минуту колебался, боясь меня взволновать, а потом мы пошли в мою комнату, и он рассказал подробно.

Рада я была, что остался он цел и невредим.

В. В. Барсова:

Владимир Ильич рассказал эту историю без тени горечи или уныния: он был жизнерадостен, сыпал шутками, и всем сразу стало легко и весело. Никогда не думала, что в его присутствии можно чувствовать себя так свободно и просто. Ильич шутил с детьми и с интересом рассматривал пеструю елку. Затем вторично был сыгран детский спектакль и начался хоровод.

Когда Владимир Ильич узнал, что здесь присутствуют пианист и певица, он весело воскликнул:

— Превосходно, превосходно! Послушаем с удовольствием!

По просьбе Владимира Ильича С. Фейнберг сыграл на рояле прелюдию Шопена. Ленин потом благодарил музыканта за доставленное удовольствие. Затем под аккомпанемент того же пианиста я спела «Соловья» Алябьева и несколько песенок из Детского альбома Чайковского.

В. Д. Бонч-Бруевич:

Владимир Ильич весь ушел в детский праздник, веселился, смеялся и пел вместе с детьми. Его забрасывали вопросами, и он каждому успевал ответить, бросал шутки, остроты, сам задавал вопросы, загадки, и только приходилось удивляться, откуда это он все знает, все помнит. Дружный смех и шутки разносились по залу.

Вот опять и опять закружились вокруг елки, складно запели другую песню. Раздался аккомпанемент рояля, подбодривший пение, и все понеслись быстрее и быстрее

в радостном хороводе смеющихся и счастливых детей. Взрослые, увлеченные заразительным примером Владимира Ильича, также прониклись общим духом веселья и радости...

— Ну вот, а когда же в кошки-мышки? Что же это вы? Забыли! — подзадоривал Владимир Ильич.

И снова образовался круг, и снова он там среди детей... Как увлеченно играет он, не пропуская кота, защищая мышь! Зорко смотрит он, и его не проведешь. Защита его крепка и надежна. И он страстно предается игре и эту страстность передает детям, которые играют, захваченные до самозабвения...

Наконец детям роздали подарки, и мы пошли пить чай, после которого решили ехать домой.

С. К. Гиль:

В ВЧК и уголовном розыске все было поставлено на ноги, и в ту же ночь машина была найдена в противоположной части города — у Крымского моста. Возле машины лежали убитые милиционер и красноармеец. В эту ночь было схвачено много различных преступников.

На допросе бандиты говорили, что, отъехав немного от ограбленных, они стали рассматривать документы и, сообразив, что в их руках был Ленин, повернули якобы назад, чтобы убить его. За убийство Ленина была обещана врагами Советской страны крупная сумма. Один из бандитов, Яков Кошельков, будто рассказывал, как они ругали себя за «промах»:

— Что мы сделали, ведь это ехал сам Ленин! Догоним и убьем его! Будут обвинять не уголовных, а политических, может и переворот произойти!

Из книги В. И. Ленина

«Детская болезнь «левизны» в коммунизме»

Представьте себе, что ваш автомобиль остановили вооруженные бандиты. Вы даете им деньги, паспорт, револьвер, автомобиль. Вы получаете избавление от приятного соседства с бандитами. Компромисс налицо, несомненно. «Do ut des» («даю» тебе деньги, оружие, автомобиль, «чтобы ты дал» мне возможность уйти подбр-поздорову). Но трудно найти не сошедшего с ума человека, который объявил бы подобный компромисс «принципи-

ально недопустимым» или объявил лицо, заключившее такой компромисс, соучастником бандитов (хотя бандиты, сев на автомобиль, могли использовать его и оружие для новых разбоев). Наш компромисс с бандитами германского империализма был подобен такому компромиссу.

ОСНОВАНИЕ КОМИНТЕРНА

А. А. Андреев:

Когда Ленин вернулся в Россию в апреле 1917 года, он одной из важнейших задач нашей партии считал инициативу в создании нового, Коммунистического Интернационала. Несмотря на трудности гражданской войны, блокады, иностранной интервенции, в марте 1919 года был созван I (Учредительный) конгресс III, Коммунистического Интернационала.

Но это было только начало. На I конгрессе, как говорил Ленин, было только водружено знамя коммунизма, вокруг которого должны были собираться силы революционного пролетариата.

Карл Штейнгардт (Груббер):

Поскольку открытие конференции было назначено на 2 марта 1919 года, мне казалось, что у меня достаточно времени добраться из Вены в Москву. Но путь в Москву был тогда тяжел и полон препятствий и неожиданностей. Мне приходилось ехать на ступеньках вагонов, на крышах, буферах и даже на тендере и на площадке локомотива. Там было хотя и грязно, но по крайней мере тепло, а ведь стоял мороз в 20—27 градусов. Когда мне удавалось сесть в вагон для скота, это было уже большой удачей, потому что значительную часть долгого, 17-дневного, пути мне пришлось проделать пешком. Фронтальная полоса проходила тогда в районе Киева. Здесь шли только военные эшелоны. Я маскировался под оборванного солдата, возвращающегося из плена, и мне все время грозила опасность быть схваченным и расстрелянным белыми. К тому же я не знал ни слова по-русски. Не раз я едва не попадал в руки белых.

Однажды случилось так, что я уже думал, что настал мой последний час. Меня арестовали и доставили в штаб

(как мне потом стало ясно, в штаб дивизии). Это могли быть только белые, думалось мне, потому что последняя деревня, которую я покинул вечером, была занята ими. В полутемной комнате меня стал допрашивать начальник. Я старался, как мог, уберечь свою рваную военную форму от тщательного обыска — ведь там под подкладкой был зашит мой мандат! И вот, считая себя уже погибшим, я при тусклом свете керосиновой лампы вдруг заметил на его лежавшей на столе фуражке маленькую красную звездочку! Велико было удивление красных командиров, когда я совершенно откровенно заявил им, что добираюсь в Москву на созываемую Лениным конференцию. В доказательство я предъявил им свой «мандат» — кусок холста величиной с тарелку, с текстом, написанным чернильным карандашом.

Теперь путь мой уже стал легок. Утром командир дивизии проводил меня на станцию Фастов и посадил на паровоз, шедший в Киев. Там меня передали на попечение товарищей из партийного комитета, которые усадили меня в классный вагон поезда, отправлявшегося в Москву. На дорогу меня снабдили целым мешком продуктов: в Москве с продовольствием неважно, сказали мне киевские товарищи. Они просили меня передать Ленину самый горячий боевой привет.

Итак, на этот раз без всяких приключений 3 марта 1919 года, на другой день после открытия исторической конференции, которой суждено было стать I (Учредительным) конгрессом Коммунистического Интернационала, я прибыл в Москву.

*Из речи В. И. Ленина при открытии
конгресса Коммунистического Интернационала
2 марта 1919 г.*

По поручению Центрального Комитета Российской коммунистической партии открываю первый международный коммунистический конгресс. Прежде всего прошу всех присутствующих почтить вставанием память лучших представителей III Интернационала: Карла Либкнехта и Розы Люксембург. (Все встают.)

Товарищи! Наше собрание имеет великое всемирно-историческое значение. Оно доказывает крах всех иллюзий буржуазной демократии. Ведь не только в России, но и в наиболее развитых капиталистических странах Евро-

пы, как, например, в Германии, гражданская война стала фактом.

Буржуазия испытывает безумный страх перед растущим революционным движением пролетариата. Это станет понятным, если мы примем во внимание, что ход событий после империалистской войны неизбежно способствует революционному движению пролетариата, что международная мировая революция начинается и усиливается во всех странах.

Народ сознает величие и значение разыгрывающейся в настоящее время борьбы. Необходимо только найти ту практическую форму, которая даст возможность пролетариату осуществить свое господство. Такой формой является советская система с диктатурой пролетариата...

Товарищи! Сердечно приветствуя вас от имени Центрального Комитета Российской коммунистической партии, предлагаю перейти к выборам президиума. Прочту назвать имена.

Борис Рейнштейн:

Первый конгресс проходил под непосредственным руководством Владимира Ильича. Вследствие блокады, интервенции и по условиям конспирации в Москву из-за границы могло приехать на этот конгресс только несколько человек из Германии, Швеции, Норвегии, Австрии, Швейцарии, Латвии и пр. Большинство товарищей, участвовавших в этом конгрессе с решающими или совещательными голосами, состояло из представителей РКП(б) или проживающих в РСФСР коммунистов-эмигрантов из прибалтийских и иных стран.

Наибольшим престижем и почтением, после РКП(б), пользовались Коммунистическая партия Германии, незадолго до конгресса реорганизовавшаяся из «Союза Спартака». Всего за шесть недель до конгресса были убиты при участии шейдемановцев Карл Либкнехт и Роза Люксембург. Германский пролетариат, в лице его авангарда, руководимого спартаковцами, боролся на баррикадах Берлина и других центров Германии за социалистическую республику Советов, за замену буржуазной демократии диктатурой пролетариата. Социал-демократический палач Носке расстреливал этот цвет германского рабочего класса тысячами на улицах, площадях, в тюрьмах и казармах. Трудно описать ту любовь и то почтение, которыми сотня

товарищей, собравшихся во главе с Лениным в 5 часов вечера 2 марта 1919 года в этом небольшом историческом Митрофаньевском зале в Кремле, окружили геройскую, самоотверженную Германскую компартию. Это чувство перенеслось и на прибывшего ее представителя тов. Альберта (Эберлейна)...

Но уже почти с момента открытия первого заседания выяснилось, что это чувство всех собравшихся будет подвергнуто самому сильному испытанию. Выяснилось, что спартаковцы были против того, к чему так страстно рвались все остальные присутствующие, начиная с Ленина: они были против того, чтобы безотлагательно прокламировать — тут же, в Москве, еще до того, как собравшиеся разъедутся, — что III, Коммунистический Интернационал основан, что его знамя поднято и что I конгресс Коминтерна состоялся...

Как бы то ни было, вес Германской компартии был так велик, что на первом заседании никто не решился энергично бороться против предложения тов. Альберта. Даже Ленин и делегация РКП(б) решили скрепя сердце временно уступить. Представитель русской делегации заявил: «Наша партия стоит на той точке зрения, что момент формального основания III Интернационала вполне созрел, и мы бы предложили основать его уже на этом первом съезде. Но так как наши друзья из Германии, Германская коммунистическая партия, настаивают на том, что съезд должен конституироваться лишь в качестве конференции, то мы считаем необходимым пока присоединиться к этому предложению германских коммунистов. При этом мы все же заявляем, что и в дальнейшем будем агитировать за то, чтобы возможно скорее был основан III Интернационал как официально существующая организация».

Тов. Куусинен тоже заявил от имени финской делегации (Сирола, Маннер, Куусинен, И. Рахья и Э. Рахья): «Мы, финские делегаты, также присоединяемся к той точке зрения, что III Интернационал должен быть теперь же конституирован».

Собрание постановило: *«Заседать в качестве международной коммунистической конференции»*. Таким образом, вопрос был, казалось, решен: знамя Коминтерна будет поднято не сейчас, а когда-нибудь в будущем. Тов. Альберт временно торжествовал победу, но только временно — в течение одних суток.

Никто из голосовавших за постановление не был им доволен. Все ждали удобного момента, чтобы исправить дело. Момент этот наступил на следующий день на вечернем заседании. В настроении почти всех делегатов произошел перелом в сторону решительной борьбы за отмену уступки, сделанной накануне тов. Альберту. Помог разрядить атмосферу своим горячим выступлением на вечернем заседании второго дня только что прибывший из Вены делегат Грубер (Штейнгардт). Это был очень темпераментный и способный агитатор масс.

Карл Штейнгардт (Грубер):

Мое появление в небольшом зале заседаний привлекло всеобщее внимание. Тяжелый мешок с провиантом я положил на возвышение, где находился стол президиума. Ленин поднялся, широко улыбаясь, пошел мне навстречу, протянул мне обе руки и расцеловал.

— Товарищ Грубер, мы сейчас же дадим вам слово,— сказал он.

Я пытался возражать, что в таком виде не могу выступить перед собравшимися, но Ленин ответил:

— Вот именно это и хорошо.

Ленин объявил присутствовавшим, что слово для доклада об австрийском рабочем движении имеет только что прибывший делегат из Австрии, которого все уже считали погибшим. Меня встретили аплодисментами. Когда я кончил свое сообщение, Ленин крепко пожал мне руку и сказал:

— Отлично, отлично, товарищ Грубер!

— Моя фамилия — Штейнгардт,— поправил я.

— Для нас вы — товарищ Грубер,— ответил Ленин.

После заседания Ленин сам распорядился обо всем, что касалось моего устройства, и потом лично проверил, как выполнены его распоряжения.

Вскоре мне сообщили, что Владимир Ильич хочет побеседовать со мной сегодня вечером и просит зайти к нему в кабинет. И вот мы сидим за его письменным столом и обсуждаем ход работы конференции. Ленин знакомит меня с результатами первых заседаний. Русская делегация внесла предложение об учреждении Коммунистического Интернационала, и он, Ленин, защищал это предложение. Но немецкий делегат Г. Эберлейн высказался против немедленного основания Коминтерна, мотивируя это тем,

что не уполномочен на то своей партией. Ввиду этого русской делегации пришлось временно взять свое предложение назад. С моим же прибытием, сказал Ленин, положение изменилось, поскольку я прямо уполномочен голосовать за немедленное создание Коминтерна. Поэтому Ленин рекомендовал на утреннем заседании 4 марта поступить так. Он, Ленин, сообщит, что австрийский делегат по не зависящим от него обстоятельствам не смог принять участие в первых заседаниях конференции, а тем самым и выступить в поддержку предложения о немедленном основании Коммунистического Интернационала. Ввиду этого австрийский делегат в своем заявлении совместно с другими делегатами просит конференцию вновь включить вопрос о создании Коминтерна в повестку дня. Заявление это должно быть подписано четырьмя делегатами. Если конференция согласится рассмотреть его, мне предоставят слово для обоснования. Он, Ленин, убежден в том, что австрийское предложение о создании Коминтерна будет поддержано всеми делегатами.

Так и произошло 4 марта 1919 года. Ленин открыл заседание, и после выступлений нескольких делегатов мне дали слово для обоснования решения о том, что конференция постановляет конституироваться в качестве Учредительного конгресса Коммунистического Интернационала. В ответ на это предложение раздались громкие аплодисменты. Затем перешли к голосованию. Предложение было принято единогласно *. Результаты голосования вызвали всеобщее воодушевление, все делегаты стоя запели «Интернационал». Ленин, сияя от радости, жал мне руки и, улыбаясь, повторял:

— Отлично вы это сделали, великолепно!

На этом же заседании были заслушаны тезисы и доклад Ленина о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата, которые вошли в историю международного коммунистического движения как его важнейший программный документ.

* Делегат Коммунистической партии Германии от голосования воздержался. — *Ред.*

*Из тезисов и доклада В. И. Ленина
о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата
4 марта*

1. Рост революционного движения пролетариата во всех странах вызвал судорожные потуги буржуазии и ее агентов в рабочих организациях найти идейно-политические доводы для защиты господства эксплуататоров. Среди этих доводов особенно выдвигается осуждение диктатуры и защита демократии...

2. Прежде всего, этот довод оперирует с понятиями «демократия вообще» и «диктатура вообще», не ставя вопроса о том, о каком классе идет речь. Такая внеклассовая или надклассовая, якобы общенародная, постановка вопроса есть прямое издевательство над основным учением социализма, именно учением о классовой борьбе, которое на словах признают, а на деле забывают социалисты, перешедшие на сторону буржуазии...

3. История учит, что ни один угнетенный класс никогда не приходил к господству и не мог прийти к господству, не переживая периода диктатуры, т. е. завоевания политической власти и насильственного подавления самого отчаянного, самого бешеного, ни перед какими преступлениями не останавливающегося сопротивления, которое всегда оказывали эксплуататоры...

8. «Свобода печати» является тоже одним из главных лозунгов «чистой демократии». Опять-таки рабочие знают, и социалисты всех стран миллионы раз признавали, что эта свобода есть обман, пока лучшие типографии и крупнейшие запасы бумаги захвачены капиталистами и пока остается власть капитала над прессой, которая проявляется во всем мире тем ярче, тем резче, тем циничнее, чем развитее демократизм и республиканский строй, как, например, в Америке...

11. В самой развитой капиталистической стране на континенте Европы, в Германии, первые же месяцы республиканской свободы, принесенной разгромом империалистской Германии, показали немецким рабочим и всему миру, в чем состоит действительная классовая сущность буржуазной демократической республики. Убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург является событием всемирно-исторической важности не только потому, что трагически погибли лучшие люди и вожди истинного пролетарского, Коммунистического Интернационала, но

и потому, что для передового европейского — можно без преувеличения сказать: для передового в мировом масштабе — государства обнажилась до конца его классовая сущность. Если арестованные, т. е. взятые государственной властью под свою охрану, люди могли быть убиты безнаказанно офицерами и капиталистами, при правительстве социал-патриотов, следовательно, демократическая республика, в которой такая вещь была возможна, есть диктатура буржуазии...

19. Только советская организация государства в состоянии действительно разбить сразу и разрушить окончательно старый, т. е. буржуазный, чиновничий и судебский аппарат, который сохранялся и неизбежно должен был сохраняться при капитализме даже в самых демократических республиках, будучи фактически наибольшей помехой проведению демократизма в жизнь для рабочих и трудящихся. Парижская Коммуна сделала первый всемирно-исторический шаг по этому пути, Советская власть — второй.

20. Уничтожение государственной власти есть цель, которую ставили себе все социалисты, Маркс в том числе и во главе. Без осуществления этой цели истинный демократизм, т. е. равенство и свобода, неосуществим.

Резолюция к тезисам

о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата, внесенная В. И. Лениным

На основании этих тезисов и докладов делегатов различных стран конгресс Коммунистического Интернационала заявляет, что главная задача коммунистических партий во всех странах, где еще не существует Советской власти, заключается в следующем:

1) Выяснение широким массам рабочего класса исторического значения, политической и исторической необходимости новой, пролетарской, демократии, которая должна быть поставлена на место буржуазной демократии и парламентаризма.

2) Распространение и организация Советов среди рабочих всех отраслей промышленности и среди солдат армии и флота, а также среди батраков и бедных крестьян.

3) Основание внутри Советов прочного коммунистического большинства.

Б. А. Фролов:

Однажды мы получили для нашей районной комсомольской организации несколько гостевых билетов на одно из заседаний конгресса...

Пустынно и тихо было в полутемных коридорах Большого театра. Когда мы вошли, заседание конгресса уже началось. Пробираясь к своим местам на балконе 2-го яруса, замечаем, что люстры и канделябры в зрительном зале светят не в полный накал, — значит, и здесь ощущается недостаток электроэнергии.

Заняв свои места и немного освоившись, обращаем взгляды вниз, в глубину зала и затем на сцену... и вот оно, неожиданное исполнение заветной мечты: мы видим и слышим самого Ленина!

Владимир Ильич стоял на авансцене, близко от рамп. Произнося речь, он держал в руке газету небольшого формата. Вся его плотная, коренастая фигура была подвижной, его жесты были энергичны, а слегка грубый голос был проникнут убежденностью, и железная логика его речи быстро овладевала сознанием.

Речь Ленина была посвящена разоблачению буржуазной демократии, предательской роли партии меньшевиков и лидеров II Интернационала. Затем, делая ссылки на газету, которую он держал в руке, Владимир Ильич говорил:

— Вот послушайте, товарищи, что пишет «Avanti».

Он говорил о том, что итальянские рабочие препятствуют погрузке и отправке пароходов с вооружением и боеприпасами, предназначенными для русских белогвардейцев и интервентов.

Карл Штейнгардт (Груббер):

Для подготовки ряда вопросов и решений пришлось создать несколько комиссий, но тут возникли трудности персонального характера. В конгрессе смогли принять участие представители не всех стран, так как гражданская война и иностранная интервенция помешали им прибыть в Москву. Мне повезло, но делегаты из ряда других стран, заявившие о своем согласии принять участие в конгрессе, не смогли попасть на него. Поэтому одним и тем же делегатам пришлось работать в нескольких комиссиях. Меня включили в состав комиссии по политиче-

ским и организационным вопросам, а также в редакцию печатного органа Исполкома Коминтерна — журнала «Коммунистический Интернационал».

Днем 4 марта 1919 года мне пришлось вместе с Эберлейном участвовать в работе над окончательным текстом Манифеста конгресса. Мы с Эберлейном должны были не только перевести его на немецкий язык, но и отредактировать. Вечером пришел Ленин и вместе с нами работал над Манифестом с 10 часов вечера до 6 часов утра. Ленин был неутомим и закончил работу только тогда, когда мы прочли абзац за абзацем, фразу за фразой и отшлифовали не только содержание, но и стиль Манифеста. Не раз мы спорили насчет той или иной формулировки, и каждый раз Ленин выходил победителем. Тогда он с удовлетворением улыбался нам своей подкупающей улыбкой и весело подмигивал левым глазом. Видя, что мы с Эберлейном уже порядком устали, он время от времени прерывал работу и начинал шутить. Ленин любил шутку и умел смеяться от всего сердца. Такую жизнерадостность мне приходилось наблюдать только у Фридриха Энгельса.

Когда в 6 часов утра 5 марта 1919 года мы закончили работу, Ленин сказал нам:

— Послушайтесь моего испытанного совета. Не ложитесь спать, а примите-ка хорошую горячую ванну, потом холодный душ, позавтракайте как следует и пройдите до начала заседания.

Так мы и сделали. Совет Ленина вполне оправдал себя.

Заключительная речь В. И. Ленина при закрытии конгресса 6 марта

Если нам удалось собраться, несмотря на все полицейские затруднения и преследования, если нам удалось без существенных разногласий в короткое время вынести важные решения по всем животрепещущим вопросам современной революционной эпохи, то это благодаря тому, что пролетарские массы всего мира практически поставили все эти вопросы в порядок дня своими выступлениями и начали их практически решать.

Нам пришлось здесь записать лишь то, что массы уже завоевали в своей революционной борьбе.

Не только в восточноевропейских, но и в западноевропейских странах, не только в странах побежденных, но и в странах победительницах, — как, например, в Англии, — все дальше и дальше распространяется движение в пользу Советов, и это движение есть не что иное, как движение с целью создания новой, пролетарской, демократии, — оно самый значительный шаг вперед к диктатуре пролетариата, к полной победе коммунизма.

Пусть буржуазия всего мира продолжает неистовствовать, пусть она изгоняет, сажает в тюрьмы, даже убивает спартаковцев и большевиков, — все это ей больше не поможет. Это послужит лишь к просвещению масс, к освобождению их от старых буржуазно-демократических предрассудков и к закаленности их в борьбе. Победа пролетарской революции во всем мире обеспечена. Грядет основание международной Советской республики.

Карл Штейнгардт (Груббер):

Работа конгресса в основном подходила к концу. Его секретариату было поручено руководить деятельностью Коминтерна до следующего конгресса, который решено было созвать по возможности в следующем году. В период конгресса делегаты не раз выступали на многочисленных собраниях трудящихся Москвы. Мне лично довелось выступить на огромном митинге в Большом театре, где произнес речь и Ленин. По окончании конгресса мы, иностранные делегаты, разъехались по домам. Не всем удалось добраться благополучно. Я воспользовался самолетом, чтобы долететь до Будапешта, где только что произошла революция, но самолет был сбит румынскими войсками. Меня арестовали и приговорили к смертной казни по обвинению в шпионаже, а затем направили в лагерь смертников, откуда мне через 11 месяцев удалось бежать.

ГОЛОД И ЭПИДЕМИИ — ГРОЗНАЯ ОПАСНОСТЬ

Из статьи В. И. Ленина

«Все на работу по продовольствию и транспорту!»

Мне уже довелось, на последнем заседании ЦИК, указать на то, что началось особенно трудное полугодие для Советской республики. В первое полугодие 1918 года за-

готовлено хлеба 28 миллионов пудов, во второе — 67 миллионов пудов. Первое полугодие 1919 года будет тяжелее предыдущего полугодия.

Голод становится все сильнее. Сыпной тиф превращается в самую грозную опасность. Необходимы героические усилия, а у нас делается далеко и далеко не достаточно.

Можно ли спастись и поправить положение?

Несомненно да. Взятие Уфы и Оренбурга, победы на юге, затем победы советского восстания на Украине открывают самые благоприятные перспективы.

Теперь мы в состоянии достать значительно больше хлеба, чем необходимо для полуголодной продовольственной нормы.

Миллионы пудов хлеба ссыпаны уже в восточном районе. Задерживает их плохое состояние транспорта. На юге освобождение от казаков-красновцев всей Воронежской губернии и части Донской области дает полную возможность получения, сверх всех наших прежних расчетов, больших количеств хлеба...

Спасти миллионы и десятки миллионов от голода и от тифа можно, спасение близко, надвинувшийся голодный и тифозный кризис можно преодолеть и победить вполне. Отчаиваться нелепо, глупо, позорно. Бежать поодиночке, врассыпную, кто во что горазд, чтобы как-нибудь одному «вывернуться», как-нибудь одному оттолкнуть более слабых и пробиться вперед, — это значит дезертировать, покидать больных и усталых товарищей, ухудшать общее положение.

26 января 1919 г.

В. Д. Бонч-Бруевич:

Все помнят, какая ужасная эпидемия сыпного тифа вспыхнула к концу 1918 г.

Как-то я зашел к Владимиру Ильичу в кабинет в 9 часов утра. Солнце ярко освещало комнату и обширную площадь внутри Кремля. Снегу не было. Мороз был 18 градусов. Владимир Ильич стоял у окна и смотрел вдаль.

— Посмотрите, — сказал он, — какое ужасное положение. Бесснежный здоровенный мороз с ветром, а над Москвой не видно ни одной трубы, из которой шел бы дым. Стало быть, нет топлива и люди мерзнут... А у нас «испанка», сыпной тиф... Бани, прачечные, значит, тоже станут...

— Да уже стоят...— ответил я.— Московский Совет еще не предпринял никаких решительных мер...

— Прошу вас сейчас же вызвать ко мне председателя Московского Совета и всех ответственных лиц по отоплению города.

— У нас в Кремле крайне неблагополучно по сыпному тифу,— сказал я Владимиру Ильичу.— На сегодняшнее число заболело 42 человека. Больше всего приезжих, представителей Красной Армии, Продармии, представителей различных провинциальных организаций... Для них отведены помещения, и вот там-то у них и проявляется болезнь, очевидно, они заразились еще в дороге... Было уже несколько случаев заболеваний среди постоянного населения Кремля.

— Однако это очень серьезно. Надо принять решительные меры.

— К завтрашнему дню я доложу вам о всех мерах, которые я намерен немедленно осуществить в борьбе с сыпным тифом в Кремле, а потом позвольте подумать и о более широких масштабах этой борьбы,— ответил я.

В тот же день, в 12 часов дня, у Владимира Ильича в кабинете было совещание представителей Московского Совета, которых Владимир Ильич очень упрекал в беспечности и в неумении вовремя заготовить топливо. Было решено начать вырубку леса в подмосковной полосе, а в Москве разрешить населению разбирать деревянные заборы и деревянные дома на окраинах и в переулках, преимущественно там, где предполагалось строительство новых домов, пустить на слом старые баржи, стоявшие на Москве-реке, организовать доставку серпуховского угля.

Все это было сделано по предложению Владимира Ильича, который, однако, решительно восстал против вырубки бульваров, скверов, садов, Сокольников, Садового кольца, Нескучного сада, Петровско-Разумовского и тому подобных мест, на чем настаивали некоторые участники заседания. Владимир Ильич ценил городские зеленые насаждения и не только не позволял ни при каких обстоятельствах их уничтожать, а, наоборот, требовал от Московского Совета развития этой отрасли городского хозяйства. При нем и с его одобрения были сделаны большие насаждения в Кремле и в различных районах Москвы.

Московский Совет обязался немедленно пустить в ход,

ввиду эпидемии сыпного тифа, все бани и прачечные. Отделу здравоохранения Моссовета и «Красному Кресту» было приказано в трехдневный срок разработать меры всесторонней борьбы с эпидемией сыпного тифа. Владимир Ильич потребовал, чтобы ему каждый день к двум часам дня присылали сводки о вновь заболевших сыпным тифом по районам Москвы. Кремль он выделил в отдельную единицу и возложил организацию борьбы с эпидемией, а также сообщение всех сведений персонально на управляющего делами Совета Народных Комиссаров, которым в то время был пишущий эти строки.

М. С. Кедров:

Борьба с охватившей всю страну тифозной эпидемией велась в ударном порядке, и нередко приходилось, как и раньше, обращаться к Владимиру Ильичу и в тех случаях... когда требовалась поддержка Ильича.

Помню, в Челябинске на эвакуационном пункте вместимостью в 3000 человек оказалось приблизительно 15 тысяч тифозных. Точное число не могло быть установлено, так как все проходы, коридоры, вся площадь полов были завалены больными; чтобы попасть внутрь, нужно было через приставные лестницы влезать в окна. Почти все больные лежали в кишачей паразитами одежде и белье за полным отсутствием смены белья и халатов. Многие срывали с себя одежду, предпочитая оставаться совсем голыми. Выздоровливающие возвращались в части или в свои деревни, унося с собой заразу. Немногим лучше обстояло дело и в лазаретах и в больницах.

В целях изготовления достаточных комплектов белья комиссия решила на крайнюю меру — забрать из Губпродкома несколько сот тысяч аршин мануфактуры из забронированных СНК для товарообменных операций. Об этой мере мы поставили в известность Владимира Ильича, но, насколько помню, ответа на наше сообщение не получили. Как впоследствии мне говорили, Владимир Ильич не хотел санкционировать таких наших действий, с другой стороны, не считал возможным их и осудить, если они были приняты действительно ввиду крайней необходимости.

Вспоминаю еще один случай обращения к Ильичу.

Прекратив решительными мерами эвакуацию тифозных из города в город и в глубь страны и установив прин-

ция лечения больных в месте их заболевания, комиссия натолкнулась во всех городах на отсутствие оборудованных госпиталей и вообще свободных помещений.

Приходилось забирать помещения государственных учреждений и приспособлять их под бараки, лазареты, распределители.

В Омске было решено использовать громадное здание Омской железной дороги под центральный коллектор-распределитель. Но выселение встретило отчаянное сопротивление не только со стороны руководящего персонала железной дороги, но и со стороны НКПС в лице замнаркомпути В. М. Свердлова, который находился в пути на Омск.

Несмотря даже на постановление Сибревкома (тт. Косарев, Смирнов И. Н., Фрумкин) очистить помещение, управление со дня на день оттягивало передачу.

Тогда снова пришлось обратиться за поддержкой к Владимиру Ильичу. Очень скоро был получен телеграфный ответ от тов. Ленина.

«Раз имеется постановление Сибревкома,— говорилось в телеграмме,— здание ж. д. должно быть освобождено для устройства распределителя»...

Еще один маленький эпизод из того же времени.

В начале 1919 года Главное санитарное управление оказалось в беспомощном положении. Несмотря на издание и переиздание приказа по мобилизации медперсонала, таковой — преимущественно врачи — или вовсе не являлся в призывную комиссию, а признававшийся годным игнорировал предписание об отправлении на фронт. Тогда же выяснилась и причина этого явления: высшая призывная комиссия, состоявшая сплошь из матерых белогвардейцев, освобождала за скромную мзду от службы в армии весь врачебный персонал. Наглость дошла до того, что на Сухаревском рынке почти открыто продавались чистые бланки этой высшей комиссии за печатями и подлинными подписями всего состава комиссии, удостоверявшие, что врач или лекарский помощник... такой-то признан вовсе негодным для военной службы. Фамилию вписать могло любое лицо, уплатившее всего сто рублей за эту своеобразную отпускную грамоту (индულгенцию).

Разрешение этого дела, разумеется, не обошлось без Владимира Ильича. По его предложению переосвидетельствование всего медперсонала было возложено Советом Рабоче-Крестьянской Обороны на недавно образованный

Особый отдел ВЧК. Владимир Ильич этим не удовлетворился. Он дал подробную инструкцию Особому отделу, как провести операцию с начала и до конца. Не ограничиваться одним переосвидетельствованием, но проверить и своевременное назначение Главсанупром признанных здоровыми, а также проследить отбытие и прибытие их на фронт. Беспощадно расправляться с дезертирами. О ходе работ регулярно представлять ему отчет.

Первые группы медперсонала доставлялись на вокзалы под специальным контролем, на который возлагалась обязанность посадки отправляемых в вагоны и окарауливания их вплоть до отхода поезда.

Н. А. Семашко:

Санитарное состояние Страны Советов в то время было исключительно тяжелое. Отстают белые в Сибири; из Омска получена телеграмма: белые оставили целые амбары, наполненные трупами умерших от сыпняка; окружающее население поголовно заражено; зараза проникает в части Красной Армии. Харьков очищается от белых. Тотчас поступает телеграмма от начальника санитарной части тов. Щербакова: белые оставили страшное развитие эпидемии среди населения, сыпняк распространяется в Красной Армии. Так на всех фронтах тяжелое наследие белых грозило подрвать оборонную и строительную мощь Советского государства.

Ленин чрезвычайно волновался и следил за всеми перипетиями нашей борьбы с сыпняком; внимательно выслушивал меня на приемах, ставил часто доклады на заседаниях СТО и СНК; больно бранил за упущения, горячо помогал во всех трудных моментах.

Г. Я. Лозгачев-Елизаров:

В середине февраля 1919 года Марк Тимофеевич собирался в Петроград в служебную командировку, приурочив ее к торжествам 100-летнего юбилея Петроградского университета, питомцем которого он был.

Последние дни он чувствовал легкое недомогание, что-то пошаливало сердце. Обеспокоенная Анна Ильинична настойчиво уговаривала супруга отложить поездку, но он пошутил над ее тревогами и уехал.

А 21 февраля Марк Тимофеевич, будучи больным,

все-таки выступил на торжественном акте в университете. После этого сразу же почувствовал себя плохо. У него оказался сыпной тиф.

Анна Ильинична немедленно выехала в Петроград, предварительно отправив меня снова на попечение «наших». Были приняты все возможные меры к поддержанию деятельности сердца, но состояние больного не улучшалось. А наутро 10 марта Марка Тимофеевича не стало...

Я узнал об этом уже на другой день, возвратившись из школы. Открывая дверь, домработница «наших» Саня Сысоева первая сообщила мне о смерти приемного отца и дала прочесть открытку, только что полученную от Анны Ильиничны. Пораженный и растерянный, стоял я в передней, не будучи в силах осознать печальную новость. Из комнаты вышла Мария Ильинична; утешая меня, она мягко посоветовала, чтобы я подготовился к отъезду. В тот же вечер Владимир Ильич, Мария Ильинична и я выехали в Петроград на похороны Марка Тимофеевича.

Прямо с вокзала мы проехали в клинику, где и нашли убитую горем Анну Ильиничну. Выйдя к нам навстречу, она обняла брата и зарыдала, припав головой к нему на грудь. Владимир Ильич нежно и ласково пытался утешить ее, глядя, как ребенка, по волосам и целуя руки сестры.

Н. М. Анцелович:

Меня всегда поражало во Владимире Ильиче то, что он, несмотря на свою нечеловеческую перегруженность государственными делами, не забывал о своих близких, о друзьях, заботился о них, окружал вниманием. Мне вспоминается характерный для этой черты Ленина эпизод. Он относится ко времени, когда Советское правительство переехало уже в Москву.

Я жил в Петрограде, на Красной улице, недалеко от Дворца труда. Однажды ранним утром — еще только-только рассвело — меня разбудил сильный стук в дверь...

— Мы к вам по особому делу, — говорит Ильич.

От неожиданности я отступил, не знал, что сказать, но вдруг вспомнил, что не одет, и побежал в спальню, пригласив гостей движением руки в соседнюю со спальней комнату. Накидывая пиджак, думаю: что же случилось? Зачем Ильич приехал из Москвы? Почему пришел

ко мне? Я вышел в соседнюю комнату. Ильич стоял у окна. Я пригласил его сесть. Он отказался.

— У меня мало времени,— сказал он.— Я приехал на похороны Елизарова.

Я не знал о смерти Елизарова.

— Вы должны помочь нам,— добавил Владимир Ильич.— Надо организовать похороны Елизарова. Сегодня же я уезжаю в Москву.

Он сказал, что хочет проводить тело Елизарова на кладбище, идя за гробом. Я пробовал было отговорить Ленина, предложив ему ехать на автомобиле, но он категорически отказался.

С помощью товарищей из профсоюзов мы организовали похороны Елизарова.

Н. А. Абразумов:

Траурная процессия, воспоминания о потерянных самых близких ему родных наложили на лицо Владимира Ильича следы тяжелого душевного переживания. Видя это, товарищи пробовали уговорить его воспользоваться машиной — ведь путь слишком далек,— но он категорически отказался.

С Выборгской стороны — от Нижегородской улицы (ныне улица Лебедева), дом № 37-б, где находился Клинический военный госпиталь,— и до Волкова кладбища Владимир Ильич шел за гробом...

В тот день я снова убедился в железной выдержке, могучем характере Ленина, в его неповторимом умении владеть собой.

Г. Я. Лозгачев-Елизаров:

Похоронная процессия медленно двигалась по Расстанной улице, ведущей к воротам Волкова кладбища. Следом за гробом шли, поддерживая заплаканную и обессиленную сестру, Владимир Ильич и Мария Ильинична, двоюродные сестры, близкие знакомые, друзья и сослуживцы покойного.

Я шел перед катафалком, неся небольшой венок и не замечая кинооператоров, снимавших процессию. Все происходящее вокруг меня было словно во сне. На кладбище, у открытой могилы, я не мог стоять на месте, не знал, как себя держать. В эти тяжелые минуты Anne Ильиничне

было совсем не до меня. Владимир Ильич, все время следивший за мной, несколько раз нагибался ко мне и тихо увещевал, чтобы я взял себя в руки...

Н. А. Абразумов:

Несмотря на траурный день и печаль, Владимир Ильич использовал свой скорбный вынужденный приезд в Питер для встречи с трудящимися.

Г. М. Моисеев:

Зал Таврического дворца был переполнен. Собрался весь актив города — коммунисты и беспартийные рабочие, красноармейцы, матросы. Некоторые сидели и стояли в проходах, ухитрившись разместиться даже у самой трибуны, с которой выступал Ленин.

Мы — выборжцы — расположились ближе к трибуне. В зале было тепло и светло. И это тоже создавало радостное, приподнятое настроение. Ведь сверкающие люстры, натопленное большое помещение — все это было такой редкостью в голодном, задыхавшемся от недостатка топлива Петрограде.

С наших мест мы хорошо видели, как Владимир Ильич вышел из задней левой двери, как он сел за стол президиума. Зал стоя криками «Да здравствует Ильич!» шумно и долго его приветствовал. Ленин дважды поднимался и призывал собравшихся успокоиться. Сидя за столом, он все время что-то записывал в свой блокнот. Вид у Ильича был усталый, и порой казалось, что он не замечает того, что творится в зале.

*Из доклада В. И. Ленина о внешней и внутренней политике СНК
на заседании Петроградского Совета
12 марта 1919 г.*

Краткий газетный отчет

Тов. Ленин дает обзор деятельности Совета Народных Комиссаров. Он напоминает о первом периоде революции, когда массы не знали еще, что делать, и не имели достаточно авторитетных и сильных руководящих центров.

Нам хорошо было известно, говорит тов. Ленин, что

для успеха начатой борьбы необходимо было сплотить возможно теснее все эксплуатируемые массы и все трудящиеся элементы страны, и потому неизбежно перед нами встал вопрос о формах организации. И мы, отлично помня роль Советов в 1905 г., воскресили их как наиболее пригодное оружие в деле объединения трудящихся и борьбы их с эксплуататорами...

Одним из серьезных вопросов нашего культурного строительства является вопрос о деревне. Советская власть предполагает самую широкую поддержку трудящихся. К этому сводилась вся наша политика по отношению к деревне за все это время. Необходимо было связать городских пролетариев с деревенской беднотой, и мы сделали это. Сейчас установлена самая тесная связь тысячами незаметных нитей. Как и всюду, здесь мы встречаемся с большими трудностями, ибо крестьяне привыкли себя чувствовать самостоятельными хозяевами. Они привыкли продавать свободно свой хлеб, и каждый крестьянин считал это своим неотъемлемым правом.

Г. М. Моисеев:

На заседании с приветствием Ленину выступали представители трудящихся Петрограда. Петроградский комитет партии и военная секция Петросовета поручили мне как депутату Петросовета и председателю военной секции Выборгского районного Совета выступить с приветствием Ильичу от имени Петроградского гарнизона. Я с волнением ждал минуты, когда слово будет предоставлено и мне.

Помню, что с яркой приветственной речью от имени петроградских рабочих выступил член партии с 1913 г. рабочий завода Эриксон (ныне «Красная заря») И. Ф. Маврин.

— Я хотел передать товарищу Ленину, руководителю русской революции, — сказал Маврин, — что, несмотря на голод, на мучения, на то, что многие заводы и фабрики закрыты, что рабочие исстрадались, дух в рабочем классе не упал, мы так же бодро смотрим вперед, как и прежде... Петербургские рабочие, несмотря на лишения, голод и разруху, все-таки твердо стоят и держат знамя III Интернационала, знамя мировой пролетарской революции.

Слово было предоставлено и мне. Признаюсь, оказавшись на трибуне, почти рядом с Лениным, я поначалу

растерялся. Все приготовленные слова словно вылетели из головы. Но, увидев, с каким доброжелательным вниманием ждет моего выступления Ильич, я преодолел волнение.

Я заверил Ленина и всех собравшихся в нашей преданности делу партии и революции, заявил о готовности красноармейцев до конца защищать Советскую власть.

— Здесь у нас в Петрограде вождь Третьего Интернационала — Владимир Ильич Ленин, — говорил я. — Красные войска шлют ему сердечный привет и говорят, что никакие контрреволюционные силы не сумеют поколебать нашу революционную дисциплину и сознание. Да здравствует Третий Интернационал и вождь его товарищ Ленин!

Н. М. Анцелович:

Зная, какое значение Владимир Ильич придает организации сельскохозяйственных рабочих, я решил сообщить ему об этом событии, а также попросить Владимира Ильича выступить на съезде.

Помню, узнав, что Ильич в Смольном, я позвонил ему по телефону.

Ленин с удовлетворением встретил известие о созыве съезда и дал согласие приехать во Дворец труда на одно из заседаний.

Тут же по телефону он стал расспрашивать меня о том, как мы ведем работу среди сельскохозяйственных рабочих, интересовался нормами представительства на съезде и его составом...

Владимир Ильич быстро вышел из машины, без всякой охраны, один. Он обратил внимание на статую, стоявшую за оградой, где был разбит сад, — перед фасадом дворца. Статуя изображала рабочего с молотом и наковальней. Ленину фигура металлиста понравилась, и он спросил, из чего она сделана. Я ответил, что из гипса, но будет отлита в металле.

Окинув взглядом здание, над которым развевалось красное знамя, Владимир Ильич улыбнулся, молча вошел в парадную, и мы стали подниматься по широкой красивой лестнице.

Вход и лестница, видно, очень понравились Ленину, и он сказал:

— Да, это похоже на дворец!

На площадке второго этажа Владимира Ильича встречали члены президиума и представители губернских отделов профсоюзов. Я представил их товарищу Ленину.

Все вместе мы вошли в зал заседаний. Кто-то из делегатов крикнул:

— Ленин!

Все участники съезда встали. Бурно и радостно приветствовали своего вождя представители сельскохозяйственных рабочих, в прошлом — самого отсталого слоя рабочего класса.

Из речи В. И. Ленина

об организации профессионального союза

сельскохозяйственных рабочих на заседании I съезда

сельскохозяйственных рабочих Петроградской губернии

13 марта 1919 г.

Товарищи, я очень рад, что имею возможность приветствовать от лица Совета Народных Комиссаров съезд сельскохозяйственных рабочих, имеющий своей задачей основание профессионального союза сельскохозяйственных рабочих...

Вот задача, которую нам надлежит решить: сделать так, чтобы не только старые капиталисты оказались смещенными, но чтобы не могли возникнуть и новые, чтобы власть была укреплена полностью, целиком, исключительно за теми, кто трудится, кто живет своим трудом. Как это сделать? Для этого есть один путь — путь организации деревенских рабочих, пролетариев; организация эта должна быть постоянная; только в постоянной массовой организации сельскохозяйственные рабочие смогут научиться вести сами свое дело управления крупными сельскохозяйственными хозяйствами, ибо, если сами они этому не научатся, то, — как все давно слышали в песне «Интернационал», — никто на помощь тут прийти не сможет. Самое большее, что может сделать власть Советов, Советская власть, — это оказать всяческую помощь такой организации...

Городские рабочие взяли власть в городе; все, что создано в городе лучшего в смысле дворцов, помещений, в смысле культуры, все это городские рабочие несут в деревню, зная, что власть городских рабочих не может быть прочна, если не будет прочного союза с сельскохозяйственными рабочими...

Если ваш союз будет основан, будет расти, развиваться, распространяться по всей России, если он будет находиться в теснейшем единении с союзом городских рабочих, то эту трудную задачу совместными усилиями, усилиями миллионов организованных сельскохозяйственных рабочих и городских, мы решим и мы выйдем из того разорения, в которое четырехлетняя война бросила все народы и нас; мы выйдем, но выйдем не к старому хозяйству в одиночку, вразброд, — такое хозяйство осуждает людей на темноту, на нищету, на распыленность, — а мы выйдем к хозяйству общему, крупному, товарищескому...

Я позволю себе закончить, еще раз выразив приветствие от Совета Народных Комиссаров, выразив твердую уверенность, что ваш союз, которому вы здесь кладете основание, превратится в недалеком будущем в единый Всероссийский профессиональный союз сельскохозяйственных рабочих. Он будет настоящей опорой Советской власти в деревне, он будет опорой, передовой армией переделки всей сельской, деревенской жизни так, чтобы никакая эксплуатация, никакое господство богатых над бедными не могли бы возродиться на почве общего, объединенного, товарищеского труда. Вот мои пожелания, товарищи!

Г. Я. Лозгачев-Елизаров:

В тот же день вскоре после похорон Владимиру Ильичу пришлось выступать на многолюдном митинге в Народном доме. Огромный зал был переполнен; даже железные опоры, в виде мостовых ферм, поддерживающие перекрытие, были сверху донизу усеяны людьми, стремившимися устроиться где угодно и как угодно, лишь бы поближе к сцене, к трибуне, чтобы получше видеть Ленина, услышать его (радио тогда еще не было).

И. Ф. Жига:

Собрались мы, представители заводских и красноармейских организаций, — три-четыре тысячи человек. Зал был набит до отказа. Я стоял у самой трибуны внизу, так, что Ленин был аршина на два выше моей головы, и я отчетливо видел его, видел плотно сложенного человека, в костюме темного цвета...

Когда он появился на трибуне, мы все захлопали в ладоши, а он, не обращая внимания, деловито и быстро раз-

делся, пальто положил на спинку стула, сел, оперся руками на колени, внимательно, как-то озабоченно смотрел на нас, на рабочих, работниц и красноармейцев. Мне казалось тогда, что ему хочется увидеть и понять, что мы чувствуем, что переживаем, что осталось в нас революционного, кроме этих хлопупшек по его адресу. И когда зал успокоился, когда председатель объявил, что слово предоставляется тов. Ленину, он так же быстро встал и, словно приступая к работе, прошел на трибуну. Зал снова разразился аплодисментами, и он не протестовал против них. Он как будто доволен был этим. По его быстрым взглядам можно было понять, что ему хочется не самому начинать, а побольше, поглубже почувствовать нас.

*Из речи В. И. Ленина
на митинге в Народном доме в Петрограде
13 марта 1919 г.*

Газетный отчет

Главный вопрос, который интересует большинство из вас, говорит тов. Ленин, это вопрос о том, как обстоит дело с продовольствием и что предпринято в этом деле Советом Народных Комиссаров. Я позволю себе рассказать вам вкратце об этих мероприятиях. Мы вступили в тяжелое, голодное полугодие, когда все напи внешние и внутренние враги, в том числе правые и левые эсеры и меньшевики, зная, как тяжело приходится населению, пытаются сыграть на этом, пытаются свергнуть власть Советов и тем самым сознательно или бессознательно вернуть власть помещикам и капиталистам. Мы вступили в такой период времени, когда заготовка хлеба обогнала подвоз его, и образование Советской власти на Украине дает возможность рассчитывать на то, что в наступающем полугодии мы справимся с продовольственным делом лучше, чем в прошлом году, хотя нам придется пережить полугодие еще более тяжелое, чем только что истекшее. Большим плюсом для нас является поворот значительной части крестьянских масс в пользу Советской власти. Там, где побывали чехословаки, за Волгой и в Уфимской губернии, настроение даже зажиточных крестьян круто изменилось в пользу Советской власти, ибо чехословаки дали им жестокий предметный урок...

В Уфимской губернии запасы хлеба достигают 60 мил-

лионов пудов, и заготовка хлеба идет быстро. Но тут мы столкнулись с колоссальными затруднениями в транспорте. На железнодорожных линиях: Казань — Сарапуль и Волга — Бугульма имеется до 10 миллионов пудов уже заготовленного хлеба. Но мы не можем его вывезти, ибо налицо недостаток паровозов, вагонов, топлива и непомерное истощение паровозной службы. Чтобы усилить товарную провозоспособность наших железных дорог, нам пришлось прибегнуть к весьма решительной мере: с 18 марта по 10 апреля по всей России будет прекращено движение пассажирских поездов. Прежде чем решиться на такую меру, мы трижды обсуждали ее с товарищами железнодорожниками и с выдающимися специалистами железнодорожного дела...

Должен отметить, что чехословаки и казаки продолжают свою тактику — разрушают, что могут. Взорвав железнодорожный мост через Волгу, они вслед за тем уничтожили все мосты и привели в полную негодность все заволжские железнодорожные магистрали. В Совете Народных Комиссаров мы долгое время совещались о том, как восстановить хотя бы две железнодорожные линии: Лиски — Ростов и Лихая — Царицын. Были приняты решительные меры, и на последнем заседании Совета Обороны, состоявшемся в понедельник 10 марта, выяснилось, что все инструменты и материалы на эти линии уже подвезены и до наступления весенней распутицы они будут восстановлены.

И. Ф. Жига:

...Когда он начал говорить, когда зазвучал в зале его сдержанно-страстный глуховатый голос, когда на наши головы полетели немножко картавые, как неотесанные камни, слова, — эти слова не были митинговой агитацией — красивого в них ничего не было, не было и зажигающего пафоса. Была только страшная неприкрытая правда. Помню, начал он свою речь с того, что «страна переживает неслыханный голод». Он не говорил, что вы, мол, питерцы, переживаете голод, он не жалел нас. Он как будто говорил не нам, питерцам, которые пришли сюда с желудками, в которых вместо хлеба — вода. Он говорил — «страна переживает голод»...

И помню, когда он нарисовал нам голод страны, когда без всякой утайки рассказал, что у нас ничего нет, что

правительство вынуждено было приостановить пассажирское движение, чтобы освободить паровозы для подвозки хлеба, что нам грозит ужасная голодная катастрофа, мне тогда становилось страшно...

Как сейчас, помню, стоит он надо мной, крепко схватившись руками за край трибуны, говорит быстро, без передышки, страстно. Лысая голова его полукругом охвачена волосами, белый высокий лоб, скуластое, упругое, разгоряченное лицо и глубокие лучистые глаза.

Я видел, как у многих рабочих также горели глаза, горели желанием раздавить этих жуликов, которые мешают нам победить врага и вырваться из этого кошмарного сегодня, чтобы начать жить в новой жизни, которая вот тут, совсем близко, перед нами, только надо еще раз сделать усилие, чтобы ее схватить.

А он, как будто зная наше настроение, говорил:

— Мы послали на Украину наши лучшие советские силы. И уже получили сообщение: «Запасы хлеба громадные, но всего сразу вывезти нельзя, нет аппарата». Немцы разорили Украину. Там полный хаос.

П. И. Усанов:

Огромный подъем вызвала речь Ленина у всех слушателей, особенно у нас — тогдашних комсомольских активистов. Каждый хотел бы, как Ленин, всю свою жизнь посвятить Коммунистической партии и рабочему классу.

Г. Я. Лозгачев-Елизаров:

Произнося речь, Ленин словно загорался и своими словами зажигал всех слушавших его. Было и есть немало ораторов, привязанных к трибуне пачкой тезисов или заранее написанной речью, говорящих монотонно и скучно, скупыми и однообразными жестами подкрепляющих свои доводы. Они или не отрывают взгляда от бумажки, или смотрят куда-то поверх голов слушателей.

Не таким был Ленин: если у него и были вспомогательные записи, он лишь мельком взглядывал на них и нередко свободно продолжал свою речь, жестикулируя зажатými в кулак «тезисами». Трибуна была тесна ему: он не мог оставаться неподвижно на месте, а устремлялся, перегнувшись через край трибуны, вперед и, словно успевая взглянуть в глаза каждому, обращался ко всем сра-

зу так, что каждому казалось, что это именно ему одному говорит Ленин, подчеркивая неповторимыми жестами то одной, то другой руки свои фразы и положения.

Иногда он покидал трибуну, проходил быстрыми шагами к самому краю сцены и, пригнувшись, выбрасывал навстречу зачарованной аудитории обе руки с вытянутыми ладонями, не переставая говорить и в то же время хитро и лукаво улыбаясь и прищуривая глаза. И снова возвращался к трибуне под гул одобрительных возгласов и аплодисментов, никогда не поворачиваясь при этом спиной к своим слушателям.

Тем более невозможно описать все богатство интонаций ленинских речей. Я никогда не перестану поражаться тому, как слушали Ленина. Многие не сводили с Ильича восхищенного взгляда, пока он говорил. Только Ленин мог так проникать в самую глубину человеческой души. Только он один!

Е. Д. Стасова:

Было это в марте 1919 года. Заболел Яков Михайлович Свердлов. Я получила в Петрограде телеграмму: «Болезнь затягивается, приезжайте готовить партийный съезд». Застала я Якова Михайловича в безнадежном состоянии. Заседания ЦК происходили ежедневно, и Владимир Ильич каждый раз спрашивал:

— Ну, что Яков Михайлович? Как его положение?

Справлялся он об этом и по телефону.

П. Д. Мальков:

Владимир Ильич был очень близок с Яковым Михайловичем, очень ценил его... Каждое утро, обходя посты, я встречал Якова Михайловича, шагающего к подъезду Совпаркома, к Ленину. На голове летом — фуражка, зимой — круглая шапка, в руках — большой портфель желтой кожи, до отказа набитый бумагами. И я знал, что рабочий день Свердлова начинается беседой с Ильичем, что редко он направлялся в свой кабинет, не побывав предварительно у Ильича. А сколько раз я видел их вместе в президиуме различных съездов, конференций, совещаний, на заседаниях ВЦИК и его большевистской фракции!

К. Т. Свердлова:

Вереницей шли... люди к Якову Михайловичу. Шли члены ЦК и работники московской организации, члены ВЦИК, наркомы и начавшие съезжаться делегаты VIII партийного съезда. Сколько было среди них товарищей, сколько боевых соратников, друзей! Всех волновал вопрос, что со Свердловым, как он. Каждый хотел ободрить, сказать дружеское слово, никто не думал о печальном конце.

Е. Д. Стасова:

Накануне смерти Якова Михайловича я была у Владимира Ильича и сказала ему:

— Владимир Ильич, мне думается, что ваше присутствие, хотя бы на полминуты, у Якова Михайловича придало бы ему бодрости, очень он духом как-то упал, а для болезни это скверно.

Владимир Ильич ответил:

— Вы так думаете? Я сейчас иду.

Его стали отговаривать, говоря, что Яков Михайлович болен испанкой, что болезнь заразная, но он махнул рукой, пошел к нему...

К. Т. Свердлова:

Быстро пройдя через толпу товарищей, Ленин вошел к Якову Михайловичу. В этот момент к Свердлову на мгновение вернулось сознание. Он узнал Ильича и ласково, но жалобно, как-то по-детски беспомощно улыбнулся. Владимир Ильич взял его за руку и нежно, ласково стал гладить эту ослабевшую руку.

В страшной, мучительной тишине прошло десять, пятнадцать минут. Рука Якова Михайловича безжизненно упала на одеяло. Владимир Ильич как-то судорожно глотнул, низко опустил голову и вышел из комнаты. Его окружили. Он молча взял со стола свою кепку, резко нагнул ее на самые глаза и, ни на кого не глядя, никому не сказав ни слова, по-прежнему низко склонив голову, ушел.

Через несколько минут Якова Михайловича не стало.

Е. Д. Стасова:

Настроения Владимира Ильича после этого посещения я, кажется, никогда не забуду. После свидания он ушел, надвинув кепку на лоб и не глядя ни на кого. Он весь был под впечатлением того, что один из лучших наших товарищей стоит на пороге смерти. Он был буквально потрясен и не хотел ни с кем говорить, не хотел ни на кого смотреть.

В. Д. Бонч-Бруевич:

16 марта 1919 г. умер Свердлов...

И помню, как еще накануне в кабинете Владимира Ильича при мне вдруг зазвонил телефон. Владимир Ильич поднял трубку, и на его лице отразилось страдание. Я только что рассказывал ему, что Яков Михайлович тяжело болен, что у него температура 40°, что врачи не решаются сказать правду, но по всему видно, что положение крайне серьезное. Мне это было ясно более, чем кому-либо другому, так как я совсем недавно перенес смерть моей жены Веры Михайловны Бонч-Бруевич (Величкиной), все от той же ужасной «испанки», и все признаки болезни, которые я наблюдал у нее, бросались мне в глаза, когда я бывал около Якова Михайловича. Мы как раз обсуждали с Владимиром Ильичем, кого еще вызвать к нему и чем ему помочь, и вдруг — телефонный звонок! Звонил, оказалось, сам Яков Михайлович: он просил поставить телефон около своей постели и в полубреду продолжал делать распоряжения по ВЦИКу, вспоминал то самое необходимое, что не успел доделать из своей громадной работы в ЦК партии.

Владимир Ильич спокойным голосом, со страдальческой складкой на лице, говорил ему:

— Яков Михайлович, не надо, успокойтесь, все будет сделано. Мы знаем все ваши желания, мы знаем все, что вы хотели осуществить в эти дни. Не тревожьте себя... Я к вам приду, — сказал он наконец, видя, что его слова не действуют на Якова Михайловича.

— Как возбужден он, — грустно сказал Владимир Ильич. — Это плохо, ему не надо волноваться, он еще больше лишает себя сил.

— Да, сердце работает ужасно, — ответил я. — Ему

совсем не надо бы говорить по телефону, но он, лежа в постели, больной, все так же деятелен.

Владимир Ильич заторопился и сказал, что пойдет к нему.

И вот на другой день, 16 марта, мне позвонили, что Яков Михайлович очень плох. Я быстро оделся и бегом бросился к нему на квартиру. И тут, почти около входа в квартиру Якова Михайловича, я встретил Владимира Ильича. Он был бледен и невероятно грустен. Шел с поникшей головой, сосредоточенный. Посмотрев на меня, вымолвил:

— Умер...

Постоял и пошел дальше...

В квартире Свердлова царила мертвая тишина... Никто не плакал. Все стояли, опустивши голову... Через несколько минут мне сказали: когда пришел Владимир Ильич, Яков Михайлович стал что-то возбужденно ему говорить. Владимир Ильич взял его за руку, и тот сжал ее. Тихим голосом Владимир Ильич успокаивал его:

— Вы усните, постарайтесь заснуть, — вам будет легче.

Яков Михайлович вдруг успокоился, забылся, как будто заснул. Все было тихо, и он спокойно умер.

Мы торжественно его хоронили. Скрепя сердце несли мы его туда, к Кремлевской стене. Мы знали, что из наших рядов вырван один из самых преданных, самых смелых бойцов за революцию и заменить эту брешь будет очень трудно.

Н. К. Крупская:

За два дня до съезда умер Председатель ВЦИК Яков Михайлович Свердлов. Говоря о Якове Михайловиче на его похоронах, Ильич отмечал умение Якова Михайловича связывать теорию с практикой, говорил о моральном авторитете, об организаторском таланте Свердлова, но особенно подчеркивал ценность его работы в качестве *организатора широких пролетарских масс*.

*Из речи В. И. Ленина на экстренном заседании ВЦИК
18 марта 1919 г.*

Товарищи! В день, когда рабочие всего мира чествуют героический подъем Парижской Коммуны и ее трагический конец, нам приходится хоронить Якова Михайловича Свердлова. Тов. Свердлову довелось в ходе нашей ре-

волюции, в ее победах, выразить полнее и цельнее, чем кому бы то ни было другому, самые главные и самые существенные черты пролетарской революции, и именно в этом в еще гораздо большей степени, чем в его беззаветной преданности революционному делу, заключается значение его, как вождя пролетарской революции...

Если мы бросим взгляд на жизненный путь этого вождя пролетарской революции, то увидим сразу, что его замечательный организаторский талант выработался в ходе долгой борьбы, что этот вождь пролетарской революции каждое из своих замечательных свойств крупного революционера выковал сам, пережив и испытав различные эпохи в наиболее тяжелых условиях деятельности революционера. В первый период своей деятельности, еще совсем юношей, он, едва проникнувшись политическим сознанием, сразу и целиком отдался революции. В эту эпоху, в самом начале XX века, перед нами был тов. Свердлов, как наиболее отчеканенный тип профессионального революционера, — человека, целиком порвавшего с семьей, со всеми удобствами и привычками старого буржуазного общества, человека, который целиком и беззаветно отдался революции и в долгие годы, даже десятилетия, переходя из тюрьмы в ссылку и из ссылки в тюрьму, выковавшего в себе те свойства, которые закаляли революционеров на долгие и долгие годы.

Но этот профессиональный революционер никогда, ни на минуту не отрывался от масс...

Через нелегальные кружки, через революционную подпольную работу, через нелегальную партию, которую никто не воплощал и не выражал так цельно, как Я. М. Свердлов, — только через эту практическую школу, только таким путем мог он прийти к посту первого человека в первой социалистической Советской республике, к посту первого из организаторов широких пролетарских масс.

Товарищи! Всем, кому приходилось, как приходилось мне, работать изо дня в день с тов. Свердловым, тем особенно ясно было, что только исключительный организаторский талант этого человека обеспечивал нам то, чем мы до сих пор гордились и гордились с полным правом...

Если нам удалось в течение более чем года вынести непомерные тяжести, которые падали на узкий круг беззаветных революционеров, если руководящие группы могли так твердо, так быстро, так единодушно решать труд-

нейшие вопросы, то это только потому, что выдающееся место среди них занимал такой исключительный, талантливый организатор, как Яков Михайлович. Только ему удалось соединить в себе удивительное знание личного состава руководящих деятелей пролетарского движения, только ему удалось за долгие годы борьбы, — о которой я могу сказать здесь лишь слишком кратко, — выработать в себе замечательное чутье практика, замечательный талант организатора, тот безусловно непререкаемый авторитет, благодаря которому крупнейшими отраслями работы Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, которые под силу были лишь группе людей, — целиком и исключительно единолично ведал Яков Михайлович.

СЪЕЗД ПРИНИМАЕТ ПРОГРАММУ СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИЗМА

Т. Ф. Людвинская:

Хмурым вечером 18 марта 1919 года, в День Парижской коммуны, я шла к Кремлю на открытие VIII съезда РКП(б). На улицах еще лежал снег. Не успевали убирать его зимой, теперь он чернел и ноздрился на обочинах тротуаров под первыми сырыми ветрами весны и косыми лучами солнца...

Подходила я к зданию бывших Судебных установлений в Кремле, видела густеющие толпы делегатов, приехавших со всех концов страны, и думала: вот этот, в длиннополой шинели с красными полосками и петлицами, в буденовке со звездой, без сомнения, комиссар полка или дивизии, только что с фронта...

А тот, седоватый, в штатском пальто, с парусиновым портфелем, который как на чудо глядит на зубчатые стены, на храмы Кремля, не прибыл ли он из подполья, с территории, занятой врагом?..

А этот, совсем юный, в кожанке, наверное, представитель комсомола где-нибудь в ЧОНе, по борьбе с бандитизмом.

Ф. И. Панферов:

В тысяча девятьсот девятнадцатом году мы из Саратова на VIII съезд партии ехали восемнадцать дней: то

не хватало топлива для паровоза, то вдруг машинисты ушли в деревню и гуляли там день-два, то вдруг начинали гореть буксы. Наша делегация поместилась в отдельном вагоне, заняв одно купе буханками черного хлеба, другое — мясом, целой коровьей тушей...

Но вот и Москва.

Выйдя из вагона, на всякий случай захватив с собой по буханке хлеба, мы облегченно вздохнули: наконец-то прибыли в столицу! Сейчас трамвай довезет нас на Садовую-Каретную в Третий Дом Советов, там передохнем — и утрем в Кремль, на съезд...

Выходим на площадь. Она не очищена от снега, вся в кочках и ямах. В воздухе вонючая гарь. Трамваи не ходят. Изредка только проносится одинокий вагон с отбитыми подножками — это чтобы не садились в него, — переполненный дровами и бочками.

Мы постояли, посмотрели на площадь, и руководитель нам сказал:

— Видно, пешком придется...

...Кремль.

На его башнях еще красуются золотые орлы.

Мы входим в зал. До открытия съезда еще около часа. По мандатам выдают книги. Жадно забираем все, что можно. Затем через узкое окно смотрим на кремлевскую площадь и ждем — скоро придет Владимир Ильич Ленин.

Увидеть Владимира Ильича собственными глазами — какая это радость!

Г. Ф. Людви́нская:

Шли делегаты в шинелях, полушубках, кожанках, платках. Так и сидели они потом в зале, не снимая верхней одежды, потеснее прижавшись друг к другу, — помещение ведь не отапливалось. Свыше четырехсот делегатов, из них двадцать женщин, собрались в Круглом, ныне Свердловском, зале, ждали начала съезда.

В 7 часов 10 минут вечера в президиуме появился Ленин. В едином порыве поднялись делегаты приветствовать своего вожда...

Владимир Ильич поднялся на трибуну. Первое слово он посвятил безвременно ушедшему от нас дорогому для всей партии, для всей Советской Республики Якову Михайловичу Свердлову...

П. Д. Мальков:

В Кремле, в Круглом зале здания ВЦИК, названном отныне Свердловским, я увивал черным крепом алые полотнища знамен и лозунгов. Открывался VIII съезд РКП(б). В гробовой тишине зазвучали скорбные слова Ильича.

*Из речи В. И. Ленина при открытии съезда
18 марта*

Товарищи, первое слово на нашем съезде должно быть посвящено тов. Якову Михайловичу Свердлову. Товарищи, если для всей партии в целом и для всей Советской республики Яков Михайлович Свердлов был главнейшим организатором, о чем сегодня на похоронах высказывались многие товарищи, то для партийного съезда он был гораздо ценнее и ближе. Здесь мы потеряли товарища, который последние дни целиком отдал съезду. Здесь его отсутствие скажется на всем ходе нашей работы, и съезд будет чувствовать его отсутствие особенно остро. Товарищи, я предлагаю почтить его память вставанием. (Все встают.)

Товарищи, нам приходится открывать работы нашего партийного съезда в очень трудный, сложный и своеобразный момент русской и всемирной пролетарской революции. Если первое время после Октября силы партии и силы Советской власти почти целиком были поглощены задачей непосредственной защиты, непосредственного отпора врагам, буржуазии и внешней и внутренней, которая не допускала мысли о сколько-нибудь длительном существовании социалистической республики, — то постепенно мы стали все-таки укрепляться, и на первое место начали выдвигаться задачи строительства, задачи организационные. Мне кажется, что нашему съезду придется целиком пройти под знаком этой работы строительства и работы организационной. И вопросы программы, которые в теоретическом отношении представляют громадную трудность, больше всего сводятся к вопросам строительства, и специально стоящие в порядке дня съезда организационный вопрос, вопрос о Красной Армии и в особенности вопрос о работе в деревне, — все это требует от нас напряжения и сосредоточения внимания на главном вопросе, представляющем наибольшие трудности, но и наиболее благодарную задачу для социалистов: на вопросе организационном...

Н. К. Крупская:

Все вопросы, которых Ильич касался на VIII съезде, он тесно увязывал с вопросами организационными. Он говорил об аппарате, о бюрократизме, о культуре, о том, как бескультурье стоит поперек дороги строительству социализма, мешает вовлечению в строительство социализма широких масс, мешает борьбе с пережитками старого, мешает выкорчевыванию бюрократизма; говорил о деревне, о том, как надо закрепить влияние пролетариата, не только на сельских рабочих, не только на бедноту, но и на самый широкий слой крестьянства, на среднее крестьянство, живущее не эксплуатацией рабочей силы, а своим трудом, говорил, как надо сделать из него опору Советской власти, обслужить его в деле снабжения, говорил о кооперации, о том, что коммунизм надо строить из того, что оставил нам в наследство капитализм, что построить коммунизм нельзя руками одних коммунистов, что надо использовать старых специалистов, использовать науку, весь опыт буржуазного строительства и взять от них то, что нам нужно.

Т. Ф. Людвинская:

Ленин выступает с докладом. Он говорит о необходимости отпора врагам, задачах социалистического строительства, об укреплении Красной Армии, об отношении к среднему крестьянству. Мы, делегаты, снова в едином порыве аплодируем его словам, верим, что никакие силы не задержат революции. И в глазах у каждого — величайшая преданность нашему делу.

Ленин с нами! Он выступает с отчетом ЦК.

*Из отчета Центрального Комитета
18 марта*

(Бурные, продолжительные аплодисменты; возгласы: «Да здравствует Ильич!», «Да здравствует товарищ Ленин!».) Товарищи, позвольте мне начать с политического отчета Центрального Комитета...

Если начать с внешней политики, то, само собой разумеется, на первом месте стоят наши отношения к германскому империализму и Брестский мир...

...Единственно правильной оказалась та политика, которую мы предприняли по отношению к Бресту, хотя, ко-

нечно, эта политика обострила тогда нашу вражду с целым рядом мелкобуржуазных элементов... Тут история дала нам урок, который нужно хорошенько усвоить... Этот урок состоит в том, что отношения партии пролетариата к мелкобуржуазной демократической партии, к тем элементам, слоям, группам, классам, которые в России особенно сильны и многочисленны и которые есть во всех странах, что эти отношения — задача чрезвычайно сложная и трудная...

Что касается мелкобуржуазных элементов, то здесь задача партии еще не разрешена окончательно. В целом ряде вопросов... стоящих в порядке дня, мы за истекший год создали фундамент для правильного решения этой задачи, особенно по отношению к среднему крестьянину...

Н. К. Крупская:

На VIII съезде партии Владимир Ильич говорил о необходимости товарищеского подхода к среднему крестьянину, о недопустимости насилия по отношению к нему, о необходимости помощи ему, в первую очередь в деле механизации сельского хозяйства, в деле облегчения и улучшения его экономического положения, в деле улучшения быта, поднятия культуры.

*Из доклада В. И. Ленина о работе в деревне
23 марта 1919 г.*

По отношению к помещикам и капиталистам наша задача — полная экспроприация. *Но никаких насильий по отношению к среднему крестьянству мы не допускаем...*

Основное различие, которое определяет наше отношение к буржуазии и к среднему крестьянству, — полная экспроприация буржуазии, союз с средним крестьянством, не эксплуатирующим других, — эта основная линия в теории всеми признается. Но на практике эта линия соблюдается непоследовательно, на местах не научились еще соблюдать ее. Когда, свергнув буржуазию и укрепив свою власть, пролетариат взялся с разных сторон за дело созидания нового общества, вопрос о среднем крестьянстве выдвинулся на первый план. Ни один социалист в мире не отрицал того, что созидание коммунизма пойдет по-разному в странах крупного земледелия и в странах мелкого земледелия. Это — самая элементарная, азбучная истина. Из этой истины вытекает, что, по мере того как мы приближаемся к

задачам коммунистического строительства, центральное внимание наше должно сосредоточиваться в известной мере как раз на среднем крестьянстве...

Пролетариат в массе за социализм, буржуазия в массе против социализма,— определить отношение между двумя этими классами легко. А когда мы переходим к такому слою, как среднее крестьянство, то оказывается, что *это — такой класс, который колеблется*. Он отчасти собственник, отчасти труженик. Он не эксплуатирует других представителей трудящихся. Ему десятилетия приходилось с величайшим трудом отстаивать свое положение, он испытал на себе эксплуатацию помещиков и капиталистов, он вынес все, и в то же время он — собственник. Поэтому наше отношение к этому колеблющемуся классу представляет громадные трудности. Основываясь на нашем более чем годичном опыте, на нашей более чем полугодовой пролетарской работе в деревне, на том, что уже произошло классовое расслоение деревни,— мы больше всего должны остерегаться здесь торопливости, неумелой теоретичности, претензий счесть готовым то, что нами вырабатывается, чего мы еще не выработали. В резолюции, которую предлагает вам комиссия, выбранная секцией, и которую вам прочтет один из дальнейших ораторов, вы найдете достаточное предостережение на этот счет.

С точки зрения экономической ясно, что нам нужно пойти на помощь среднему крестьянству...

Когда мы брали власть, мы опирались на все крестьянство целиком. Тогда у всех крестьян была одна задача — борьба с помещиками. Но до сих пор у них осталось предубеждение против крупного хозяйства. Крестьянин думает: «Если крупное хозяйство, значит, я опять батрак». Конечно, это ошибочно. Но у крестьянина с представлением о крупном хозяйстве связана ненависть, воспоминание о том, как угнетали народ помещики. Это чувство остается, оно еще не умерло.

Больше всего мы должны основываться на той истине, что здесь методами насилия по самой сути дела ничего нельзя достигнуть. Здесь экономическая задача стоит совсем иначе. Здесь нет той верхушки, которую можно срезать, оставив весь фундамент, все здание. Той верхушки, которою в городе были капиталисты, здесь нет. *Действовать здесь насильем, значит погубить все дело*. Здесь нужна работа длительного воспитания. Крестьянину, который не только у нас, а во всем мире, является практиком и ре-

листом, мы должны дать конкретные примеры в доказательство того, что «коммуния» лучше всего...

По этому вопросу мы должны сказать, что коммуны мы поощряем, но они должны быть поставлены так, *чтобы завоевать доверие крестьянина*. А до тех пор мы — учащиеся у крестьян, а не учителя их. Нет ничего глупее, когда люди, не знающие сельского хозяйства и его особенностей, люди, которые бросились в деревню только потому, что они слышали о пользе общественного хозяйства, устали от городской жизни и желают в деревне работать, — когда такие люди считают себя во всем учителями крестьян. *Нет ничего глупее, как самая мысль о насилии в области хозяйственных отношений среднего крестьянина*.

Задача здесь сводится не к экспроприации среднего крестьянина, а к тому, чтобы учесть особые условия жизни крестьянина, к тому, чтобы учиться у крестьян способам перехода к лучшему строю и *не сметь командовать!* Вот правило, которое мы себе поставили. (Аплодисменты всего съезда)...

Среднее крестьянство в коммунистическом обществе только тогда будет на нашей стороне, когда мы облегчим и улучшим экономические условия его жизни. Если бы мы могли дать завтра 100 тысяч первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами (вы прекрасно знаете, что пока это — фантазия), то средний крестьянин сказал бы: «Я за коммунию» (т. е. за коммунизм). Но для того, чтобы это сделать, надо сначала победить международную буржуазию, надо заставить ее дать нам эти тракторы, или же надо поднять нашу производительность настолько, чтобы мы сами могли их доставить. Только так будет верно поставлен этот вопрос...

Как свергнуть буржуазию, как ее подавлять, — этому мы научились и этим гордимся. Как урегулировать отношения с миллионами среднего крестьянства, каким путем завоевать его доверие, этому мы еще не научились, — это надо сказать открыто. Но задачу мы поняли, мы ее поставили и мы себе говорим со всей надеждой, со всем знанием и со всей решительностью: с этой задачей мы справимся, и тогда социализм будет абсолютно непобедим.

Ф. И. Панферов:

Я внимательно слушаю Владимира Ильича, и мне кажется, что он высказывает мои мысли. Да, да, вот так ду-

мал и я. Но тут же опровергаю себя: да нет. У меня, конечно, было что-то смутное. Но почему же мне кажется: что-то подобное я где-то говорил?

Во время перерыва я расспрашивал делегатов, какое у них впечатление от выступления Ильича.

Все в один голос утверждали:

— Наши думы высказал! — в чем и были глубоко уверены, но вскоре выяснилось, что мы, практические создатели Советской власти, приблизительно и довольно туманно думали о том же самом, что высказал Ленин.

Так он народен, наш Владимир Ильич...

Мы знаем хозяйственное, политическое и военное положение нашей страны: поля почти не засеваются, рабочие выпускают зажигалки — в виде танков, пушек, снарядов и так далее. Транспорт? Восемнадцать дней ехали из Саратова до Москвы — это вместо полутора суток...

Ильич, конечно, все это знает лучше нас, и, однако, вот он о чем:

— Если деревне дать сто тысяч тракторов!

Признаться, мы не видели трактора. Что это за штука такая? Хоть бы посмотреть! А Ленин — сто тысяч. Раз они произведут такой переворот в умах крестьян, то рабочий класс, безусловно, эту «фантазию» превратит в быль. Не теперь — так завтра, не завтра — так через год-два, но тракторы поползут по крестьянским полям.

Р. Б. Борисова:

20 марта я присутствовала на заседании военной секции при обсуждении вопроса строительства Красной Армии. Протекало обсуждение чрезвычайно бурно. Делегаты — военные работники, создавшие «военную оппозицию», выступали против использования в армии военных специалистов, за выборность командиров, оспаривая ленинскую линию в этом вопросе.

Но вот заговорил Владимир Ильич. Он спросил, понимают ли эти работники, что нигде, ни в одной стране, даже там, где пролетарские и трудящиеся массы более грамотны и развиты, чем в России, при победе социалистической революции, при установлении диктатуры пролетариата нельзя будет строить коммунизм без необходимого запаса знаний техники, культуры у нового класса. А этот запас знаний находится в руках буржуазных специалистов, большинство которых не сочувствует диктатуре пролетариата.

То же и в области военной. Построить дисциплинированную, боеспособную, мощную армию для защиты диктатуры пролетариата от всех его врагов нельзя без старых офицеров и полковников. Чтобы создать такую армию, мы должны взять их на службу и заставить служить нам — первому пролетарскому государству. Только лишь создав такую армию, мы одержим победу на всех фронтах против буржуазной контрреволюции и несмотря даже на то, что отдельные военные специалисты могут изменить нам.

На заседании съезда 21 марта обсуждались военные вопросы. В кратком выступлении Владимир Ильич обосновал задачу построения Красной Армии при помощи военных специалистов и унаследованной от буржуазии науки.

Т. Ф. Любвинская:

О партийной программе также докладывает Ленин.

*Из доклада В. И. Ленина
о партийной программе
19 марта*

Тов. Бухарин, по-моему, не совсем верно изложил здесь то, почему большинство комиссии отвергло все попытки построить программу с вычеркиванием всего того, что говорилось о старом капитализме... Большинство комиссии отвергло такие попытки, потому что они были бы неверны. Они не соответствовали бы действительному положению дела. Чистый империализм без основной базы капитализма никогда не существовал, нигде не существует и никогда существовать не будет... Мы в России сейчас переживаем последствия империалистской войны и начало диктатуры пролетариата. В то же время в целом ряде областей России, которые были отрезаны друг от друга более, чем прежде, мы переживаем сплошь и рядом возрождение капитализма и развитие его первой стадии. Из этого не выскочить. Если написать программу так, как хотел тов. Бухарин, — эта программа будет неверна...

...Наша программа, если она хочет быть верной, должна сказать то, что есть...

То же самое я должен сказать по отношению к *национальному вопросу*. И здесь тов. Бухарин принимает желаемое за действительность. Он говорит, что признавать право

наций на самоопределение нельзя... Это ни с чем не сопорозно!

...Все нации имеют право на самоопределение.

Г. Ф. Людвинская:

Много было споров с Бухариным, Пятаковым, но съезд пошел за Лениным.

*Из резолюции съезда по отчету
Центрального Комитета*

Заслушав и обсудив отчет ЦК РКП, действовавшего при такой трудной обстановке, VIII съезд партии выражает свое полное одобрение политической деятельности Центрального Комитета.

Г. Ф. Людвинская:

«Пусть мы со всех сторон окружены врагами, пусть Деникин готовится въехать на белом коне в белокаменную Москву, пусть правитель омский примеряет царскую корону — мы здесь, в Кремле, глубоко верим в победу рабочего класса и будем сейчас обсуждать программу построения социализма. Ленин укажет нам путь!» — такие мысли владели каждым из нас.

Семнадцать раз выступал на этом съезде Владимир Ильич. В труднейшей обстановке боевого девятнадцатого года указал он пути развития страны к социализму, основы которого еще лишь закладывались. Ленин смотрел далеко вперед.

*Из Программы Российской Коммунистической
партии (большевиков)*

Октябрьская революция 25 октября (7 ноября) 1917 г. в России осуществила диктатуру пролетариата, начавшего при поддержке беднейшего крестьянства или полупролетариата созидать основы коммунистического общества...

Только пролетарская, коммунистическая революция может вывести человечество из тупика, созданного империализмом и империалистическими войнами. Каковы бы ни были трудности революции и возможные временные неуспехи ее или волны контрреволюций, — окончательная победа пролетариата неизбежна.

Нам пришлось собраться в особенно трудную минуту потому, что международный империализм, — теперь в этом уже нет совсем сомнений, — делает последнюю, особенно сильную попытку раздавить Советскую республику...

При этих трудных условиях нам в короткий срок удалось сделать очень крупное дело. Нам удалось утвердить, и притом единогласно, — как и все существенные решения съезда, — нам удалось утвердить программу. Мы уверены, что она, несмотря на многочисленные редакционные и другие недочеты, уже вошла в историю III Интернационала как программа, подводящая итоги новому этапу всемирного освободительного движения пролетариата. Мы уверены, что в целом ряде стран, где у нас гораздо больше союзников и друзей, чем мы знаем, простой перевод нашей программы будет лучшим ответом на вопрос, что сделала Российская коммунистическая партия, которая представляет один из отрядов всемирного пролетариата. Наша программа будет сильнейшим материалом для пропаганды и агитации, будет тем документом, на основании которого рабочие скажут: «Здесь наши товарищи, наши братья, здесь делается наше общее дело».

Ф. И. Панферов:

Владимир Ильич тогда нас так вдохновил, что мы забыли промерзшую Москву — перед нами предстала вся наша необъятная страна с ее неисчерпаемыми богатствами природы и исполинскими народными силами.

Т. Ф. Людвинская:

Прямо со съезда делегаты шли в бой за первую молодую Советскую республику, уверенные в своей победе, в победе коммунизма.

ВСЕ СИЛЫ НА РАЗГРОМ ВРАГА!

*Из доклада В. И. Ленина о внешнем
и внутреннем положении Советской республики
на Чрезвычайном заседании пленума
Московского Совета рабочих
и красноармейских депутатов*

3 апреля 1919 г.

Товарищи! Мой доклад о внешнем и внутреннем положении Советской республики мне приходится начинать с того, что как раз теперешние месяцы, с наступающей весной, мы опять переживаем чрезвычайно трудное положение...

Вчера было известие о взятии Мариуполя. Ростов, таким образом, оказывается окруженным полукругом. Словом, все усилия страны Согласия направляют на то, чтобы выручить Краснова и чтобы как раз нынешней весной нанести нам сильный удар...

Теперь немцы идут на Двинск, чтобы отрезать Ригу. С севера им помогают эстонские белогвардейцы на деньги, которые посылает Англия, при помощи добровольцев, которых посылают шведы и датчане, насквозь подкупленные миллиардерами Англии, Франции и Америки. Они действуют по совершенно ясному для нас общему плану, пользуясь тем, что в Германии они кровавыми подавлениями ослабили движение спартаковцев и революционеров...

И, как всегда, не ограничиваясь внешним натиском, они действуют внутри страны путем заговоров, восстаний, попыток бросания бомб и взрыва водопровода в Петрограде, о чем вы читали в газетах, в виде попытки разобрать железнодорожные пути, которая была сделана недалеко от Самары, — это главный железнодорожный путь, доставляющий нам сейчас хлеб с востока. Часть этого хлеба погибла, захвачена Колчаком.

Н. К. Крупская:

Кругом свирепствовали голод, нищета. Надо было крепить Красную Армию, поддерживать в ней боевое настроение, продумывать планы на военном фронте, нужно было обеспечить снабжение хлебом Красной Армии, тыла, рабо-

чих центров, надо было широко развешивать разъяснительную и агитационную работу, надо было весь управленческий аппарат строить по-новому — не по-старому, не по-бюрократически, а по-новому, по-советски, — нужно было подбирать кадры, учить их, вникать во все мелочи.

И хоть ни на минуту не ослабевала у Ильича уверенность в победе, но работал он с утра до вечера, громадная забота не давала ему спать. Бывало, проснется ночью, встанет, начнет проверять по телефону, выполнено ли то или иное его распоряжение, надумает телеграмму еще какую-нибудь добавочную послать. Днем мало бывал дома, больше сидел у себя в кабинете: приемы у него шли. Я в эти горячие месяцы видела его меньше обыкновенного, мы почти не гуляли, в кабинет заходить не по делу я стеснялась: боялась помешать работе.

А. Ф. Мясников:

Весна и лето 1919 года. Это — полное тревоги, печали и трагизма время для нашей страны. Наступление сильнейшего врага. Полная разруха хозяйства. Распыление пролетариата. Голод, нужда и недовольство...

Мы, московские работники, обратились тогда за советом к товарищу Ленину. Всегда в минуты невзгод и трудностей каждый из нас неизменно обращался к нему за помощью письменно, по телефону, лично. На этот раз разговор был по телефону. Мы в нескольких словах информировали его о положении в районах, в частности в Сокольническом районе. Он нашел, что положение серьезное, но что единственный выход — идти к рабочим и терпеливо растолковывать им, объяснять, в каком положении находится Советская власть, рассказать, что Красная Армия истекает кровью, что мы со всех сторон окружены, что остается еще несколько месяцев и что нужно лишь терпение, напряжение всех сил, еще один прыжок через голод и нужду — и мы победим. И он добавил: если вы по-товарищески, по-дружески все расскажете рабочим, откроете перед ними всю душу Советской власти — рабочие вас поймут, они придадут нам еще новые силы, и мы выйдем из затруднения. Ленин говорил нам: теперь на наших глазах совершается чудо. Это чудо заключается в том, что голодные русские рабочие в борьбе против хищников всего мира спасут Советскую Россию. Это будет чудо для нас, но это чудо будет.

Мы с этими мыслями товарища Ленина и пошли к рабочим, которые живо поддерживали Советскую власть и нашу партию.

*Из письма В. И. Ленина петроградским рабочим
о помощи Восточному фронту **

Товарищам петроградским рабочим

Товарищи! Положение на Восточном фронте крайне ухудшилось. Сегодня взят Колчаком Воткинский завод, гибнет Бугульма; видимо, Колчак еще продвинется вперед.

Опасность грозная.

Мы проводим сегодня в Совете Народных Комиссаров ряд экстренных мер помощи Восточному фронту, поднимаем усиленную агитацию.

Мы просим питерских рабочих *поставить на ноги все, мобилизовать все силы на помощь Восточному фронту.*

Там солдаты-рабочие подкормятся сами и продовольственными посылками помогут своим семьям. А главное, — там решается судьба революции...

С коммунистическим приветом

Ленин

Н. К. Крупская:

С конца апреля на Восточном фронте начался перелом: стала побеждать Красная Армия. Отняты были у белых Уфа, ряд других городов. Шло успешное наступление на Екатеринбург, на Пермь.

П. И. Бочаров:

Тяжелый 1919 год. К сердцу молодой Советской республики — Москве со всех сторон рвутся вражеские полчища интервентов и белогвардейцев. Советская власть в Баку пала. Астрахань окружена белобандитами.

Обороной Астрахани руководит верный ленинец С. М. Киров. Мы, группа большевиков, эвакуировавшись из Баку, принимаем участие в обороне Астрахани. Напрягаем все усилия. Киров ходит нахмурившийся: пустить бы в дело самолеты, да нет горючего.

Вдруг прошел слух, что бакинские рабочие доставили

* Написано 10 апреля 1919 г.

морем транспорт бензина. Радости не было конца. С. М. Киров распорядился немедленно пригласить к нему прибывших из Баку товарищей.

Разузнав подробно о положении в Баку, о нуждах бакинских рабочих, С. М. Киров распорядился послать в Москву представителя с письмом к В. И. Ленину. Выбор пал на меня...

И вот я в Кремле, у двери, за которой работает гениальный мыслитель и великий вожь революции. Меня охватило какое-то оцепенение... Но вдруг дверь открылась, и я увидел поднявшегося навстречу с протянутыми вперед руками Владимира Ильича. Энергичный и улыбающийся, он сказал: «Здравствуйте, товарищ!» Пожал руку, усадил на стул...

Затем Владимир Ильич спросил:

— Что слышно о бакинских рабочих, как они чувствуют себя, как у них дела идут?

— Бакинские рабочие и не прекращали своей революционной борьбы. Они требуют всю накопившуюся в Баку нефть отправить нуждающейся Советской России, — ответил я.

— Это хорошо. Это даже прекрасно. Море и расстояние не действуют на них — значит они с нами! Передайте бакинским рабочим, пусть не унывают. Мы поможем им установить Советскую власть.

Е. Я. Драбкина:

Мне вспоминается день Первого мая девятнадцатого года. Праздник международного пролетариата проводился тогда иначе, чем теперь. Вся революционная Москва стройными колоннами приходила на Красную площадь, слушала выступления ораторов, проходила мимо Ленина, пела, произносила клятву верности социалистической революции и, проведя здесь, на Красной площади, несколько часов, расходилась по своим районам, чтобы там закончить празднование Дня международной солидарности трудящихся всего мира.

И Красная площадь тоже была совсем не такой, как теперь. Вдоль Кремлевской стены голо и неприятно, обложенные дерном, тянулись могилы жертв революции. Площадь была вымощена брусчаткой. По ней проходили две трамвайные линии...

Около полудня на площади появился Владимир Ильич Ленин, бурно приветствуемый собравшимися. Он обра-

тился к ним с приподнятой речью, которую закончил словами: «Да здравствует Коммунизм!» Потом он спустился, чтоб перейти на следующую трибуну (их было установлено несколько, в разных концах площади — так, чтоб все, кто пришел, могли услышать Ленина и других большевистских деятелей). Но Владимира Ильича остановили и протянули ему лопату.

Дело в том, что в этот год день Первого мая был объявлен днем древонасаждения. Окруженная со всех сторон врагами, Советская республика решила высадить молодые деревья.

Владимир Ильич, лукаво усмехаясь, потер ладони, взял лопату и принялся копать землю у Кремлевской стены.

Когда ямка была вырыта, подъехала подвода с саженцами, Владимиру Ильичу вручили тоненькую липку. Он бережно поставил ее на предназначенное место, засыпал землей, полил водой — и только когда работа кругом была закончена, прошел вперед и поднялся на другую трибуну.

В первой своей речи в этот день он подводил итоги прошлого, теперь его мысль была обращена к будущему — к тому новому миру, который вырисовывался из-за туч порохового дыма, окутавшего Советскую Россию. Он видел это будущее и в детях, слушавших его, стоя у подножия трибуны, и в молодых деревьях, которые были только что посажены.

Опираясь на лопаты, собравшиеся вслушивались в слова Владимира Ильича.

*Из речи В. И. Ленина на Красной площади
1 Мая 1919 г.*

Хроникерские записи

1

...За этот год политическая обстановка значительно изменилась в пользу Советской власти. В прошлом году 1 Мая мы были под угрозой германского империализма. Теперь он сломлен и повергнут в прах.

Изменилась картина празднования пролетарского дня не только у нас. Во всех странах рабочие стали на путь борьбы с империализмом. Освободившийся рабочий класс победно справляет свой день свободно и открыто не только в Советской России, но и в Советской Венгрии и в Советской Баварии. Сегодня вместе с тем можно с уверенностью сказать, что не только в Красной Москве, в Крас-

ном Петрограде и в Будапеште, но во всех крупных пролетарских центрах рабочие, вышедшие не для прогулки, а для демонстрации своих сил, говорят о значении Советской власти и о близкой победе пролетариата.

Переходя к угрозам англо-французского империализма, тов. Ленин говорит, что если англо-французскому империализму пришлось уступить поле борьбы на Украине, где действовали незначительные отряды повстанцев, то перед силами объединенной Советской России, Венгрии и Баварии ему и совсем не устоять. Оставление Одессы и Крыма показывает, что англо-французские солдаты не желают сражаться против Советской России, и в этом — залог нашей победы.

В. И. Ленин сообщает полученную от т. Каменева телеграмму о том, что Севастополь совершенно очищен от французских отрядов. Таким образом, говорит он, сегодня в освобожденном Севастополе развевается красное знамя пролетариата, празднующего свой день освобождения от империалистских банд. (Продолжительная овация. Долго не смолкаемое «ура»).

Останавливаясь на колчаковских угрозах, тов. Ленин говорит, что последние сообщения с фронта дают нам возможность утверждать, что победа над Колчаком совсем близка. На фронт отправляются десятки и сотни тысяч бойцов, которые окончательно уничтожат колчаковские банды...

2

Большинство присутствующих, говорит тов. Ленин, не переступивших 30—35-летнего возраста, увидят расцвет коммунизма, от которого пока мы еще далеки.

Указывая на детей, тов. Ленин говорит, что они, участвующие теперь в празднике освобождения труда, в полной мере воспользуются плодами понесенных революционерами трудов и жертв.

— Внуки наши, как диковинку, будут рассматривать документы и памятники эпохи капиталистического строя. С трудом смогут они представить себе, каким образом могла находиться в частных руках торговля предметами первой необходимости, как могли принадлежать фабрики и заводы отдельным лицам, как мог один человек эксплуатировать другого, как могли существовать люди, не занимавшиеся трудом. До сих пор, как о сказке, говорили о том, что увидят дети наши, но теперь, товарищи, вы ясно

видите, что заложенное нами здание социалистического общества — не утопия. Еще усерднее будут строить это здание наши дети. (Бурные аплодисменты).

3

*Речь с Лобного места
на открытии памятника Степану Разину*

...Сегодня мы празднуем, товарищи, 1-е Мая с пролетариями всего мира, жаждущими свержения капитала. Это Лобное место напоминает нам, сколько столетий мучились и тяжело страдали трудящиеся массы под игом притеснителей, ибо никогда власть капитала не могла держаться иначе, как насилем и надругательством, которые даже и в прошедшие времена вызывали возмущения. Этот памятник представляет одного из представителей мятежного крестьянства. На этом месте сложил он голову в борьбе за свободу. Много жертв принесли в борьбе с капиталом русские революционеры. Гибли лучшие люди пролетариата и крестьянства, борцы за свободу, но не за ту свободу, которую предлагает капитал, свободу с банками, с частными фабриками и заводами, со спекуляцией. Долой такую свободу, — нам нужна свобода действительная, возможная тогда, когда членами общества будут только работники. Много труда, много жертв надо будет положить за такую свободу. И мы сделаем все для этой великой цели, для осуществления социализма.

С. С. Каменев:

Владимир Ильич повседневно и непосредственно руководил Красной Армией. Руководство это выражалось во все не в том только, что Владимиру Ильичу ежедневно представляли сводки и зачастую по его требованию делались письменные доклады штабом РВС. Повторяю, Владимир Ильич организовал борьбу страны в целом, борьбу, в которой действия Красной Армии были только частью остальных мер борьбы. По всем многочисленным каналам борьбы Владимир Ильич знал действительную обстановку на фронтах, в армиях и на отдельных участках боевого фронта. В тысячах случаев осведомленность Владимира Ильича о действительном положении вещей была больше, чем у штаба РВС. Вполне понятно, что вся эта работа Владимира Ильича по организации борьбы самым непосредственным путем отражалась и на одном из главных

звеньев обороны — Красной Армии. Руководство Владимира Ильича в этом отношении Красной Армией было глубже и шире, чем председателя РВС. К слову сказать, я припоминаю только один личный доклад по оперативным вопросам председателю РВС, не говоря о докладах на РВС, тогда как лично Владимиру Ильичу оперативных докладов было много больше.

Организация борьбы шла под повседневным контролем и нажимом Владимира Ильича. Но и контроль и нажим были какими-то особыми, своими, надо думать, приходящими только Владимиру Ильичу. Это не был только обнаженный нажим или контрольная проверка исполнения. Это было скорее обнажение твоего неумения работать по-новому.

*Телеграмма Совнаркому Украины **

Киев. Раковскому

Копии: Антонову, Подвойскому, Каменеву, Иоффе

Цека партии, обсудив критическое, близкое к катастрофическому, положение в Донбассе и на Маньиче, настоятельно предлагает Киевскому совету обороны направить все силы для ускорения и усиления военной помощи Донбассу, назначения ряда лучших товарищей для неослабного надзора ежедневно за выполнением этого и особенно немедленной и поголовной мобилизации рабочих Одессы, Екатеринослава, Николаева, Харькова и Севастополя для влития подкреплений Южному фронту, наконец, установления личной ответственности Подвойского и Антонова за группу Махно.

От имени Цека
Ленин

*Телеграмма В. И. Ленина М. В. Фрунзе
12 мая 1919 г.*

Командюжгруппы Востфронта Фрунзе

Знаете ли Вы о тяжелом положении Оренбурга? Сегодня мне передали от говоривших по прямому проводу железнодорожников отчаянную просьбу оренбуржцев прислать 2 полка пехоты и 2 кавалерии, или хотя бы на пер-

* Написана 8 мая 1919 г.

вое время 1000 пехоты и несколько эскадронов. Сообщите немедленно, что предприняли и каковы Ваши планы. Разумеется, не рассматривайте моей телеграммы, как нарушающей военные приказания.

Ленин

С. С. Каменев:

Много, много мне рассказывали про Владимира Ильича мои новые товарищи-большевики, со многими из них я к этому времени близко сошелся и сдружился, но никто из них, на мой взгляд, правильно не обрисовал Владимира Ильича, и я этому не удивляюсь.

Мне кажется, что он для каждого и каждый раз был новым Владимиром Ильичем. Человек, обладающий таким богатством творческих мыслей и сил, не мог выглядеть однообразно, он должен был каждый раз казаться в новом свете.

Первая моя встреча с Владимиром Ильичем произошла в исключительной для меня обстановке. 1 апреля 1919 года Восточный фронт перешел в наступление, которое с первых же шагов имело успех. Разворачивалась большая операция, закончившаяся впоследствии полным разгромом Колчака.

Совершенно неожиданно, по крайней мере для меня, 5 мая 1919 года было получено телеграфное распоряжение Троцкого о снятии меня с должности командующего фронтом. Увольнение с должности было произведено в весьма «деликатной» форме: был дан отпуск и денежное пособие. Но вот за что я был отстранен от командования — я и до сего дня не знаю.

Крайне тяготясь своей вынужденной бездеятельностью в такое горячее время, я 15 мая 1919 года отправился в Москву просить о предоставлении мне какой-либо работы. В Москве я со своей просьбой обратился непосредственно к зампреду РВСР Э. М. Склянскому. Не получив определенного ответа, я в достаточно подавленном настроении ушел на вокзал для возвращения в Симбирск. Едва я прибыл на вокзал, как комендант станции передал мне приказание тов. Склянского немедленно вернуться в РВСР. Прибыв к тов. Склянскому, я получил приказание ехать с ним, и только в автомобиле он сказал, что мы едем к Владимиру Ильичу...

Приехав, мы поднялись на лифте. Мне предложено

было подождать на площадке лестницы. Тов. Склянский ушел. Через минуту дверь была открыта, и я очутился сразу же в кабинете Владимира Ильича.

Владимир Ильич, смеясь, о чем-то говорил с тов. Склянским и, когда я вошел, задал мне вопрос о Восточном фронте. В начале моего доклада Владимир Ильич взял железнодорожный атлас «Железные дороги России», издашие Ильина, и по этому картографическому материалу мне и пришлось делать доклад. Эту карту я никогда не забуду, на ней имелись только основные ориентиры. От волнения у меня исчезли из памяти все названия деревень, где находились части Красной Армии и разворачивались боевые действия. Вероятно, заметив мое затруднительное положение, Владимир Ильич облегчил мне доклад подачей реплик, на которые давать ответы было уже много легче.

Обращая внимание Владимира Ильича на красивое в военном отношении развитие операции, я стал восхищаться ее красотой. Владимир Ильич немедленно подал реплику, что нам необходимо разбить Колчака, а красиво это будет сделано или некрасиво, для нас несущественно.

Это замечание Владимира Ильича имело глубокий смысл. Я был военным специалистом старой школы, обученным и воспитанным на так называемых классических операциях, родивших «вечные и неизменные принципы» войны. Замечание Владимира Ильича, несомненно, отрезвляло меня и возвращало к реальным формам борьбы сегодняшнего дня...

В РВС тов. Склянский мне сообщил, что мне приказано возвращаться в Симбирск и вновь принять командование Восточным фронтом.

Э. К. Тиссэ:

Москва 1919 года. День Всевобуча.

Рабочие приходили на Красную площадь прямо с заводов. На плечах у них были вещевые мешки и винтовки. Пулеметные ленты и патронташи опоясывали бойцов. Многие из них в одних косоворотках, в надежде на скорое лето они отправлялись в далекий путь даже без сапог.

Площадь была переполнена людьми. В разных концах стояли грузовики-трибуны.

С утра я пришел на площадь. Со мной был большой съемочный аппарат и 120 метров пленки — это было мак-

симум возможного по тем временам. В 120 метров я должен был вместить все события волнующего дня.

Я начал снимать рабочих — мне уже сказали, что прямо с площади все они уйдут на фронт. Люди стояли, обняв своих жен и прижав к груди малолетних детей, то и дело непривычным жестомправляли винтовки.

Внезапно я почувствовал толчки и движение толпы. Не зная, в чем дело, я вместе со всеми ринулся к одному из грузовиков. Вокруг себя я слышал только одно слово — дети и взрослые, вглядываясь в одну точку, повторяли: «Ленин, Ленин! Вот он идет!»

С огромным трудом мне удалось пробраться с аппаратом к самой машине. И здесь впервые я увидел Ильича. Сразу вспомнились бесчисленные рассказы о нем, они не передавали и десятой доли обаяния и величественной простоты его облика.

Владимир Ильич шел неторопливой, спокойной походкой, у него был задумчивый и сосредоточенный вид; когда он вглядывался в людей, лицо его озаряла милая, приветливая улыбка. Ильич был в своем неизменном черном демисезонном пальто и в серенькой кепке. Не доходя до грузовика, он остановился, вынул маленький блокнот, огрызком карандаша что-то записал и не спеша снова положил в карман. Он подошел к автомобилю и, увидев меня с аппаратом, негромко и серьезно сказал: «Поменьше, товарищ, снимайте меня, а побольше тех, кто будет меня слушать, — товарищей, уходящих на фронт».

Что я мог ответить Ильичу? Я знал, что такие моменты в жизни не повторяются, и был очень взволнован.

Рабочие помогли Владимиру Ильичу взобраться на машину. В этот момент впервые в своей жизни я снимал Ленина. Грузовик, на котором он стоял, был старый, ободраный и грязный. Ленин встал у поднятого борта, и вся площадь замерла в ожидании.

Тогда на площади не было прекрасных трибун, не было радиоусилителей, а все же ни одно слово Ильича не пропадало. В наступившей тишине громко и четко прозвучали горячие слова его взволнованной речи. Если в конец площади и не долетали его слова, их все равно знали все, передавая друг другу из уст в уста. С любовью и нежностью смотрели рабочие на близкого и родного им человека, затаив дыхание, вслушивались в его простую, замечательную речь.

Я стоял возле Кремлевской стены и не мог пробиться

вперед, чтобы видеть его лицо. К аппарату была обращена спина Ленина. Я чуть не плакал от обиды и отчаяния. Такая неудача! Мне казалось, что все пропало — я не успею пробиться сквозь толпу, не увижу лица Ленина и не успею его заснять. Но Владимир Ильич сам мне помог. Обернувшись на секунду и увидев мое несчастное и страдающее лицо, он чуть заметно сочувственно улыбнулся и повернулся так, чтобы я его видел и мог снимать.

*Речь В. И. Ленина на празднике Всевобуча
25 мая 1919 г.*

Краткий газетный отчет

Сегодня мы празднуем день всеобщего военного обучения трудящихся.

До сих пор военное дело было одним из орудий для эксплуатации пролетариата классом капиталистов и помещиков, и до сих пор во всей Европе власть капиталистов поддерживается остатками старой армии, которой руководят буржуазные офицеры. Но эта самая прочная опора буржуазии падет, когда рабочие возьмут в свои руки винтовку, когда они начнут создавать свою огромную армию пролетариата, начнут воспитывать солдат, которые будут знать за что они воюют, будут защищать рабочих и крестьян, фабрики и заводы, чтобы помещики и капиталисты не могли вернуть своей власти.

Сегодняшний праздник показывает, каких успехов мы достигли, какая новая сила растет в недрах рабочего класса. Когда мы смотрим на этот парад, мы становимся уверенными, что Советская власть завоевала сочувствие рабочих всех стран, что вместо международной войны будет установлен братский союз международных Советских республик.

Я представляю вам венгерского товарища, Тибора Самуэли, комиссара по военным делам Венгерской Советской республики.

Да здравствует венгерский пролетариат!

Да здравствует интернациональная коммунистическая революция!

Из статьи Ленина В. И.

«Привет венгерским рабочим»

Товарищи! Вести, которые мы получаем от венгерских советских деятелей, наполняют нас восторгом и радостью.

Всего два с небольшим месяца существует Советская власть в Венгрии...

Венгерская пролетарская революция помогает даже слепцам прозреть. Форма перехода к диктатуре пролетариата в Венгрии совсем не та, что в России: добровольная отставка буржуазного правительства, моментальное восстановление единства рабочего класса, единства социализма *на коммунистической программе*. Сущность Советской власти выступает теперь тем яснее: никакая иная власть, поддерживаемая трудящимися и пролетариатом во главе их, теперь невозможна нигде в мире, кроме как Советская власть, кроме как диктатура пролетариата...

Вам предстоит теперь благодарнейшая и труднейшая задача устоять в тяжелой войне против Антанты. Будьте тверды. Если проявятся колебания среди социалистов, вчера примкнувших к вам, к диктатуре пролетариата, или среди мелкой буржуазии, подавляйте колебания беспощадно. Расстрел — вот законная участь труса на войне.

Вы ведете единственно законную, справедливую, истинно революционную войну, войну угнетенных против угнетателей, войну трудящихся против эксплуататоров, войну за победу социализма.

Ленин

27. V. 1919.

Э. К. Тиссэ:

Радости моей не было конца. Больше получаса говорил Ленин. Откровенно говоря, снимать не хотелось, так как не было сил оторваться, хотелось слушать и слушать волнующие и теплые слова великого вождя.

Ленин кончил говорить. Здесь же, несмотря на тесноту, стали строиться рабочие отряды. Они пели революционный гимн. Владимир Ильич, взволнованный и счастливый, приветственно махал им рукой...

В этот день я заснял около 30 метров пленки с изображением Ленина.

В. Т. Колесников:

Весной 1919 года, в дни великих испытаний для молодой Советской республики, меня вместе с другими членами окружного ревкома второго Донского округа напра-

вили делегатом в гражданское управление Южного фронта, а затем в казачий отдел ВЦИК.

Мы попали на прием к М. И. Калинин. Товарищ Калинин радушно нас встретил, выслушал наши просьбы и в беседе сказал: «Ильич очень интересуется положением на Дону». С этими словами он снял телефонную трубку и позвонил Владимиру Ильичу.

Затаив дыхание, мы ждали ответа. Какова же была наша радость, когда М. И. Калинин сказал нам: «Завтра в 3 часа вас примет Ильич».

Я был тогда молод. Трудно передать те чувства волнения и радости, которые я испытывал. Всю ночь мы готовились к докладу. Обдумывали все, о чем хотелось доложить Ильичу.

Мы в приемной Ильича. Секретарь т. Фотиева предупредила нас, что Владимир Ильич не спит уже несколько ночей, и просила наши вопросы излагать короче.

В приемной было много посетителей, военные, гражданские, много ходоков-крестьян. Все оживленно спорили, каждый о своем деле, с которым он пришел к Ильичу.

В 3 часа нас пригласили. В этот момент я испытывал особенно большое волнение. Сейчас я увижу великого вождя. Вошли в кабинет. Владимир Ильич сам открыл нам дверь и с незабываемой приятной улыбкой усадил нас в кресла. Сам быстро подошел к карте, отыскал наш округ и сразу же забросал нас вопросами. Мы едва успевали отвечать. Ильич интересовался всем: настроением казачества, обеспечили ли мы семьи красноармейцев семенами, как относится казачество к сельскохозяйственным артелям и коммунам, как казачество идет в ряды Красной Армии, и многими другими вопросами. Подготовленный нами доклад оказался ненужным. Первоначальная робость пропала. Владимир Ильич быстро расположил нас к себе. Простая, душевная беседа, как магнитом, притягивала нас к Ильичу. Хотелось говорить бесконечно.

Меня поразила удивительная работоспособность В. И. Ленина. Почти непрерывно раздавались звонки по телефону из разных концов страны. По разговорам этим можно было судить, что все нити фронтов, фабрик, заводов, всех станций, где продвигались войска, эшелоны с продовольствием и боеприпасами,— все это сходило в кабинет Ильича. Здесь решалась судьба Советской власти. И несмотря на непрерывность телефонных звонков, Владимир Ильич успевал задавать вопросы нам, предсе-

дателю казачьего отдела ВЦИК, секретарю Фотневой и все время делал это спокойно, с улыбкой.

Я подумал, какой он простой и какая в нем большая сила!

Но вот беседа подошла к концу. Владимир Ильич выслушал все наши нужды, написал несколько писем в наркоматы и, тепло прощаясь с нами, сказал: «Идите и стучите. Где вам не отворят — звоните мне».

С. К. Гиль:

Все больницы и госпитали Москвы были переполнены больными и ранеными. Несмотря на отсутствие медикаментов и плохое питание, медработники делали все, чтобы больные и раненые войны быстро поправлялись.

Владимир Ильич постоянно интересовался жизнью госпиталей, их нуждами, положением больных и медицинского состава. Он часто посещал госпитали и больницы, и каждый его приезд, естественно, превращался в большое и памятное событие для лечебного учреждения — для больных и врачей.

Однажды к Ильичу явилась делегация военного госпиталя и попросила посетить раненых воинов. Ленин выслушал делегацию и просил передать раненым красноармейцам, что их просьбу он охотно исполнит.

И вот несколько дней спустя в госпиталь приехал наркомздрав Н. А. Семашко и сообщил, что скоро сюда прибудет Владимир Ильич.

И действительно, часов в шесть вечера к подъезду госпиталя подъехала автомашина. Я привез Владимира Ильича Ленина и Надежду Константиновну Крупскую. Их встретили у дверей и проводили в госпиталь. Пригласили и меня.

А. С. Семенов:

Владимир Ильич и Надежда Константиновна интересовались положением больных и раненых. Ленин задавал вопросы: как чувствуют себя красноармейцы, много ли раненых командиров, как кормят больных, чем кормят, где получаем продукты, во что одеваем выздоравливающих, когда они выписываются, где и как хранится их одежда.

С. К. Гиль:

Провожать Ленина вышел весь медицинский персонал. В вестибюле, будучи уже одетым, Ленин обратился к ним:

— Вам выпала историческая миссия, вы лечите защитников революции и свободы. Сделайте все, чтобы они быстрее выздоравливали и покинули госпиталь. Этим вы внесете свой большой вклад в дело революции. Советская власть и сами красноармейцы и командиры будут вам благодарны.

Затем Владимир Ильич с Надеждой Константиновной и Н. А. Семашко уехали. А вскоре вышел декрет Совнаркома о создании Чрезвычайной комиссии по улучшению дела в военных госпиталях и об обеспечении больных и раненых красноармейцев.

Созданная В. И. Лениным Чрезвычайная санитарная комиссия при Реввоенсовете республики проделала большую работу и улучшила постановку лечебного дела и питания в госпиталях страны.

С. С. Каменев:

Организуя борьбу, Владимир Ильич руководил как построением Красной Армии, так и ее снабжением вооружением и продовольствием. Последний вопрос был едва не самым тяжелым. По вопросам снабжения был создан снабженческий орган Чусоснабарм и по продовольственным — Главснабпродарм. Оба органа находились под непосредственным руководством Владимира Ильича.

С. М. Буденный:

В. И. Ленин требовал, чтобы Красная Армия изо дня в день наращивала наступление, добивалась успеха на фронтах. Одновременно вождь революции заботился о развитии и укреплении всех родов войск и особенно конницы...

Ставленник Антанты генерал Деникин занял Воронеж, Курск, Орел. Он рвался к Москве. Над молодой Советской республикой нависла смертельная угроза. Центральный Комитет партии, лично В. И. Ленин делали все необходимое, чтобы остановить продвижение армии Деникина, а затем перейти в контрнаступление...

Меня глубоко обрадовал призыв ЦК партии создавать кавалерийские части. Партия, Ленин проявили величайшую мудрость, оценив важную роль кавалерии в гражданской войне. Ведь успех Деникина объяснялся прежде всего тем, что его армия состояла в основном из казачьей конницы, наиболее маневренного и боеспособного в тот период рода войск. Если Деникин с начала своего наступления на Южном фронте бросил конные корпуса генералов Мамонтова, Покровского, Шатилова, конные группы генералов Яковлева, Голубинцева, Шкуро, Улагая, Науменко и другие, то мы этой массе казачьей конницы могли противопоставить лишь один мой конный корпус да отдельные части войсковой конницы. Нам следовало срочно создать свою массовую кавалерию, крупное кавалерийское объединение — Конную армию...

И Первая Конная армия была создана. Меня назначили командующим, а К. Е. Ворошилова и Е. А. Щаденко — членами Реввоенсовета армии. В состав Первой Конной армии вошли 4-я и 6-я кавалерийские дивизии конного корпуса и 11-я кавдивизия, которая была переброшена из центра по распоряжению Главкома С. С. Каменева, а также кавалерийский полк.

Н. К. Крупская:

Вторая половина 1919 года была еще тяжелее первой. Особенно тяжелы были сентябрь, октябрь, начало ноября. Гражданская война разгоралась. Колчак был побежден, но белые решили овладеть центрами Советской власти — Москвой и Питером. С юга стал надвигаться Деникин, захвативший ряд важнейших пунктов на Украине, с запада стал продвигаться Юденич, подошел уже было к самому Питеру. Победы белых воодушевляли притаившихся врагов. В конце ноября в Петрограде была вскрыта контрреволюционная организация, связанная с Юденичем и субсидировавшаяся Антантой.

Все на борьбу с Деникиным!

*Из письма ЦК РКП (большевиков)
к организациям партии **

Товарищи! Наступил один из самых критических, по всей вероятности, даже самый критический момент соци-

* Написано В. И. Лениным.

алистической революции. Защитники эксплуататоров, помещиков и капиталистов, русские и иностранные (в первую голову английские и французские) делают отчаянную попытку восстановить власть грабителей народного труда, помещиков и эксплуататоров, в России, чтобы укрепить падающую их власть во всем мире. Английские и французские капиталисты провалились со своим планом завоевать Украину своими собственными войсками; они провалились со своей поддержкой Колчака в Сибири; Красная Армия, героически продвигаясь на Урале при помощи восстающих поголовно уральских рабочих, приближается к Сибири для освобождения ее от неслыханного ига и зверства тамошних владык, капиталистов. Английские и французские империалисты провалились, наконец, и со своим планом захватить Петроград посредством контрреволюционного заговора, в котором участвовали русские монархисты, кадеты, меньшевики и эсеры, не исключая и левых эсеров.

Теперь заграничные капиталисты делают отчаянную попытку восстановить иго капитала посредством нашествия Деникина, которому они, как некогда и Колчаку, оказали помощь офицерами, снабжением, снарядами, танками и т. д. и т. п.

Все силы рабочих и крестьян, все силы Советской республики должны быть напряжены, чтобы отразить нашествие Деникина и победить его, не останавливая победного наступления Красной Армии на Урал и на Сибирь.

Л. А. Фотиева:

Беспрерывно и тщательно следил Владимир Ильич за событиями на фронтах. Его осведомленность обо всем, что делалось на фронтах и в тылу, о нуждах и настроениях самых различных слоев населения обширной страны была поразительной. Эту осведомленность он черпал из докладов и отчетов местных и центральных руководящих работников, из многочисленных писем и телеграмм, получаемых от трудящихся, из личных бесед с делегациями рабочих и крестьян и из других источников.

Н. К. Крупская:

Тогда, в 1919 году, большинство красноармейцев были крестьяне-единоличники, умевшие работать не покладая рук, но у которых сильна была еще мелкособственни-

ческая психология. И поэтому Ильич считал особенно важным укрепление всех фронтов пролетарскими элементами. Он написал письмо петроградским рабочим о помощи Восточному фронту, когда обострилось положение на этом фронте, делал доклад на пленуме Всероссийского центрального совета профсоюзов, обращался к железнодорожникам Московского узла, говорил о борьбе с Колчаком на конференции фабрично-заводских комитетов и профсоюзов Москвы, писал рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком, говорил о роли петроградских рабочих, выступал с речью, обращенной к мобилизованным рабочим Ярославской и Владимирской губерний, едущим на деникинский фронт и на помощь Питеру, на который надвигался Юденич, писал обращение к рабочим и красноармейцам Питера по поводу наступления Юденича, писал письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу победы над Деникиным.

Организованность Красной Армии возрастала.

А. И. Тодорский:

Ленин был живым руководителем живого революционного дела. Он постоянно находился в гуще народной жизни, пристально следил за особенностями классовой борьбы и советского строительства, примечал характерные моменты в творческой активности и инициативе масс, освещал полезный опыт мест для привлечения к нему внимания всей страны.

*Из работы В. И. Ленина «Великий почин»
(О героизме рабочих в тылу.
По поводу «коммунистических субботников»)*

Печать сообщает много примеров героизма красноармейцев. Рабочие и крестьяне в борьбе с колчаковцами, деникинцами и другими войсками помещиков и капиталистов проявляют нередко чудеса храбрости и выносливости, отстаивая завоевания социалистической революции... Героизм трудящихся масс, сознательно приносящих жертвы делу победы социализма, вот что является основой новой, товарищеской дисциплины в Красной Армии, ее возрождения, укрепления, роста.

Не меньшего внимания заслуживает героизм рабочих в тылу. Прямо-таки гигантское значение в этом отноше-

нии имеет устройство рабочими, по их собственному почину, *коммунистических субботников*. Видимо, это только еще начало, но это начало необыкновенно большой важности. Это — начало переворота, более трудного, более существенного, более коренного, более решающего, чем свержение буржуазии, ибо это — победа над собственной косностью, распушенностью, мелкобуржуазным эгоизмом, над этими привычками, которые проклятый капитализм оставил в наследство рабочему и крестьянину. Когда *эта* победа будет закреплена, тогда и только тогда новая общественная дисциплина, социалистическая дисциплина будет создана, тогда и только тогда возврат назад, к капитализму, станет невозможным, коммунизм сделается действительно непобедимым...

«Коммунистические субботники» именно потому имеют громадное историческое значение, что они показывают нам сознательный и добровольный почин рабочих в развитии производительности труда, в переходе к новой трудовой дисциплине, в творчестве социалистических условий хозяйства и жизни...

Производительность труда, это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создаст новую, гораздо более высокую производительность труда. Это — дело очень трудное и очень долгое, но *оно начато*, вот в чем самое главное. Если в голодной Москве летом 1919 года голодные рабочие, пережившие тяжелых четыре года империалистской войны, затем полтора года еще более тяжелой гражданской войны, смогли начать это великое дело, то каково будет развитие дальше, когда мы победим в гражданской войне и завоюем мир?

Коммунизм есть высшая, против капиталистической, производительность труда добровольных, сознательных, объединенных, использующих передовую технику, рабочих. Коммунистические субботники необыкновенно ценны, как *фактическое* начало коммунизма, а это громадная редкость, ибо мы находимся на такой ступени, когда «делаются лишь *первые шаги* к переходу от капитализма к коммунизму» (как сказано, совершенно справедливо, в нашей партийной программе).

Коммунизм начинается там, где появляется самоотвер-

женная, преодолевающая тяжелый труд, забота *рядовых рабочих* об увеличении производительности труда, об охране *каждого пуда хлеба, угля, железа* и других продуктов, достаемых не работающим лично и не их «ближним», а «дальним», т. е. всему обществу в целом, десяткам и сотням миллионов людей, объединенных сначала в одно социалистическое государство, потом в Союз Советских республик.

А. Ф. Мясников:

К этому же времени относятся происходившие тогда по всей Москве широкие рабочие и красноармейские конференции, на которых Московская организация партии ставила главным образом вопросы о красных фронтах, об организации армии, о международном положении, о связи Красной Армии с деревней и т. д. В Ходынских лагерях была созвана большая красноармейская конференция, беспартийная, многотысячная, состоявшая из голодных, раздетых красноармейцев, настроение которых, конечно, не было розовым. Этой массе нужно было по-революционному разъяснить положение вещей. Товарищи из Московского комитета решили просить Ленина выступить докладчиком на этой конференции. Мы получили его согласие. Необходимо отметить, что он обычно никогда не отказывался от выступлений в рабочих районах, в партийных кругах, среди красноармейцев, и в списке агитаторов и пропагандистов Московского комитета товарищ Ленин считался самым исправным и, разумеется, наиболее ценным оратором.

Г. С. Соколов:

1919 год. Осень. Белые заняли Орел и грозят захватом красной кузницы — Тулы. Ленинский Центральный Комитет партии для защиты Страны Советов бросает на фронт лучшие свои силы — партийный актив.

Ивановская организация РКП(б) из своих рядов выделила около 350 человек, и после недолгих сборов отряд был готов к отправке. Провожать нас вышел весь город.

В Москву приехали днем и с песнями отправились к Моссовету. Москвичи с большим любопытством смотрели на наш пестро одетый, но стройный боевой отряд.

На следующий день отряд был отправлен в Дом Сою-

зов. Пришли, заняли зал и запели песни. Шум в зале стоял невероятный. Вдруг все стихло, и пронесся шепот: «Ленин!..» Зал взорвался криками «ура» и рукоплесканиями.

Владимир Ильич взошел на трибуну и, улыбаясь, смотрел на нас. Бурно приветствуя, мы долго не давали ему говорить. Но вот все стихло, и Ленин начал свое напутственное слово. Нет, он не говорил, а как бы переливал свои мысли в наши головы, усиливая ненависть к врагам, и те вопросы, которые казались нам неразрешимыми, делались простыми, ясными. Он говорил, какими мы должны быть на фронте, как вести себя с красноармейцами, с населением, для чего это нужно. Он вселил в нас полную уверенность в победе.

С. С. Каменев:

На Восточном фронте события продолжали разворачиваться успешно, в связи с чем первоочередность действий, естественно, перемещалась на Южный фронт. Однако подготовиться к генеральным событиям Южный фронт не успел. Владимиром Ильичем было назначено новое командование. Перегруппировку же сил пришлось производить уже в процессе начатых белогвардейщиной операций, сразу же развернувшихся не в нашу пользу.

17 сентября 1919 года Добровольческая армия Деникина перешла в наступление, захватив у нас Курск и развив наступление на Орел...

Одновременно с этими событиями с 11 по 16 октября 1919 года на Петроградском направлении перешел в наступление Юденич. Он овладел Ямбургом, Красным Селом, Гатчиной, Детским Селом и Павловском, подкатываясь к Петрограду, и тут пришлось принимать чрезвычайные меры и группировать силы для контрудара.

Дни между 11 и 16 октября 1919 года были самыми тревожными. Наступление противника в указанных направлениях продолжалось, а собираемые нами для контрудара силы только сосредоточивались в исходных районах.

Донесения с фронтов получались чуть ли не ежечасно. Ответственнейшие решения приходилось принимать в минимальные сроки. Все важнейшие донесения и принимаемые решения тов. Склянский передает немедленно по те-

лефону в Кремль Владимиру Ильичу. Как правило, мы расстаемся с тов. Склянским очень поздно, на рассвете. Следующий день опять тревожные звонки.

П. Д. Мальков:

Насколько республике приходилось напрягать силы в борьбе с врагами, показывает такой эпизод, относящийся к осени 1919 года. Охрану Кремля несли красноармейские курсы. Однажды Н. И. Подвойский вызвал меня и приказал отправить большую часть курсантов на фронт против Деникина под Орел. Я обратился к Владимиру Ильичу, чтобы изменить решение Подвойского; доказывал ему, что охрана Кремля и без того мала, что отправить большую часть курсантов означает оставить Кремль почти без охраны. Владимир Ильич внимательно выслушал меня и ответил:

— Если Деникин подойдет к Москве, не поможет и хорошая охрана Кремля, ею республику не спасешь. Нужно отправить курсантов на фронт сейчас, когда там решается судьба революции.

Е. М. Герр:

В тяжелое, грозное время гражданской войны, в октябре 1919 года, в Москве собрался II Всероссийский съезд комсомола. Делегаты съезда внесли предложение объявить мобилизацию всех комсомольцев на фронт. Центральный Комитет партии поправляет съезд и предлагает мобилизовать, но только 80—100 процентов комсомольцев в прифронтовых районах и 30 процентов — повсеместно. Ленин присылает письменное приветствие съезду. Он желает успеха молодежи в работе и строительстве новой жизни и выражает твердую уверенность в победе. Силы молодежи нужны не только на фронте, но и в тылу, на фабрике, в деревне.

Н. К. Крупская:

Молодежь загоралась тоже желанием идти на фронт. Мы, политпросветчики, много возились тогда с первой советской партийной школой, где старались дать молодежи не «казенную» учебу, которую так ругал Ильич, а знания,

которые вооружали бы ее пониманием совершающихся событий. Мы ужасно были рады, что 24 октября 1919 года на выпуск нашей первой совпартшколы приехал Ильич.

*Из речи В. И. Ленина перед слушателями
Свердловского университета, отправляющимися на фронт,
24 октября 1919 г.*

Товарищи! Вы знаете, что сегодня собрало нас вместе не только желание отпраздновать окончание большинством из вас курсов советской школы, но также то обстоятельство, что около половины всего вашего выпуска приняло решение отправиться на фронт для того, чтобы оказать новую, экстраординарную и существенную помощь борющимся на фронте войскам...

Товарищи! Вы мне позволите вкратце остановиться на том положении, которое сложилось теперь на разных фронтах, чтобы вы могли судить о том, насколько экстренна эта необходимость.

На очень многих фронтах, которые раньше были весьма существенными и на которые неприятель возлагал громадные надежды, как раз в последнее время дело подходит к полной и, по всем признакам, к окончательной победе в нашу пользу...

Вы знаете, что, когда наступали войска Колчака к Волге, европейская капиталистическая печать торопилась возвестить всему миру падение Советской власти и признание Колчака верховным правителем России. Но не успела торжественная грамота об этом признании дойти до самого Колчака, как наши войска погнали его в Сибирь, и вы знаете, что мы подходили к Петропавловску и Иртышу, и Колчаку пришлось распределить свои силы иначе, чем он предполагал...

Победа под Орлом и Воронежем, где преследование неприятеля продолжается, показала, что и здесь, как и под Петроградом, перелом наступил. Но нам надо, чтобы наше наступление из мелкого и частичного было превращено в массовое, огромное, доводящее победу до конца.

Вот почему, как ни тяжела для нас эта жертва,— посылка на фронт сотен курсантов, собранных здесь и заведомо необходимых для работы в России,— мы тем не менее согласились на ваше желание. Там, на Южном и Петроградском фронтах, в ближайшие, если не недели, то во всяком случае месяцы, решается судьба войны. В такой

момент всякий сознательный коммунист должен сказать себе: мое место там, впереди других на фронте, где дорог каждый сознательный коммунист, прошедший школу...

Л. А. Фотиева:

В эти трудные для республики годы часто приходилось видеть Владимира Ильича склонившимся в глубокой задумчивости над картой, разложенной на столе в его рабочем кабинете. Он отмечал линию расположения наших войск, следил за продвижением сил противника и вместе с другими руководящими работниками партии и Советского правительства обдумывал и обсуждал стратегические планы разгрома врага.

С. С. Каменев:

Нагромождение всяких неблагоприятных событий создавало тревожную обстановку. Более сложной обстановки я за весь период гражданской войны не помню. Непоколебимое спокойствие Владимира Ильича в это время являлось самой мощной поддержкой главнокомандования.

После ликвидации Юденича и успешного наступления нашей армии на Южном фронте, когда штаб Южного фронта перешел уже из Паточной в Харьков, однажды декабрьской ночью, около 2 часов, совершенно для меня неожиданно в мой кабинет вошел Владимир Ильич в сопровождении тов. Склянского.

Владимир Ильич оглядел обстановку, зашел в особую комнату, где на столе были разложены карты фронтов с суточными отметками местонахождения наших частей, задал несколько вопросов, касающихся обстановки на фронтах, и несколько вопросов общего порядка.

Затем Владимир Ильич переговорил по прямому проводу с Харьковом. Телефонный аппарат находился тут же в кабинете.

С. М. Буденный:

Храбрые полки и дивизии Конармии, как молния, обрушивались на самые опасные для революции силы врагов и уничтожали их без остатка. Первая Конная была генералов Мамонтова и Шкуро под Воропеем и Касторной. Она была генералов Крыжановского и Павлова на

Дону и на Маныче, нанесла сокрушительные удары по войскам Деникина...

Мы понимали, что партия, Ленин поставили перед конармейцами очень трудную задачу, поэтому сделали все необходимое для решения ее. И Первая Конная оправдала свое назначение. Нанося последовательные мощные удары по противнику, она в декабре 1919 года разгромила сильную конную группу противника у города Валуйки. В районе Сватово мы успешно форсировали Северный Донец и прочно закрепились на его правом берегу... Бойцы стойко дрались с врагом. Особенно отличилась 4-я кавдивизия Оки Ивановича Городовикова, бесстрашного, талантливое командира. Бой шел, как говорят, не на жизнь, а на смерть. Соппротивление белых было сломлено. Противник в панике бросал орудия, пулеметы, обозы и бежал. На одном из бронепоездов, ворвавшихся на станцию Меловатка, находился и непосредственно руководил боем Реввоенсовет Конармии.

Для защиты Донбасса Деникин собрал крупные силы: три кавалерийских корпуса, две свежие пехотные дивизии и пять бронепоездов. Однако ничто не могло остановить наступательного порыва красных бойцов. В боях за Донбасс Конармия вместе с приданными ей стрелковыми дивизиями (9-й и 12-й) нанесла противнику решительное поражение. Только с 25 по 31 декабря белые потеряли убитыми около трех тысяч человек и пленными почти вдвое больше.

Пролетарский Донбасс вновь стал советским.

Полки Конармии мощной лавиной продвигались на юг. Гибко маневрируя в условиях встречных боев, умело используя приданную пехоту и ураганный огонь своих пулеметов, артиллерии и бронепоездов, Конармия наносила по противнику удар за ударом, освободила Таганрог, 8 января ворвалась в Ростов, где генералы и буржуи справляли праздник рождества. Можно себе представить переполох белогвардейцев, когда после бального танца, следуя в обеденный зал, они обнаружили за богато сервированными столами наших бойцов! Оркестранты сменили полонез на «Интернационал»...

Продолжая громить деникинцев, Первая Конная двинулась на Северный Кавказ. В лютую стужу по заснеженным безлюдным Сальским степям она прошла свыше ста пятидесяти километров и нанесла сокрушительное поражение белым войскам Донской и Кубанской армий. В Тор-

говой 19 февраля была наголову разбита сильная конная группа генерала Павлова, состоявшая из 12 тысяч человек и потерявшая только убитыми около трех тысяч. В Белой Глине от острых клинков конармейцев потерпел поражение Кубанский корпус генерала Крыжановского. А в начале марта в знаменитом Егорлыкском сражении, где противник имел двойное численное превосходство в кавалерии, мы одержали над ним победу. Двое суток здесь длился кровопролитный бой, в котором с обеих сторон участвовало 40 тысяч конников. Действуя совместно с 1-й Кавказской и 2-й Блиновской кавалерийскими дивизиями и 20-й стрелковой дивизией соседней армии, конармейцы наголову разгромили врага.

Сражение под Егорлыкской было завершающей операцией по ликвидации деникинщины. Деникин вынужден был это признать. «Дух был потерян вновь», — писал он впоследствии, характеризуя состояние своих войск после поражения.

Конармейцы, как и все красные бойцы, сражались с врагом с завидным мужеством и стойкостью.

Л. А. Фотиева:

В тяжелые для Советской страны годы гражданской войны и иностранной военной интервенции Коммунистическая партия и Советское правительство, руководимые Лениным, подняли народ на отечественную войну и организовали оборону Советского государства.

КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ВОСПОМИНАНИЙ

Абразумов Н. А. — рабочий, красногвардеец, член большевистской партии с 1917 г., бывший солдат царской армии. После победы Октября находился на посту в Смольном у кабинета В. И. Ленина. Впоследствии на советской и профсоюзной работе.

Аврамов Роман — участник болгарского и российского революционного движения, в 1898 г. вступил в Болгарскую социал-демократическую партию. После II съезда РСДРП — большевик. После Октябрьской социалистической революции работал за границей в советских торговых учреждениях.

Алексеев Иван Игнатьевич — член партии большевиков с 1919 г. Был в рядах Красной Армии. В октябре 1919 г. направлен на работу в органы ВЧК, находился в охране ЦК РКП(б), а затем до 1923 г. — в личной охране В. И. Ленина. С 1923 по 1937 г. работал в Москве.

Андреев Андрей Андреевич — видный деятель Коммунистической партии и Советского государства. Член партии с 1914 г. Активный участник Великой Октябрьской социалистической революции. На IX, XI—XX съездах избирался членом ЦК партии.

Антонов-Овсеев Владимир Александрович — член большевистской партии с 1917 г., видный советский военный деятель. В Октябрьские дни 1917 г. — член Петроградского военно-революционного комитета. В годы гражданской войны — командующий войсками Юга России и Украины. В дальнейшем на советской, военной и дипломатической работе.

Антонов-Саратовский Владимир Павлович — член КПСС с 1902 г. Участник революции 1905 г. В 1917 г. один из организаторов вооруженного восстания в Саратове. Во время гражданской войны — уполномоченный Реввоенсовета на Южном фронте. В дальнейшем на руководящей советской работе.

Анцелович Наум Маркович — член большевистской партии с 1905 г. За участие в революционном движении неоднократно был арестован, отбывал тюремное заключение. В период гражданской войны — на ответственных военных постах. С 1920 г. — на руководящей профсоюзной и хозяйственной работе. Участник Отечественной войны 1941—1945 гг. Затем на ответственной партийной работе.

Аралов Семен Иванович — участник революции 1905 г. Член КПСС с 1918 г. Участник гражданской войны, заведующий оператив-

- ным отделом Наркомвоенмора, член Реввоенсовета республики. С 1921 г.— на дипломатической работе. Участник Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.
- Аросев Александр Яковлевич* — в рядах большевиков с 1907 г. В Октябрьские дни 1917 г.— член Московского военно-революционного комитета, командующий войсками Московского военного округа. В 1920 г.— председатель Верховного революционного трибунала Украины. В дальнейшем на дипломатической и советской работе.
- Астанкович Г. И.*— рабочий петроградской фабрики «Скороход», красногвардеец. 25 октября 1917 г. прибыл в Смольный с рабочим отрядом фабрики и остался там для связи и дежурства у телефона. Весной 1918 г. поступил на курсы агитаторов и комиссаров, которых партия готовила для работы в продовольственных отрядах. Впоследствии на советской работе. Член КПСС с 1917 г.
- Багоцкий Сергей Юстинович* — активный участник революционного движения, по профессии врач. После Октябрьской революции — один из организаторов советского здравоохранения. В 1918—1937 гг.— представитель советского Красного Креста при Международном комитете Красного Креста в Женеве. В дальнейшем на научной и медицинской работе.
- Барсова Валерия Владимировна* — народная артистка СССР. Член КПСС с 1940 г.
- Безыменский Александр Ильич* — советский поэт, член большевистской партии с 1916 г. Участник Великой Октябрьской социалистической революции. Активный участник коммунистического движения молодежи, член ЦК РКСМ первого созыва.
- Березовский Феоктист Алексеевич* — советский писатель, член партии большевиков с 1904 г. Активный участник революционного движения. В 1918 г. работал в большевистском подполье в Сибири, затем на советской работе.
- Бирюков Сергей Михайлович* — член КПСС с 1913 г. Участник Февральской и Октябрьской революций и гражданской войны. В 1919 г.— член Военно-революционного трибунала Восточного фронта, затем V армии. С 1922 г.— на советской и хозяйственной работе.
- Блохин Александр Дмитриевич* — член КПСС с 1903 г., участник революции 1905—1907 гг. После Октябрьской революции — в Красной Армии, затем на советской и партийной работе.
- Богданов Николай Петрович* — член КПСС с 1914 г. В Октябрьские дни 1917 г.— секретарь профсоюза строителей Петрограда, депутат Петроградского Совета и член Исполнительной комиссии Петроградского совета профсоюзов. Делегат VIII Всероссийского съезда Советов. С 1918 по 1928 г.— секретарь и председатель ЦК профсоюза строителей. В последующие годы находился на хозяйственной работе.
- Бодякишин Иван Харитонович* — член КПСС с 1917 г. Учителем до призыва в царскую армию. В 1917 г.— один из руководителей большевистской организации Ржева и военного гарнизона, член полкового комитета и городского Совета рабочих и солдатских депутатов. Делегат II, III, V, VIII Всероссийских съездов Советов. Вел партийную и советскую работу в Твери, Иванове, Мордовской АССР, на Украине. Последние годы работал в Наркомпросе, затем преподавал в московских вузах.

Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич — старый член Коммунистической партии. С 16 лет участвовал в революционном движении. Профессиональный революционер, близкий друг и соратник В. И. Ленина. Один из организаторов большевистской печати и партийного книгоиздательства в годы первой русской революции. Активный участник Февральской и Октябрьской революций. С первых дней Советской власти и до 1920 г. — управляющий делами Совета Народных Комиссаров. В дальнейшем на научно-исследовательской работе в области истории и этнографии. Был директором Государственного литературного музея. Затем директором Музея истории религии и атеизма Академии наук СССР.

Бонч-Бруевич Михаил Дмитриевич — один из первых крупных военных специалистов, ставших на сторону Советской власти. Был начальником штаба верховного главнокомандующего, военным руководителем Высшего военного совета, начальником Полевого штаба Реввоенсовета республики. Ряд лет находился в распоряжении Реввоенсовета республики.

Борисова Раиса Борисовна — член КПСС с 1912 г. Участница революционного движения с 1905 г., за революционную работу ее неоднократно заключали в тюрьму. После Октябрьской революции на партийной работе.

Бочаров Петр Иванович — участник революционного движения с 1900-х годов, член большевистской партии с января 1917 г. В 1918 г. — помощник чрезвычайного комиссара в Шемахинском партизанском отряде; в 1919 г. — один из организаторов доставки горячего из Баку в Астрахань. В Азербайджане работал инспектором ЦК КП Азербайджана, членом коллегии бакинской РКК, заведующим инструкторско-информационным отделом НКВД. В годы Великой Отечественной войны — заместитель командира дивизии по политчасти.

Бош Евгения Богдановна — член партии с 1901 г. Активный участник Февральской и Октябрьской революций 1917 г. С 1918 г. — на партийной, военной и советской работе.

Бричкина Софья Борисовна — член большевистской партии с 1903 г. С мая 1919 г. работала заведующей канцелярией, затем секретарем СНК, секретарем-протоколистом Политбюро ЦК и пленумов ЦК, одновременно была зам. управделами ЦК партии. С 1921 по 1935 г. — на работе в Коминтерне, затем зам. заведующего секретариатом ВЦИК.

Буденный Семен Михайлович — член партии с 1919 г. В 1919—1921 гг. командовал кавалерийской дивизией, кавалерийским корпусом, затем Первой Конной армией, сыгравшей выдающуюся роль в разгроме белогвардейских войск Деникина, белополяков и Врангеля. В мае 1921 г. был назначен членом Военного совета Северо-Кавказского военного округа. С 1937 г. — командующий войсками Московского военного округа. С 1939 г. — заместитель наркома обороны. В годы Великой Отечественной войны занимал ряд командных постов в Советской Армии. С VIII съезда Советов РСФСР был непрерывно членом ВЦИК, ЦИК СССР, депутатом Верховного Совета СССР, с 1938 г. — членом Президиума Верховного Совета СССР. На XVII съезде партии был избран кандидатом в члены ЦК ВКП(б), на XVIII съезде — членом ЦК ВКП(б).

Булышкин А. А. — член КПСС с 1912 г. Рабочий завода «Айваз»

в Петрограде. После Октябрьской революции — в рядах Красной Армии, затем на советской и руководящей хозяйственной работе.

Вайман Иван Андреевич — член КПСС с 1917 г. Заместитель народного комиссара художественно-исторических имуществ и комиссар управления народными дворцами.

Варга Дьюла — во время первой мировой войны как военнопленный венгр попал в Россию. После Октябрьской революции — один из командиров интернациональных частей в Советской России, принимал участие в подавлении контрреволюционных мятежей. После освобождения Венгрии от фашистских захватчиков возвратился на родину и был на руководящей работе.

Васильев А. Е. — в 1918 г. был председателем заводского комитета на Путиловском заводе в Петрограде. После окончания гражданской войны в 1921 г. работал в Москве председателем треста тяжелого машиностроения, по заданию В. И. Ленина был направлен на работу в губернский экономический совет в Петрограде.

Вахрамеев Иван Иванович — активный участник Октябрьской революции, делегат II Всероссийского съезда Советов, председатель Военно-морского революционного комитета, созданного вместо Центрофлота, член коллегии Народного комиссариата по морским делам, уполномоченный Реввоенсовета республики по снабжению военно-морских сил. В дальнейшем на административной, военной и преподавательской работе.

Вацетис Иоаким Иоакимович — видный советский военный деятель, в прошлом офицер царской армии. После Октябрьской социалистической революции находился на службе в Вооруженных Силах Советской республики. Участвовал в подавлении левозсеровского мятежа в Москве в качестве командира Латышской стрелковой дивизии. Позднее — командующий Восточным фронтом. В сентябре 1918 г. — июле 1919 г. был главнокомандующим Вооруженными Силами РСФСР. С 1921 г. — старший преподаватель в Военной академии им. М. В. Фрунзе.

Вейсброд Борис Соломонович — советский хирург и общественный деятель, член большевистской партии с 1904 г. В 1917 г. руководил отделом здравоохранения первого Замоскворецкого Совета, был комиссаром лечебных учреждений. В 1919—1920 гг. — председатель Чрезвычайной комиссии по борьбе с эпидемиями на Туркестанском и Юго-Западном фронтах. С 1922 г. — главный врач 2-й Градской больницы в Москве. Принимал участие в лечении В. И. Ленина.

Вильямс Альберт Рис — прогрессивный американский деятель и публицист. Впервые приехал в Россию вместе с Джоном Ридом летом 1917 г. В мае 1918 г. вступил в ряды Красной Армии. Организовал Интернациональный легион. Вернувшись на родину, написал книгу очерков о вожде Октябрьской революции «Ленин — человек и его дело», изданную в Нью-Йорке в 1919 г.

Винокуров Александр Николаевич — член большевистской партии с 1893 г., по профессии врач. После Октябрьской революции — председатель Совета врачебных коллегий, затем нарком социального обеспечения, в последние годы жизни работал в Наркомздраве СССР. Был членом ВЦИК и ЦИК СССР.

Волин Борис Михайлович — член большевистской партии с 1904 г.,

- партийный и советский работник. Активно участвовал в революции 1905—1907 гг. Участник Февральской и Октябрьской революций 1917 г. в Москве. С 1918 г.— на советской и партийной работе. Делегат VIII, IX и XVI съездов партии. Участник Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. С 1945 г.— научный сотрудник Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.
- Гернади Карой* — венгр, учитель. В первую мировую войну попал в Россию как военнопленный. В конце 1917 г. встречался с В. И. Лениным, а затем в феврале 1918 г. при его содействии возвратился в Венгрию и примкнул к революционному движению.
- Герр Евгения Моисеевна* — член партии с 1918 г. Участница Октябрьской революции и гражданской войны. Активно участвовала в коммунистическом движении молодежи, была членом ЦК РКСМ первого созыва. После гражданской войны на партийно-журналистской работе.
- Гиль Степан Казимирович* — член КПСС с 1930 г. С 1917 по 1924 г.— шофер В. И. Ленина.
- Гоннер Серафима Ильинична* — член большевистской партии с 1903 г. Участница трех революций. После Февральской революции 1917 г. работала на Украине. В 1928—1938 гг.— член ЦК КП(б)У и кандидат в члены Исполкома Коминтерна. Затем работала в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.
- Горбунов Николай Петрович* — член партии с 1917 г. После Октябрьской революции — секретарь Совнаркома и личный секретарь В. И. Ленина. В 1919—1920 гг.— на политической работе в Красной Армии, член Реввоенсовета XIII и XIV армий, затем — управделами СНК РСФСР, управделами СНК СССР и СТО. Позднее на ответственной партийной, советской и научной работе.
- Гордиенко Илья Митрофанович* — член большевистской партии с 1905 г. В 1917 г.— рабочий Выборгской стороны в Петрограде. Активный участник Октябрьской революции и гражданской войны. В последующие годы на партийной и профсоюзной работе.
- Гразкин Дмитрий Иванович* — член большевистской партии с 1909 г. Участник I, II и III съездов Советов крестьянских депутатов. Член ВЦИК шести созывов. В 1918 г. работал в ВЧК, потом на ответственных постах в Красной Армии. В последующие годы на руководящей советской, хозяйственной и партийной работе.
- Данишевский Карл Христианович (Герман)* — член большевистской партии с 1900 г., видный деятель революционного движения в Латвии. После Октябрьской революции — член Реввоенсовета республики и Реввоенсовета Восточного фронта, председатель Ревтрибунала республики. С 1921 г.— на административно-хозяйственной работе.
- Драбкина Елизавета Яковлевна* — советская писательница. Выросла в семье революционеров. Часто бывала в семье Ленина. Написала о нем повести и воспоминания.
- Жига (Смирнов) Иван Федорович* — советский писатель-очеркист. Член большевистской партии с 1917 г. Участвовал в большевистском подполье, в Октябрьской революции и в гражданской войне. В 1918—1922 гг. работал в ВЧК. В дальнейшем на литературной и редакторской работе.
- Залепин Иван Григорьевич* — член КПСС с 1917 г. Кондуктор поездов. После Февральской революции 1917 г.— красногвардеец.

- Сопровождал первый поезд с сибирским хлебом в подарок петроградским рабочим.
- Замойский (Зевалкин) Петр Иванович* — советский писатель. Член большевистской партии с 1918 г. Делегат VI Всероссийского чрезвычайного съезда Советов.
- Заславский Петр Савельевич* — член большевистской партии с 1905 г. Участник первой русской революции. В феврале 1917 г. участвовал в организации Совета рабочих и солдатских депутатов в Одессе. Вел партийную работу в ряде городов. В дальнейшем на дипломатической, советской и профсоюзной работе.
- Землячка Розалия Самойловна* — видный деятель Коммунистической партии и Советского государства. В революционное движение вступила в 1893 г., с 1901 г. — агент «Искры», вела работу в Одессе и Екатеринославе. Участвовала во II съезде РСДРП. Работала секретарем Петербургской партийной организации и была ее делегатом на III съезде партии. После Октябрьской революции находилась на ответственной партийной и советской работе.
- Ибрагимов Шаймардан Нуриманович* — член большевистской партии с 1915 г. С 1917 г. — на партийной работе.
- Иванов Андрей Васильевич* — рабочий Путиловского (ныне Кировского) завода. В апреле 1918 г. избран председателем общезаводской комиссии по закупке продуктов для рабочих. 10 мая 1918 г. как представитель рабочих Петрограда был принят В. И. Лениным. С 1924 г. работал на строительстве электростанций.
- Иванов Н. Я.* — рабочий завода им. Владимира Ильича (быв. Михельсона), член КПСС с 1902 г., присутствовал на митинге 30 августа 1918 г., на котором выступал с речью В. И. Ленин.
- Идман Карл* — дипломат, доктор юридических наук; в 1917 г. — советник представительства Финляндии в Петрограде. В 1925—1927 гг. — министр иностранных дел в Финляндии. В последние годы жизни занимался литературной работой.
- Каменев Сергей Сергеевич* — офицер старой армии (полковник), после Октябрьской революции перешел на сторону Советской власти. С сентября 1918 г. — командующий Восточным фронтом. С июля 1919 г. по апрель 1924 г. — Главнокомандующий Вооруженными Силами республики. В дальнейшем на ответственной военной работе. В 1930 г. вступил в партию.
- Кедров Михаил Сергеевич* — партийный и государственный деятель. Член большевистской партии с 1901 г. С мая 1917 г. — член Военной организации при ЦК РСДРП(б) и Всероссийского бюро большевистских организаций, один из редакторов «Солдатской правды». После Октябрьской революции — на ответственных военных постах, на руководящей работе в ВСНХ, Наркомздраве и других учреждениях.
- Коковизин Михаил Николаевич* — член КПСС с 1903 г. Активный участник революции 1905 г. В 1917 г. — зам. председателя Ревкома Юго-Западного фронта. В дальнейшем на ответственной партийной и советской работе.
- Колесников Василий Тимофеевич* — член Коммунистической партии с 1918 г., участвовал в гражданской войне. После окончания войны находился в рядах Красной Армии на ответственной политической работе.
- Коллонтай Александра Михайловна* — принимала участие в рево-

люционным движении с 90-х годов прошлого века. Член партии большевиков с 1915 г. После Февральской революции — член Исполкома Петроградского Совета, вела работу среди матросов Балтийского флота и солдат Петроградского гарнизона. После Октябрьской революции — нарком государственного призрения. В дальнейшем на советской и дипломатической работе.

Кондрачев Я. М. — рабочий депо станции Москва-Сортировочная, член КПСС с 1918 г. Принимал участие в первом коммунистическом субботнике весной 1919 г.

Косиор Станислав Викентьевич — видный деятель Коммунистической партии и Советского государства. Член КПСС с 1907 г. За революционную работу подвергался преследованиям, был в ссылке в Сибири. После Февральской революции был членом ЦК РСДРП(б), возглавлял партийную организацию Нарвско-Петергофского района. После Октябрьской революции — на ответственной партийной работе, был секретарем ЦК ВКП(б), кандидатом и членом Политбюро ЦК ВКП(б).

Крупская Надежда Константиновна — выдающийся партийный и советский государственный деятель. Член партии с 1898 г. Жена В. И. Ленина. Вместе с Владимиром Ильичем активно боролась за создание большевистской партии. Была секретарем большевистских газет. После Октябрьской социалистической революции — член коллегии Наркомпроса РСФСР. Была участницей всех съездов партии (кроме I и V). С 1927 г. — член ЦК ВКП(б).

Крупский Михаил Александрович — племянник Надежды Константиновны Крупской, член КПСС с 1920 г. В 1918 г. добровольно вступил в Красную Армию в Петрограде. В 1920—1925 гг. — курсант училища командного состава флота и Морского инженерного училища в Петрограде. В дальнейшем на руководящей, преподавательской военной работе. Профессор.

Кузько Петр Авдеевич — в 1917 г. сотрудник Народного комиссариата продовольствия в Петрограде. Участник I Всероссийского продовольственного съезда Советов. В 1918 г. — член коллегии Наркомпрода, затем начальник Продармии при войсках внутренней охраны республики. С апреля 1920 г. — ученый секретарь литературного отдела Наркомпроса.

Лацис Мартын Янович — член КПСС с 1905 г., профессиональный революционер, участник трех революций. В 1917 г. — ответственный организатор Выборгского райкома РСДРП(б), член Петербургского комитета большевиков, делегат VI съезда партии. В дни Октября — член Военно-революционного комитета. После Октябрьской революции на советской, партийной и хозяйственной работе.

Лепешинский Пантелеймон Николаевич — член большевистской партии с 1898 г. Профессиональный революционер, агент «Искры». За революционную деятельность его неоднократно арестовывали. Был узником Петропавловской крепости, потом сослан в Сибирь, откуда бежал за границу. Активный участник трех революций. В ссылке и за границей сотрудничал с В. И. Лениным. После Октябрьской революции — член коллегии Наркомпроса РСФСР. В дальнейшем на партийной и советской работе.

Лозгачев-Елизаров Георгий Яковлевич — приемный сын М. Т. Елизарова и А. И. Ульяновой-Елизаровой — сестры В. И. Ленина. Член КПСС с 1929 г.

Ломоз А. (Оппоков Георгий Инполитович) — член большевистской партии с 1903 г. Партийную работу вел в Петербурге и других городах. После Октябрьской социалистической революции был наркомом юстиции и на другой ответственной партийной работе.

Людвинская Татьяна Федоровна — активный участник революционного движения. Член большевистской партии с 1903 г. Участник революции 1905 г. в Одессе. Неоднократно подвергалась арестам, тюремному заключению и ссылке. В 1907—1910 гг. вела партийную и профсоюзную работу в Петербурге. После Февральской революции — на руководящей партийной работе в Богородске (ныне Ногинск) и Москве. После Октябрьской революции — один из организаторов Красной гвардии, затем на партийной работе в Москве. Делегат VIII, X и XIV съездов партии.

Малкин Борис Федорович — член КПСС с 1918 г. С 1919 по 1921 г. руководил Центропечатью. В дальнейшем на издательской работе.

Мальков Павел Дмитриевич — член КПСС с 1904 г. Активный участник Октябрьской революции. С 29 октября 1917 г. — комендант Смольного, затем комендант Кремля. В дальнейшем на руководящей советской работе. Был членом ВЦИК.

Матвеев Федор Никифорович — рабочий. Член КПСС с 1910 г. Активный участник Октябрьской революции. После установления Советской власти — на партийной, хозяйственной и советской работе. Делегат XII съезда РКП(б).

Моисеев Григорий Моисеевич — рабочий Выборгской стороны в Петрограде. Член КПСС с июня 1917 г. В 1917—1918 гг. — красногвардеец. С 1918 г. — в Красной Армии сначала красноармейцем, затем комиссаром полка и дивизии. С 1925 г. — на хозяйственной работе.

Мясников (Мясникян) Александр Федорович — видный деятель Коммунистической партии и Советского государства. Член большевистской партии с 1906 г. Активный участник Октябрьской революции. В 1917—1918 гг. — главнокомандующий войсками Западного и Поволжского фронтов. В дальнейшем на военной и политической работе. С 1921 г. — председатель Совнаркома Армении и нарком по военным делам Армянской ССР. Один из организаторов Закавказской советской федерации, был первым секретарем Закавказского крайкома РКП(б) и членом Президиума ЦИК СССР, членом Реввоенсовета СССР.

Невский Владимир Иванович — член КПСС с 1898 г. Профессиональный революционер. Принимал активное участие в революции 1905 г., был членом Петербургского комитета РСДРП. В дни Октябрьского вооруженного восстания — член Петроградского военно-революционного комитета, затем — народный комиссар путей сообщения, заместитель председателя ВЦИК. Впоследствии на научной работе.

Николаев Аким Максимович — член партии большевиков с 1904 г. Участник первой русской революции. В 1918—1924 гг. — член коллегии Наркомпочтеля и председатель Радиосовета. В дальнейшем на дипломатической и хозяйственной работе.

Оцун Петр Адольфович — фотограф, несколько раз фотографировал В. И. Ленина. Создал альбомы по истории революции, Красной Армии и строительства национальных советских республик.

- Панферов Федор Иванович* — русский советский писатель. Член КПСС с 1926 г. Был делегатом на VIII съезде партии.
- Панюшкин Василий Лукич* — член большевистской партии с 1907 г. Партийную работу вел в Петербурге и на Балтийском флоте. Участник Октябрьской революции и гражданской войны. В 1919—1920 гг. работал в аппарате ЦК РКП(б). Затем находился на хозяйственной работе в Донбассе, ВСНХ, в торгпредстве СССР в Германии.
- Пестковский Станислав Станиславович* — член большевистской партии с 1902 г. Был в эмиграции. Активный участник Октябрьского вооруженного восстания; комиссар Главного телеграфа Петрограда. Участник гражданской войны. Впоследствии на ответственной партийной и дипломатической работе.
- Подвойский Николай Ильич* — видный партийный и советский работник, член большевистской партии с 1901 г. Активный участник первой русской революции. В Октябрьские дни — председатель Военно-революционного комитета в Петрограде. Один из строителей Красной Армии. В период гражданской войны на ответственной военной работе. На XIII, XIV и XV съездах партии избирался членом ЦКК ВКП(б). Последние годы жизни посвятил пропагандистской и литературной работе.
- Прокофьев Георгий Тимофеевич* — член КПСС с 1926 г., по профессии токарь. Участник Октябрьской революции и гражданской войны. В 1920 г. окончил Кремлевские пулеметные курсы, затем на советской и партийной работе.
- Рейнштейн Борис* — в революционном движении принимал участие с 1884 г. Эмигрировал в Америку. В Россию вернулся в 1917 г., примкнул к меньшевикам-интернационалистам. В апреле 1918 г. был принят в партию большевиков. Был делегатом I конгресса Коминтерна. В дальнейшем работал в Коминтерне и Профинтерне.
- Рид Джон* — американский журналист, приехал в Россию в 1917 г. в качестве военного корреспондента, примкнул к большевикам и принял участие в Великой Октябрьской социалистической революции. Автор книги «10 дней, которые потрясли мир». Джон Рид стал одним из основателей Коммунистической партии Соединенных Штатов Америки. Умер в Москве в 1920 г. и похоронен на Красной площади у Кремлевской стены.
- Рихтер З. В.* — советская писательница и журналистка.
- Розанов Владимир Николаевич* — видный хирург-клиницист. С 1910 г. заведовал хирургическим отделением Солдатенковской (ныне им. С. П. Боткина) больницы. Принимал участие в лечении В. И. Ленина. С 1931 г. — профессор Центрального института усовершенствования врачей.
- Салай Штефан* — корабельный плотник Комаринских верфей в Чехословакии. В дни Октябрьской революции находился в России. Здесь вступил в ряды Красной Армии и принимал участие в боях против интервентов и белогвардейцев.
- Свердлова (Повгородцева) Клавдия Тимофеевна* — активный участник революционного движения, член КПСС с 1904 г., жена Я. М. Свердлова. Принимала активное участие в работе нелегальных революционных марксистских кружков на Урале, в 1904 г. была избрана членом Екатеринбургского, в 1906 г. — Пермского комитетов РСДРП. Неоднократно подвергалась арестам и ссылке. В 1917—1918 гг. заведовала большевистским книгоизда-

тельством «Прибой». В марте 1918 г. была утверждена помощником секретаря ЦК РКП(б) и до 1920 г. заведовала секретариатом ЦК РКП(б). В 1920—1925 гг. возглавляла отдел детских учреждений ВЦИК, затем работала в ряде издательств.

Семашко Николай Александрович — видный деятель Советского государства, один из организаторов здравоохранения. Член РСДРП с 1893 г. Принимал участие в подготовке Октябрьского вооруженного восстания. В 1918—1930 гг. — народный комиссар здравоохранения РСФСР. В 1930 г. перешел на работу во ВЦИК. С 1944 г. — действительный член Академии медицинских наук, с 1945 г. — Академии педагогических наук РСФСР. С 1947 г. директор Института организации здравоохранения и истории медицины Академии медицинских наук СССР.

Семенов А. С. — врач, работал в 151-ом военном госпитале в Москве, который осенью 1919 г. посетил В. И. Ленин вместе с Н. К. Крупской и Н. А. Семашко, беседовал с ранеными красноармейцами об их здоровье, питании и лечении и выступил с сообщением о положении дел на фронтах, о разгроме Юденича, об успехах борьбы против Деникина. В своих воспоминаниях Семенов А. С. описал эту встречу.

Сергеева Ю. П. — работница-красногвардеец.

Смилга Э. Э. — латышский стрелок.

Соколов Герасим Сергеевич — рабочий-ткач. Член большевистской партии с 1903 г. В 1906—1908 гг. — на военной службе, за революционную работу среди солдат был выслан. После Октябрьской революции — на профсоюзной и партийной работе. Участник гражданской войны. Затем на партийной и советской работе.

Соломенцев Д. С. — рабочий, член большевистской партии с 1905 г. В январе 1918 г. был делегатом от Тулы на III Всероссийский съезд Советов. В 1918 г. — председатель губернского революционного трибунала и комиссар юстиции, военный комиссар Веневского уезда. Впоследствии на советской и партийной работе.

Становов В. М. — ст. фейерверкер гвардейской конной батарее. С февраля 1918 г. — начальник Отдельного Выборгского артиллерийского дивизиона. Принимал участие в разгроме немецких войск, двигавшихся из Пскова на Петроград.

Стасова Елена Дмитриевна — старейший деятель революционного движения. Член большевистской партии с 1898 г. За революционную подпольную деятельность неоднократно подвергалась арестам, тюремному заключению и ссылке в Сибирь. С февраля 1917 г. до марта 1920 г. — секретарь ЦК партии. Затем на ответственной партийной работе.

Тер-Арутюнянц Михаил Карпович — член КПСС с 1917 г. Был членом комитета военных организаций при Петроградском комитете. В Октябрьские дни — комиссар арсенала Петропавловской крепости. В годы гражданской войны — на руководящей военной работе. С 1924 г. — на советской и педагогической работе.

Тиссэ Эдуард Казимирович — советский кинооператор, заслуженный деятель искусств РСФСР и Латвийской ССР. Член КПСС с 1940 г. В годы гражданской войны создал ряд исторических кинодокументов.

Тодорский Александр Иванович — член КПСС с 1918 г. После Февральской революции — председатель полкового комитета. После демобилизации старой армии был членом Восьмого

уисполкома Тверской губернии, редактором «Известий Весъегонского Совета Депутатов» и «Красного Весъегонска». С 1919 г. — в Красной Армии. В годы гражданской войны был на Южном, Кавказском и Туркестанском фронтах командиром бригады, дивизии. Впоследствии занимал высшие командные должности в военных учреждениях. В 1955 г. уволен в запас в звании генерал-лейтенанта.

Ульянова Мария Ильинична — сестра В. И. Ленина. С 1898 г. — профессиональный революционер. Неоднократно подвергалась арестам, тюремному заключению и ссылке. Была агентом «Искры». После Февральской революции с марта 1917 г. до весны 1929 г. — член редколлегии и ответственный секретарь «Правды». В дальнейшем на партийной работе.

Ульянова-Елизарова Анна Ильинична — старый член Коммунистической партии, сестра В. И. Ленина. Участие в революционном движении начала принимать с 1886 г. Осенью 1898 г. вошла в первый Московский комитет РСДРП. В 1900—1905 гг. работала в организациях «Искры», в большевистских нелегальных газетах, была членом редакции газеты «Вперед». В 1904—1906 гг. держала связь с ЦК большевистской партии, находившимся за границей, и ведала финансовыми делами Петербургского комитета большевиков. В 1909—1910 гг. вела революционную работу в Саратове, в 1912—1914 гг. участвовала в работе большевистских печатных органов — «Правда», «Просвещение», «Работница». Неоднократно подвергалась арестам. После Февральской революции — секретарь редакции газеты «Правда», редактор журнала «Ткач», в 1918—1921 гг. заведовала отделом охраны детства в Наркомпросе РСФСР. Принимала деятельное участие в организации Истпарта ЦК РКП(б) и Института В. И. Ленина, была научным сотрудником Института, членом редакции журнала «Пролетарская революция».

Усанов Павел Иванович — член КПСС с 1919 г. Рабочий Путиловского завода в Петрограде. С 1920 г. — на комсомольской работе.

Фараго Дежё — венгр, в первую мировую войну попал в плен на русском фронте, примкнул к революционному движению; после Октябрьской революции участвовал в защите Советской России от врагов, работал среди военнопленных. После освобождения Венгрии от фашистских захватчиков вернулся на родину, занимал ряд руководящих постов.

Фонченко Василий Николаевич — член КПСС с 1914 г. С 1906 г. работал на железнодорожном транспорте. Участник Октябрьской революции в Москве. Затем на профсоюзной, партийной и советской работе.

Фотиева Лидия Александровна — член КПСС с 1904 г. Участница революции 1905 г. и Октябрьской революции. С 1918 г. — секретарь Совнаркома, СТО и секретарь В. И. Ленина. С 1933 г., до выхода на пенсию, на научной работе.

Фролов Борис Андреевич — член КПСС с 1918 г. Был секретарем Замоскворецкого РК РКСМ. Участник гражданской и Великой Отечественной войн. В Вооруженных Силах СССР прослужил непрерывно с мая 1919 г. по август 1957 г. В настоящее время — генерал-майор артиллерии в отставке.

Халевская Фаня Лазаревна — врач, заведующая лесной школой в Сокольниках, в которой зимой 1918/19 г. находилась Н. К. Крупская.

Цюрупа Александр Дмитриевич — видный деятель большевистской партии и Советского государства. Член партии с 1898 г. С ноября 1917 г. — заместитель, а затем нарком продовольствия. С конца 1921 г. — заместитель председателя Совнаркома и СТО. В 1922—1923 гг. — нарком РКИ. Потом председатель Госплана, нарком внутренней и внешней торговли. На XII—XV съездах партии избирался членом ЦК, был членом Президиума ВЦИК и ЦИК СССР.

Черкезов Сотир — учился в авиационной школе в Петербурге. Служил добровольцем в русской армии во время первой мировой войны. Встречался с В. И. Лениным.

Шацкин Лазарь Абрамович — видный деятель российского и международного юношеского движения. С мая 1917 г. — член большевистской партии, в комсомоле с июня 1917 г. Секретарь Московского комитета Союза молодежи при МК РСДРП(б). В 1918 г. был участником гражданской войны. В 1920—1921 гг. — первый секретарь Центрального комитета РКСМ, член ЦК РКСМ четырех созывов. Был делегатом ряда конгрессов Коминтерна. Участвовал в работах восьми съездов партии. Учился в Институте красной профессуры, потом был на партийной и государственной работе в Москве, Свердловске и Ташкенте.

Шлихтер Александр Григорьевич — партийный и советский государственный деятель. Член РСДРП с 1891 г. Активный участник первой русской революции. После Октябрьской революции комиссар Московского ВРК по продовольствию, нарком земледелия, нарком продовольствия РСФСР, чрезвычайный комиссар продовольствия в Сибири, потом Украины. В дальнейшем на партийной и дипломатической работе. Академик.

Штейнгардт (Грубер) Карл — ветеран австрийского рабочего движения, один из основателей Коммунистической партии Австрии (ноябрь 1918 г.). Делегат I, II и III конгрессов Коминтерна.

Эгге-Ниссен Адам — видный деятель рабочего движения Норвегии, один из основателей и руководителей Коммунистической партии Норвегии (1923). В конце 1917 г. приехал в Петроград с рабочей делегацией и был принят В. И. Лениным в первой половине января 1918 г., присутствовал на III Всероссийском съезде Советов. В 1945 г. в Осло вышла его книга «Жизнь в борьбе».

УКАЗАТЕЛЬ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- Абразумов Н. А.* Пост Смольный, комната № 67.— В кн.: Наш Ильич. Воспоминания рабочих о В. И. Ленине. Профиздат, 1969.
- Аврамов Роман.* Три встречи с В. И. Лениным.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 5. М., Политиздат, 1969.
- Алексеев И. И.* На посту.— В кн.: Вечно живой. Воспоминания современников о Владимире Ильиче Ленине. М., Политиздат, 1965.
- Андреев А. А.* О Владимире Ильиче Ленине.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 4. М., Политиздат, 1969.
- Антонов-Овсеенко В. А.* За работой (набег Краснова).— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 3. М., Политиздат, 1969.
- Антонов-Саратовский В. П.* В годы гражданской войны.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 3. М., Политиздат, 1969.
- Анцелович Н. М.* Встречи с В. И. Лениным.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 3-х ч., ч. 2. М., Госполитиздат, 1957.
- После Октября.— В кн.: Об Ильиче. Воспоминания питерцев. Л., Лениздат, 1970.
- Аралов С. И.* Ленин и организация Красной Армии.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 3-х ч., ч. 2. М., Госполитиздат, 1957.
- Аросев А. Я.* Наш Ильич.— В кн.: Живой Ленин. Воспоминания писателей о В. И. Ленине. М., Художественная литература, 1965.
- Астапкович Г. И.* Великий, простой, сердечный.— В кн.: Наш Ильич. Воспоминания рабочих о В. И. Ленине. Профиздат, 1969.
- Багоцкий С. Ю.* На родину.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 3. М., Политиздат, 1969.
- Барсова В. В.* В лесной школе в Сокольниках.— В кн.: Вечно живой. Воспоминания современников о Владимире Ильиче Ленине. М., Политиздат, 1965.
- Безыменский А. И.* Ленин на III съезде комсомола.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 4. М., Политиздат, 1969.
- Березовский Ф. А.* Ленин на трибуне.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 3. М., Политиздат, 1969.
- Бирюков С. М.* Самое дорогое (Воспоминания).— В кн.: Воспоминания медиков о В. И. Ленине. М., Медицина, 1964.
- Блохин А. Д.* Встречи с Лениным.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 3. М., Политиздат, 1969.
- Богданов П. П.* В. И. Ленин и рабочие-строители.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 3. М., Политиздат, 1969.

- Бодякин И. Х.* На II Всероссийском съезде Советов.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 3. М., Политиздат, 1969.
- Бонч-Бруевич В. Д.* Воспоминания о Ленине. М., Наука, 1965.
- Бонч-Бруевич М. Д.* Знакомство с В. И. Лениным.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 3. М., Политиздат, 1969.
- Борисова Р. Б.* В восемнадцатом году.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 3-х ч., ч. 2. М., Госполитиздат, 1957.
- Бочаров П. И.* Встреча с Лениным.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 3. М., Политиздат, 1969.
- Бош Е. Б.* О встречах и беседах с Владимиром Ильичем.— В кн.: Вечно живой. Воспоминания современников о Владимире Ильиче Ленине. М., Политиздат, 1965.
- Бричкина С. Б.* Малое о великом.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 3. М., Политиздат, 1969.
- Буденный С. М.* Встречи с Ильичем. М., ДОСААФ, 1970.
- Булышкин А. А.* Подарок от самарских рабочих.— В кн.: Наш Ильич. Воспоминания рабочих о В. И. Ленине. Профиздат, 1969.
- Вайман И. А.* С товарищем Лениным.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 3. М., Политиздат, 1969.
- Варга Дьюла.* Воспоминания красного командира.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 5. М., Политиздат, 1969.
- Васильев А. Е.* Ленин — вождь и друг трудящихся.— В кн.: Ленин — вождь Октября. Воспоминания петроградских рабочих. Лениздат, 1956.
- Вахрамеев И. И.* В первые дни Октября.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 3-х ч., ч. 1. М., Госполитиздат, 1956.
- Вацетис И. И.* Мятёж левых эсеров.— В кн.: Прометей. Историко-биографический альманах, серии «Жизнь замечательных людей», т. 4. М., Молодая гвардия, 1967.
- Вейсброт Б. С.* Живой Ильич.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 4. М., Политиздат, 1969.
- Вильямс Альберт Рис.* Ленин — человек и его дело.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 5. М., Политиздат, 1969.
- Ленин — человек и его дело.*— В кн.: О Ленине. Воспоминания зарубежных современников. 2-е изд. М., Политиздат, 1966.
- Винокуров А. Н.* Между жизнью и смертью.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 3. М., Политиздат, 1969.
- Волин Б. М.* Из воспоминаний.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 4. М., Политиздат, 1969.
- Гернади Карой.* Я был у Ленина.— В кн.: О Ленине. Воспоминания зарубежных современников. 2-е изд. М., Политиздат, 1966.
- Герр Е. М.* У колыбели комсомола.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 3. М., Политиздат, 1969.
- Гиль С. К.* Шесть лет с В. И. Лениным. Воспоминания личного шофера Владимира Ильича Ленина. 2-е изд. М., Молодая гвардия, 1957.
- Гопнер С. И.* Встречи в 1918 году.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 3. М., Политиздат, 1969.
- Горбунов Н. П.* Как работал Владимир Ильич.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 3-х ч., ч. 2. М., Госполитиздат, 1957.
- Как создавался рабочий аппарат Совета Народных Комиссаров.— В кн.: Об Ильиче. Воспоминания питерцев. Лениздат, 1970.

- Гордиенко И. М.* В ночь на 1918-й.— В кн.: Об Ильиче. Воспоминания питерцев. Лениздат, 1970.
- Гразкин Д. И.* Глубокое знание жизни трудящихся.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 3. М., Политиздат, 1969.
- Данишевский К. Х.* Встречи с Лениным в годы гражданской войны (1918—1921).— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 3. М., Политиздат, 1969.
- Драбкина Е. Я.* Раздумье.— В кн.: Живой Ленин. Воспоминания писателей о В. И. Ленине. М., Художественная литература, 1965.
- Жига И. Ф.* Ленинская правда.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 3. М., Политиздат, 1969.
- Залепин И. Г.* С делегацией сибиряков у Ленина.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 3. М., Политиздат, 1969.
- Замойский П. И.* Говорит Ильич.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 3. М., Политиздат, 1969.
- Заславский П. С.* Незабываемые встречи.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 3. М., Политиздат, 1969.
- Землячка Р. С.* Об Ильиче.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 2. М., Политиздат, 1969.
- Ибрагимов Ш. Н.* Незабываемые встречи.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 3. М., Политиздат, 1969.
- Иванов А. В.* В «крестовый поход» на кулака.— В кн.: Об Ильиче. Воспоминания питерцев. Лениздат, 1970.
- Иванов Н. Я.* Ленин в каждом из нас.— В кн.: Наш Ильич. Воспоминания рабочих о В. И. Ленине. Профиздат, 1969.
- Идман Карл.* Из воспоминаний финского министра.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 5. М., Политиздат, 1965.
- Каменев С. С.* Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 3. М., Политиздат, 1969.
- Кедров М. С.* Из красной тетради об Ильиче.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 3. М., Политиздат, 1969.
- Коковихин М. Н.* За власть Советов! — В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 3. М., Политиздат, 1969.
- Колесников В. Т.* Незабываемая встреча с Ильичем.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 3-х ч., ч. 2. М., Госполитиздат, 1957.
- Коллонтай А. М.* Звезды. Ленин думал о большом и не забывал о малом.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 3. М., Политиздат, 1969.
- Ленин в Смольном.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 2. М., Политиздат, 1969.
- Кондрагеев Я. М.* Дорогие воспоминания.— В кн.: Наш Ильич. Воспоминания рабочих о В. И. Ленине. Профиздат, 1969.
- Косиор С. В.* Из прошлого.— В кн.: Об Ильиче. Воспоминания питерцев. Лениздат, 1970.
- Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 1. М., Политиздат, 1968.
- Крупский М. А.* В семье Ильича.— В кн.: Об Ильиче. Воспоминания питерцев. Лениздат, 1970.
- Кузько П. А.* Борьба за хлеб.— В кн.: Вечно живой. Воспоминания современников о Владимире Ильиче Ленине. М., Политиздат, 1965.

- Лацис М. Я.* 1. Ночь в Смольном. 2. Разве можно было поступить иначе.— В кн.: Об Ильиче. Воспоминания питерцев. Лениздат, 1970.
- Лепешинский П. Н.* Мои последние встречи с Ильичем.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 3. М., Политиздат, 1969.
- Лозачев-Елизаров Г. Я.* Незабываемое. 5-е изд. Саратов, 1966.
- Ломов А. (Оппоков Г. И.)* Владимир Ильич в хозяйственной работе.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 3. Политиздат, 1969.
- Людвинская Т. Ф.* Нас ленинская партия вела... М., 1976.
- Малкин Б. Ф.* На крестьянском съезде.— В кн.: Об Ильиче. Воспоминания питерцев. Лениздат, 1970.
- Мальков П. Д.* Владимир Ильич Ленин.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 3. М., Политиздат, 1969.
- В Смольном и в Кремле.*— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 3-х ч., ч. 2. М., Госполитиздат, 1957.
- Записки коменданта Кремля. М., Молодая гвардия, 1968.
- Матвеев Ф. Н.* На II съезде Советов.— В кн.: Об Ильиче. Воспоминания питерцев. Лениздат, 1970.
- Моисеев Г. М.* Питерцы приветствуют вождя.— В кн.: Об Ильиче. Воспоминания питерцев. Лениздат, 1970.
- Мясников А. Ф.* Мои встречи с товарищем Лениным.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 3-х ч., ч. 2. М., Госполитиздат, 1957.
- Невский В. И.* Ленин и железнодорожники.— В кн.: Об Ильиче. Воспоминания питерцев. Лениздат, 1970.
- Николаев А. М.* Внимание Владимира Ильича к изобретениям и изобретателям.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 4. М., Политиздат, 1969.
- Оцун П. А.* Как я фотографировал Ленина.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 3-х ч., ч. 2. М., Госполитиздат, 1957.
- Панферов Ф. И.* Твердой поступью.— В кн.: Живой Ленин. Воспоминания писателей о В. И. Ленине. М., Художественная литература, 1965.
- Панюшкин В. Л.* Нужен хлеб.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 3. М., Политиздат, 1969.
- Пестковский С. С.* На все находилось у него время.— В кн.: Об Ильиче. Воспоминания питерцев. Лениздат, 1970.
- Подвойский Н. И.* В Октябрьские дни.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 3. М., Политиздат, 1969.
- Прокофьев Г. Т.* Клятва на верность революции.— В кн.: Вечно живой. Воспоминания современников о Владимире Ильиче Ленине. М., Политиздат, 1965.
- Рейнштейн Борис.* На пути к I конгрессу Коминтерна.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 5. М., Политиздат, 1969.
- Рид Джон.* 10 дней, которые потрясли мир.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 5. М., Политиздат, 1969.
- Рихтер З. В.* Первая годовщина.— В кн.: Живой Ленин. Воспоминания писателей о В. И. Ленине. М., Художественная литература, 1965.
- Розанов В. Н.* Из воспоминаний о Владимире Ильиче.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 3. М., Политиздат, 1969.

- Салай Штефан.* Солдат армии Ленина.— В кн.: О Ленине. Воспоминания зарубежных современников. 2-е изд. М., Политиздат, 1966.
- Свердлова К. Т.* Яков Михайлович Свердлов. М., Молодая гвардия, 1976.
- Семашко Н. А.* Ленин и здравоохранение в 1921 году. Незабываемый образ.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 4, т. 2. М., Политиздат, 1969.
- Семенов А. С.* В военном госпитале.— В кн.: Воспоминания медиков о В. И. Ленине. М., Медицина, 1964.
- Сергеева Ю. П.* Ленин — организатор и руководитель Октябрьского вооруженного восстания.— В кн.: Ленин — вождь Октября. Воспоминания питерских рабочих. Лениздат, 1956.
- Смилга Э. Э.* — Незабываемое. Рига, 1957.
- Соколов Г. С.* Воспоминания бывших красногвардейцев, матросов, красноармейцев.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 3-х ч., ч. 2. М., Госполитиздат, 1957.
- Соломенцев Д. С.* Самый человечный человек.— В кн.: Наш Ильич. Воспоминания рабочих о В. И. Ленине. Профиздат, 1969.
- Становов В. М.* Ленин — вождь и друг трудящихся.— В кн.: Ленин — вождь Октября. Воспоминания петроградских рабочих. Лениздат, 1956.
- Стасова Е. Д.* Воспоминания. М., Мысль, 1969.
- Учитель и друг.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 2. М., Политиздат, 1969.
- Тер-Арутюнянц М. К.* В. И. Ленин — военный руководитель в период становления Советской власти.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 3. М., Политиздат, 1969.
- Тиссэ Э. К.* Заметки кинооператора.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 3-х ч., ч. 2. М., Госполитиздат, 1957.
- Тодорский А. И.* Маленькая картинка для выяснения больших вопросов.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 3. М., Политиздат, 1969.
- Ульянова М. И.* Из воспоминаний.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 1. М., Политиздат, 1968.
- Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания об Ильиче.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 1. М., Политиздат, 1968.
- Усанов П. И.* Друг молодежи.— В кн.: Об Ильиче. Воспоминания питерцев. Лениздат, 1970.
- Фараго Дежё.* Я был солдатом Великого Октября.— В кн.: О Ленине. Воспоминания зарубежных современников. 2-е изд. М., Политиздат, 1966.
- Фонченко В. Н.* На Чрезвычайном съезде железнодорожников.— В кн.: Вечно живой. Воспоминания современников о Владимире Ильиче Ленине. М., Политиздат, 1965.
- Фотиева Л. А.* Из жизни Ленина. М., Госполитиздат, 1956.
- Фролов Б. А.* О днях давно прошедших, но незабываемых.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 3. М., Политиздат, 1969.
- Халевская Ф. Л.* Ленин у детей.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 3-х ч., ч. 3. М., Госполитиздат, 1961.
- Цюрупа А. Д.* Владимир Ильич и продовольственная политика.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 3. М., Политиздат, 1969.

Черкезов Сотир. За честь и славу пролетариата.— В кн.: О Ленине. Воспоминания зарубежных современников. М., Политиздат, 1966.

Шацкин Л. А. Ильич и союз.— В кн.: Вечно живой. Воспоминания современников о Владимире Ильиче Ленине. М., Политиздат, 1965.

Шлихтер А. Г. У Ильича.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 3. М., Политиздат, 1969.

Штейнгардт (Грубер) Карл. Встречи с великим Лениным.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 5. М., Политиздат, 1969.

Эгге-Ниссен Адам. У Ленина в Смольном.— В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине в 5-ти т., т. 5. М., Политиздат, 1969.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
<i>Глава первая. ЛЕНИН В СМОЛЬНОМ</i>	11
Октябрьская революция свершилась	13
В борьбе с мятежом Керенского	23
Первые дни Совнаркома	32
Смольнинские будни	62
Конец Учредительного собрания	74
Хлеб — голодным!	88
Мир — народам!	99
<i>Глава вторая. ФЛАГ НАД КРЕМЛЕМ</i>	125
Переезд правительства в Москву	127
Мы победили капитал, мы победим свою собственную неорганизованность	147
Битва за хлеб	160
Создание Красной Армии	172
<i>Глава третья. В ОГНЕННОМ КОЛЬЦЕ</i>	187
Безумная авантюра левых эсеров	189
Все для фронта, все для победы!	208
Роковой день	218
Ильич снова на посту	235
<i>Глава четвертая. В НЕЗАБЫВАЕМОМ 1919-м</i>	259
Поездка в Сокольники	261
Основание Коминтерна	271
Голод и эпидемии — грозная опасность	281
Съезд принимает программу строительства социализма	302
Все силы на разгром врага!	313
Краткие биографические сведения об авторах воспоминаний	340
Указатель использованных источников	352

Л45

Ленин. У руля Страны Советов: По воспоминаниям современников и документам. В 2-х т. Т. 1. 1917—1919 / Сост. Н. С. Червинская, Н. С. Червинская; Под ред. В. И. Старцева.— М.: Политиздат, 1980.— 358 с., ил.

В двухтомном издании ленинградские авторы Н. С. Червинская и Н. С. Червинская обобщили и систематизировали огромный документальный материал, в том числе и воспоминания современников о жизни и деятельности В. И. Ленина на посту Председателя Совета Народных Комиссаров. Собранный воедино, этот материал составляет цельное сюжетное повествование о деятельности вождя Коммунистической партии, главы первого Советского правительства в самый сложный и трудный период жизни Страны Советов.

Издание иллюстрировано и рассчитано на массового читателя.

Л $\frac{10103-146}{079(02)-80}$ 88—79 0103020000

13.55
3К26.3

Ленин. У руля Страны Советов, т. 1.

Заведующий редакцией

Н. Р. Андрухов

Редактор

Г. П. Шкаренкова

Младшие редакторы:

Г. А. Карликова, Н. И. Коршикова

Художник

И. И. Иванова

Художественный редактор

О. Н. Зайцева

Технический редактор

В. П. Крылова

ИБ № 2100

Слано в набор 06.08.79. Подписано

в печать 20.11.79. А01879.

Формат 84×108¹/₃₂.

Бумага типографская № 1.

Гарнитура «Обыкновенная новая».

Печать высокая.

Условн. печ. л. 19.85. Учетно-изд. л. 19.53.

Тираж 100 000 (20 001—100 000) экз.

Заказ № 4562. Цена в тканевом переплете 85 коп.,
в бумажном переплете 1 руб.

Политиздат. 125811. ГСП.

Москва, А-47. Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография

«Красный пролетарий».

103473, Москва, И-473.

Краснопролетарская, 16.

1 руб.

